Родная Ладога

№ 2(24)' 2013

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Заместитель главного редактора,
заведующая литературным отделом
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»;

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); ***Агафонов Николай, протоиерей*** (Самара); ***Громов А. В.*** (Самара); ***Денисов Н. В.*** (Тюмень); ***Казин А. Л.*** (Санкт-Петербург); ***Коняев Н. М.*** (Санкт-Петербург); ***Корольков А. А.*** (Санкт-Петербург); ***Корытин С. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Орлов Б. А.*** (Санкт-Петербург); ***Попов Г. А.*** (Орел); ***Сдобняков В. В.*** (Нижний Новгород); ***Семёнов В. Е.*** (Санкт-Петербург); ***Смолькин И. А.*** (Псков); ***Швечиков А. Н.*** (Санкт-Петербург); ***Ясенев В. А.*** (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — советник заместителя председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына.

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) — сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

Княгиня *ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна* (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Олег Селедцов. Смертию смерть поправ. *Пасхальный рассказ* 5
Дмитрий Рогозин. Жандарм. *Из повести «Барон Жолток»* 30
Юрий Бондарев. Мгновение той великой войны. *Рассказы* 125
Александр Сегень. Дедов крест. *Рассказы* 303
Николай Дорошенко. Рассказ о ненаписанном рассказе 326

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Николай Коняев. Как деревня Вихтула стала Лаврой. *К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры* 11
Борис Сергуненков. «Александро-Невское Братство» на службе Церкви и Отечеству. *К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры* 18
Валерий Ганичев. «Воодушевленный высшим идеалом». *Всемирному Русскому Народному Собору 20 лет* 39
Владимир Мединский. Мифы о России. *Отрывок из книги* 241

ПАМЯТОСЛОВ

Виктор Лихоносов. Светлый князь. Так жили русские люди — от Царя, Великих Князей и до калики перехожего. *К 400-летию Дома Романовых* 24
Анвар Азимов. Сергей Баруздин. Михаил Цвигун. Игорь Халевинский. Воспоминания о Сарваре Азимове 218

ПОЭЗИЯ

Василий Казанцев 36
Николай Рачков 104
Магомед Ахмедов 231
Владимир Молчанов 237
Сергей Корытин 297
Владимир Скиф 300

МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). «Драгоценная ноша». *Православие и русская культура* 53
Владимир Крупин. Молитва матери 82
Юрий Лощиц. Клейкие листочки 87
Борис Ключников. Расовое табу. *Главы из нового исследования «Большая Европа В. Путина» (Кто «за» и кто «против»)* 189

Родная РЕЧЬ

Валентин Распутин. Мы обязаны это сделать 78

ИСКУССТВО

Виктор Захарченко. Давайте учиться искать! 91

Русские СУДЬБЫ

Татьяна Доронина. «Хочу играть Чехова». *Из дневника актрисы* 96

Доспехи

Михаил Ножкин. Победа будет за нами! 107

Точка зрения

Евгений Титков. Сталин: истоки полководческого таланта. *Обретение военного опыта на фронтах Гражданской войны* 112
Петр Гайек. Перевод с чешского: **А. Колмаков**. Смерть в бархате. *Отрывки из книги* 207
Александр Дугин. Русские должны спасти мир 258
Михаил Леонтьев. «По сравнению с 1913 годом» 278
Леонид Савин. Наше общество и его враги 286
Николай Милоченко. «Бескультурье оккупировало нашу жизнь» 331

Дороги войны

Павел Назаров. Это было недавно, это было давно. *Воспоминания. К 68-летию Великой Победы* 134

Лествица

Архимандрит Тихон (Секретарев). «После Победы уйти в монастырь…». *Архимандрит Алипий — духовный подвижник* 153

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы 160

Поэзия дипломатов

Моя Смоленка. *Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России* 171

На рубеже цивилизаций

Александр Вавилов. Хмурые горизонты мира на Ближнем Востоке 177

Славянское братство

Виктор Пархимович. Чудесный край Словакия 200

Стратегия

Иржи Опршал. К итогам президентских выборов в Чехии 213

Национальная безопасность

Сергей Кара-Мурза. Аномия: особенности российской болезни 251
Леонид Ивашов. Что нужно, чтобы обеспечить нашу национальную безопасность? 290
Геннадий Красников. «Отечество Пушкина в опасности!..». *Размышления в связи с выходом антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..»* 312

Пути познания

Вардан Багдасарян. Степан Сулакшин. Анатомия Родины. Социальная система как живой организм 270

ПРОЗА

Олег СЕЛЕДЦОВ

СМЕРТИЮ СМЕРТЬ ПОПРАВ

Пасхальный рассказ

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 году в г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат Министерства культуры России по итогам 2004 года, участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8-ми поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского III степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Майкопе, Республика Адыгея.**

Этой весной я умирал. Серьезно. Не фигурально там, а самым натуральным образом. Тут вот штука какая. Дожил я до сорока пяти и с медициной особо не пересекался. Ну, руку ломал в детстве, стоматологи, само собой разумеется, аппендицит… Грипп, ангина… Что еще? Свинка в раннем детстве… Вот и все, пожалуй. А тут вдруг прихватило. Да так, что в глазах темно, ноги не держат. В руках слабость такая, что к стыду своему сумку с вещами на антресоли закинуть не могу. Плюс одышка, гул в голове. Я не курю, алкоголь не употребляю, почти. Зарядка по утрам, гантельки. И вот такое вдруг. Подробно рассказывать не хочу. О болячках только начни. В любой поликлинике, сидя в очереди, вы, конечно же, слышали бесконечные повести о неизлечимых недугах и бессилии убийц в белых халатах. Тут даже если не четверть правды будет, и то волосы на голове дыбом становятся. А там больше, чем на четверть. Там, в очередях, можно совершенно увериться, что отечественная медицина способна излечить лишь ОРЗ, ОРВИ и детские болезни. Все остальные заболевания в нашей стране не лечатся, а лишь временно купируются и то за очень большие деньги. Но шут с ними — не об этом.

Службу на Прощеное воскресенье отстоял я с трудом. Вышел из храма в полубессознательном состоянии. Супруга едва ли не на руках несла меня домой. С остановками. Чтобы отдышаться обоим. Мне от слабости, ей от напряжения.

В понедельник вызвали врача. Диагноз стандартный — ОРЗ. Неделя освобождения от работы. Антибиотики. А мне с каждым днем все хуже и хуже. Из комнаты своей, простите, до туалета дойти не могу. Задыхаюсь.

И, главное, в храм не хожу. Пост начался. Люди церковные на

канон ходят, а я дома лежу. Обидно. Службы Великого канона святого Андрея Критского — самые мои любимые. Как там Шмелев их называл? «Ефимоны»? Чудесные службы, сакральное время.

Душа словно книга перед Господом пролистывается. И торжественно, и страшно, и радостно.

Страшно? Конечно, страшно. Недаром в торжественном сумраке храма, сливаясь в единый стон, плач, стенания, заполняя собой все: и церковь, и молящихся, и шелест ангельских крыл, звучит заветное: «Душе моя, душе моя, восстани, что спи́ши? Конец приближается…» Конец? Неужели конец? И катится, катится по щеке горькая, скорбная почти капля. Медленно катится, запоздало. А, спохватилась, душенька? Боишься трепещишь? Теперь чего уж, теперь поздно, конец приближается. Но все, все! Не отчаивайся. Восстани! Взбодрись! Ведь Бог с нами!

И звучит радостное, озаряя сквозь скорбные дни светом грядущего Воскресения своды совсем уж укутавшегося в вечернюю мглу храма: «С нами Бог, разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог!» А если Бог с нами, то кто против нас? Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Вот и радость.

Но и Господь страдал. И клеветали на Него, и смеялись над Ним, и бичевали, и распинали. И, чтобы радость Воскресения вошла в сердце, нужно, обязательно нужно, пройти скорбным путем Христа. Через клевету, унижения, неправды и злобу, через побои и распятие. Нет в раю нераспятых. Кто готов следовать за Ним? Готовы?

Верные готовы. И впервые звучит с солеи к Богу клятвенное, молитвенное: «Господи и Владыко живота моего»…

Люблю эти службы. Не уходил бы из храма. До чего хорошо! И вот, искушение, всю первую неделю поста лежу в постели. Канон читаю по книжке, лежа. Не то, все это не то. До слез обидно. Не до покаянных слез. Тем обиднее.

Жена приходит с работы. Плачет. Жалеет меня. Ну, чего ты? Не все так уж плохо. Выкарабкаешься. Подумаешь ОРЗ. Все будет нормально. А сама все равно плачет.

Так прошла неделя. Докторша закрыла мой бюллетень, выписала меня на работу. Приперся я в свою контору, а там и свалился. Ну и пошло, поехало. Неотложка, больница, капельницы, процедуры. Больничный на месяц продлили. И вот лежу я в полубреду неделю, другую. Чуть-чуть полегче стало. А то ведь совсем помирал. Все перестало интересовать. Новости, газеты, семья. Лежал, в потолок уставившись, одного лишь хотел: чтобы поскорее сдохнуть, прости меня, Господи. Чтобы поскорее закончились мои мучения.

Но вот к концу третьей недели мне полегчало. Уже не задыхаюсь, в голове меньше стучит, давление нормализовалось. Врач, нормальный врач, не та, что прежде, настоятельно рекомендовала выходить гулять на свежий воздух. Минут на пять-десять. В сопровождении супруги, конечно, самому тяжело. Слишком слаб еще.

Стали выходить. Сначала на супругу, как на костылик, извините, опирался. А через недельку так расхрабрился, что на получасовую прогулку отважился. Почти без поддержки, почти самостоятельно.

И вот как-то в четверг, кажется, вышли мы с женой на прогулку. А погода расчудесная. Весна вообще-то в этом году холоднючая, ветреная, сырая, а тут, как по заказу, солнышко с утра, безветрие, тепло и на душе легко-легко. Я возьми и скажи супруге:

— Галчонок, мы с тобой все одним и тем же маршрутом выгуливаемся, давай сегодня в другую сторону пойдем, в частный сектор.

— Ну, давай, — соглашается. — Чего это вдруг тебя туда потянуло?

— Знаешь… К храму хочу сходить. К Михайловскому. Больше четырех недель в церкви не был.

— Так закрыта церковь-то, наверное. Почти шесть уже. Служба, пожалуй, закончилась.

— Ничего. Мне бы рядышком постоять, помолиться.

— А дойдешь? Далеко ведь.

— Дойду, зайка. А там, если что, такси возьмем.

— Ладно, пойдем.

А путь и в самом деле не самый близкий. Кварталов семь, наверное, по частному сектору. Но ничего. Идем помаленьку.

— Понимаешь, — говорю, — из-за этой болезни дурацкой у меня весь пост в этом году накрывается. Уж как я хотел на великий канон сходить. Эх. Видать грешил сильно.

— Не хотела тебе говорить, — смотрю, жена серьезная такая, побледнела даже, — Не хотела тебе говорить. Помнишь, что ты сказал мне в прошлом году после службы в первый четверг поста. Ну, вспомни. Голос тебе еще был.

И тут я вспомнил. Как током прошибло. А ведь правда, был мне голос. Уже закончил отец-настоятель читать последний тропарь покаянного канона. Уже архиерей с духовенством черными тенями исчезли в алтарной пещере храма, провожаемые пением ирмоса: «Бессеменного зачатия рождество несказанное…». Уже пономарь на клиросе зажег свечу, чтобы начать молитвенное чтение. И так покойно, так светло было на душе в этом царстве природной мглы, что хотелось самому стать частью возносящегося к небу ирмоса или исчезнуть в алтаре с архиереем и священниками. Как вдруг у самого моего уха кто-то тихо, но отчетливо произнес: «А ведь это последний раз».

Я резко обернулся. Никого. То есть стояли, конечно, в той стороне люди. Но никто, НИКТО из них не мог мне сказать тех слов, да еще и прямо в ухо. Удивился я. Испугался. Галине своей после рассказал. И забыл. С ней паника случилась. Плакала, капли пила, а я вот забыл. Утешал ее сначала, мол, ерунда, Галчонок. Мало ли что примерещится. И потом совсем не факт, что слова сии относятся лично ко мне. Может быть, речь идет о последней службе великого канона в этом году. Да мало ли! Вроде утешил. И забыл. А она не забыла. Помнила. Весь год помнила.

Вот и сейчас смотрю, едва не плачет. В пору самому в костылик обернуться. Поддержать ее.

— Ну, что ты, заинька. Ну, успокойся. На все воля Божия. Пойдем лучше. Пойдем.

Так и шли молча, глядя не по сторонам — в себя. И как-то так легко, словно и не болен я вовсе, очутились у Свято-Михайловского храма. Глядим — в окошках свечи горят. Неужели служба еще не кончилась? Заходим. Народу много, но не битком. Постоять можно. Жена мне строго:

— Если почувствуешь себя плохо, сразу уходим.

— Зайка, давай хоть минут десять постоим.

— Хорошо. Десять минут. Не больше.

Я прислушиваюсь к пению хора. И тут… что это? Почему? Хор поет родное, знакомое: «Вонми, небо, и возглаголю, и воспою Христа от Девы плотию пришедшаго…»

Я удивленно гляжу на супругу, на хор, на священников. И лишь когда батюшка, слегка склонившись к раскрытой книге, начинает возглашать: «Согреших паче всех чаловек, един согреших тебе…», меня озаряет ярчайшей вспышкой радости. Канон! Ну конечно же! Сегодня четверг пятой недели поста. В этот день на утрени канон прочитывается полностью. Но как? Как я мог попасть сюда именно в этот день и час? Почему не пошел по привычному для моих вечерних прогулок маршруту? И…

Не нужно вопросов. С нами Бог. Разумейте языцы и покоряйтеся. Яко с нами Бог!

Мы достояли службу до конца. И домой летели, как на крыльях. Какое там такси! Душа пела и ликовала. Мы были просто счастливы. Я и моя жена. Бог подарил нам это маленькое счастье. За что? Вот растерзай меня тигр. Не знаю. Не постился. Роптал. Отчаивался. В безверие впадал. А надо же, такая радость. За что?!

А утром мне снова стало плохо. Но уже не роптал я на Господа, а принимал болезнь свою почти как некую награду, как некий, посланный свыше, физический пост, маленькое личное распятие во славу Христову. Это давало облегчение страданиям.

К обеду позвонила мама.

— Сынок, мы с папой все обдумали. Тебе обязательно нужно пособороваться. В эту субботу как раз в Троицком соборе будет соборование, так что…

— Мама. Ты шутишь?

Соборование. В моем-то положении. Если это шутка, то очень жестокая. Да сами судите, полный храм народу, почти давка, служба долгая. Напряженная, свечи, салфетки, полотенце, масло. Я еле-еле на ногах держусь, а тут… таинство:

— Мама, ты шутишь?

— Сынок, тебе сейчас это так нужно. Ты пойми…

— Мама. Я не хочу об этом говорить.

— Сынок. Ты погоди, успокойся, рассуди здраво…

— Не будем об этом говорить.

— Но сынок…

— Я сейчас брошу трубку. Мама, я чуть не сдох, извини, мне так плохо, а ты тут еще со своим соборованием.

И я, действительно, повесил трубку. Все во мне кипело от негодования. Ну, мама, ну, фанатичка. Человек умирает, а ей лишь бы обряд церковный исполнить. Мне опять стало плохо, появилась одышка, застучало в висках. Я лег. Попытался уснуть, но какой там. Эх, мама, мама, ну нельзя же так. Не чужой же я тебе человек. Сын все-таки.

Мама моя истовая христианка. Все посты монастырским уставом. Телевизор? Ни-ни! Боже упаси! Книги, газеты? Только православные. Ну, и все такое. Господи, что это я? Жалуюсь на нее? Осуждаю? Охо-хо. Прости, мама. Прости меня, Господи! Плохо мне. Ой, как плохо.

Сжал я зубы и, чтобы не расплакаться от жалости к себе любимому, взял со столика перед моей кроватью Евангелие. Я иногда делаю так: открываю на первой попавшейся странице, читаю бросившийся в глаза стих. Иногда именно в этом стихе нахожу ответы на наболевшие вопросы.

И вот сейчас… Хе. Уже предвижу, как некоторые скептики, расхохотавшись, закроют мой рассказ после этих строк, потрут руки от удовольствия, мол, очередная православная агитка. Мол, все у них, у православ-

ных, якобы промыслительно. И тот, кто ищет, тот всегда находит чудеса, исцеления и прочие приключения на свой фанатичный зад.

Но я не фанатик. Я, скорей, маловер. А то, о чем рассказываю, было на самом деле. Было. Хотите верьте, хотите нет, дело ваше. Но только открыл я книгу Нового Завета на соборном послании апостола Иакова. Стих, кажется, пятый. Прочел и ошалел. В пот меня бросило, судороги по ногам и рукам прошли. Вот что я прочел. Это правда: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его во имя Господне…»

Словом, вопрос с соборованием был решен. Я из упрямства и вредности еще покривлялся немножко перед телефонной трубкой, звоня маме:

— Значит так, мама, я не очень-то верю в действенность над собой этого таинства, но как сын за послушание исполню твою просьбу. Пособоруюсь.

Не стану описывать, как проходило таинство. Пару раз всего я садился на скамеечку во время службы. И вот ведь какая штука, к концу поста я чувствовал себя уже значительно лучше. На страстной я даже сходил на службу, причастился за литургией преждеосвященных даров. В великую субботу самостоятельно съездил к храму посвятить куличики и яички, которые красил тоже сам.

И вот пасхальная ночь.

Наверное, нет на земле настоящего русского человека, который не любил бы пасхальной ночи. Тут все кажется особым: и небо, и звезды, и воздух. А люди! Помню, совсем мальчишкой первый раз ходил смотреть на Пасхальный Крестный ход. Это еще в конце семидесятых было. Соседка сказала, что ночью у церкви люди будут ходить с зажженными свечами, мол, страшно до жути (ее выражение), ну я и упросил родителей отпустить меня с ней и еще с ребятами тайком, не заходя за церковную ограду, поглазеть на это жуткое зрелище. Родители после долгих уговоров согласились. Но строго запретили попадаться на глаза знакомым. Не дай Бог — в школе узнают. Мама так и сказала: «Не дай Бог!» По пионерской линии такой разнос будет — ого-го!

И вот стоим мы в толпе, припав лбами в шапках к ограде церквушки. Временами оглядываюсь, нет ли знакомых. И знакомые были. Но не здесь, в толпе, а там, за оградой, в огненном свечном хороводе. Вот комендант общежития, в котором мы жили. Вот знакомая продавщица из хлебобулочного отдела. А вот, о, ужас! Учительница биологии из нашей школы. Да-да! Та самая, что учила нас происхождению человека от обезьян. Идет, не прячется, подпевает что-то общему хору. И не страшно вовсе все это. Нет. Красиво, торжественно и даже… Радостно? Тьфу ты, напасть. Какая может быть радость в церковно-средневековом мракобесии? Это несчастные, забитые люди. Хотя… Комендант общежития весьма образован, много знает, книги у него редкие, интересные. И продавщица из хлебного всегда такая веселая, жизнерадостная. А учительница? Надо же. Надо же…

Прошло более десяти лет, прежде чем я сам впервые пришел пасхальной ночью в православный храм. И тут опять скептики могут веселиться и показывать мне фигу в кармане, ведь был это именно тот самый маленький деревянный бодайбинский Свято-Воскресенский храм, где когда-то наблюдал я первый Пасхальный Крестный ход.

Теперь я уже не мыслю свою жизнь без Пасхи. Без красных облачений духовенства, без красных же свечей, без счастливого льющегося со всех

сторон: «Христос воскресе!» Без этих разных, но до сердечного трепета родных, именно родных лиц.

Все радостно в эту ночь. И дорога к храму особенная. В память прочно врезаются встречные люди, маленькие мимолетные события, вершащиеся вокруг. Вот группа молодых людей, совсем еще зеленые мальчишки и девчонки, первокурсники, наверное, скинулись со своих стипендий, набрали лимонаду, сосисок, пряников, кагорчику купили, не без этого, идут отмечать. Вот пьяненький паренек двадцати двух, наверное, лет от радости лезет обниматься ко всем встречным. Вот в большом окне многоэтажки собрались люди вокруг круглого стола. У них тортик, салаты, водочка и опять-таки кагорчик. Дама читает что-то наизусть. Стихи, пожалуй. Наверное, это члены литобъединения решили вместе встретить Пасху.

И на душе светло-светло. И легко-легко. Ноги сами несут тебя к храму, где уже народищу… Не пробиться! Но пусть. Сегодня можно, сегодня нужно. Каждая тварь сегодня да хвалит Господа. Ведь вот-вот. Скоро. Совсем уже скоро. Тихо!!! На секундочку замолчите. Слышите? Слышите?! Ну, как же, вот.

«Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесех». Ангели! Поют. И нас сподоби, Господи! И мы будем, как можем. Главное, от души, чистым сердцем.

И уже забыты болезнь и боль, и отступила куда-то в небытие смерть, совсем недавно вершившая у моего изголовья скорбный свой танец. Нет никакой смерти. Есть только Он — вечная Жизнь, вечное Воскресение, вечная Радость. И уже охрип я до полной потери голоса, крича, что есть сил радостное: «Воистину воскресе!!!» Но даже в этом вынужденном безголосье царствует радость. Ведь дожили, сподобились, ведь совершилось, ведь… Воскрес!

И кто-то поздравляет меня. Справа, слева, опять справа. Кого-то знаю. Кого-то нет. Какая разница.

Поет хор. И я, выдавливая из охрипшего горла подобие звуков, подпеваю: «Воскресение Христово видевшее…». Мы видели. На наших глазах. Воскрес. В наших сердцах воскрес, в наших душах. Значит, и мы будем жить. Будем. С Ним будем.

Кто-то заботливо берет меня под руку. Жена.

— Как ты?

— Спрашиваешь!

Целую троекратно.

— Давай, наверное, потихонечку домой. Ты еще слаб для такой долгой службы.

— Что ты, солнышко, мне так хорошо, так хорошо.

Однако не спорю. Время далеко за полночь, давно идет литургия. Можно не спеша пойти к дому, где накрыт праздничный стол с большой красной свечой в ароматном куличе.

Мы выходим на воздух. Ах, какая ночь! Какая ночь. Дивная, радостная, пасхальная. Кто-то, проходя, кричит мне в ухо: «Христос воскресе!» Смеюсь, киваю головой и отвечаю. Не голосом, нет, чем-то рвущимся из груди. Теплым, счастливым. Всем отвечаю. Людям этим, звездам ярким-преярким, куполу церковному, лучащемуся в ночи, автомобильной россыпи в переулках у церкви, жене, памяти своей, совести своей:

— Воистину воскресе, родные мои! Воистину воскресе!!!

Николай КОНЯЕВ

КАК ДЕРЕВНЯ ВИХТУЛА СТАЛА ЛАВРОЙ

К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге**.

14 мая 1703 года на берегах Невы было теплым и солнечным…

В этот день Петр I, как утверждает анонимное сочинение «О зачатии и здании царствующего града С.-Петербурга», совершал плавание на шлюпках и с воды «усмотрел удобный остров к строению города»…

Государь высадился здесь, и тут раздался шум в воздухе, и все увидели «орла парящего». Слышен был «шум от парения крыл его».

Сияло солнце, палили пушки, а орел парил над Государем и в Пятидесятницу, когда Царь, вопреки советам фортификаторов, отверг не подверженное наводнениям место при впадении Охты в Неву и заложил новую крепость на Заячьем острове.

Тогда Государя сопровождало духовенство, генералитет и статские чины. На глазах у всех, после молебна и водосвятия, Петр I взял у солдата башнет, вырезал два куска дерна и, положив их крестообразно, сказал: «Здесь быть городу».

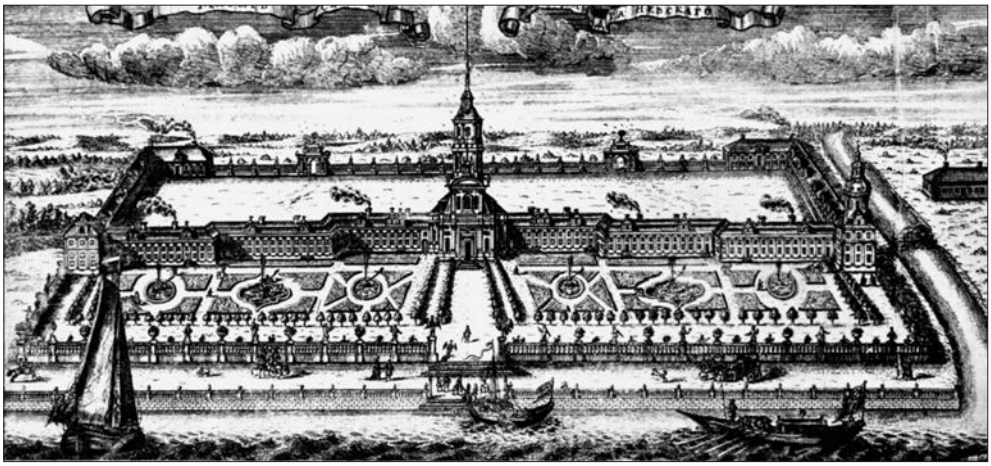
Потом в землю был закопан ковчег с мощами Андрея Первозванного. Над ковчегом соорудили каменную крышку с надписью: «От воплощения Иисуса Христа 1703 мая 16-го основан царствующий град С-Петербург Великим Государем Царем и Великим князем Петром Алексеевичем Самодержцем Всероссийским».

И снова возник в небе орел — «с великим шумом парения крыл от высоты спустился и парил над оным островом».

Однако закладка города этим не ограничилась.

Поразмыслив, Петр I приказал «пробить в землю две дыры и, вырубив две березы тонкие, но длинные, и вершины тех берез свертев», вставил деревца в землю наподобие ворот.

Орел же опустился с высоты и «сел на оных воротах».

Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра. Старинный рисунок

С ворот орла снял ефрейтор Одинцов и поднес его Государю, который пожаловал гордую птицу комендантским званием[1]…

1

У Александра Сергеевича Пушкина в знаменитом описании этих событий орлов нет…

На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.
И думал Он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.

Но хотя все тут подчеркнуто реалистично, первые строфы вступления к «Медному всаднику» возносят нас в петровскую мифологию, стремительнее ручных орлов, на которых оттачивало свое остроумие не одно поколение российских историков.

[1] «Оной орел зимовал во дворце; по построении на Котлине острову крепосьти святого Александра оной орел от Его Царского Величества во оной Александровой крепости отдан на гобвахту с наречением орлу комендантского звания».

Читая пушкинские строки, мы представляем Петра I стоящим на земле, на которую никогда не ступала нога русского человека, и в результате, с легкой руки поэта, в общественном сознании сложилось устойчивое убеждение, будто земли вокруг Петербурга в допетровские времена представляли собою неведомую и чуждую Православной Руси территорию.

И ведь известно, что свет Православия воссиял над Ладогой задолго до крещения Руси, и это отсюда, из древнего уже тогда Валаамского монастыря, уходил крестить язычников Ростовской земли преподобный Авраамий. И то, что самая первая столица Руси, Старая Ладога, тоже находится в двух часах езды от Санкт-Петербурга — неоспоримый факт. И русская крепость Орешек, которую всего за полгода до основания Петербурга отбил у шведов Петр I, тоже ведь стояла здесь почти четыре столетия…

Но все эти факты, а вместе с ними и вся веками намоленная русская земля, что окружала место закладки будущей столицы Российской Империи, одной только силою пушкинского гения оказались отодвинутыми от Санкт-Петербурга.

Однако Пушкин не был бы Пушкиным, если бы ограничился поставленными ему рамками. Читаешь «Медного всадника» и понимаешь, что А. С. Пушкин погружался в петровскую мифологию только для того, чтобы изобразить внутреннее состояние Петра I, чтобы объяснить выбор, сделанный первым русским Императором.

Место, где вскоре поднялся Санкт-Петербург, действительно, было ***пустым***. Из-за постоянных наводнений здесь не строили ничего кроме убогих изб чухонских рыбаков.

Но такое ***пустое*** место и искал Петр I. Он все делал сам, и даже когда совершал то, что было предопределено всем ходом русской истории, действовал так, как будто никакой истории не было до него, и вся она — это болезнь всех реформаторов в нашей стране! — только при нем и начинается.

Санкт-Петербург закладывался им, как город-символ разрыва новой России с Древней Русью.

Возможно подсознательно, но Петр I выбрал для города именно то место древней земли, которое, действительно, всегда было ***пустым***, которое и не могло быть никем населено в силу незащищенности от природных катаклизмов.

Сюда уводил Петр I созидаемую им Империю, здесь, на заливаемой наводнениями земле, пытался укрыть он от нелюбимой им Святой Руси ***свою*** веру в Бога.

2

Осуществить задуманное было невозможно, и хотя Петр I прилагал все силы, чтобы достичь своей цели, все получалось не так, как задумывал он, а так, как должно быть.

Особенно ярко проявилось это в истории закладки Александро-Невской Лавры.

Петр I знал, что вблизи основанного им Санкт-Петербурга в 1240 году произошла знаменитая Невская битва, в которой святой благоверный князь Александр Невский разгромил шведов…

По-видимому, никто из русских царей не искал помощи и покровительства святого благоверного князя Александра Невского так целеустремленно, как Петр I.

Никаких свидетельств, что святой князь покровительствовал Петру I в его битвах, не сохранилось, но то, что первый русский Император всячески стремился связать свои победы над шведами с именем Александра Невского, очевидно.

Неверным отзвуком аукнулся этот выбор и в выборе места будущего монастыря.

Как пишет П. Н. Петров, один из первых историков Петербурга, «на месте Александро-Невской Лавры находилась деревня Вихтула, которую первоначально описыватели местности Петербурга, по слуху, с чего-то назвали Викторы, приурочивая к ней место боя Александра Невского с Биргером».

Ошибка очевидная, но — увы! — очень многое в эпохе Петра I было составлено из таких ошибок. Впрочем, и ошибки эти тоже порою несли свет Божьего промысла…

Мысль о строительстве монастыря во имя Александра Невского окончательно оформилась у Петра I к 1710 году.

Как отмечено в его журнале за июль 1710 года: «Государь, будучи в Петербурге, осматривал места, где указал строить монастырь во имя Святой Троицы и святого Александра Невского».

Строительные работы начались на левом берегу Черной речки (Монастырки) 20 февраля 1712 года, и 14 июля была заложена деревянная Благовещенская церковь, которую освятили 25 марта 1713 года…

Новый монастырь по замыслу Петра должен был занять первенствующее место среди русских монастырей, и скоро здесь развернулось строительство каменных храмов.

Причем с каждым годом мысль эта становилась все навязчивей.

В конце мая 1723 года Петр I устроил шумные торжества с участием «дедушки русского флота», ботика «Св. Николай», который специально был доставлен по этому случаю в Шлиссельбург.

Здесь Петр I, как в далеком детстве, самолично спустил ботик на воду.

Сопровождаемый девятью галерами ботик поплыл в Петербург.

Грохотом барабанов, звоном литавр, ружейной пальбой приветствовали «дедушку русского флота» выстроенные вдоль берегов полки.

В Александро-Невском монастыре «дедушку» уже ожидала Императрица с министрами и генералитетом.

Был произведен салют и из орудий, стоявших на монастырских стенах.

Не рискнем утверждать, что именно детские воспоминания о плаваниях по Плещееву озеру, о Переславле-Залесском и определили решение перевезти в Петербург еще и святые мощи благоверного князя, но доподлинно известно, что вечером 29 мая 1723 года, накануне своего дня рождения, когда по бледному петербургскому небу уже рассыпались огни фейерверков, Петр I, вспомнив, что завтра еще и день рождения Александра Невского, приказал: обретающиеся в соборе Рождества Богородицы

во Владимире мощи благоверного князя перенести в Александро-Невский монастырь.

Срочно был изготовлен ковчег с балдахином для помещения в него раки с мощами. По описаниям ковчег был 5 аршин 10 вершков в высоту, в длину — 11 аршин, в ширину — 7 аршин. Несли ковчег 150 человек.

11 августа все приготовления были закончены, и после литургии и водосвятного молебна святые мощи вынесли из собора Рождества Богородицы через южные двери и поставили в ковчег. Тут и выяснилось, что ни через одни ворота ковчег не проходит. Монастырь словно бы не отпускал принявшего перед кончиной схиму Александра Невского…

Пришлось разбирать стену.

Однако задержки на этом не кончились. Когда несли ковчег через торговую площадь, тоже все время останавливались — ломали прилавки.

«И вынесли из города святые мощи с крестами и со звоном и с провожанием духовных персон и светских всяких чинов жителей, со множеством народа, несли святые мощи за город… — записывал в журнале архимандрит Сергий. — И вынесли, и поставили на Студеной горе».

Был уже вечер. Начинался дождь. Внизу, в городе, во всех церквях и монастырях не смолкал колокольный звон.

Путь оказался трудным и неподготовленным.

Как пишет в журнале архимандрит Сергий, «была остановка на реке за худым мостом, стояли долго и мост делали», а однажды — «мост под мощами обломился», иногда — «дождь во весь день и дорога огрязла».

18 августа мощи подошли к Москве. Весь день звонили тогда колокола в Первопрестольной.

26 августа — в Твери,

10 сентября были в Новгороде…

Перенесение мощей Александра Невского задумывалось по подобию перенесения с Соловков мощей святого Филиппа, митрополита Московского, осуществленного во времена правления отца Петра I Царя Алексея Михайловича.

И хотя и будущему Патриарху Никону пришлось преодолеть тогда на своем пути немало препятствий, он справился со своей задачей намного успешнее, нежели петровские посланцы.

Впрочем, могло ли быть иначе.

Во времена Никона праздником было само прибытие святых мощей в Москву. Петр I день прибытия святых мощей назначил, как он это любил, по своей «державной воле».

Государственная, державная символика — Петр I стремился подчеркнуть преемственность своего дела, божественный промысел основания Санкт-Петербурга — преобладала. Политический смысл затенял мистическую суть происходящего.

3

Только 16 сентября святые мощи прибыли в Шлиссельбург.

Уже безнадежно запаздывали к торжествам, намеченным Петром I в честь годовщины заключения Ништадтского мира, и решено было оставить

святые мощи благоверного князя Александра Невского в Шлиссельбургской церкви Благовещения на зиму…

Здесь они попали в печально-знаменитый шлиссельбургский пожар…

Грозное предупреждение видится в нем.

Подобно пожару, охватившему церковь Рождества Богородицы 13 мая 1491 года, когда распространилась в Москве ересь жидовствующих, шлиссельбургский пожар близок по времени к 17 мая 1722 года, когда по настоянию Петра I Синодом была отменена тайна исповеди. После отмены Патриаршества и введения Духовного регламента это был самый чувствительный удар, нанесенный Петром I по Русской Православной Церкви, которую как саму суть русской жизни всегда защищал Александр Невский…

Но мистическая суть перенесения мощей Александра Невского не ограничивалась этим предупреждением, ее не могло затенить никакое своеволие Петра I, и мы, живущие столетия спустя, ясно видим это…

Только на следующий, 1724 год, мощи Александра Невского прибыли в Санкт-Петербург. 30 августа 1724 года, в третью годовщину заключения Ништадтского мира, процессию встретил сам Император. Под пушечный салют и звон колоколов мощи были помещены в освященную к этому событию церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского.

«Встреча святыни в Петербурге была весьма торжественна, — пишет в своей монографии М. Хитров. — Император со свитой прибыл на галере к устью Ижоры. Благоговейно сняв святыню с яхты и поставив на галеру, Государь повелел своим вельможам взяться за весла, а сам управлял рулем. Во время плавания раздавалась непрерывная пушечная пальба. То и дело из Петербурга прибывали новые галеры с знатными лицами, а во главе их — "ботик Петра Великого", тоже отдавший салют своими небольшими медными пушками. Шествие приближалось к Петербургу. Мысли всех невольно неслись к той отдаленной эпохе, когда на берегах Невы и Ижоры Александр торжествовал свою победу над врагами. Шествие остановилось у пристани, нарочно для сего устроенной. Там святыню сняли с галеры, и знатнейшие особы понесли ее в монастырь».

На следующий день Император снова прибыл в Александро-Невскую обитель и раздавал здесь гравированный на меди план будущих монастырских построек. Тогда же установлено было праздновать торжество перенесения святых мощей ежегодно, 30 августа.

«Так, — пишет М. Хитров, — исполнилось заветное желание Петра Великого. Через полгода его не стало»…

Казалось бы, Петр I, как всегда, поступил по-своему.

Прибытие мощей святого благоверного князя Александра Невского состоялось, как и намечал он, в годовщину заключения победного для России Ништадтского мира. Державная воля Государя, пусть и с опозданием на год, одержала верх.

Но посмотрите, ***где*** встречают мощи!

В устье Ижоры…

Именно там, ***где*** и происходила Невская битва, хотя местом ее Петр I ошибочно считал территорию нынешней Александро-Невской Лавры. Свя-

той благоверный князь все же остановился на месте своей первой блистательной победы.[1]

И это ли не знак, явленный нам свыше?

Это ли не глагол, в сиянии которого меркнут все помпезные торжества, ожидающие процессию в Петербурге?

Повторим, что возведение святого благоверного князя Александра Невского в ранг небесного патрона новой русской столицы — акция более политическая, нежели церковная. Необходима она была, прежде всего, как аргумент с противниками новшеств, с приверженцами старины…

Но воля Петра I — это воля Петра I, а воля Божия — воля Божия. И ничего не совершается в мире вопреки Божией воле.

Петр I строил Петербург еще как и знак разрыва его России с прежней Московской Русью, построенной потомками Александра Невского. Жалким по сравнению с этим прорывом Запада в Россию выглядел десант крестоносца Биргера, разгромленный здесь Александром Невским пять столетий назад…

Но снова является сюда святой князь Александр Невский и более того, он, принявший перед кончиной монашескую схиму, снова призывается к служению уже новой, петровской России. Свидетельство тому — указ писать иконы святого князя отныне не в монашеском облачении, а в военных доспехах.

---

[1] 24 мая 2003 года, в канун празднования 300-летия Санкт-Петербурга, в Усть-Ижоре открыли памятник Александру Невскому. Его поставили там, где произошла знаменитая Невская битва, где встречал прибывшие из шлиссельбургского заточения мощи Благоверного князя в 1724 году Петр I.

Борис СЕРГУНЕНКОВ

«АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЕ БРАТСТВО» НА СЛУЖБЕ ЦЕРКВИ И ОТЕЧЕСТВУ

К 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры

Борис Борисович Сергуненков — родился в 1964 году. Предприниматель. Окончил геологический факультет ЛГУ. Работал научным сотрудником во ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского, руководителем научно-производственной фирмы «ВАПА» и научно-технического центра «ВАК». Является председателем Правления Санкт-Петербургского отделения МОО содействия возрождению культуры, духовности и патриотизма «Александро-Невское Братство». Лауреат премии им. И. А. Ильина. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. На костях мучеников, как на крепком фундаменте, будет воздвигнута Русь новая — по старому образцу; крепкая своей верою в Христа Бога и во Святую Троицу!…»

Святой праведный
Иоанн Кронштадтский

История нашего Отечества так богата, так славна, что не иссякает год от года число великих юбилейных дат. Если в прошедшем году мы вспоминали события военные, связанные с победами России на бранном поле, то в нынешнем году мы вспоминаем вехи государственной важности. Вернее, это не вехи — это скрепы нашей истории. Главное, — конечно же, 400-летие Царствующего Дома Романовых. 300-летие Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, возникновение которой непосредственно связано с царствованием Романовых и определяется его историей, также является великой датой. Этот юбилей позволит не только вспомнить фактические события прошлого, но проанализировать их, как этапы становления и укрепления Русской Православной Церкви в российском и мировом масштабах. Не всегда благополучной была история нашей Церкви, отражением которой стала судьба и Александро-Невской Лавры. Александро-Невское Братство было одной из ее значимых опор в трудные времена и, надеемся, будет таковым и в наше время.

Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра располагается в историческом центре Санкт-Петербурга и является его духовной и архитектурной доминантой. В Александро-Невской Лавре хранятся мощи покровителя «северной столицы» — святого благоверного Великого князя Александра Невского.

В Лавре на протяжении трех веков подвизались святые новомученики и исповедники: святитель Иннокентий, епископ Иркутский; святитель Софроний, епископ Иркутский и всея Сибири; митрополит Киевский и Галицкий Владимир; митрополит Ленинградский и Гдовский Серафим; святитель Прокопий, архиепископ Одесский и Херсонский; святой преподобный Серафим Вырицкий; священномученик архимандрит Лев; преподобный Феодор Санаксарский; митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин; священномученик Григорий, епископ Шлиссельбургский.

Образование Александро-Невского Братства в начале XX века проходило в условиях гонения на Русскую Православную Церковь. Тогда уже перед Братством встали вопросы сохранения Православной веры, задачи просветительские и сохранения церковной собственности. По данным историка братства Шкаровского Михаила Витальевича, Александро-Невское Братство существовало в Петрограде (Ленинграде) с 1918 до 1932 года. Оно было создано при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре и включало насельников обители, священнослужителей Петрограда и наиболее активную и преданную Православной Церкви часть мирян. В годы антирелигиозных гонений Братство представляло собой духовный стержень жизни Петроградской (Ленинградской) епархии. Деятельность его членов была удивительно разнообразна: богослужебная, духовно-просветительская, благотворительная, научно-богословская, образовательная и т. д. В 2003 году три члена Братства были прославлены в лике святых: священномученик архимандрит Лев (Егоров), мученицы княжна Кира Оболенская и Екатерина Арская.

Несмотря на жестокие репрессии и фактическое уничтожение Александро-Невского Братства органами ОГПУ в 1932 году, семена, посеянные братскими отцами, дали свои благодатные всходы. Ни одна другая церковно-общественная организация в XX веке не дала такое большое количество будущих архиереев Русской Православной Церкви, как Александро-Невское Братство, в их число входят митрополит Иоанн (Вендланд), митрополит Леонид (Поляков), архиепископ Никон (Фомичев), архиепископ Михей (Хархаров) и др.

Александро-Невское Братство начала XX века и современное Александро-Невское Братство по своей деятельности и задачам родственны.

Полное название современного Братства — Межрегиональная общественная организация по возрождению духовности, культуры и патриотизма «Александро-Невское Братство». Оно воссоздано в 2008 году.

18 ноября 2008 года Епархиальный совет Санкт-Петербургской епархии одобрил ходатайство наместника Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры архимандрита Назария (Лавриненко) о возрождении деятельности Александро-Невского Братства. В этот же день митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир благословил воссоздание Александро-Невского Братства. Это событие совпало с активизацией нападок на Русскую Православную Церковь последнего времени. Численный состав братства более 100 человек, такая же численность была и век назад (в 20-е годы XX века). Говоря о сегодняшней деятельности Александро-Невского Братства, в первую очередь следует отметить процессы преемственности.

Одной из главных задач Братства и сегодня остается задача возвращения церковной собственности, главным образом, православных храмов

и монастырских строений и помещений, а также их реставрация, ремонт, иногда и строительство новых православных объектов.

Если говорить о реставрации и возрождении, то основная деятельность Братства заключается в участии в мероприятиях по восстановлению Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры — главной духовной доминанты Невского края. Кроме того, братчики активно работают и в других монастырях. Оказывается деятельная помощь в восстановлении еще нескольких обителей: это Тихвинский Введенский девичий монастырь, Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь, Свято-Введенский Толгский женский монастырь, Валаамский Спасо-Преображенский Ставропигиальный мужской монастырь (Приозерское Подворье).

Среди проектов по новому строительству наиболее важные:

1. Проект «Сойкинская святыня». Строительство нового скита Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры.

В настоящее время утвержден проект и заложен храм-часовня в честь святого благоверного Великого князя Александра Невского. Помимо нового строительства планируется восстановление и реставрация крупнейшего в области храма святителя Николая Чудотворца. Этот проект активно поддерживается правительством Ленинградской области, местными жителями и местной властью. Естественно, организаторами выступают Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра и Александро-Невское Братство (Ленинградское областное отделение, духовник — иеромонах Антоний Простихин). Руководит проектом епископ Выборгский Назарий, заместителем руководителя является Иевлев Николай Витальевич.

2. Второй проект осуществляется Санкт-Петербургским отделением Александро-Невского Братства (духовник отделения — иеромонах Прокопий Павлов — эконом Лавры) в Приозерском районе Ленинградской области. Название проекта: «Александровская пустынь».

Проект реализуется на берегу Ладожского озера на острове Коневец. За два года построена деревянная рубленая часовня в честь святого благоверного Великого князя Александра Невского (архитектор — Веселов Никита Степанович), освящение часовни планируется на июнь 2013 года. Строительство часовни посвящается 300-летию Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и 750-летию со дня преставления святого благоверного Великого князя Александра Невского. Здесь же восстановлены монастырские постройки. Все эти работы выполнялись братчиками Александро-Невского Братства, работниками Научно-производственной фирмы «ВАПА», насельниками и трудниками Коневского Рождество-Богородичного монастыря (игумен Александр Арва). Перевозка строительных и других материалов осуществлялась на катере «Коневец». Данный проект имеет перспективы развития, так как ведется круглогодично.

Кроме того, братчики участвуют и оказывают деятельную помощь в реставрации главного комплекса Коневского Рождество-Богородичного монастыря, которому в нынешнем году исполняется 620 лет.

В летний период в рамках программы «Защитник» на полуострове Родушка проводятся военно-патриотические сборы для подростков (руководитель — Попов Юрий Васильевич).

3. Социокультурный проект «Наследие» активно поддерживается Московским отделением Александро-Невского Братства (руководитель — Па-

рамонов Александр Иванович, духовник — иерей Дмитрий Лихачев), и по своей направленности он имеет много общего с предыдущими проектами.

Работы ведутся в Тверской области — село Козлово Спировского района. Руками добровольцев построен храм в честь Алексия Сибирского пресвитера Козловского священномученика Русской Православной Церкви.

Ежегодно проводятся Свято-Алексеевские чтения, открыта экспозиция музея новомучеников и исповедников Спировской земли. В селе Козлово летом проводится фестиваль традиционных ремесел, социальных и предпринимательских проектов, который предоставляет возможность включения учащейся и студенческой молодежи, профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений в процесс духовно-нравственного становления на основе добровольного труда по воссозданию духовно и социально значимых объектов.

Выделим и то, что московские собратья в селе Козлово восстанавливают из руин собор Введения во Храм Пресвятой Богородицы.

4. Стоит отметить и деятельность Псковского отделения Александро-Невского Братства, которое окормляет протоиерей Олег (Тэор), настоятель храма Александра Невского в Пскове.

К указанным проектам Братства за последнее время было привлечено более 1000 добровольцев.

Что касается просветительской работы, то и здесь есть начинания. Вот уже год открыты Лаврские курсы по изучению церковнославянского языка совместно с «Церковнославянским семинаром» при Епархиальном отделе образования (координатор — кандидат филологических наук Наумов Сергей Анатольевич). На телеканале «Союз» вышло более 30 передач, посвященных истории нашего языка (цикл продолжается). Братством выпущены диски DVD и CD по этой проблематике.

Многие члены Братства являются авторами новых печатных изданий, посвященных богословию и духовно-нравственному возрождению России, сотрудничают с институтом Русской цивилизации (директор института — Платонов Олег Анатольевич).

Братство принимает участие в Крестных ходах. Открыты курсы по катехизации. Члены Братства также способствуют работе Святодуховского центра Александро-Невской Лавры, где осуществлены десятки интересных проектов духовно-просветительской направленности. Являются активными участниками в организации и пополнении фондов общедоступной библиотеки и музея Лавры. Оказывают благотворительную помощь приходам и православным гимназиям. Проводится ежегодный фольклорный фестиваль и учреждена ежегодная литературная премия имени святого благоверного Великого князя Александра Невского (координатор — Грунтовский Андрей Вадимович).

На ежегодно проводимой совместно с сообществом «ДелоРус» в мае месяце Международной конференции «По местам Северной Фиваиды» (Санкт-Петербург—Ярославль—Санкт-Петербург) подводятся итоги работы за прошедший год и формулируются новые цели и задачи на новый рабочий год. Международные конференции «По местам Северной Фиваиды» (конференция-паломничество-круиз) проводились по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира. Целью конференций является Со-

бирание Русского Мира. Участники конференций представляют различные регионы России, Украины, Белоруссии и другие страны ближнего и дальнего зарубежья. Конференции проходят в рамках паломнических круизов с посещением по ходу следования монастырей: Феодоровского мужского монастыря (Городец), Толгского Свято-Введенского женского монастыря (Ярославль), Воскресенского Горицкого женского монастыря, Кирилло-Белозерского мужского и Ферапонтова монастырей (Вологодская область), Свято-Троицкого Александра Свирского мужского монастыря, Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры и др.

В мае 2010 года в рамках круиза на теплоходе из города Городец Нижегородской области в Санкт-Петербург Александро-Невское Братство провело Межрегиональную конференцию «Александр Невский — Знамя наших Побед», она проводилась в рамках программы «Александр Невский — имя России», осуществляемой по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. А в 2011 году в рамках аналогичного круиза из Ярославля прошла первая рабочая встреча организаций России и Зарубежья, носящих имя святого благоверного Великого князя Александра Невского, «Александр Невский — Знамя наших Побед». В рабочей встрече приняли участие 34 организации (военно-патриотические клубы, братства, дружины, отряды, кадетские классы, лагеря, союзы, центры, общества, общественные организации), носящие имя святого благоверного Великого князя Александра Невского, из 16-ти епархий Московского Патриархата Русской Православной Церкви. Участники (280 человек) прибыли на встречу из разных регионов России, Украины, Белоруссии и США.

Много можно говорить о современных достижениях Братства, но остаются и нерешенные вопросы, которые мы наследуем из прошлого и которые хоть частично надеемся разрешить в юбилейный год. Невозможно обойти молчанием проблемы главной доминанты Невского края — Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры:

1. Возвращение Лаврских архивных документов (хотя бы их копий), которые хранятся в Российском государственном историческом архиве. В безбожное время их насильно изъяли из обители. Стоимость копирования этих бесценных реликвий на сегодня — 31 миллион рублей. Но важно добиться не продажи исторических архивных копий, а передачи их Лавре на безвозмездной основе.

2. Возвращение Александро-Невской Лавре исторической территории, храмов и монастырских построек, в первую очередь занимаемых Музеем городской скульптуры. К ним относятся: Лазаревская церковь и Лазаревское кладбище, Тихвинская церковь и Тихвинское кладбище, Благовещенская церковь и храм Александра Невского.

Прискорбно, что с 30-х годов прошлого века для прихожан мало что изменилось, и праздник Благовещения Пресвятой Богородицы в день 300-летия Лавры мы будем отмечать, скорее всего, на улице, а музей будет «любезно» продавать билеты для прохода в храмы! Мы должны приложить максимум усилий, чтобы избыть эту нелепость. Но что нужно сделать, чтобы убедить властные структуры проявить «толерантность» (снисхождение) к своему народу? В храмах Лавры должны проводиться не музейные экспозиции и выставки, а богослужения; помнить, что православные кладбища — это не экспозиция кладбищенских памятников и надгробных плит, а сакральное

место поклонения великим предкам и место их земного упокоения. В конце концов, помнить о том, что совсем рядом у офиса Государственного музея Городской скульптуры (бывшая Тихвинская церковь, в настоящий момент осквернённая и находящаяся в исторически некорректном виде) погребен в 1918 году священномученик Петр (Скипетров), вставший на защиту лаврской собственности и православных святынь и убиенный красноармейцами.

Сегодня музей занимает большую часть исторической территории Лавры, а Лавра, возрождаемая по кусочку, отвоевывает свою землю. Именно по этой границе и проходит наша «невидимая брань».

В начале XX века братчики и братчицы, показав своей кровной жертвой истинный путь к спасению, заложили фундамент сегодняшнего возрождения. И наше святое дело — придерживаться этого пути.

3. Братство приняло на себя сегодня заботу о возвращении святых мощей, церковной утвари, икон и пр., которые сложены «мертвым грузом» в стенах различных государственных музеев, где зачастую им не могут обеспечить должные условия хранения, и их сохранность не гарантируется (вспомним скандалы, связанные с хищением церковных сосудов и утвари в Эрмитаже).

Рака святого благоверного Великого князя Александра Невского до сих пор удерживается в Эрмитаже. Необходимо проверить ее сохранность независимой комиссией с привлечением известных общественных и церковных деятелей. И после такой проверки над ней нужно не «корпеть и чахнуть», а передать законному хозяину — святому благоверному Великому князю Александру Невскому. Не стоит делать никаких копий, а надо просто передать оригинал Раки Русской Православной Церкви.

Таким образом, современная деятельность Братства созвучна смыслу слов преподобного Максима Исповедника: «Вера без дел мертва, как и дела без веры».

Виктор ЛИХОНОСОВ

СВЕТЛЫЙ КНЯЗЬ.

ТАК ЖИЛИ РУССКИЕ ЛЮДИ — ОТ ЦАРЯ, ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ И ДО КАЛИКИ ПЕРЕХОЖЕГО

К 400-летию Дома Романовых

Виктор Иванович Лихоносов — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член Высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре**.

«Личность этого князя не только “светлая”, как его называли после смерти, но и в высшей степени интересная, содержательная, а в нравственном отношении не вообще только светлая, но действительно до трогательности прекрасная… Погибло прекрасное “обещание” для русской литературы, — это-то уже бесспорно, и можно, и должно это сказать, совершенно не считаясь с великокняжеским лицом».

В. В. Розанов

Поразительное ощущение остается от чтения зарубежных русских журналов, которые издают на благотворительные деньги дети беженцев Гражданской войны. Наши материковые журналы и газеты гуще талантливостью, сиюминутным присутствием жизни, проблем, а те простенькие, собранные словно из тряпочек портнихи, но вот именно как сшитые мамой или бабушкой из кусочков настольные простыночки или наволочки для думочки они… домашнее, семейно-роднее; их отличаешь от все еще советских листов как русского Патриарха от папы римского. Отчего же наши издания не согревают родством? Отчего «Литгазета» никогда не напишет о русском адмирале или Великом Князе так же задушевно, как «Военная быль», «Часовой», «Наши вести» или «Русская жизнь»? Почему русские иностранцы старомодно бережны к истории, коренные жители России обозленно или тупо равнодушны? Я уже только перелистываю наши газеты. Академик, очень талантливый, даже в чем-то могучий, с умилением говорит о том, как в Европе он каждый день проходит мимо памятника в честь какой-то там битвы, любуется улыбкой Девы Марии (католической), но никогда не обмолвится с чувством о родных пепелищах, гробницах в Успенском соборе в Кремле и прочем. Между тем именно от

этого человека, умного, бесконечно образованного, хотелось бы услышать прославление отеческих гнезд и имен. Не будет такого. Он торопится записаться в граждане мира.

В. В. Розанов предвещал, что в будущем станет читаться то, что писалось с душой. Нынче бездушные страницы привлекают нас больше всего.

Почему люди так желают родства, близости, гармонии в жизни и кого попало выбирают себе в спутники (пусть и на короткий срок) в книгах?

Портрет К. Р. (Великий Князь Константин Константинович Романов). Художник А. Асендовский. Пушкинский дом Санкт-Петербург

В одиночестве, без газет, без ультрафиолетовых вспышек телевизора, без необходимости спорить, защищать свои вкусы и «точку зрения» в кабинетах и читаешь, и чувствуешь под Божеским дыханием, и зовешь к себе всех, с кем бы хотел осчастливить свои часы или разделить ясные и такие утешительные мгновения родства с русскими тенями. То песня, то фотография в журнале, то страница в книге или письмо заполнят собою немоту длинного сельского дня.

Люблю получать письма и бандероли в Пересыпи. Вчера подали мне роскошный пакет: от составителя 4-й том философа А. И. Ильина, четыре номера неизвестного в провинции «Московского журнала», в коем Россия торжествует письмами императоров, биографиями, синодиками знатных фамилий, летописью монастырей, повестью Ильи Сургучева «Детство императора Николая II». Кто-то еще старается, добывает денежки, бумагу, есть еще русские, себя не промотавшие, и как хорошо с ними, сколько тепла в письмах! И уже не так одиноко. Мы вместе, мы в дне сущем и в веках все на одном дереве, воззвание Патриарха Гермогена снова грозит призывом: «…возникните и вразумейте и возвратитеся!» К. Батюшков пишет из Парижа как будто на Кубань, в поддержку приунывших без государственной привязи казаков: «Я часто с удовольствием смотрю, как наши казаки беспечно проезжают через Аустерлицкий мост». С. Нилус опекает нас книгой своей «Великое в малом». Княгиня З. Шаховская грустит в Париже без тех, в ком насквозь советский человек высокомерно не нуждался семьдесят лет: «Говорил он негромко, тем прекрасным петербургским говорком, который навсегда отошел в прошлое». В 1989 году сказала в Москве княгиня Е. А. Мещерская: «Мой отец родился в эпоху Александра I, а умер при Николае II… Таким образом, моя жизнь — это… два века русской истории…»

Как устарело, похоронно, библиотечно теперь звучит: великий князь, граф, княгиня.

Грустно.

Титул породы не вытягивал из нас чванство и высокомерие, он напоминал семье и государственным мужам о старинной службе роду и своей земле, целебно воспитывал детей в духе покорности историческому назначению и неизбежной жертвенности в грозный час России. В такое княжеское достоинство нынче никто не верит. Десятилетия ввели в достоинство плебейское принижение иерархии векового отбора. Кучер Толстого понимал историю тоньше, нежели какой-нибудь провинциальный доктор исторических наук в эпоху развитого социализма. Кучер и граф уважали друг друга за то, что один умел и знал что-то такое, чего не досталось другому. В поместьях на окраине Краснодара скоро будут раздуваться бычьими пузырями плебеи, переплюнувшие богатством графа Толстого. Кучер Толстого никогда не был плебеем. Лакеи и камеристки Зимнего дворца, великокняжеского имения в Осташеве, кухарка помещика Роккеля, приказчик магазина Черачева в Екатеринодаре — все душевно соблюдали устои и отростки благочинного древа российского гербовника.

«Деды и отцы наши, — писал Бунин, — не все же, конечно, "по теплым водам ездили, меняли людей на собак" да "гуляли с книжками парни в своих парках, среди искусственных статуй с отбитыми носами", как это многим кажется теперь. Они знали свой народ, они не могли не знать его, весь век живя с ним в кровной близости…».

Я копал в огороде лунки для картошки и думал, что вот как закончу посадку, так сразу же присяду у окошка к столу и возьму в руки журнал «Москва» с дневниками Великого Князя Константина Константиновича (поэта К. Р.). Не буду обедать, пить вино, а сразу почитаю: к вечеру душевные соки возбуждают во мне аппетит к любимому чтению: то письма Пушкина, то страница Бунина, то «Словарь XI—XVII веков», то вот дневники внука Николая I. Публикацией дневников занялась моя давнишняя поклонница и любезно прислала мне журнал «Москва», на который я уже не могу подписаться. Что-то я потерял бы (не так, допустим, прошел бы мой день), если бы я так и не узнал, что дневники Князя уже появились. (Вот вам «новая Россия», «вхождение в мировую цивилизацию»: сейчас даже писатели не имеют доступа к московским журналам, ни один газетный киоск их не продает, зато «Плейбой» и «Пентхауз» с голыми бабенками на обложках сверкают глянцем везде).

Но мы-то еще русские, мы еще, слава Богу, не совсем вошли в «цивилизацию» и не любим, когда нам сообщают как в Голландии или в Бельгии венчают в церкви гомосексуалистов. Мы примитивнее, нам бы что-нибудь про дворян, про князей, про монахов почитать. У нас еще немало девушек, которые чистотой своей похожи на царских дочерей — Ольгу, Татьяну, Анастасию и Марию.

Попробуйте достать журнал «Москва», почитайте несколько номеров. Вы почувствуете, что к вам пришли побеседовать близкие вам люди. Таким станет со своими дневниками и Великий Князь Константин Константинович. Он знатен, богат, но душа его растворена была в русском народе, в заботах об Отечестве. Нам, советским писателям, встряхнуть бы свою совесть и в год гибели русских детей на всех просторах и границах бывшей Импе-

рии написать хотя бы строфу, равную по скорби стихотворению Великого Князя «Умер бедняга в больнице военной».

«Я слез с коня и пошел в Иверскую часовню поклониться Московской святыне… приложился к Иверской иконе, вышел из часовни и сел на лошадь, народ закричал “ура”, взяли на плечо и прошли сквозь правый пролет Воскресенских ворот на Красную площадь… Вся Красная площадь пестрела местами для зрителей к будущему вступлению Государя. С нами шла густая толпа, кричали “ура” и кидали шапки в воздух. И вот Святые ворота. Музыка смолкла, мы обнажили головы и вошли в Кремль — сердце России…» (1896 год, 28 марта).

«Поклонился мощам супруги Дмитрия Донского… На прощанье с Москвой, перед тем, как сесть на лошадь, пошел поклониться московским чудотворцам:

Михаилу Черниговскому с его боярином Федором и Дмитрию Царевичу в Архангельском соборе; трем святителям в Успенском и четвертому в Чудовом монастыре…» (2 июня).

Было ли с нами такое и будет ли? На прощание с Москвой куда мы ходили? Я помню все писательские съезды в Кремле. Много раз прошли мы по холму, где умом и силою вырастала Россия, но «от юности своея и доныне» не оплакивали душою опороченные родные ее черты. Дочь Великого Князя, умершего в 1915 году, еще жива в Америке, жалею, что в 1990 году не повидал ее, а был близко. Прислали мне «Наши вести», на первой обложке вся семья Константина Константиновича, там и она, Вера, и брат Олег («Светлый князь»); пережила всю царскую родню, дождалась дня, когда на родине вышла книга стихов его отца и добрые патриоты станут вспоминать брата Олега.

Князь Олег погиб в начале войны 1914 года.

Подруга сестры Чехова, переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник, на торжестве освящения лазарета имени князя Олега прочитала свое стихотворение:

О, юный витязь, князь Олег,
Герой невинный и прекрасный,
С душой, еще по-детски ясной
И чистой, как нагорный снег.
Ты мирных дней оставил дело,
Что совершал ты в тишине,
И, как Георгий на коне,
В ряды врагов врубился смело.
И первым очутился ты,
Герой, средь вражеского стана;
Потом — зияющая рана
И мрак могильной темноты.
Смерть как цветок тебя скосила
На пажитях родной земли…
А сколько б дать еще могли
Твоя душа и ум, и сила…

В Витебске отец положил перед умирающим сыном крест св. Георгия, принадлежавший сыну его, Константину Николаевичу.

Отец и сын не застали краха России. В дневниках не было даже намека на предчувствие этого. А разве мы предчувствовали в 1991 году заговор в Беловежской пуще?!

Князь Олег мечтал стать писателем. От любви к Пушкину поступил в Царскосельский лицей, в лицейские годы подготовил к печати автографы Пушкина, уповал издать все уцелевшие рукописи поэта, но офицерский долг сорвал его на войну с немцем.

В моем романе «Наш маленький Париж» Манечка Толстопят шепчет его стихотворение:

Гроза прошла…
Как воздух свеж и чист!
Под каплей дождевой склонился скромный лист.
Не шелохнет и дремлет упоенный,
В небесный дивный дар влюбленный.
Ручей скользит по камешкам кремнистым,
По свежим берегам, по рощицам тенистым…
Отрадно, в сырости пленительной ручья,
Мечтами унестись за трелью соловья…
Гроза прошла… а вместе с ней печаль,
И сладко на душе. Гляжу я смело вдаль,
И вновь зовет к себе отчизна дорогая,
Отчизна бедная, несчастная, святая.
Готов забыть я все: страданье, горе, слезы
И страсти гадкие, любовь и дружбу, грезы
И самого себя. Себя ли? Да, себя.
О Русь, страдалица святая, для тебя.

Князь Олег Константинович Романов

27 сентября 1914 года он во главе своего взвода влетел в немецкий разъезд и после рубки и пленения немцев был убит пулей смертельно раненного врага, нажавшего на курок напоследок. Через сорок лет вспоминал его, простого и милого человека, драгун в Америке, а через восемьдесят в журнале «Военная быль» все еще жалела его чья-то душа и слышала слова: «Перекрести меня…», — сказал он брату Гавриилу Константиновичу». Сберег бы его Господь в 14-м, то в 18-м сброшен был бы он вместе с братом в глубокую шахту большевиками под Алапаевском.

«Боже! Как мне хочется работать на благо России!»

Кто из нас в юности записал такое в свой дневник? Кто сейчас, когда полонена Россия, утруждает себя муками сопротивления? «Смерть брата, — пишет княжна Вера Константиновна кадетам в Сан-Франциско, — особенно тяжело отразилась на отце, она ускорила его кончину. Олег был единственным из нас, кто пошел по стопам отца в литературе… Я была кровно обижена, когда меня не взяли на похороны. Это было первое в моей жизни горе — его, брата, смерть и то, что не могла присутствовать на его похоронах у нас, в имении Осташево…».

— Что ты так возносишь их? — издавна упрекает меня старый друг, совершенно равнодушный к царедворской, аристократической, дворянской России.

И не он один ставил мне в вину, даже принижал меня, почитал это какой-то ущербностью.

— Это было давно, развалилось, и не так все блестяще, как тебе кажется, выглядело. Зачем это тебе, крестьянскому сыну?

Я бы мог ответить тебе томами самых умных, самых замечательных сочинителей, светочей, поднести тебе веер фотографий, и сами лица, глаза и отблеск достоинства рассказали бы тебе обо всем. И я только спрашиваю: разве тебе это поклонение мешает? Кому мешает еще? Вам, господа советские, не мешают статьи о любовных похождениях Берии, исповеди любовниц других вождей, тайны подвалов ЧК, рожи террористов, пакости волчьей борьбы за власть после 17-го года? Ну, оставьте нам утешение: были в России князья, которые на прощание с Москвой шли поклониться мощам вдовы Дмитрия Донского, укреплялись перед ратной битвой словами Императора Николая I: «Мы, князья, обязаны высоко нести свой стяг, чтобы оправдать в глазах народа свое происхождение». В Екатеринбурге, в Алапаевске, в изгнании они умирали, думали о России с тем же чувством. Не будет счастья в стране, где до сих пор в духе 30-х годов какая-то читательница (наверное, учительница) проклинает дворян, офицерство и, бедняжка, с упоением толкует фальшивые старые карикатуры: «бежали как крысы с корабля». Это называется «идейностью». Дорого она обошлась России. И мы ничего не поняли. На что тогда жалуемся сейчас? Царь во время войны отдал все свои сбережения. Эти, продав наши леса, нефть, золото, металлы, переправили двести миллиардов на Запад и заставили нас просить на коленях у американского президента всего только шесть. Давайте читать «Московский журнал», а не газетенку «Легкий флирт». Инокиня Марина (Черткова) с вершины Елеонской горы расскажет вам, что говорили праведники, подвизавшиеся в подвигах на Святой Земле, об Императорской Семье, на личные средства купившей участок в Гефсиманском саду, за свое благочестие заслужившей поклон архимандрита: «Да пребудет с ними и в них неотступно благодать Божия!» Не в барах и в ночных клубах проводили время, а за неделю пять ночей молились у Гроба Господня.

Так жили русские люди — от Царя, Великих Князей и до калики перехожего с котомкой.

Пора нам выбирать: кого помнить, кому кланяться и чьи высказывания и стихи переписывать.

ПРОЗА

Дмитрий РОГОЗИН

ЖАНДАРМ

Из повести «БАРОН ЖОЛТОК»[1]

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году Указом Президента был назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Заместитель председателя Правительства России. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

— Поразительная беспечность, Александр Александрович! Идет второй год войны с германцами, а Вы в тяжелейшее для нашего фронта время допускаете погромы подобных масштабов, да еще с такой политической манифестацией! Государь возмущен бессилием полиции. Императрица вне себя от оскорблений толпы!

Помощник министра внутренних дел генерал Джунковский, нервно подергивая ус, мерил кабинет Градоначальника тяжелым шагом. Готовясь к этой встрече с генералом Адриановым, он заранее решил, что будет тщательно подбирать слова, дабы не выказать ни излишнего раздражения более чем странным поведением Градоначальника, ни свою жалость и даже сострадание к собеседнику, которого знал уж более двадцати лет с самой лучшей стороны — как человека ответственного, разумного и в высшей степени порядочного. Тем более в его голове не укладывалось поведение Адрианова, допустившего ничем не оправданную «деликатность» к толпам погромщиков.

Борьба с «немецким засильем» не была уж чем-то из ряда вон выходящим даже в среде петербургских аристократов, не говоря уж об армейских кругах. Дело дошло до переименования столицы в Петроград. Ненависть к немцам и ко всему, имеющему отношение к Германии, была разлита ровным слоем по всему русскому обществу — от элиты до низов.

Безответственное поведение элиты русского общества отозвалось погромной Стихией. Дурные вести с фронта добавляли хмеля в брожение

[1] Некоторые главы из повести публиковались по разрешению автора в нашем журнале в № 1 за 2011 г. и в № 2 за 2012 г.

умов. Русский бунт — «бессмысленный и беспощадный» готовил свою генеральную репетицию. На сей раз его жало было направлено против русских немцев — верных солдат и тружеников великой Империи. Громя магазины и фабрики тех, чья вина состояла лишь в пользовании немецкой, или, на худой конец, курляндской, скандинавской или даже французской фамилией, хорошо организованная масса, будто выдавленная из тюбика на улицы Москвы, проклинала Царицу, ее родную сестру и всех «немцев», «заполонивших двор и опутавших Государя».

Джунковский понимал, во что это может вылиться уже в ближайшие годы, и считал своим долгом предупредить Царя о грозящей ему и Отечеству опасности. Он еще не знал, что Государь его не услышит. Спустя три месяца после немецких погромов, в августе 1915 года Николай II отстранит командира Отдельного корпуса жандармов генерал-майора Джунковского от должности — за «доносы на Старца». На весах монарших ценностей «сидевший на ушах Императрицы» Григорий Распутин перевесил верного Государю охранителя Империи. Но сейчас, в кабинете Градоначальника Москвы, Владимир Федорович об этом знать никак не мог, а представить — тем более. Теперь ему предстояла тяжелая миссия — расследовать действия московской полиции, допустившей разгул народной стихии в самом центре древней русской столицы, решить судьбу своего старого сослуживца — генерала Адрианова и подготовить рапорт Его Императорскому Величеству.

Джунковский обошел кругом выглядевшего совершенно потерянным московского Градоначальника, застывшего посреди своего кабинета. Будто ястреб, делая боевой круг перед падением камнем на свою жертву, жандарм вдруг почувствовал, что старый друг стал ему совершенно безразличен. Кровь, которую он хотел выпустить из его разорванных клювом жил, будила в нем азарт охотника. Он наслаждался мгновением перед неминуемой развязкой своей встречи с противником, заранее сдавшимся на милость победителю. Он вообще перестал что-либо чувствовать к своему собеседнику и полностью отдался инстинкту, воспитанному в нем годами службы в тайной полиции и жандармерии.

— Друг мой, Александр Александрович! Я только что ознакомился с составленным Вами рапортом. Потрудитесь объяснить, как Вам, человеку опытному и предусмотрительному, в голову пришло возглавить толпу на ее пути к дому генерал-губернатора? А как, позвольте полюбопытствовать, должны вести себя жандармские части и казаки, получившие приказ рассеять толпу, когда они видят в ее голове Его Превосходительство господина Градоначальника, то есть Вас, мой дорогой друг? Да самый ленивый и темный из бунтовщиков резонно предположит, что коли в толпе вышагивает сам Адрианов Александр Александрович, то, стало быть, погромы дозволены и проводятся по Высочайшему Указу! Мда-с! Скажите на милость, Александр Александрович, на Вас затмение нашло али хворь какая? Сброд, всякая сволочь, подобно узурпатору, грабит и поджигает нашу Москву, а Вы их вовсе не разгоняете! Нет, что Вы, как истинный друг народа и знаток потаенных струн его, Вы чинно ступаете во главе колонны черни, причем самой что ни на есть подлейшей из подлейших. Вы вместе с этими, простите, мерзавцами и христопродавцами распеваете то «Боже, Царя храни!», то «Спаси, Господи, люди Твоя!», да все это — под портретом Государя, да с хоругвями и образами! Ах, славный, добрый, православный наш народ,

вот вышел на прогулку, мирную, так сказать, демонстрацию, а то, что фабрикантов камнями побили да под мостом утопили, так это, можно сказать, высшее проявление патриотических чувств и солидарность с воюющим за Россию фронтом! Ваше Превосходительство, я правильно читаю Ваши мысли-с? Не так ли? Нет-нет, голубчик, не отводите глаз! Как старый друг, скажу Вам прямо: то, что Вы изволили допустить-с, это — позор мундира! Нет-нет! Не затыкайте уши! Прошу Вас дослушать до конца сие мое крайнее возмущение Вашим удивительным и ничем не объяснимым поведением! Не первый год мы знаем друг друга, никогда не испытывал я к Вам чувств иных кроме дружеской теплоты, а потому уж прошу Вас не прерывать меня и не показывать всем видом своим, сколь противны Вам мои слова!

— Владимир Федорович! Сделайте милость, пожалейте меня, мой друг! Неужто Вы и в самом деле стали на сторону тех, кто во всех этих страшных событиях усматривает лишь мою вину? Вот уж и князь Юсупов…

— Ах, кстати. До Императрицы дошли слухи, что в силу присущей Вам беспечности Вы настолько розово смотрели на вещи, что чуть не обрекли на верную смерть ее сестру-бедняжку. Подумать только: Вы даже не пытались убедить Великую Княгиню остаться в ее Марфо-Мариинской обители и не ехать на Тверскую. Мол, заседание Красного Креста без родной сестры Императрицы ну никак не обойдется! Вы в самом деле не видели оснований опасаться за эту поездку? Поймите, Александр Александрович, безопасность вдовы московского генерал-губернатора, как, впрочем, и иных важных особ, проживающих в Москве, всецело лежит на Ваших плечах. Мало ли на нашей памяти кровавых преступлений, направленных против членов семьи Государя Императора? Еще кровь Великого Князя Сергея Александровича запечься не успела, а Вы столь опасно рискуете жизнью его вдовы! Неудивительно, что сам князь Феликс Феликсович Юсупов отменил ее поездку на собрание. Его супруга поведала мне о том, что была вынуждена рассказать о случившемся Императрице. В Вашу защиту я добавил лишь, что именно усилиями полиции была спасена от погромов Ордынка и сама Марфо-Мариинская обитель, основанная Елизаветой Федоровной, но не думаю, что это позволит смягчить гнев Ее Величества. Вы же знали с Севенардом, что Елизавета Федоровна своим гессенским происхождением не снискала себе уважения среди патриотических масс! Севенард, этот Ваш любимчик, этот прохвост — он-то себя успел обезопасить. Вот, полюбопытствуйте, его записочка княгине Юсуповой. Читайте, без очков не видите? Сейчас я Вам ее прочту: «Ваше Сиятельство, это немыслимо, Великую Княгиню по дороге убьют». Граф Толстой ваш Севенард, а не полицмейстер! Ну ежели Севенард понимает обстановку в Москве лучше Вас, может, его и назначить Градоначальником?

Может, тогда придется меньше опасаться за Белокаменную? Милостивый государь, Александр Александрович, Вам плохо? Так попейте водички! Ох, Александр Александрович, за столько лет Вашей безупречной службы ни мне, ни нашему министру Маклакову, ни покойному Петру Аркадьевичу Столыпину, который безмерно уважал Вас, не приходилось сомневаться в Вашей способности надежно поддерживать безопасность в Москве, а тут такое разочарование!

Адрианов вспыхнул от ударившего в голову гнева. Смущение прошло. Ему на смену шел протест. Еще никогда ранее Джунковский не позволял

себе так обходиться с ним. Даже обстоятельства сего дела не давали ему оснований разговаривать с ним, московским Градоначальником, подобным образом. Да, он, конечно, понимал, что именно ему придется отвечать за гибель гражданских лиц, да еще и женщин. Морально он был к этому готов. Вести о приезде Джунковского в Москву означали для него лишь то, что наступает развязка трагедии, жертвой которой стал и он сам. Позорная отставка была бы наименьшим злом, но и судебное преследование исключать было нельзя.

Будучи генералом свиты Его Величества, Адрианов не мог не знать о крайнем раздражении Царя его поведением, хотя и считал сие мнение несправедливым и основанным на поверхностном восприятии случившегося в Москве несчастья. Тем не менее примириться с вызывающей сожаление, с учетом стольких лет прежнего знакомства, позицией своего старого знакомца и приятеля генерала Джунковского он не мог. Все в нем заклокотало, забилось, и, еле сдерживая волнение, Градоначальник перешел в контратаку:

— Милостивый государь! Вы желали бы, чтобы я отдал приказ стрелять в безоружных людей? Залить Москву кровью? Да-с, они погромщики, но все же люди, а не враги Отечеству. Вы, должно быть, забыли баррикады и кровь 1905-го года? А я не забыл! И не хочу ее! Слышите, не хо-чу! Мы не каратели, нет! Мы стражи закона и порядка. Насилие породит насилие, и тогда мы с Вами разбитыми лавками не отделаемся. Да-с, представьте себе, и я скорблю по невинно убиенным. Но могло быть хуже, много хуже! И не Вам, Ваше Превосходительство, меня попрекать либерализмом! Не Вы ли, Владимир Федорович, своим решением запретили институт секретных сотрудников в армии и на флоте, уволив сотни блестящих профессионалов?! Не Вы ли ликвидировали агентуру среди учащихся в учебных заведениях? Вам ли бросать мне упрек в лицо после того, как именно по моему настоянию в Москве и Петрограде удалось отстоять охранные отделения, кои Вы порушили по всей Империи? Вы лишили нас зрения, понимания того, что реально происходит по всем этим подвалам и чердакам, по всем этим марксистским рабочим кружкам! Мы же ослепли, потеряли слух, обоняние! Может, Вам более известны эти настроения? Так поделились бы уже! Я Вам так скажу: в волнениях по всему чувствовалась чья-то направляющая рука и закономерность. Жандармы, увещевая возбужденную толпу разойтись, своими глазами видели повсюду снующих студентиков и прочих подстрекателей и провокаторов. Но по Вашей милости лишившись глаз и ушей, мы были слишком поздно предупреждены о грозе, надвигавшейся на город. Да-с! Не говоря уж о масштабах волнений!

Я, конечно, отвечу за все. Чинить препятствий в порученном Вам расследовании этих трагических событий не собираюсь. Понимаю, к чему Вы клоните. Я собственноручно и немедля напишу прошение об отставке, но запомните, генерал Джунковский, уходом моим Вы грозу не остановите. Именно грозу, страшную грозу, идущую на Россию. Прошу Вас, Владимир Федорович, лишь об одном: полно и беспристрастно разобраться в действиях моих подчиненных, ибо в них я нахожу примеры преданности нашему делу, мужество и профессионализм. Честь имею!

Генерал-майор Адрианов встал из-за стола. По всему было видно, что ему с трудом удавалось сохранить даже видимость самообладания. Не протягивая руки Джунковскому, он как-то неестественно распрямился, не под-

нимая глаз, повернулся к выходу и уже успел сделать пару шагов, как вдруг остановился:

— Да, совсем забыл… Здесь на столе материалы прокурорской проверки действий полицеймейстера 4-го отделения генерал-майора Миткевича-Жолтка. Обычная история, знаете ли: невинных карают, непричастных награждают. Владимир Федорович, я уж на дальнейший ход дела по Николаю Антоновичу повлиять не могу, так уж Вы сами определитесь, наказать Миткевича или наградить.

Адрианов, наконец, поднял тяжелый взгляд на безучастно наблюдавшего за ним Джунковского, что-то, видимо, еще хотел добавить, но осекся, помявшись, засобирался и, неловко зацепив плечом вешалку у двери, покинул кабинет.

Джунковский оставался равнодушным. Демарш Адрианова никак его не тронул, ни разозлил, ни разжалобил. Ему было невыносимо скучно. Будто желая удостовериться, что он не спит, жандарм по привычке дернул себя за правый ус. Затем он до хруста расправил плечи, подошел к столу, отпил из стакана успевший остыть чай и тяжело опустился в опустевшее после ухода хозяина кожаное кресло. Он неспешно раскрыл плотно забитый бумагами портфель и достал оттуда Дело с пометкой «Спешное. Секретно» Оно касалось обстоятельств тех самых кровавых немецких погромов 26—29 марта 1915 года, в котором ему поручено тщательно и объективно разобраться, «желательно без нагнетания», как того пожелал Государь. Полным ходом шла война с Германией и Австро-Венгрией, русская армия несла страшные потери на западных границах Империи, но Москва после беспорядков выглядела так, будто кайзеровская авиация сбросила на нее тысячу зажигательных бомб. Поиски «немецких шпионов» среди фабрикантов из числа эльзасских немцев вывели на улицы Замоскворечья, в Лефортово, на Лубянку, Мясницкую и даже на Красную площадь десятки тысяч погромщиков и мародеров. Волнения охватили даже ближайшее Подмосковье: деревни Свиблово, Ростокино, Всехсвятское. Согласно отчету сенатской комиссии в ходе погромов пострадало 475 торговых предприятий, 207 квартир и домов, 113 германских и австрийских подданных и 489 русских подданных (с иностранными или похожими на иностранные фамилиями). Ущерб был нанесен многим российским, французским и английским фирмам и магазинам, иностранным консульствам и даже предприятиям, выполнявшим военные заказы.

Жандарм раскурил папиросу, подошел к окну, распахнул его в наступившую ночь, затем вновь погрузился в кресло, наклонился к столу и вытряс на него все содержимое своего портфеля. Несколько прокурорских запросов и объяснительных Департамента полиции слетело на пол и запорхнуло под массивную дубовую тумбу. Помогая себе ногой, Джунковский извлек из-под тумбы бумаги, поднял их и сложил в одну стопку, смешав тем самым свои бумаги и документы, оставленные на столе Адриановым. Тяжело вздохнув от осознания того, что все сии сочинения ему придется осилить непременно сегодня, жандарм решил читать все подряд — в том случайном порядке, как листы попали в стопку.

Поверх вороха бумаг лежало адресованное ему письмо прокурора Московской судебной палаты в связи с «неправомерными действиями полицмейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка».

«Что ж, голубчик, с тебя и начнем!» — генерал развернул лампу так, чтобы свет ее падал на желтые листы прокурорского запроса, и принялся читать.

«Милостивый государь Владимир Федорович,

Имею честь препроводить при сем Вашему Превосходительству копию сообщения Прокурора Московского Окружного Суда от 29 мая сего года за № 5268 на имя московского Градоначальника о неправомерных по службе действиях полицеймейстера Московской столичной полиции генерал-майора Миткевича-Жолтка. При этом, вполне соглашаясь с приводимою в означенном сообщении квалификацией допущенных полицеймейстером Миткевичем-Жолтком действий и полагая, что таковые действия в связи с условиями сопровождавшей их обстановки требуют к ним особо строгого отношения, — считаю долгом просить Ваше Превосходительство, в случае возбуждения против генерал-майора Миткевича-Жолтка уголовного преследования, одновременно устранить его от должности согласно 1100 статье Устава Уголовного суда или, не возбуждая уголовного преследования, подвергнуть его взысканию по всей строгости, соответствующей серьезности допущенных им нарушений.

Пользуясь случаем, прошу Ваше Превосходительство принять уверение в совершенном моем почтении и искренней преданности».

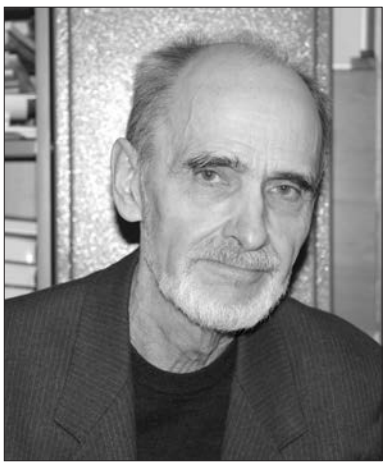
«Сколько же расшаркиваний и подлых гримас в этих прокурорских депешах!» Джунковский потянул из стопки следующий лист. Это было письмо прокурора Московского Окружного Суда от 29 мая 1915 года, где «прегрешения» полицеймейстера рисовались более хлестко:

«Господину Московскому Градоначальнику

…Около 11 часов вечера 28 мая к Управлению I участка Пятницкой части подошла толпа и потребовала от пристава подполковника Танасюка немедленной выдачи спрятавшихся будто бы в арестном помещении немцев и освобождения лиц, арестованных за разгром конторы фабрики Винтера. После разъяснения пристава об отсутствии в Управлении участка таких арестованных, а также и немцев, в толпе послышались крики: “поверим приставу!”. В это время подъехал полицеймейстер генерал-майор Миткевич-Жолток, к которому толпа обратилась с тем же требованием, высказывая подозрение, что чины полиции говорят неправду, и заявляя о необходимости личного осмотра арестного помещения. Это незаконное требование толпы генерал-майор Миткевич-Жолток нашел возможным удовлетворить и разрешил толпе осмотреть камеры. После этого толпа двинулась к арестному помещению, дверь которого по приказанию помощника пристава Барабаша была открыта, и толпа, проникнув внутрь помещения, освободила из числа заключенных 6 арестантов».

«С полицеймейстером переговорю лично. А сии прокуроры — форменные черти! Скольких офицеров уже сожрали, так подавай им еще! Прежде чем везти Миткевича к Государю, надо самому разобраться и для себя принять решение. А Николаю Антоновичу порекомендую представить Государю подробнейший доклад, иначе его голова полетит вслед за адриановской. Так мы всех дельных людей разгоним, а работать-то кому? Все! Читать всю сию писанину нет никакой возможности!» — и, будучи довольный своим решением, Джунковский встал из-за стола и решительно направился к выходу.

ПОЭЗИЯ

Василий КАЗАНЦЕВ

«ВЫСОКАЯ ДУША…»

Василий Иванович Казанцев — родился в деревне Таскино (Томская область) в 1935 году в семье крестьян-переселенцев. До 1952 года безвыездно жил в своей деревне. В 1957 году окончил филфак Томского университета и работал учителем. Окончил в Москве Высшие литературные курсы. Автор около двадцати книг стихотворений. Очень высоко ценил поэзию Казанцева Вадим Валерьянович Кожинов. К одной из книг поэта он написал предисловие. **Живет под Москвой, в Реутове.**

* * *

Текуче-мягких бликов пятна,
Вода, разлив реки, весна.
Безбрежный мир. И непонятно,
Где вышина, где глубина.

Весна трубит свою победу.
И я по белым облакам,
По облакам я белым еду,
Навстречу светлым еду дням!

* * *

За уснувшим прудом, в отдаленье,
Где по ветру легли камыши,
Одинокое слышится пенье,
Голос чьей-то далекой души.

Как сквозь пламя, пройдя через воздух
И представ отгоревшим, без мук,
Долетает лишь отзвук, лишь отзвук,
Что и тоньше и чище, чем звук…

* * *

Упало дерево в траву.
Я подошел к его вершине.
Устало приподняв главу,
Оно еще витало в сини.

Листва еще не пала ниц,
А все еще была в паренье.
Несмятая — как оперенье
У только что убитых птиц.

Она еще свежо дышала.
Жила. Высокая душа
У самых ног моих лежала,
Доступностью своей страша.

* * *

Дождь пролетел — и снова жарко,
И мягко-ласковой волной
Над гладью ржи, блеснувшей ярко,
Заколыхался дух парной.

Белеет из-под темной корки
Несмоченная пыль. И стриж
Как бы с крутой воздушной горки
Скользит. Что ж ты, душа, молчишь?

Или, почти что неживая,
В беспамятстве глухом своем
Ты спишь, как в детстве мир впивая,
Чтобы откликнуться — потом?

* * *

Если на душе вдруг станет худо
И немилым будет белый свет,
Посмотри вдруг на себя оттуда —
Из далеких, строгих, детских лет.

Если ж взгляд с надеждой ожиданья
Не подарит утешенья свет,
Посмотри с тоской воспоминанья
Из грядущих, дальних, светлых лет.

* * *

Не внемля строгому запрету,
Боясь в пути нарушить срок,
В земле, во тьме, на ощупь к свету
Идет, идет, идет росток.

Дорогой тесной, незнакомой,
Сквозь сеть истлевшего листа,
Чрез слой запаханной соломы,
Из-под тяжелого пласта.

Пробьет заслон последний — выйдет
Туда, где путь ветрам открыт.
И в стылой, ранней мгле увидит,
Что свет — внутри его горит.

* * *

За туманными, давними днями,
Как за дальней, исходной чертой,
Окружен был лесными полями,
Как разлившейся, полой водой.

Гладко-ровных полей неоглядность
Зазывала в далекую даль.
И почти незаметно сквозь радость
Тонкой тенью светила печаль.

И дорогою торной и ровной,
И неровной, по кочкам и пням,
Я проехал Россией огромной —
По лесам, по горам, по долам.

И меня опахнуло безбрежье
Ветром знойным,
сырым холодком —
И поля я увидел все те же,
Что и в детстве я видел своем.

И приснился вдруг
сердцу знакомый
Свист в пшенице. И шум в камыше.
И приснился вдруг отсвет соломы.
…А сильней, а сильнее в душе

Всколыхнулась вдруг тайная радость,
Что звала в непонятную даль.
…А сильней всколыхнулась,
чем радость,
Где-то в глубях бездонных — печаль.

* * *

Глубина и прозрачность в природе.
Успокоился лес, не шумит.
В опустевшем лесу на колоде
Человек пригорюнясь сидит.

Но кручина его — не кручинна,
А легка и добра. И светла.
И летуча. Она беспричинна.
Неизвестно откуда пришла.

Шелест, свет в ней и дальняя сойка,
И блестящая, тонкая нить,
И печали в ней ровно настолько,
Чтобы счастью — законченным быть.

* * *

Размытый, темный мох древесный.
Беззвучных мошек хлопотня.
…Безмерный, вечный мир разверстый
Глядит, приблизившись, в меня.

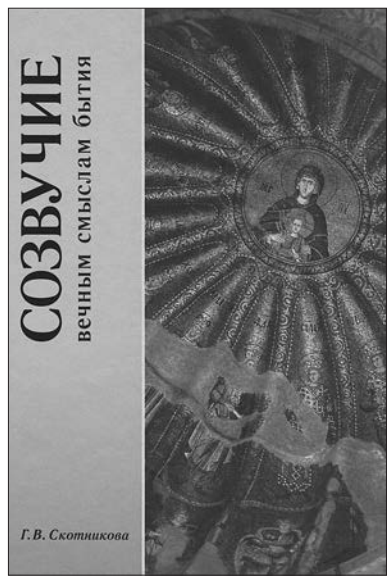
Сгорающий от нетерпенья,
Он молча, жадно ждет в ответ
Восторженного подтвержденья,
Чем жив свои мильярды лет.

Глядит в меня темно, сурово —
Как будто весь без моего
Никем не слышимого слова
Бессмыслен вечный путь его.

Вышла книга

Скотникова Г. В.

Созвучие вечным смыслам бытия. СПб., 2012. — 200 с., ил.

Книга профессора Г. В. Скотниковой представляет собой сборник статей и выступлений разных лет, объединенных общей проблемой русского самосознания. Автор стремится раскрыть духовные основы русской культуры. Особое внимание уделено цивилизационному значению исторической преемственности с византийской традицией. Проведен глубокий анализ национального типа философствования, укрепления ценностных опор жизни нашего современника.

Валерий ГАНИЧЕВ

«ВООДУШЕВЛЕННЫЙ ВЫСШИМ ИДЕАЛОМ»

Всемирному Русскому Народному Собору 20 лет

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

2013-й год — год знаменательных юбилеев. Среди них — 400-летие Дома Романовых, 300-летие Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, 70-летие победы в Сталинградской битве. 20-летие Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС), конечно, не такой звучный юбилей, но глубоко и содержательно значение этой даты в истории России. С одной стороны, 20 лет для организации — срок небольшой, но с другой стороны, если бы 20 лет назад Собор не возник, то до сих пор, наверное, продолжали бы газеты и журналы, подобные тогдашним «Известиям», «Независимой газете», «Коммерсанту», «Огоньку», «Московскому комсомольцу», да и другим так называемым СМИ, глумиться над Отечеством. И до сей поры бы раздавалось: «Россия — бывшая тюрьма народов», «патриотизм — последнее прибежище негодяев, русский национализм — наибольшая опасность для страны». И продолжали бы называть нашу великую Отчизну местоимением — «эта страна», подразумевающим Россию нецивилизованной, отсталой, мракобесной, и требования изменить ее национальный код звучали бы гораздо громче, чем сегодня. В начале и середине 90-х годов восторжествовал в стране необузданный, по сути бандитский, капитал, слившийся с капиталом международным и подчиненный этому космополитическому мировому финансово-политическому монстру. И мы все знаем о последствиях этого слияния.

Трудно забыть, как Ельцин со щедростью разгулявшегося купца провозгласил, обращаясь к национальным республикам и объединениям: «Берите суверенитета столько, сколько возьмете», тем самым подталкивая их на отделение от России. И многие из безответственных поли-

тиков и деятелей-говорунов — взяли. Страна затрещала. И в результате после 91-го года 25(!) миллионов соотечественников осталось вне территории России. 25 миллионов — это очень много. Русский народ оказался **разделенной нацией**. Когда немцы разделились в результате Второй мировой войны, то вся сердобольная западная печать застонала, говоря о несправедливости истории, хотя, если говорить откровенно, то Англия, Франция да и Америка потихоньку радовались ослаблению конкурента. Горбачев объединил Германию, получив за это звание «лучший немец». А вот «лучшего русского» до сей поры не нашлось.

В бывших союзных республиках все русские люди, кто восстанавливал хозяйство этих земель, учил детей, утверждал передовую науку, в одночасье превратился в «оккупантов». Зазвучал лозунг: «Чемодан! Вокзал! Москва!» А ведь не так давно оттуда звучали мольбы о помощи: «Создайте азбуку, научите грамоте. Постройте школы и вузы, создайте заводы». Радостно потирали руки иноземные идеологи: Россия, казалось, рушилась безвозвратно. Страну стали покидать изобретательные умы, образованные люди. Для подтверждения одиозности советской власти в то же время на все лады повторялось, что после революции начала XX века на «философском пароходе» было отправлено из России за границу две тысячи философов, историков, социологов, политологов, инженеров, ученых. Это, конечно, был печальный факт. Но вот, по некоторым данным, на запад, за границу, в 90-е годы XX века уехало около двух миллионов специалистов (!). Советских, русских интеллигентов. Несопоставимые цифры.

Внутри страны убедительно звучали голоса пессимистов: «Россия пропала, ей никогда не подняться». Оптимисты с упорством повторяли: «Вот придет новый Петр I или Сталин — все станет на свои места». И лишь реалисты да уверенно православные люди призывали восстанавливать жизнь, строить, опираясь на русскую культуру и Русскую Православную Церковь. Часто повторялась старинная крестьянская пословица: «Умирать собираешься, а рожь сей». Страна, действительно, лежала в духовных и материальных руинах: иссякала национальная промышленность, добивалось сельское хозяйство, а, главное, искоренялся дух народа, тот созидательный, неистощимый в борьбе и в труде исконный русский дух. Тот загадочный и извечный «русский дух», который всегда спасал и восстанавливал Россию. И, главное, в нем была вера, утверждавшаяся Русской Православной Церковью, и соборность, сберегающая в веках общие национальные духовные ценности.

Конечно, русофобские настроения не были новью, они существовали и в годы советской власти, и в царское время, когда с ученых кафедр университетов Империи неслись проклятия царскому строю и «этой» стране. Но в 90-е годы был достигнут предел! Из школ и библиотек изгонялась русская классика, театр и кино перестали быть русскими. В связи с этим вспоминается драма «Борис Годунов» Пушкина. Помните, как единственный грамот-

ный в кабаке человек, взяв у стрельцов грамоту, читал про приметы беглого монаха Гришки Отрепьева, поглядывая на Варлама. Этот единственный грамотей так описал черты молодого беглеца, что стрельцы уже приготовились хватать старого Варлама, вскрикнувшего: «Постой, постой, если дело доходит до петли и шеи, то и я прочитаю». И стал читать явственно прописанные черты Гришки Отрепьева, будущего Лжедмитрия, и Гришка сиганул в окошко. Так же и в 90-е, когда дело «дошло до петли и шеи», русский люд встрепенулся. В то время во всех автономиях, национальных землячествах были созданы национальные союзы, федерации, объединения по национальному признаку. И лишь у русских такого объединения не было, они еще «парили» в Советском Союзе, но постепенно раздавались национальные «сейсмические» толчки, которые могли превратиться в национально-разрушающее землетрясение. Хотя были и героические одиночки, не боящиеся говорить о русском духе, русском деле, о русском языке, русской школе, русской культуре, русской вере. Нельзя не вспомнить таких людей, как И. Глазунов, В. Солоухин, И. Шафаревич, Л. Бородин, существовал «Русский клуб» С. Семанова, вспомним А. Ланщикова, П. Палиевского, Д. Жукова, В. Гуминского, С. Небольсина и др. Вспомним писателей — Ю. Лощица, П. Паламарчука, С. Лыкошина, С. Куняева, А. Проханова, С. Викулова, мастерскую Ю. Селиверстова. Но объединения русской мысли еще не было. Не стало М. Шолохова, оттеснялись Г. Свиридов, С. Бондарчук. Нужна была организация, общественная, сильная, массовая организация, нужна была сила, направленная на защиту прав и места русского народа в своем государстве.

Как все начиналось?

Помню первый «Русский собор» генерала Стерлигова. Откуда и как он взялся — это дело историков и спецслужб. Но мы все, русские патриоты, ринулись туда. Я был на первом и втором Соборах в Нижнем Новгороде. Помню радость, сменившуюся тревогой. Из-за чего появилась эта тревога? Те соборы напомнили одно наблюдение, подмеченное и рассказанное мне тогда еще митрополитом Кириллом: «Вот видишь, женщины сидят во время трапезы. Обрати внимание — они все говорят одновременно, все задают друг другу вопросы и одновременно все друг друга не слушают».

Да, Русский собор генерала Стерлигова чем-то напоминал эту группу женщин — на заседаниях были монархисты, республиканцы, коммунисты, неофиты-священники, атеисты со стажем. Вот они все говорили непрестанно, задавали и задавали вопросы и, конечно, не слушали собеседников. Немудрено, что Собор развалился.

Была еще вторая попытка. В киноконцертном зале «Россия» проходил I Русский Конгресс. Он порождал надежды, на открытие собрались сотни людей. Собор организовали довольно авторитетные силы, которые возглавлял Сергей Бабурин (РОС), Виктор Аксючиц (Христианская партия) и Виктор Астафьев (партия кадетов). Это был впечатляющий, горделивый в своей миссии конгресс, хотя уже само название ставило знак вопроса над его сутью. В зале находились солидные делегаты-созерцатели, вдоль рядов ходили слегка выпившие казаки. Были и обычные завсегдатаи политических митингов, своеобразные старинные новго-

родские мужики-крикуны или, как их называли раньше, «горлопаны», восторженные юнцы и испуганные старушки. Я заметил (ну как же не быть на русском собрании, да и пригласили) и наблюдателей. Галина Старовойтова что-то лихорадочно записывала, спокойно, хотя и настороженно следил за ходом конгресса бывший работник ЦК партии, будущий посол новой власти в Израиле Бовин. Видимо, они исследовали и делали выводы, сколь сильна эта нарождающаяся сила. Но силы ни тогда, ни в ближайшие дни не народилось: уж очень разными, хотя и хорошими, там были люди. Все-таки лебедя, рака, щуку в одну повозку не запрячь. Да и кучера не было. Была еще в то время претендующая на «русскость» партия «Держава» амбициозного и уверенного в себе Руцкого, а также поныне существующее общество «Память», немало сделавшее для восстановления исторических событий. Но вызывающее, даже провокационное поведение ее некоторых членов способствует возникновению у противников «Памяти» устойчивого убеждения, что эта структура организована спецслужбами или даже ЦРУ. Уж так эти деятели были неуравновешенны и ничего не боялись.

В один из вечеров мой сосед по дому, писатель Олег Васильевич Волков, слегка грассируя, сказал: «Неладно на Руси, не объединяется народ». Волков — потомок адмирала Лазарева, автор «Роман-газеты» и, безусловно, патриот России. А мне перед этим бывший бунтарный комсомолец, член немного мифического Русского конгресса Юра Луньков, зная, что я печатал О. Волкова и его «Погружение во тьму» и у меня хорошие с ним отношения, сказал: «А не поговоришь ли ты с ним, чтобы он возглавил комитет по созыву и созданию Русского Собора?» Так я и Олег Васильевич оказались на первых, неопределенных еще по задачам собраниях по созданию русской организации. Там становилось ясно, что на общественную арену выходит Русская Православная Церковь. На первом заседании оказалось, что мозгом и мотором нарождающейся организации стал митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл. Я думаю, что в Патриархии давно искали, помимо церковных структур общин верующих, опору в массовой общественной организации. У общества такая тяга появилась, у Церкви понимание такой общественной силы было всегда. Была определена опорная основа — **русский народ**, вокруг которого объединялись все народы страны. Без особых споров с нашей стороны решено было собрать I Съезд русских. Потом стало ясно, что надо назвать его I Всемирный Русский Народный Собор. Слово «всемирный» проводило связь с эмиграцией в дальнем зарубежье и протягивало руку соотечественникам в странах близкого зарубежья.

К сожалению, Олег Васильевич Волков, замечательный писатель, отсидевший в лагерях и ссылках 29 лет, не потерявший уважения и любви к своей стране, к России, тогда отошел от движения. Возраст был близок к 90 годам, да и здоровье пошаливало.

I Соборный съезд состоялся. Заседание проходило в Даниловом монастыре, в Патриарших палатах. Митрополит Кирилл посетил все секции, внимательно слушал, общался с его участниками, сделал центральный доклад. Соучредителями съезда явились: отдел международных сношений Русской Православной Церкви, Земское движение, «Роман-журнал» (я был там главным редактором), объединение «Белая Русь», Русский Конгресс,

Русский университет и др. Были выбраны пять сопредседателей — митрополит Кирилл, главный редактор «Роман-газеты», писатель, профессор В. Ганичев, профессор Н. Нарочницкая, политолог Ю. Луньков, экономист и предприниматель О. Кольченко. Вот тогда и стал уже по-настоящему складываться Всемирный Русский Народный Собор. На первых заседаниях слышались многочисленные стоны, чувствовалась боль соотечественников, вставал вопрос о массовом воцерковлении, о защите русских людей, о культуре, традициях и становлении святынь.

Многие из участников еще не понимали, куда они попали, пребывали сначала в митинговом экстазе, курили в Патриарших покоях, безмерно громко кричали, были не выдержаны и нетерпеливы.

Мы и, в первую очередь, митрополит Кирилл успокаивали, обсуждали спорные вопросы, выстраивали линию поведения и защиты. И самое главное, впервые с такой всероссийской трибуны прозвучали слова «разделенная нация», прозвучали слова о решающей роли русского народа, о национальном самосознании, национальной культуре, а обществу стало ясно, что без духовной силы Православия Русской Православной Церкви воссоздания России не произойдет. А тогда у очага России стояли многие охотники разделить, разорвать, обмельчить ее в территории, силе духа.

Ошеломило многих заявление митрополита о том, что **универсализм церкви** на этом этапе, как и на других, сыграл громадную роль в истории государства Российского. Он не изгонял интернационализм, а как бы растворял его в более вещественной категории. Стержнем и опорой принципа универсализма явилась воспитанная Православием русская ментальность, которая пропитывала и скрепляла государство в единый организм. Стойкий, терпеливый, смиренный и жертвенный, одушевленный высшим, религиозным, смиренным идеалом русский народ был способен вынести любой груз, в том числе и тяжесть ойкумены. «Вошедшая в поговорки загадка русской души — это загадка Российского государства», — сказал митрополит Кирилл. Это, конечно, в условиях растерянности, раздоров в обществе, противостояния различных групп было нитью, канатом соединения и единения государства в единый организм. Громко и явственно с общероссийской трибуны из Свято-Данилова монастыря прозвучало в ответ на все внутренние и внешние беды: **«Для русских не остается никакого пути, как путь возрождения своего национального начала»**. А вслед за этим здоровый упреждающий голос Церкви: «Это возрождение по своей природе не может быть узко националистическим». И здесь, в развитии русского национального начала, единственной силой, способной оплодотворить и реализовать русскую национальную идею без того, чтобы навсегда погубить универсальную миссию нашего народа, является Православная Церковь. И это была не самонадеянность, не клерикальная амбициозность, а та реальность, которую начало сознавать в 90-х годах русское общество. И потому с этого момента Русская Православная Церковь явственно становится духовным лидером (каким она и была фактически все годы) в общественной миссии русского народа и в широких общественных кругах. Но до этого еще было так далеко — говорил тогда митрополит Кирилл.

«Без всякого сомнения, — сказал он, — Русской Церкви еще много надо сделать, чтобы она «**воспряла**»(!)

Тут дело и в возрождении и строительстве храмов, и, главное, в церковном возрождении народа. А для этого необходим личный духовный подвиг каждого. А подвиг требует сил, жертвы.

Итак, Первый Русский Собор не обещал легкой победы, торжества. Он потребовал подвига от каждого, кто заинтересован в возрождении России и русских.

Таким откровенным, жестким, но указующим словом в обществе еще никто не говорил. А это был язык сражения, язык борьбы: отступать некуда — позади Россия!

Собор принял специальное заявление, многочисленные документы секций.

Создание общественной организации русских состоялось. Да, именно **общественной организации**, как подчеркивала Церковь. Не церковной, не клерикальной, а общественной.

Да, это был исторический момент, в копилку которого ложились и ложились всё новые средства и усилия. Вот один пример: в конце был прием, в центре зала стоял Патриарх Алексий II, глаза его, как всегда, лучились, он был доволен результатом, на прием примчался сподвижник Ельцина, будущий зам. главы правительства Шумейко. Власть, получив информацию о Соборе, решила, что надо участвовать! Мероприятие стоящее и, пожалуй, таких еще не проходило. И с того появления уже на каждом Соборе был Президент, или премьер, или приветствия от них. Были и представители политических партий разных направлений, оценивавшие события. Ко мне подошел на приеме Геннадий Зюганов и попросил представить Патриарху Алексию II. Я подвел Зюганова и сказал: «Вот представитель партии КПРФ». Алексий II улыбнулся, он, конечно, знал Зюганова, а тот сказал, что их партия тоже борется за мир и согласие, за возрождение России. Патриарх одобрил сию позицию и к удивлению многих благословил Геннадия Андреевича, который с тех пор присутствовал на всех пятнадцати Соборах.

Собор задышал. Заключительное слово из Заявления потекло в разные стороны и страны.

«Россия — мать русских, и наш святой долг оказывать поддержку всем русским... Каждый русский должен знать, что Россия — его отчий дом, здесь его помнят, ему сострадают, ждут, всегда готовы принять под свою кровлю».

Очень и очень ответственное и обязывающее всех нас заявление, если ты хочешь быть русским.

Именно I Собор определил главную задачу: собрать духовные силы страны, духовные силы русского народа. А то ведь в 90-е годы многие были ошеломлены невзгодами, неудачами страны, ушли в себя. Появилось на фоне разобщенности, даже взаимных обвинений чувство одиночества и растерянности, разрушительности всего, включая страну.

Надо было осмотреться, подумать, собрать мыслящие силы страны для возрождения. Надо было обратить свои сердца и мысли во глубину веков — к вере предков, к их опыту преодоления смуты. Поэтому I Собор и был посвящен Сергию Радонежскому и имел название **«Российская духовная мысль»**. И когда она стала собираться, когда стала пульсировать вокруг Собора, II Собор уже имел линию поведения и деятельности, определив свою повестку так: **«Через духовное обновление к национальному возрождению»**. Это и стало смыслом Собора.

Кто был нашим противником?

Понятно, что это русофобы всех мастей в стране и за рубежом. Это многие либеральные лидеры и их пресса. Это отпетые западники. Это многие «новые русские», среди которых было немало хапуг разных национальностей, т. е. капитал, обобравший народ и всеми способами уводящий свое богатство за границу. Это напуганные многочисленными годами советской русофобии обыватели и прежние руководители разных уровней.

Присутствие Церкви в работе Собора озадачило и напугало русофобов-западников и либеральных, небескорыстных вождей. Они считали ее своим союзником в разрушении Советского Союза. А тут? Церковь же, конечно, не разрушала и не восстанавливала Советский Союз, понимая его грехи и беды. Она воцерковляла народ, она понимала, что у этого народа должна быть своя крепкая и независимая Держава.

Вот тут-то и проявились истинные намерения врагов России, которые сформулировал и озвучил столп американской дипломатии и либерального мировоззрения Бжезинский, коего возносила наша русофобская братия: «Главной опасностью после разрушения коммунизма является Русская Православная Церковь». В то время либеральная верхушка еще не решилась открыто нападать на Церковь, это потом, после миллионных очередей к поясу Богородицы, либералами на западные деньги был разработан проект с бесноватыми девицами. Но, тем не менее, в кулуарах и прессе о первых двух Соборах, которые набирали силу, раздавались голоса: «шовинизм», «национализм», «мракобесие» и даже пресловутое — «красно-коричневые». Но Собор было уже не закрыть, не заглушить его благовест, не остановить соборное моление. Русские люди увидели в нем опору и надежду, в первую очередь потому, что стержнем была Русская Православная Церковь.

Кто были нашими союзниками, основой Собора, кто поддерживал нас?

Конечно, Собор опирался на русских людей и людей других национальностей, особенно важно было привлечь к участию в работе Собора представителей науки, культуры, труда. Их опыт, их профессиональные достижения создавали мировоззренческие стержни Собора, его опоры, источники его идеологических смыслов, излучающие свет и знания.

Жесткие и непримиримые выступления писателя Валентина Распутина, восторженные речи первого лауреата Патриаршей премии Владимира Крупина, пробуждающие интерес к истории Отечества выступления художника Ильи Глазунова, неожиданные и, как многоходовки, осмысленные суждения чемпиона мира по шахматам Анатолия Карпова, весомые и убедительные речи ректора МГУ Виктора Садовничего, вразумительные духовные слова композитора Георгия Свиридова, дирижера В. Федосеева — сливались в гармоничное полифоническое многоголосие Собора. Рядом с мелодически-поэтическим откровением певицы Т. Петровой, картинами и делами художника В. Сидорова, критически-точными замечаниями Героя Советского Союза, разведчика Владимира Карпова, взявшего в плен 75 «языков», звучала боль за детей из уст главы Детского фонда Альберта Лиханова. Верилось рассудительным замечаниям видевших нашу Землю из

космоса космонавтов Крикалева, Севастьянова и Леонова, зажигательным стихам народного артиста, поэта Михаила Ножкина, больно отзывались в сердцах воспоминания писателя-афганца Виктора Николаева, вызывали восторг экспромты Героя Советского Союза и Героя России полярника Артура Чилингарова. Сотни, тысячи ограненных духовно, драгоценных и неповторимых людей Отечества сразу влились в наш Собор. Вспоминаешь и вспоминаешь, как ярко выступал мудрец и обличитель «холуяжа» драматург Виктор Розов, главный редактор «Нашего современника» С. Куняев, врачи-спасители академики Анатолий Чучалин и Анатолий Цыб, ученый-ядерщик Радий Илькаев (кстати, он из Сарова, где мы создали отделение ВРНС). А мыслители! — художественные критики и публицисты В. Гуминский, С. Небольсин, Ф. Кузнецов, А. Кожинов, Л. Баранова и борцы за русскую школу профессора Е. Белозерцев из Воронежа, И. Гончаров из Санкт-Петербурга, Е. Троицкий из Москвы. Нельзя не вспомнить составителей документов первых Соборов С. Лыкошина, Э. Володина, С. Перевезенцева, С. Котькало и позднее С. Анисимову, Н. Жукову, В. Шатохина, М. Белоусову. Это был подлинный иконостас, мысль и душа Собора. «Россию не победить. У нее такая культура, такая наука», — сказал композитор В. Федосеев. Ответственными секретарями Собора были люди, преданные делу: Андрей Поздняев, Олег Ефимов. Сейчас непомерную ношу несет Олег Костин, взваливая и взваливая на Собор, а значит, на свои плечи, все новые мероприятия.

Заседания проводились вначале в гостинице Данилова монастыря, а затем зале Церковных Соборов храма Христа Спасителя. На Соборе звучали и внимательно выслушивались точки зрения людей разных воззрений. С уважением отнеслись и к представителям других религий. Так, верховный муфтий России Талгат Тайджуддин сказал на Соборе знаменитые слова: «Для мусульман России Святая Русь — тоже Святая Русь». Это ли не торжество людей России.

Особое внимание, хотя часто и настороженное, было проявлено представителями власти. Так, показал свое уважение к Собору, придя и выступив на нем, Президент России Владимир Владимирович Путин. А представители Думы и Совета Федерации, ее руководители постоянно были участниками и гостями Собора. Я бы сказал об особом отношении к Собору Л. В. Слизки, которая не раз выступала на нем с приветствиями и специальными докладами. Также со вниманием к работе Собора относились депутаты С. Попов от Омска. А. Гаврилов от Воронежа, Г. Ивлиев от Оренбурга и другие.

Интересными были доклады министра иностранных дел России Сергея Лаврова, в которых отмечались проблемы православных людей и Православия за рубежом.

И, конечно же, выступления представителей политических партий, которые прежде о каких-то специальных русских проблемах и слышать не хотели.

Накануне 2000-летия Христианства в декабре 1999 года состоялся V Всемирный Собор с повесткой дня: «Вера. Народ. Власть», что решающим образом повлияло на отклик народов и государства. Наверное, не было такой трибуны в стране, где выступили одновременно представители большинства политических партий, фракций и избирательных объединений. А на Всемирный Русский Народный Собор, в церковь — они пришли, хотя

обстановка в стране была напряженной. Это был очень представительный Сбор различных политических групп, многие из которых учились говорить и слушать оппонента. Учились общаться представители крупнейших парламентских партий и движений: «Союз» (Н. Рыжков), «Наш дом — Россия» (В. Черномырдин), КПРФ (Г. Зюганов), ЛДПР (В. Жириновский), «Отечество» (Ю. Лужков), «Женщины России» (А. Федулова), «Яблоко» (Г. Явлинский), «Российский общенародный союз» (С. Бабурин), «За гражданское достоинство» (Э. Панфилова), «Кедр» (А. Панфилов) и другие.

Это был представительный форум, на котором складывалось концептуальное видение настоящего и будущего страны. И с тех пор в программах и заявлениях почти всех партий стали появляться статьи и положения о России, русском народе о национальном самосознании и культуре. К сожалению, часто лишь формальные. Не могу сказать того же о губернаторах, многие из которых понимали консолидирующую роль Всемирного Русского Народного Собора. Отделения Собора были созданы в Волгограде (губернатор Максюта), Белгороде (губернатор Е. Савченко, много внесший в практику служения России), в Смоленске (где губернатор, принявший Крещение будучи взрослым человеком, сказал важные слова: «Наконец-то я заговорил языком собственного народа»). Я не могу давать оценку деятельности духовных особ — это делает Патриархия. Но хочу особо сказать о тех, с кем мы, ВРНС, сотрудничали, получали поддержку на протяжении ряда лет.

Это, конечно же, митрополит Саранский и Мордовский Варсонофий, много сделавший для прославления святого праведного адмирала Федора Ушакова. Это митрополит Челябинский Феофан в Магадане, Ставрополе и Челябинске, много помогавший соборянам. Это митрополит Иннокентий, приехавший из Читы и находящийся ныне в Париже, немало способствовавший нашим делам. Это митрополит Калужский и Боровский Климент, выступавший на многих соборных мероприятиях. Митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл, чьим словом и мыслью мы не раз ободрялись в Екатеринбурге, Туле и Ярославле. Я не могу не сказать о двух блестящих пастырях архимандритах Сретенского монастыря — Тихоне и Свято-Даниловского монастыря — Алексии, на чьи плечи и мудрость мы не раз опирались. Называть можно многих, но весь путь с Собором прошел отец Всеволод Чаплин, вначале как его участник, внимательный редактор, а теперь, став заведующим отделом Патриархии по связи с общественностью, уже как наш «начальник», заместитель Главы Всемирного Русского Народного Собора.

К сожалению, я называл лишь малую часть наших помощников и соборян.

Продолжатели лучших общественных традиций

Да, хотелось бы видеть себя продолжателями лучших общественных традиций. Ну, например, Собора примирения 1549 года. Его не следует забывать и относиться к нему, как к исторической картинке. Другие, конечно, времена, другие нравы. Но многие правы, что взамен дубины (а не существа «прав человек») появилось страшное «чудище поганое» — взятка. Вспомним, что за это знакомое труднопобедимое «чудище» при Петре I была порка, позднее были и ссылки. Но явление укоренилось, хотя поубавилось в советские годы.

Но вот в 90-е годы «чудище» опять подняло головы на всех уровнях. Тут должно говорить и о законе, и о совести. Закон должен быть беспощадным и видным всему обществу, а совесть должна не утихать никогда и нигде: ни дома в семье, ни в школе, ни на работе, ни в СМИ. Вспомните убийственные слова бывшего мэра Москвы Гавриила Попова: «Мы должны проявлять больше хамства». Ну как тут вести речь о совести?

Что же касается предложения взять пример с Собора 1549 года, объявившего борьбу со взяточничеством, коррупцией, то наш Собор готов на это, так как всегда был против этих страшных явлений, и потому, что по сей день, к сожалению, вопрос не закрыт. И его в ближайшее время не удастся исчерпать, как и саму борьбу со злом.

Какой Собор больше всего запомнился?

Иногда мне задают этот вопрос. Честно говоря, каждый Собор по-своему значителен и важен. Но были особенные, так как открывали новую важную страницу в истории не только ВРНС, но и в принципиальных общероссийских и даже мировых ситуациях.

Так, впечатление разорвавшейся бомбы в либеральных и прозападных кругах произвел X Собор «Вера. Человек. Земля. Миссия России в XXI веке» 2006 года в Москве. Как всегда спокойно и уверенно выступал Патриарх Алексий II. С докладом «Права человека и нравственная ответственность» выступил митрополит Кирилл. Это был церковный и общероссийский ответ на «пугало прав человека». Некоторые страны и политические круги в мире присвоили себе право судить людей и даже целые страны, не обращая внимания на их особенности и историю. И это право прикрывалось троянским конем «прав человека».

«Православная традиция, — сказал митрополит Кирилл, — являющаяся культурообразующей для русской цивилизации, не может не ответить на этот вызов, иначе русский мир превратится в маргинальное явление в современном мире».

Воздав должное провозглашенным правам человека в борьбе с безбожием, уничижением и злом, митрополит Кирилл отметил, что концепцией прав человека часто прикрывается ложь, неправда, оскорбление религиозных и национальных ценностей; кроме того, в комплекс прав человека постепенно интегрируются идеи, не только противоречащие христианским, но и вообще моральным ценностям человека. Все это переводит тему прав человека в тему спасения человека.

Это был незабываемый доклад. С одной стороны, глубоко философский, мировоззренческий, размыслительный, призывающий к раздумью о судьбах человека и человечества, в то же время он был глубоко богословский, православный, со ссылками на Евангелие и другие священные книги.

Совокупность удивительной насыщенности мысли, высокого слога, образности и филологической ценности являлась главной силой этого доклада.

Да, доклады высших иерархов Русской Православной Церкви и на других Соборах, особенно выступления Патриарха Алексия II, становились программными для всех последующих Соборов и Соборных встреч. А Соборные встречи в ряде случаев играли роль Собора.

Собор действовал и за границами России, там, где решения Собора получили поддержку и где Церковь, верующие христиане, даже католики, подверглись нападкам. Почти из всех конституций стран Европы, как известно, христианство, как духовный стержень жизни страны и народа, было изгнано. Страны Европы секуляризировались. Однополые браки — пожалуйста, гомосексуализм — пожалуйста, всякого рода проституция — пожалуйста, а вера, крест — ни за что. Это запрещалось, якобы, «правами человека». Верующие и церковь на Западе стали искать опору в решениях Русского Собора, в выступлениях Патриарха Алексия и митрополита Кирилла. Я выступал с докладом о роли литературы на конференции в Вене, которую организовали европейские католические и другие религиозные организации. Конференция пригласила митрополита, которого сопровождала представительная делегация наших священников, докторов наук, специалистов в области веры, юриспруденции, культуры. Конференции было дано проникновенное, обращенное к обществу и властям название «**Верните душу Европе**».

Заседание Всемирного Русского Народного Собора

В докладах и сообщениях западных коллег звучали довольно резкие слова и заявления. Например, «Европа представляет собой колосс на тонких духовных ножках», или «Мы заявляем, что варвары на границе Европы, а они в наших СМИ и в правительствах». И это ведь говорили не левые, пророссийские политики, а западные богословы и культурологи, каждый раз раскрывая агрессивность и бесцеремонность так называемой политики «прав человека». Таким образом, о решениях Собора узнавали все более широкие круги. Деятельностью и решениями Собора интересовались в ООН и в ряде европейских организаций.

Уникальной можно назвать Соборную встречу «Вера и знание». Впервые в истории России за столом президиума и в зале заседания были Патриарх Алексий II и президент Академии наук Ю. Осипов, митрополит Кирилл и министр науки и технологий В. Е. Фортов, многочисленные ученые, академики, доктора наук, владыки и другие священники, люди церкви и науки. Заседание проходило в Москве и в Троице-Сергиевой Лавре. Был вразумительный, разноплановый, понятный всем разговор о вере и знании. Запомнилась речь доктора наук, академика Бехтеревой и такая мысль:

«Я занимаюсь физиологией мозга. Мы постоянно вторгаемся в него, изучаем его, и вдруг, дальше непонятно ничего — дальше Творец».

Да, для России XX и даже XXI века это был необычный разговор, ведь сотню лет нас убеждали, что наука и религия несовместимы, люди творческие, интеллектуалы не могут быть верующими. А как быть с Ломоносовым, Пушкиным, Гоголем, Достоевским, как быть с академиком Павловым, маршалом Жуковым? В разговорах родилась формула, которая определяла итог этой уникальной Соборной встречи: «**Наука и религия не антагонисты!**»

Собор и Русская Православная Церковь провели Соборные слушания «Ядерные вооружения и национальная безопасность России (1996 год)», где митрополитом Кириллом было особо подчеркнуто, что Русская Православная Церковь на протяжении многих десятилетий вела активную миротворческую деятельность. Но тогда, в середине 90-х, было видно, как разваливается «ядерный щит державы»: останавливались многие уникальные предприятия, разрушались атомопроизводящие города и центры, уходили из жизни ученые, отдавшие науке всю свою жизнь. Соборная встреча проходила в МГУ и прозвучала серьезным предупреждением всем силам, которые пытались ослабить страну. В заявлении по итогам Собора было твердо сказано: «Россия не сможет обойтись без своего ракетно-ядерного щита». Это ведь было не заявление МИДа или Министерства обороны — это было конкретное заявление русской общественности и заявление Русской Церкви, понимающей, что гибель России будет обозначать гибель человечества. Это заявление прозвучало особенно убедительно в то время, когда НАТО рвалось и подходило непосредственно к нашим западным границам.

И еще о наших скрепах. Конечно, это русский язык. Русскому языку выпала миссия языка-объединителя: нет, это не имперская амбиция, а плод влияния и развития этого нашего сокровища на протяжении веков от Киевской Руси. Но самое главное — это язык великой культуры, литературы — Ломоносова, Державина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Толстого, Чехова, Блока, Есенина, Шолохова, Леонова, Ахматовой, Распутина, Белова, десятков великих русских писателей. Собор заявил об ответственности каждого русского человека за состояние русского языка. Тогда, когда во всем мире развернулась агрессия массовой культуры, культурно-языковая экспансия, в условиях постмодернистской действительности ясно, что русский язык нуждается не в декларативной, а действенной, разумной созидательной политике, в защите от агрессивной, негативной политики СМИ, от информационно-агрессивной психологической политики. Многие преподаватели, ученые заявляли, что время снова требует, чтобы в России относились к языку, к слову, как к **великому дару, дарованному свыше**, как к сокровищнице национальной культуры.

Очень важной была одна из первых Соборных встреч в мае 1994 года, посвященная русской национальной школе. Мнения разделились. Одни выступали за массовое создание национальных школ: в России были созданы армянская, еврейская, немецкая, английская, испанская. Это хорошо. Но русская школа № 141 в Москве оказалась одна.

На той Соборной встрече, а затем и на Соборе выступили Валентин Распутин, Владимир Гусев, Татьяна Петрова и др. Внимательно следил за его ходом А. И. Солженицын, который поддержал идею русской школы,

защиты русского языка. Он сам предложил составить список русских слов, которые надо вернуть в обиход. Мы с горечью говорили, что современные ученые и писатели не борются с иностранным влиянием, как боролись в свое время Ломоносов, Сумароков, Фонвизин, Карамзин, великий просветитель, ученый, Государственный секретарь при Александре I адмирал Шишков, речь которого, чистая, русская, правильная, так была необходима Императору и народу в 1812 году. Известно, что Шишков писал в тяжелый для России час воззвания, о Бородинском сражении, об оставлении Москвы. И когда ее освободили, изгоняя захватчиков из России, великий адмирал возглавил просвещение в России.

Слава Богу, книга о Шишкове, его речах вышла в издательстве «ИХТИОС» (главный редактор С. Котькало). А в прежние времена кто знал Шишкова? Его имя затаптывалось, или просто забывалось, как имена всех защитников русской речи, понятных русских слов.

Не раз говорилось на Соборе о необходимости установления Дня русского языка. И такой день в день рождения А. С. Пушкина был установлен. В Белгороде появился памятный знак Русскому Слову, в Ульяновске — памятник букве «Ё», в Дагестане — памятник русской учительнице.

И эта работа, что сродни борьбе, о защите русского языка должна быть продолжена на всех уровнях — и в спорах за восстановление написания сочинений в школе, и за составление списка соответствий русских слов иностранным. Надо широко внедрять белгородскую инициативу по борьбе со сквернословием, по созданию системы штрафов и замечаний. Установить премии за чистоту и культуру русского языка.

В общем, мы не имеем права останавливаться в защите, укреплении и пропаганде русского языка.

Наши недостатки и проблемы

Проблемы, как и в каждом деле, у Собора, у членов Собора, конечно, были, иногда даже от благих намерений. Были проблемы с юридической регистрацией Собора, главой которого не сразу официально стал Святейший Патриарх, а заместителями определили: митрополита Кирилла и от православных мирян — председателя Союза писателей России писателя В. Ганичева.

Недоделок, несделанных дел, неосуществленных замыслов в Соборе, конечно, хватает. Мы затронули ряд проблем русского населения, всего народа. Но часто только затрагивали их, а не решали, да и решить их полностью нельзя. Но надо продолжать изучать ситуацию, выявлять болезненные моменты, заявлять о них, устранять их. И еще, на мой взгляд, несмотря на все сложности, трудности и даже поражения, не надо терять, простите за пафос, историческую уверенность, не предаваться унынию, тем более панике. Как сказал великий флотоводец и святой Федор Ушаков, набирая флотские команды, «надо собирать по человечку». И нам надо собирать силы, знания, умения для России, для общего дела. И где только есть возможность, обращать их в действие.

Одной из главных задач из не сделанных дел является создание отделений Собора в областях. Соборы были созданы в Смоленске, Волгограде, Белгороде, Архангельске, Екатеринбурге, Сыктывкаре и других городах.

Но, к сожалению, во многих местах отделения не созданы, эту работу необходимо продолжить.

Думаю, что новый виток жизни и работы Собор должен осуществить в ближайшее время. Ведь фактически общерусской организацией, занимающейся общерусскими заботами и делами (язык, школа, культура и т.д.), Собор занимается часто в одиночку. Если раньше Собор был общегражданским форумом, общегражданской трибуной, то приходит время, когда он должен стать и общероссийской организацией неотложных дел.

Очень важная предстоит работа по созданию областных и городских центров русской культуры, которые должны включиться в общероссийскую кампанию по упрочению, пропаганде и защите русского языка, в том числе и как языка государственного.

В Соборе задумано проведение одного из его заседаний, посвященного солидарности русских людей и всех соотечественников. Подготовка такого мероприятия — нелегкое и довольно длительное дело. Попытка соединить людей в земных условиях вне веры, как показал XX век, бесполезна и даже порочна.

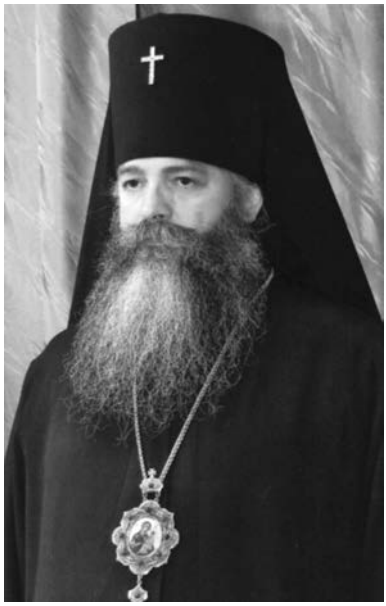
Думаю, что Собор должен немало потрудиться над таким единением и солидарностью русского мира. Основа есть. На предыдущем XV Соборе были сформулированы **базисные ценности народа, не имеющие альтернативы**, были определены также вызовы эпохи, с которыми должен бороться русский народ, другие народы нашей страны.

Святейший Патриарх жестко сказал: «Известно, что никто в смертельную атаку за увеличение ВВП не пойдет, никто в смертельную атаку не пойдет, чтобы увеличить уровень потребления».

Поэтому великая цель и направление — это Россия: Отечество, Родина, Вера.

Осмысление собственных пороков и искоренение их — задача неизмеримо более сложная, чем экономические и технологические прорывы. В заявлении Собора было сказано: «Наступило время, когда на смену диссонансу векторов развития различных групп должно прийти единение общества, авторитет которого мог бы поддерживать само существование общества, страны, личности, сохранить русскую цивилизацию». Мы верим, что это не пустые слова, что так будет!

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов)

«ДРАГОЦЕННАЯ НОША»*

Православие и русская культура

Дополненный вариант доклада, прочитанного на Международном форуме русской интеллигенции: «Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия», прошедшем в мае 2000 г. в Санкт-Петербурге.

*Доклад опубликован в журнале «Христианское чтение». СПбДАиС, 2000. № 19. С. 3–20; а также в сборнике «Культура и общество: взаимные обязательства на пороге нового тысячелетия» под названием «Православие и русская культура». СПб., 2001. С. 25–36.

Русская культура — явление, которое невозможно осмыслить в отрыве от всеобщей истории России, выпестованной Православием, и по сей день неотделимой от него. Очевидно, что национальная культура, обладающая многогранностью и многоликостью, находящаяся в непрерывном развитии, подвержена не всегда облагораживающим иностранным влияниям. Но кажется бесспорным и то, что именно в произведениях искусства ярче всего проявляется национальный код, та сверхзадача, которая поставлена Богом перед русским народом. Прав был философ Н. А. Бердяев, чувствовавший и исследовавший замысел Творца о России в поле русской художественной культуры. И действительно, «*драгоценная ноша нашей культуры*» (А. Блок), передаваемая из поколения в поколение, озарила мир светом исканий Истины, Добра, Красоты. Эти вечностные категории, являющиеся узловыми смыслами духовности, могут обретать различные художественные образы в зависимости от стилевых тенденций,

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в 1951 г. Окончил Винницкий мед. институт. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. В 1990 г. возведен в сан игумена, назначен ректором МинДС. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН и др.). Член СП России. Лауреат ряда премий. Правящий архиерей Курганской епархии с 2008 г.

геополитических условий и социальных форм развития страны в то или иное время. Но неизменным остается стержневой вектор — устремленный к «надвременным» темам, к темам религиозно-нравственного бытия человека. Как говорит протопресвитер Василий Зеньковский, *«всякая культура религиозна в своем основном смысле, хотя бы ее эмпирическое содержание и стояло вне религии… Система православной культуры должна быть построена совокупными творческими усилиями не одного, а ряда поколений, но бесконечно важно уразуметь направление творчества, ясно осознать его задачи»*[1].

В глубокую древность уходят корни русской культуры, творцы которой убедительно и убежденно создавали художественную картину мира на фундаменте христианского вероучения. Они как будто чувствовали возможность и необходимость возвращения к целостности и полноте бытия, открытой нам Христом. Но это можно было сделать лишь через осознание целей мятущейся в их поиске души, через стадию накопления ею духовного опыта, через построение всей системы культуры на основах Православия.

Надо сказать, что по зарождению Христианство не имело своего искусства. Однако всепобеждающая сила Господней Любви, заложенная в этом вероучении, дала такой мощный импульс становлению духовных идеалов в искусстве, что Заповеди Христа на долгие века становятся источником художественного творчества, которое ставит своей целью сблизить Бога и человека. Древняя Русь в этом отношении не была исключением. Она явила миру удивительное национальное, глубокое постижение сути Православия, отразила в художественных формах свой особый религиозный взгляд, выразившийся в неисчерпаемых по духовной глубине творениях музыки и зодчества, поэзии и живописи. Христианство пришло в Россию не только как религия, а, прежде всего, как мировоззрение.

Формирование русской (великорусской) народности и образование великорусского языка, который сейчас отличается не только от украинского и белорусского, но и от церковно-славянского, пока еще сохраняющегося в церковной письменности, относится к XVI веку, ко времени образования единого государства. Именно в это время происходит становление русской культуры в критериях, восходящих к нашему веку. Именно в то время особенно возрастает потребность в грамотных людях, в них остро нуждается развивающийся аппарат государственной власти. Обучением грамоте и другим наукам стали заниматься не только духовные лица — появляются светские учителя и мастера, светские художники и светские сюжеты. Но это еще не отрывало русские души от храма, от поисков встречи с радостью Православия, с «тихим светом» Христовой мудрости, которым были окрашены все творческие поиски. *«Через страдания и буйство, через страстные искания и тихую покорность неисповедимой воле Всевышнего идет русская душа к Церкви, неся ей все глубокое и нежное, все доброе и светлое»*[2]… Но постепенно секуляризация, отделение философии и творчества от религиозного сознания, произошедшее в России гораздо позже Западного мира, подточили фундамент культуры.

---

[1] *Зеньковский В., протопресв.* Смысл православной культуры / Сост., предисл. В. Л. Шленова. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. С. 45, 47.

[2] Там же. С. 27.

Трудно найти отклик большинства современников, говоря сегодня о православных основах культуры, когда серьезные западные философские школы и направления поставили во главу угла вопрос о смерти Церкви, дружно откликнулись на вердикт вторящего Гегелю Ницше о «смерти Бога» и подвели общество к смертному приговору культуре вообще и обществу в целом. *«Закат Европы»*, *«мировая скорбь»*, *«гибель культуры»* — вот их излюбленные постулаты.

В противоположность этим мрачным атеистическим доктринам, заживо хоронящим общество, культуру и целые народы, Христианство властно и торжествующе возвещает: *«Никто да не убоится смерти, освободила нас Спасителя смерть. Воскрес Христос, и жизнь жительствует»* (святитель Иоанн Златоуст, Слово Огласительное на Святую Пасху). В этих словах святого Иоанна Златоуста Церковь благословляет любую и всяческую жизнь, если только она, действительно, является жизнью, а не ее греховным извращением, не закамуфлированной смертью, в том числе приветствуется жизнь культурная и социальная: в греческом оригинале Пасхального Слова Златоуста буквально говорится: *«жизнь устраивается по общественным законам»*.

К сожалению, в общественном сознании нет-нет да всплывет старый «просветительский миф», особенно популярный в XIX и в первой половине XX века, о Христианстве, и, в частности, о Православии, как о темной, антиобщественной и антикультурной силе. И сегодня не иссякает мнение о христианской культуре, как о прибежище *«малокультурных традиционалистов»* (А. Филимонов). На самом деле все это далеко не так. Определение культуры в некотором роде понятие мировоззренческое. Хотя формулируя его словами философа-культуролога, можно выявить объективные закономерности и согласиться, что *«культура в более узком значении есть преимущественно светская форма духовной жизни, воплощенная в образах и знаках, т. е. искусство, мировоззрение, нравственность»*[1].

Не стоит забывать, что «культ» и «культура» — одного корня, от латинского «cultus» («взращивание», «забота», «почитание»). И это не случайно, потому что Христианство и культура идут во многом сходными путями — путем роста, путем зерна, путем Воскресения. На духовно-цивилизационном уровне вера является особой ценностью и источником творчества. В соприкосновении божественного и человеческого, в синергии заключается суть земного бытия и раскрываются творческие смыслы.

Как говорит архимандрит Киприан (Керн), объясняя богоподобием способность творчества, *«человеку в его богоподобии не только что-то дано, но и очень многое задано. Человеку дано как бы некое послушание от Бога, послушание продолжить дело Божие на земле. Кроме того, при самоуглублении в свою внутреннюю жизнь, как отсвет внутритроичной жизни, человек в углублении в свое богоподобие углубляется в тайны богословия. Патриарх Фотий прямо сказал, что в человеке заложена "загадка богословия". Человек обязан богословствовать»*[2]. И эту «задан-

[1] *Казин А. Л.* Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Алетейя, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. С. 5.

[2] *Киприан (Керн), архим.* Восхождение к Фаворскому свету. М.: «Издательство храма св. бессребреников Космы и Домиана на Маросейке», 2001. С. 19.

ность» тонко чувствовали художники Древней Руси и выражали в непревзойденном искусстве того времени, когда Христианство стало светом, озаряющим палитру души.

Можно смело сказать, что Христианство перевернуло мир. Когда современники св. Иринея Лионского (II век) спрашивали, что же нового принес Христос, святитель, не колеблясь, отвечал: *«Все новое»*, *«отпет novitatum»*. В духовном плане Христианство сокрушало все преграды, средостения, разделявшие человечество. Стоит только вдуматься в призыв апостола Павла *«облечься в нового человека»* (Еф. 2:15), *«где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»* (Кол. 3:11).

Конечно, это не означало, что Христианство собиралось ломать культуру каждого народа, заставить всех говорить на одном языке или устраивать всеобщую уравниловку и передел имущества, но, что важнее, Христианство снимало ощущение отчуждения, превосходства, унижения. Оно принесло человечеству идею обожения, богосыновства: *«Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа»* (Гал. 4:7). Отныне господин — христианин перед Богом не мог рассматривать своего раба, как «двуногое говорящее орудие», что прежде было вполне обычно и естественно для какого-нибудь язычника вроде Варрона. Под очевидным влиянием Христианства происходит сначала смягчение, а затем и отмена рабства в средиземноморском мире.

Женщина перестает восприниматься как собственность мужчины и получает определенные права. Жизнь и свобода детей отныне перестают быть абсолютно зависимыми от подчас жестокой воли их родителей. Вообще человек перестает рассматриваться как вещь, как объект, предмет и начинает восприниматься как личность. Это лишь некоторые результаты влияния Христианства.

Каково же было отношение раннего Христианства к культуре? При всей критике аморальности языческого мира, при всем трезвом видении его религиозных и философских заблуждений ранние христиане не собирались уничтожать достижений предшествовавшей культуры, они не были культурными нигилистами. Еще во II веке великий апологет Иустин Философ провозгласил следующий принцип: *«Все хорошее, что сказано или написано людьми, принадлежит нам, христианам»* (II Апология, 13). Он учил тому, что даже язычникам было доступно некоторое познание Слова, Логоса, пусть неясное, неопределенное, но и они говорили и творили в согласии с Логосом. Позднее блаженный Августин, поясняя о христианском отношении к языческой образованности, напоминает о примере древних евреев, которые, выходя из Египта, взяли с собой золото и серебро египтян. Так и христиане, уходя из языческого мира, должны взять с собой все действительно ценное из его системы образования, философии и культуры. В результате подобного отношения в Византии во многом сохранились античная традиция, античная образованность, была создана блестящая христианская культура, высочайшие достижения которой приняла Русь.

Без преувеличения можно сказать, что Русь родилась в водах Днепра более тысячи лет назад. Через таинство Крещения мы получили подлинное духовное Воскресение, и это чувствовали первые поколения крещеных

православных русских людей. Отныне раз и навсегда в русское сознание, в русскую культуру входит образ Нового Иерусалима, Святаго Града, а Русская Земля осознается как вторая Святая Земля, удел Богоматери. И вот в окружении таких духовных доминант жили наши древние сородичи. В «Повести временных лет» мы читаем: *«Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: "В те дни услышат глухие слова книжные и ясен будет язык косноязычных". Не слышали они раньше учения книжного, но по Божьему устроению и по милости Своей помиловал их Бог; как сказал пророк: "Помилую, кого хочу". Ибо помиловал нас святым Крещением и обновлением духа, по Божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую Землю и просветивший ее Крещением Святым…».*

Крещение было тем даром, благодаря и в результате которого сложилась система национального самопознания, раскрылась духовная жизнь народа с ее идеалами и нравственной проблематикой. Смысл Крещения объясняет Сам Христос в беседе с учеником Своим Никодимом: *«…если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия… Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3:3, 6). Отсюда проистекают два мировоззренческих потока. Первый есть стремление русского народа к святости, к богоподобию. О другом так говорит архимандрит Георгий, исследуя греховную природу человека, твердящего *«молитву»*, призывающую к *«своему царству и своей воле и удовольствиям»*, считающего, что здесь, на земле *«его царство, и сила, и слава». «Эгоистичная воля отсекла человека от Бога и изгнала из рая, став причиной всех человеческих несчастий. Если человек не отречется от нее и не примет святую Божию волю, невозможно его излечение от опасной болезни самости»*[1].

Многие художественные произведения строятся в системе этих координат. Верой побеждается эта самая «самость», в вере вырабатываются базисные понятия и фундаментальные основы национального менталитета, русской духовной жизни, русской культуры. Проверяются же они в социальных отношениях и в образном поле художественного творчества.

С образом Святого Града неразрывно связано такое особое русское понятие и явление как «соборность», подразумевающее совместное делание на основе внутреннего духовно-социального единства. Недаром *«русские философы Л. П. Карсавин и Н. С. Трубецкой называли народ симфонической личностью, и это очень существенно, ибо индивидуальная личность без симфонической личности-народа проваливается в пропасть абстрактного культурного бытия, а также — личностного небытия»*[2].

Однако здесь возникает закономерный вопрос: а не растворяется ли в этом понятии соборности идея национальности русского народа, вправе ли русский народ иметь национальный индивидуальный облик, или же его соборный характер обязывает отказаться от национальных преград, границ и стремиться к некоему безнациональному проявлению (космополитизму)?

---

[1] *Георгий, архим.* Об опыте Божией Благодати: пер. Н. Б. Ларионовой. Изд-во Владимирской епархии, 2001. С. 26–27.

[2] *Корольков А. А.* Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 123.

Ответ на данный вопрос отчасти содержится в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». *«Автор неоднократно подчеркивает в тексте, что, с одной стороны, Христианство действительно отменило народы и империи (“нет ни эллина, ни иудея”; “царство Мое не от мира сего”), однако сквозное действие его повествования разворачивается именно как конкретный национально-историческо-личный космос, в котором промыслительно связаны телесное и духовное, общенародное и интимное, прошлое и настоящее, “свое” и “чужое”»*[1].

«Соборность» — одна из опор, на которых зиждется образ Святой Руси, немыслимый без других опор — «Святости», «Истины», «Правды». Соборное начало не имеет аналогов в мировой культуре. Его идеальным прообразом является «собор русских святых», а в реальной жизни — это общность русских людей, каждый из которых стремится к «святости», «правде», «истине» в личностных границах.

Соборное начало было невозможно в типично языческой ситуации раздробленности и войны всех против всех. Благодаря Православию в русское сознание вошло понятие «правда». Оно во многом отлично от европейского понятия «право, справедливость» — «jus, justitia», потому что вместе со справедливостью несет в своем содержании «праведность», святость, не только правду человеческую, но и Правду Божию. Христианское понятие «правда» ориентировано не столько на писанный, сколько на «неписанный закон», на внутреннюю праведность человека; не столько на общие законодательные положения, сколько на личное доверие. Именно благодаря «неписанному закону» еще в прошлом веке «под честное слово» заключались сделки на десятки и сотни тысяч рублей. Русское понятие «правда» не мыслилось без милосердия: русский человек был убежден, что «милость превозносится над судом».

В середине XI века митрополит Киевский Иларион внес значительный вклад в становление русской культуры, создав первое русское литературно-философское произведение «Слово о Законе и Благодати», где сопоставил Ветхий и Новый Заветы и противопоставил их как Закон и Благодать. То есть прагматические западные устремления он назвал Законом, а стремление ко спасенью, к жизни по правде, по Божией Воле — Благодатью.

Итак о Законе, Моисеем данном,
и о Благодати и истине в Иисусе Христе
явившихся, повесть эта.
Что дал Закон, и что Благодать?
Прежде Закон, потом она, Благодать.
Прежде лишь тень, потом — истина[2].

---

[1] *Казин А. Л.* Историософия Бориса Пастернака // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 294.

[2] *Иларион, митр.* Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 41.

Так Православие внесло в русскую жизнь ее оправдание спасением. Немецкий мыслитель В. Шубарт, знаток русской художественной литературы и философии, отмечал: *«Можно без преувеличения сказать, что русские имеют самую глубокую по сути и всеобъемлющую национальную идею — идею спасения человечества»*[1].

Православие внесло в русскую жизнь и аскетическое начало. Христианская аскеза есть упражнение в добре, в добрых делах, мыслях, чувствах при отсечении злых помыслов и пожеланий. Это — обретение навыков рассуждения и опыт «различенья духов» есть то, без чего погибает современная культура, задыхающаяся от всеядности. И, более того, это установка на активную, подвижническую, деятельную жизнь: без этой установки в нашем национальном сознании мы не создали бы ни великого государства и великой культуры, не дошли бы до Камчатки и не построили бы Исаакиевского собора. В христианине вырабатывалось трезвенное, мужественное отношение к жизни и спокойное, достойное восприятие смерти.

С принятием Христианства в русском человеке укоренилась любовь к красоте, точнее — к преображенной, духовной красоте.

Ни в одной истории народа нет такого события, как событие выбора веры князем Владимиром, описанное в «Повести временных лет». При трудном выборе веры наши предки *«оказали доверие красоте как свидетельству об истине»* (С. С. Аверинцев): не тому, что услышали от соблазняющих их преимуществами своей веры представителей других конфессий, а тому, что увидели воочию, то есть тому, что имело образ и доставляло эстетическую радость. Так рассказывается в «Повести» о посещении русскими послами Константинопольского храма св. Софии: *«Не знаем, на небе ли были мы или на земле, ибо нет на земле такого вида и такой красоты, и мы не знаем, как рассказать об этом; только знаем, что там Бог с человеками пребывает, и Богослужение их лучше, чем во всех иных странах. Мы же не можем забыть красоты той».*

Часто эта красота очень проста и достигается скромными средствами: посмотрим на церковь Покрова на Нерли (1164) — казалось бы, что особенного?! Но она так совершенна, так гармонично вписана в пейзаж, что, кажется, представляет собой образ неземной красоты, образ горнего града.

Я намеренно не говорю здесь о вещах очевидных, о том, что без Православия не было бы древнерусской архитектуры, живописи и, наконец, древнерусской литературы. Сама письменность — кириллица — была привнесена на Русь православными миссионерами — святыми Мефодием и Кириллом. Но не менее важно осмыслить характерные, исконные черты русской культуры, рациональный и иррациональный инструментарий творчества. Он достаточно хорошо разработан в процессе становления древнерусского искусства и во всей своей полноте представлен в древнерусской литературе и иконописи.

Религиозно-нравственными, патриотическими идеями проникнуты великие литературные произведения древнерусских авторов. Взять хотя бы «Слово о полку Игореве», не теряющее своей актуальности по сей день,

---

[1] Цит. по: *Корольков А. А.* Органика культуры / А. А. Корольков; сост. и ред. раздела «Отклики. Впечатления. Диалоги» д-р философ. наук В. А. Возчиков, член Союза журналистов России Ю. В. Бакулина. Бийск: Издательский дом «Бия», 2011. С. 210.

так как древний автор не только передает прекрасным поэтическим языком суть исторического события, не только призывает к объединению враждующие княжества Земли Русской, но метафорически, через сложные образы и систему олицетворений показывает, какие несчастия приносит человеку отступление от духовно-нравственных законов бытия, чем оборачивается предание человеком своего богоподобия.

В создании икон религиозный опыт художника в значительной степени проявляется в общих художественных закономерностях, в выразительных особенностях произведения, среди которых важен не только духовный уровень творения, но и форма — ярчайшее явление, связанное как с природой образа, так и с историко-культурной национальной традицией. Об этом говорил еще А. С. Пушкин: *«И я, в конце концов, пришел к тому убеждению, что человек нашел Бога именно потому, что Он существует. Нельзя найти то, чего нет, даже в пластических образах, — это мне внушило искусство… Выдумать форму нельзя: ее надо взять из того, что существует»* (из записок А. О. Смирновой)[1]. На заре зарождения художественных жанров — в древнерусской иконе в полной мере были разработаны приемы изображения *слова*, *пространства*, или, что еще труднее, тема длящегося и переходящего в Вечность *времени*. Так что, кажется, можно говорить о духовном реализме русской иконы.

Как пишет Н. Третьяков: *«Правда реализма заключается в том, что он передает не только видимые предметы, но и невидимые явления. Эта его особенность устареть не может: она встречается и в иконе, и на фреске, и в картине»*[2]*. И в этом смысле не вызывает сомнения утверждение о. Павла Флоренского об иконе св. Андрея Рублева: «если существует “Троица”, следовательно, есть Бог».*

В связи со сказанным хотелось бы подправить терминологию Д. С. Лихачева, который говорил об «антропоцентризме» древнерусской культуры. Я бы уточнил (это существенно в связи с современными разрушительными культурными тенденциями), что это, бесспорно, была *теоантропоцентрическая* культура, *богочеловеческая, укорененная в Богочеловечестве Христа*. Также эта культура построена на чувстве благодарения и на том, что Лихачев назвал *«удивление миром».* Вот характерное место из Поучения Владимира Мономаха: *«Кто же не воздаст хвалу и не прославляет силу Божию и великие чудеса и блага, устроенные на этом свете: как небо устроено или как солнце, или как звезды и тьма, и свет».*

В своем развитии эта культура была практической и дидактической, то есть учительной. Менее всего она была занята анализом самой себя или мыслью о мысли. Ее задачей было наставить, научить, спасти: *«Научись, верующий человек, поступать благочестиво, мысли чистоту блюсти, побуждая себя к добрым делам Господа ради»* (из Поучения Владимира Мономаха). Разумеется, она была нравственно ориентирована, наши предки просто бы не поняли декадентского или постмодернистского иморализма или аморализма — «по ту сторону добра и зла». Эта культура была покаянной, исповедальной. Наконец, она вся была народной. Была

---

[1] *Третьяков Н. Н.* Образ в искусстве: основы композиции. Козельск: Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001. С. 13.

[2] Там же. С. 30.

народной потому, что ее плоды были полезны и нужны всем, востребованы всеми слоями общества, ее невозможно было разделить по классовому признаку. И все эти черты были следствием благотворного влияния Православия.

Здесь нельзя не сказать о политической культуре, в частности — о взаимоотношении Церкви и государства. Несмотря на то, что временами эти отношения были достаточно сложными и даже трагическими, по сути, они строились на принципах симфонии, изложенных в свое время в шестой новелле императора Юстиниана: *«Существует два великих дара, которые Бог в своей любви к человеку даровал ему свыше — священство и царство. Первое служит Божественному, второе управляет человеческими делами, однако оба происходят из одного источника и украшают жизнь человечества. Поэтому если священство свободно от порока и обладает доступом к Богу, и если цари справедливо и равновесно управляют государством, доверенным их заботе, то из этого происходит прекрасная симфония (или благостное созвучие), благополучие даруется человеческому роду»* (преамбула к Шестой новелле императора Юстиниана).

Если наша Церковь стремилась словом и делом поддержать государство в его тяжелые времена (в борьбе с татаро-монгольским игом, в Смутное время), то и государство старалось обеспечивать Церкви режим наибольшего благоприятствования в ее воспитательных и проповеднических трудах. В противоположность атеистической концепции отделения Церкви от государства, цель которой — выгнать Церковь на задворки общества, концепция симфонии подразумевает живое взаимопроникновение Церкви и государства, взаимное соучастие в жизни общества, естественно, в пределах компетенции и полномочий каждой из сторон. Благодаря этой симфонии, этому созвучию, мы имеем богатейшую русскую церковную архитектуру, иконопись, литературу. Но гораздо важнее, что такая симфония давала возможность обеспечивать социальный мир. Так, присущими только Руси были события, когда по просьбе Царя целые сословия отказывались от претензий друг к другу и к правительственным чиновникам.

Петровская реформа, при всей необходимости изменений, явилась тяжелым ударом и потрясением и для России, и для русской культуры. Очевидными фактами остаются те, что русский народный стиль архитектуры теряется под напором иноземных форм и линий, русская живопись надолго утрачивает свою самобытность, русская музыка на какое-то время оказывается в тени итальянской. Гораздо страшнее было то, что русская культура и традиции делятся на дворянскую и народную, высший класс отрывается от своих корней и даже от своего родного языка. Именно с петровских времен в русское общество входит эта трагическая раздвоенность — «дворянское — народное», «русское — иноземное» и, как результат, «православное — неправославное», «религиозное — атеистическое». Церковь, как институт, в определенной степени теряет свою самостоятельность и становится одним из государственных учреждений, в мистическом плане не переставая быть Телом Христовым.

В самих этих реформах и, в особенности, в способе их проведения был вызов России. «Не будет преувеличением сказать, что весь духовный опыт денационализации России, предпринятый Лениным, бледнеет перед делом Петра, — справедливо говорил русский философ Г. П. Федотов. — Да-

леко щенкам до льва. И провалившаяся у них "живая" Церковь блестяще удалась у их предшественника, который сумел на два столетия обезвредить национальные силы Православия»[1]. Не сразу, но Россия ответила на этот вызов в духовной сфере — подвигом веры преподобного Серафима Саровского, а в культурной — творчеством А. С. Пушкина. Несмотря на все потрясения, русская культура в своих лучших представителях и лучших творениях сохранила ментальное ядро. И Санкт-Петербург, несмотря на все усилия Петра, так и не стал «новым Амстердамом». Несмотря ни на что, это все же русский город, несущий в себе черты того же градостроительного облика, что и Киев, и Москва, а именно — нового Иерусалима. Это проявляется во многом, в частности в главных городских доминантах, в центральных храмах Петербурга — Исаакиевском соборе, Петропавловском соборе, Адмиралтейском комплексе, образующих центр города, где протекает Нева — живой символ, напоминающий реку жизни из откровений Иоанна Богослова.

И русская литература на протяжении долгого времени сохраняла свой религиозный характер, свою религиозную теплоту, а также «удивление миром». Вспомним в первую очередь «Утренние размышления о величии Божьем» Михаила Ломоносова — отца российской науки и поэзии:

Творец! покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи,
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить Тебя, Безсмертный Царь!

Вторит громогласному слову Ломоносова Державин, который славит Бога в своей грандиозной одноименной поэме, написанной после Пасхальной заутрени:

Твое созданье — я, Создатель.
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ Податель,
Душа души моей и Царь.
Твоей-то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое.

В этом ряду невозможно не вспомнить Пушкина. Сегодня модно спорить о его религиозности, многие участники этого спора бескомпромиссно уличают русского гения в атеизме и даже богоборчестве. Это свидетельствует или об их лживости, или о безграмотности. Не будем отрицать, что с юности у Пушкина не было точных православных ориентиров, что он, по собственному

[1] Цит. по. *Коняев Н. М.* Петр I и Русская Церковь. М.: Вече, 2012. С. 77

признанию, брал *«уроки чистого атеизма»* и ощущал жизнь, как *«странствие в долине дикой»* («Странник»). Как пишет М. М. Дунаев: *«Вся западная соблазнительная премудрость, выплескиваемая к тому времени на Россию уже целое столетие, не могла хоть сколько-то не задеть и Пушкина. Он пробовал себя, подобно многим современникам, на различных литературных путях. Чуждым воздействием можно объяснить и увлеченность революционно-романтическим направлением в литературе, особенно Байроном, — след ее мы видим в ранних поэмах Пушкина, относительную слабость которых он и сам скоро осознал»*[1].

Мучимый юношеским состоянием безверия, которое поэт исследует в стихотворении «Безверие» (1817), Пушкин постепенно осознает всю пагубность этого неестественного для человека пути и постепенно начинает искать путь естественный. Со времени жизни в Михайловском он преображается уже не на душевном, но духовном уровне. Он исцеляется пониманием того, что творческий путь возможен лишь озаренный Промыслом Божиим. Так появляется «Пророк» с его *«духовной жаждой»*. Эта жажда приводит поэта к исследованию народной жизни и к постижению Православия. Можно привести достаточно примеров тому. Один из них — драма «Борис Годунов». В этом гениальном произведении мы видим трагедию неблагословенной, небогоугодной власти, мучения нечистой совести, не находящей выхода в покаянии. Фактически власть в трагедии определяется отношением к религиозному бытию, в частности к монашеству. Как ни странно, идеальным Царем, по мнению Пушкина, оказывается Федор Иоаннович, который *«на престоле воздыхал о мирном житии молчальника»*.

Бог возлюбил смирение царя,
И Русь при нем во славе безмятежной
Утешилась…

Напротив, гуманистическая активность Бориса Годунова только приводит к катастрофе и его, и его семью, и всю Россию.

Чем дальше мы следим за творчеством Пушкина, тем все более убеждаемся в устремленности его дара ко Всевышнему. Накопленный духовный опыт, отражающийся в соединении горнего и дольнего, в высшей форме проявляется в стихотворении, написанном на склоне жизни «Отцы пустынники…» (1835). В этом поэтическом переложении молитвы Исаака Сирина гениальный поэт показывает свое понимание молитвенного дара и особенностей религиозной жизни, близкое к святоотеческому:

Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

[1] *Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский Совет РПЦ, 2003. С. 70.

Как результат жизненного опыта и как творческое завещание потомкам звучат строки его «Памятника»:

Веленью Божию, о муза, будь послушна…

Гоголь со своим даром обостренного видения мирового зла и глубочайшей чуткостью к красоте души и мира восхищенно отмечал, что в Пушкине *«русская природа, русская душа отразилась в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла»*. Эту очищенную красоту дало Пушкину Православие. Да и самого Гоголя, в своих ранних произведениях подразнившего инфернальные силы, но одним из первых русских писателей заглянувшего в бездну человеческой души, что труднее — собственной, следует отнести к великим православным творцам. Много можно говорить о духовных основах этого творчества, отличающегося своей *многоплановостью*, как отметил самый глубокий исследователь прозы Гоголя о. Василий Зеньковский. Но в рамках нашей темы следует обратить внимание на рассказ «Портрет», в котором впервые в русской литературе на таком высоком художественном уровне рассматривался вопрос влияния искусства на духовный мир человека. Причем, как со стороны *«эстетического совершенства»*, так и со стороны *«эстетического аморализма»*. Главная мысль рассказа состоит в том, что искусство, высвобождающее злой дух, становится средством служения злу, если не ставит своей целью служение красоте, если не отождествляется с идеалом.

Вообще проблема зла в ее религиозном аспекте глубоко интересовала Гоголя. С религиозным миром связано было представление о зле великого писателя, убежденного и в «реальности злых сил», и в существовании «царства зла». Надо сказать, что тематически этот рассказ, содержащий апокалиптические настроения, связан с европейской истерией ожидания прихода Антихриста, которая в то время из Германии перекинулась на Россию. Но Гоголь, будучи человеком глубокого ума и убежденной веры, на первый план в рассказе выдвинул идею не конца света, а вопрос связи религии с искусством. Эту связь на примере рассказа «Портрет» очень глубоко и подробно исследует выдающийся петербургский ученый Ольга Борисовна Сокурова. В данном рассказе Гоголь ставит сложнейший вопрос об изображении зла в искусстве. По мысли писателя *«…в изображении любого предмета должна быть включена напряженная работа души и мысли самого художника, а если изображается зло, должна присутствовать невидимая борьба с ним… Гоголь убежден в том, в художественном произведении необходимо активное присутствие света истины, света души художника»*[1].

В повести также прослеживаются некоторые духовные советы художника-монаха, в которых «содержатся самые заветные мысли Гоголя об искусстве, сформулировано его художественное кредо… Прежде всего, он призывает… совершенствовать не только мастерство, но и душу: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище

[1] *Сокурова О. Б.* «Петербургские повести» Гоголя: опыт духовного прочтения // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 149.

*всех должен быть душою. Другому проститься многое, но ему не проститься»… Она (*душа художника. — *О. С.) должна быть "брачной", праздничной, светлой, но при этом необходимо помнить, что на такой одежде "бросается в глаза любая капля грязи". Итак, первый завет — забота о бескорыстной чистоте души. Второй завет — забота о ее высоте, соответствующей высоте истинного искусства»*[1].

Но самую точную формулу этой высоты, вернее смысла красоты, выразил литературным языком Ф. М. Достоевский. На Западе многие любят Достоевского в основном за изображение им страстей, коллизий, а не за то, что он был истинно велик в своем убеждении — *«Красота спасет мир»*. Так поясняет смысл этого утверждения преподобный Иустин (Попович): *«Через христоустремленные подвиги человек обретает христоликую красоту. В действительности, спастись — значит украсить личность свою Абсолютной Красотой Христовой. Оттого, по словам Достоевского, святые — "положительные характеры несказанной красоты и силы". Оттого они являются обладателями и хранителями той красоты, которая спасет мир»*[2].

Но Достоевский наделяет чертами этой Красоты и далеко не святых своих героев, грешников и грешниц, которые хотят следовать за Христом и восстанавливают целостность своей личности осознанием греха и покаянием. Спасителен покаянный дар. Вспомним слова Сони Мармеладовой Раскольникову: *«Встань, поди, поцелуй землю, которую ты осквернил, и скажи: "Я убил"»* (Преступление и наказание. Часть пятая, IV). Покаянный великий дар Достоевского, обостренное чувство Воскресения, Пасхи одухотворяют произведения великого русского классика. Достоевский проповедовал ту пасхальную радость, без которой *«человеку невозможно существовать, а Богу быть, ибо Бог дает радость»* (Братья Карамазовы. Кн. 11, ч. IV.). Писатель предвидел грядущую революцию, отразил ее огненное дыхание в своем романе «Бесы», но, тем не менее, верил и надеялся, что *«Россия, наш великий, милый больной, исцелится и сядет у ног Иисусовых, и выйдут из него все бесы и бесенята»*.

Но если Достоевский, видя этих «бесов» и зная им настоящую цену, гнушался ими, то Л. Н. Толстой обольстился ложью и впустил их в свою душу. В конце своей жизни он оказался в окружении алчных «друзей» и откровенных богоборцев. Оторванный не без их помощи от Церкви, впавший в старческую гордыню, он в начале своего творчества все-таки питался соками Христианства. И совсем по-древнерусски звучат его слова: *«Для нас с данной нам Христом мерой добра и зла нет величия там, где нет простоты, добра и правды»* (Война и мир. Том 4. Часть 3). Христианский смысл просвечивает и в словах Пьера, разговаривающего с Андреем Болконским на пароме: *«Надо жить, надо любить, надо верить, — говорил Пьер, — что живем не нынче только на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно там, во всем…»* (Война и мир. Том 2. Часть 2).

---

[1] *Сокурова О. Б.* «Петербургские повести» Гоголя: опыт духовного прочтения // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007) / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 154.

[2] *Иустин (Попович), преп.* Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2008. С. 210.

По словам протоиерея Георгия Флоровского: *«Сила Толстого — в его обличительной откровенности, в его моральной тревоге. У него услышали призыв к покаянию, точно некий набат совести. Но в этой же именно точке всего острее чувствуется и вся его ограниченность и немочь. Толстой не умеет объяснить происхождение этой жизненной нечистоты и неправды. Он точно не замечает всей радикальности эмпирического зла. И наивно пытается свести все к одному непониманию или безрассудству, все объяснить "глупостью" или "обманом", или "злонамеренностью" и "сознательной ложью". Все это характерные черточки просвещения. Толстой знает о скверне в человеке, и говорит о ней с брезгливостью и гнушением (срв. "Крейцерову сонату"). Но чувства греха у него не было»*[1]. Очевидно, что не угас окончательно Божий свет в страждущей душе и в больном теле великого русского писателя, раз приходил он перед смертью на порог Оптиной Пустыни. По какой причине переступить не смог — домысливать не стоит.

И великая русская наука, являющаяся огромной, имеющей мировое значение, частью русской культуры, во многом удержала тот религиозный заряд, который вложил в нее ее родоначальник Михаил Ломоносов, так искренне воспевавший Бога. Можно перечислить множество имен ученых, прославивших наше отечество, которые были горячо верующими людьми. Вот хотя бы некоторые имена: В. О. Ключевский, В. В. Болотов, Б. А. Тураев, Д. М. Менделеев, И. П. Павлов. Та синтетичность, способность к широким обобщениям, которая характерна для русской науки, во многом связана с влиянием Православия — религии, ориентированной на соборность, собирание, синтез.

Однако, несмотря на благотворное влияние Православия, мы не смогли избежать трагедии атеизма XIX и XX веков и, как следствие, — трагедии революции. Они связаны со сменой нравственного идеала, а точнее — с его помрачением, когда, по словам Ф. М. Достоевского, *«помутилось сердце человеческое, когда цитируются фразы, что кровь освежает, когда вся жизнь проповедуется в комфорте»* (Преступление и наказание. Часть VI. Глава II). Что происходит с элитой России к началу XX века — ее так называемой интеллигенцией? Православный нравственный идеал духовного мужества, включающего в себя терпение и смирение, идеал духовного делания и постепенного, терпеливого совестного строительства жизни, трезвости и нетребовательности, скромности, нестяжательности, незлобия — этот идеал сменился нетерпеливой жаждой успеха (любой ценой), комфорта (у некоторых — для всех, а чаще — для избранных), социальной злобой, жаждой мести, фантастическими мечтами о всеобщем благоденствии (даже если оно построено на крови), короче говоря, идеалом, навязанным нам с Запада.

А ведь всю эту смену ценностей одним из первых предчувствовал еще Николай Семенович Лесков, который в своих рассказах «праведнического цикла» отразил превосходство религиозно-нравственных христианских православных мотивов над массовым увлечением западной культурой. Лесков показал *«превосходство русских религиозно-нравственных идеалов пред*

---

[1] *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. 3-е изд. (репринт). Вильнюс, 1991. С. 408.

холодным религиозным индифферентизмом Запада с его расчетливой нравственностью»[1].

Страшной ценой заплатили мы за эту смену ценностей — тремя революциями, двумя проигранными войнами, гражданской войной, двумя спровоцированными периодами голода (каждый из которых унес по шесть миллионов человек), коллективизацией, длительным террором — в общей сложности Россия отдала за социалистический эксперимент 65 миллионов человек (не считая жертв войны в 27 миллионов). В годы революции, гражданской войны и большевистского террора Церковь делала все, что могла для обращения общества и народа к покаянию, к истрезвлению от того кровавого дурмана, который повис над Россией, призывала заблудший мир к Христу, к совести и жизни не только словом, но и делом — жизнями, подвигами тысяч и тысяч исповедников, пострадавших за Православную веру. По последним подсчетам по церковным делам проходило и пострадало не менее миллиона человек, только в 1937–1938 годах было расстреляно не менее 150 000 священнослужителей и активных прихожан, тех, кто предпочел смерть отречению от Христа. А сколько было убито в ленинские времена, с трудом поддается подсчету.

В годы Великой Отечественной войны, когда на время рухнул фасад социалистического интернационализма и обнажились подлинные основы бытия русского народа и русской государственности, Русская Православная Церковь внесла неоценимый вклад в победу над оккультным языческим нацизмом. Несмотря на гонения и закрытия храмов во времена Хрущева, притеснения во времена Брежнева, Церковь выжила и выдержала до времени перестройки. Ибо под советским бытием, *«под глыбами»* (А. И. Солженицын) сохранялись светлые ручьи, светлые начала Православной веры, Православной нравственности, Православной культуры.

Много можно привести ярчайших художественных примеров прорастания религиозно-национальных смыслов сквозь ледяную толщу марксистско-ленинской идеологии. Особенно крепкие всходы дал народный подвиг в Великой Отечественной войне. Хочется много и подробно говорить о великой литературе этого трагического периода нашей истории. В огне страданий, в пылающем океане всенародной жертвы начал растапливаться лед чуждой России идеологии. В подтверждение этой неисчерпаемой темы приведу строфу из поэмы А. Твардовского «Василий Теркин»:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка —
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей.
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

---

[1] *Данилова Н. Ю.* Творчество Н. С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX — начала XX вв. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 221.

Без этих истоков, без этой непобедимой, живой, пробивающейся сквозь века и различные социальные системы *«правды сущей»* мы не одолели бы фашистскую Германию, которой помогала вся Европа, не дошли бы до Берлина.

Вообще, XX век дал выдающиеся образцы русской литературы, несмотря на узкие рамки метода «социалистического реализма». Сегодня стало модно рассуждать о том, что коммунистическая идеология сродни христианским заповедям. Много поводов тому дает советское искусство. Бесспорно, оно нравственно и является уникальным пластом мирового искусства, бесспорно, что создатели советской литературы М. Горький, А. Толстой, А. Твардовский, М. Шолохов — выдающиеся писатели. Но все они в отличие их предшественников — древнерусских авторов или художников «золотого века» русской литературы были певцами земного, а не небесного рая. Поэтому о религиозно-духовной природе их творчества нужно говорить с осторожностью. Тем более что их есть с кем сравнивать и в XX веке, помня, что христианство есть не система нравственных правил, не свод моральных заповедей, а стремление ко спасению через обретение Святого Духа, что невозможно без Христа, без Церкви.

В Церковь звал своих оступающихся современников и зовет нас сегодняшних выдающийся, к сожалению, мало известный и мало издающийся прекрасный русский писатель Василий Никифоров-Волгин. Стоит, наверное, напомнить о фактах его биографии. В. Никифоров-Волгин родился в 1900 году на Волге, в простой патриархальной семье. Сам был на приработках у богатеев. Но его тянуло в Церковь, и он, переехав вместе с родителями в Эстонию, стал псаломщиком в Спасо-Преображенском соборе Нарвы. Здесь он набрался Премудрости Божией, в эти же годы (в 20-е) он пробует себя в литературе и достаточно быстро и легко получил признание и успех, стал печататься даже в Парижских изданиях. Это немудрено, потому что писатель писал о том, что близко и дорого многим людям. Благоухание трав, таинственность лесов, колокольные звоны и просветленное моление верующих в храмах, ликование праздников — все это присутствует в рассказах писателя, который в 1941 году был убит большевиками за то, что правдиво показал жизнь и нравы русской провинции после революции. Конечно же, большевикам был ненавистен православный художник, который в 1926 году мог так писать о Николае Чудотворце, Сергии Радонежском, Серафиме Саровском, идущих по русской земле морозной ночью под Новый год в своем рассказе «Заутреня святителей»:

— Не заблудимся, отцы! — добро отвечает Никола. — Я все дороги русские знаю. Скоро дойдем до леса Китежского, а там в церковке Господь сподобит и заутреню отслужить. Подбавьте шагу, отцы!..

— Резвый угодник! — тихо улыбаясь, говорит Сергий, придерживая его за рукав. — Старательный! Сам из чужих краев, а возлюбил землю русскую превыше всех. За что, Никола, полюбил народ наш, грехами затемненный, ходишь по дорогам его скорбным и молишься за него неустанно?

— За что полюбил? — отвечает Никола, глядя в очи Сергия. — Дитя она — Русь!.. Цвет тихий, благоуханный... Кроткая дума Господня... Дитя Его любимое... Неразумное, но любое. А кто не возлюбит дитя, кто не умилится цветикам? Русь — это кроткая дума Господня.

— Хорошо ты сказал, Никола, про Русь, — тихо прошептал Серафим. На колени, радости мои, стать хочется перед нею и молиться, как честному образу!

— А как же, отцы святые, — робко спросил Сергий, — годы крови 1917-й, 1918-й, 1919-й? Почто русский народ кровью себя обагрил?

— Покается! — убежденно ответил Никола Угодник.

— Спасется! — твердо сказал Серафим.

— Будем молиться! — прошептал Сергий…

Но если Никифоров-Волгин зовет нас в храм, привлекая зримыми образами русской веры, звучными молитвами, ароматами пасхальных куличей, то его современники, писатели-эмигранты Иван Шмелев и Борис Зайцев, создавая целостную взаимосвязанную картину мировоззрения, творчества и собственных судеб с миром Православия, заставляют нас приблизиться к более сложному опыту освоения духовной реальности. Как говорит исследователь их творчества А. Любомудров: *«Это, прежде всего, путь опытный и практический — через определенные действия, самым общим наименованием которых является слово "аскетика", а в бытовом определении — "жизнь по Божиим заповедям". Христианство, повторим — это не система идей, не "учение", и не набор правил. Это жизнь по вере. Это — сотрудничество Божественной и человеческой воли на пути спасения»*[1]. Борис Зайцев и Иван Шмелев своими выдающимися произведениями, будучи светскими литераторами, совершили подвиг — открыли для литературы мир Православия, Россию Святой Руси в сокрушительный XX век, а главное, они открыли возможность воцерковления через культуру.

И много было тому последователей, представителей культуры страшного безбожного времени, в частности следует вспомнить Виктора Васнецова, Анну Ахматову, Михаила Нестерова, Павла Корина, архиепископа Луку (В. Ф. Войно-Ясенецкого), Николая Рубцова, Владимира Солоухина, Георгия Свиридова, Валерия Гаврилина, Савву Ямщикова, и многих других наших великих соотечественников, отстаивавших *«созерцанья тихого свободу»* (И. Ильин).

Хотя это «созерцанье» у многих русских писателей того времени подвергалось аберрациям, как, например, у Михаила Пришвина, певца русской природы. По матери, позднее перешедшей в Православие, он был, можно сказать, выходцем из старообрядческой семьи. Его мировоззрение складывалось сложно: от вре́менного увлечения марксизмом до мировоззренческой близости к В. Вернадскому и Н. Федорову. Биографы Пришвина не отмечают его церковной жизни. Однако трудно согласиться с тем, что этот выдающийся русский писатель был исключительно атеистом или пантеистом, хотя бы по тому его высказыванию *«Быть русским, любить Россию — это духовное состояние»*. Пришвин интересовался вопросами веры, изучал Святое Писание. Многие аналогии с религиозными образами можно найти в его описаниях природы, которые наводят на мысль об идее «всеединства», интересовавшей писателя, все-таки склонного к антропоцентрическому видению мира, писателю, которому был интересен человек будущего.

---

[1] *Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Борис Зайцев, Иван Шмелев. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. С. 30.

Первые десятилетия советской литературы, вообще, отличались тем, что многие талантливые писатели задумывались о будущем страны и искусства, но не многим удавалось на эти вопросы давать убедительные ответы. Хотя жестокие и безрадостные, но наиболее верные ответы дает в своей романистике А. Платонов. Ее мир многолик и символичен. Так символична сама сюжетная схема романа «Котлован», где писатель метафорически представляет пагубность перевернутых отношений человека и мира. Именно здесь, по убеждению писателя, кроется причина разрушения человеческого сознания, человеческой личности. Человек, обладающий таким перевернутым сознанием, как показывает автор, человек без религии, без нравственного начала, ищущий путь наверх, мечтающий построить башню, оказывается внизу, в котловане. В традициях размышлений русской классики звучат слова А. Платонова: *«Прушевский мог бы уже теперь предвидеть, какое произведение статической механики в смысле искусства и целесообразности следует поместить в центре мира, но не мог предчувствовать устройства души поселенцев общего дома среди этой равнины и тем более вообразить жителей будущей башни посреди всемирной земли. Какое тогда будет тело у юности, и от какой волнующей силы начнет биться сердце и думать ум?*

Прушевский хотел это знать уже теперь, чтобы не напрасно строились стены его зодчества; дом должен быть населен людьми, а люди заполнены той излишней теплотой жизни, которая названа однажды душой. Он боялся воздвигать пустые здания — те, в каких люди живут лишь из-за непогоды» (А. Платонов. Котлован. 1930).

Религиозными аналогиями и смыслами наполнен большой роман Леонида Леонова «Пирамида», до сих пор неизвестный широкому читателю и не получивший должной оценки. Не вдаваясь в подробности этого сложнейшего произведения, о его значении в ряду исследуемых нами произведений можно сказать словами А. Казина: *«Леонов демонстрирует читателю процесс истощения грешного земного бытия — вплоть до метафизического апокалипсиса. На всех уровнях своего произведения — идейном, фабульном, словесном — русский писатель сопротивляется человекобожеской либеральной утопии, согласно которой падший Адам юридически и эстетически признается мерой всех вещей… В отличие от оккультных построений, презирающих земной мир, как иллюзорный и ложный, русский писатель исходит в своем сочинении из христианского переживания бытия как священного дара Божия, придающего имя и значение каждой его частице»*[1].

Обособлен могучий талант Михаила Шолохова. Современные литературоведы относят его творчество не просто к «соцреализму», а к «новому реализму», предложившему *«общественному сознанию не антигуманистические концепции будущего, а исследование исторической действительности XX века и мироощущение личности, погруженной в нее. Подобная проблематика естественно выдвинула во главу реалистической жанровой системы роман, жанровое содержание которого наиболее адекватно исследованию личности и истории»*[2]. В частности, истории Гражданской войны. И здесь нет равных «Тихому Дону» М. А. Шолохова.

---

[1] *Казин А. Л.* Россия Великая. СПб.: Петрополис, 2007. С. 371, 376.

[2] *Голубков М. М.* Русская литература XX века. После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 158.

Сложны перипетии романа, подводящего к жуткому выводу *«подешевел человек за революцию»*. Но этот нравственный вывод писателя не позволяет сделать однозначный вывод о религиозности его романа, где, по мнению М. М. Дунаева, нет доказательств сознательного христианского взгляда на жизнь самого автора. *«Утверждения некоторых исследователей о религиозности воззрений Шолохова основываются именно на собирании фактов нравственно-христианского поведения его персонажей»*[1]. Несмотря на стремления великого писателя широко осмыслить войну Гражданскую и тем более Отечественную, он понял, что в рамках «соцреализма» это сделать невозможно. Невозможно вне программы всего нашего земного бытия, без постижения его смысла и цели *«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6:33).

Будучи убежденным эвдемонистом, заявляющий «счастье — это мираж», А. И. Солженицын тоже считается писателем религиозного направления. Но в какой мере? Да, он обращался к идее духовного Промысла, а в результате пришел к куцему выводу о смысле человеческой жизни: «жить не по лжи», так и не отразив на страницы своих произведений начало, несущее полноту Православной истины. Его герои иногда вспоминают о Боге, но редко, лишь тогда, когда без Него не выстоять. И уж никак нельзя согласиться с тем, что по Солженицыну главный русский вопрос — это вопрос о сбережении русского народа. *«Но это не может быть конечной целью осмысления вопроса. Ибо тут же разумеется возможное недоумение: а для чего то сбережение?..»*[2]. Нет у Солженицына доказательного ответа, что русский народ необходимо сберечь для решения им сверхнациональной задачи, связанной со спасением, в котором помогают не абстрактные нравственные законы, но живая вера.

К счастью, эту живую веру мы находим позже, в произведениях так называемых писателей-«деревенщиков» — Василия Белова, Валентина Распутина, Владимира Крупина. Хотя это писатели глубокие, многоплановые и жанрово, и тематически, именно как «деревенщикам» им удается вернуться к исконным основам русского бытия, потому что осмысление истоков крестьянской трагедии невозможно без духовной меры. Все эти выдающиеся русские прозаики пришли к выводу, что без Бога жизнь невозможна. Их герои, говоря словами одного из персонажей В. Белова, решают труднейшие задачи *«с помощью Бога»*. И вторят им герои Валентина Распутина, убежденные, что если духовное отброшено — душе тоже не удержаться. *«И про людей я разглядела*, — говорит старуха Дарья в повести “Прощание с Матерой”, — *что маленькие оне. Как бы оне не приставлялись, а маленькие. Жалко их… Люди про свое место под Богом забыли — от чё я тебе скажу»*. Более всего произведений на темы христианства и Православной веры написано у Владимира Крупина. Этот писатель убежден сам и убеждает читателей, что жизнь крестьянская, да и любая жизнь, устраивается по законам народной нравственности, то есть по законам Божиим.

И то, что мы говорим здесь уже о наших современниках, о ныне здравствующих выдающихся писателях, об их религиозных воззрениях, сви-

---

[1] *Дунаев М. М.* Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература XVII–XX вв. М.: Издательский Совет РПЦ, 2003. С. 872.

[2] Там же. С. 927.

детельствует о возрастании духовного потенциала российского народа. И русская культура играет в этом, как всегда, важнейшую роль. По-прежнему *«пристальное внимание к духовности, к духовной жизни личности и народа пронизывает все поиски русской мысли, в какой бы форме она не выражала себя — в форме ли собственной рефлексии, в форме ли богословско-философских сочинений…, или же в литературно-художественных жанрах»*[1].

Нет, современная истинная русская культура — это не тот эрзац, который выплескивается на нас с телеэкранов, навязывается на престижных книжных ярмарках, но тот монолит совокупного творчества писателей, художников, композиторов, музыкантов, которые часто в безвестности или, хуже того, унижаемые официальной номенклатурой от искусства, творят сегодня непреходящие художественные ценности. Многие имена для читателя будут незнакомы, но именно творчеством этих людей, без сомнения, укрепляется история, а вернее, неразрывная цепь русской культуры. И я считаю своим долгом привести здесь некоторые имена из числа многих-многих достойных.

Обращает на себя внимание мощный сложившийся пласт современной русской духовной философии. Петербуржские ученые философ-культуролог Александр Казин и философ-антрополог Александр Корольков творчески обогатили и фактически воссоединили русскую религиозную философию периода XIX–XXI веков. Христианский взгляд на русскую культуру очевиден в работах других философов, таких как Владимир Варрава или Чеслав Кирвель (Беларусь). Выдающиеся писатели, наши современники продолжают традиции русской классической прозы, связанные с исследованием глубинных, метафизических состояний русской души. Много и плодотворно работают сегодня в прозе Юрий Бондарев, Виктор Потанин, Виктор Лихоносов, Николай Коняев, Александр Сегень.

Особый отклик и интерес у людей разных возрастов вызывает творчество пишущих священников: архимандрита Тихона (Шевкунова), отца Николая Агафонова, отца Ярослава Шипова, иеромонаха Романа (Матюшина), отца Андрея Логвинова, отца Алексия Мороза, отца Анатолия Трохина, отца Владимира Чугунова, диакона Владимира Василика и др.

Новым в современной литературе можно назвать духовную публицистику. Блистательные, убедительные, смелые, умные работы Дмитрия Рогозина, Никиты Михалкова, Михаила Леонтьева, Александра Дугина, Леонида Ивашова, Станислава Куняева, Степана Сулакшина, Андрея Вассоевича, Александра Казинцева, Валентина Семенова, Алексея Швечикова и других доказывают насущность религиозного мироощущения, необходимость просвещения верой нашего бытия во имя спасения России и всего мира.

Литературоведы и критики, среди которых хочу назвать известных мне и почитаемых мною писателей, таких как Юрий Лощиц, Евгения Ветловская, Николай Скатов, Ольга Сокурова, Алексей Любомудров, Сергей Куняев, Нина Ягодинцева, Валентина Ефимовская, также выявляют в совре-

---

[1] *Корольков А. А.* Органика культуры / А. А. Корольков; сост. и ред. раздела «Отклики. Впечатления. Диалоги» д-р философ. наук В. А. Возчиков, член Союза журналистов России Ю. В. Бакулина. Бийск: Издательский дом «Бия», 2011. С. 210–211.

менной литературе евангельские смыслы и доказывают их превосходство среди прочих смыслов современного бытия.

Выдающиеся историки, известные во всем мире наши современники, Валерий Ганичев, Наталия Нарочницкая, Сергей Перевезенцев, Андрей Сахаров, Евгений Титков, Игорь Фроянов понимают миссию ученого в служении исторической правде, за которую сегодня приходится бороться с не меньшим ожесточением, чем за Русскую Землю в военные времена. И они в этой борьбе, не щадя сил и здоровья, не сдают позиций.

В последние годы, я замечаю, появилось много живописцев, обращающихся в своем творчестве к русской православной традиции, нашедших свой новый образный строй для выражения древних христианских истин. К сожалению, на слуху не многие имена приверженцев религиозных тем и образов. Можно с глубоким уважением говорить о живописной школе Ильи Глазунова, отметить творчество его учеников, выпускников Российской Академии живописи, ваяния и зодчества, в частности художников Дмитрия Слепушкина, Филиппа Москвитина, Ивана Глазунова и других замечательных авторов, нашедших свой путь в современной живописи, сказавших свое убедительное художественное слово.

Но более всего восхищает современная русская поэзия. Вот показатель вектора народного духа! Перечисление достойных имен поэтов превзошло бы объем данной статьи многократно. Но познакомиться с их творчеством стало возможным благодаря самоотверженному, подвижническому труду писателя Виктора Калугина, который создал уникальное литературное издание под говорящим названием «Молитвы русских поэтов». Это двухтомное издание охватывает всю русскую поэзию со времен возникновения государства, причем творчеству наших современников отведена бóльшая часть девятисотстраничного второго тома издания. Вот показатель духовной мощи культуры современной России! Вот элементы, скрепляющие ее духовно-культурно-историческую матрицу! Вот современные доказательства христоцентричности России! Что, однако, не может позволить нам успокаиваться в нашем духовном стоянии. И все же позволю себе назвать имена запомнившихся мне русских современных поэтов, стихи которых я люблю, но которые, к большому сожалению, не звучат ни в концертных залах, ни с телеэкранов. Это Николай Зиновьев, Владимир Костров, Глеб Горбовский, Николай Рачков, Андрей Ребров, Евгений Юшин, Юрий Перминов, к сожалению, ушедший от нас недавно Юрий Шестаков и многие, многие другие.

Великое дело по консолидации творческих сил современной России, несущих ей свет надежды, свет спасительной Красоты и веры, делают журналы, такие как «Наш современник», «Родная Ладога», «Москва», «Молодая гвардия», «Роман-журнал. XXI век», «Новая книга России», «Русское поле Зауралья» и др. Сегодня появилось много очень русских, очень достойных периодических изданий во многих регионах России. Несмотря на то, что по понятным причинам эти издания имеют ограниченное распространение, все они достойно помогают Церкви в ее духовном водительстве на пути к истине, к высшей правде, к спасению человека.

Обобщая сказанное, следует задать кажущийся легким на самом деле нелегкий вопрос: какие ценности следует воспитывать и укоренять в первую очередь в нашем народе, в современной культуре? Прежде всего — это

ценности православного патриотизма, любовь к Родине, к земному Отечеству, понимаемому как образ духовного, небесного. *«То, что духовное и патриотическое неразрывны, представляя единое духовно-патриотическое, было аксиомой для многих философов, педагогов (К. Д. Ушинский, И. А. Ильин, В. В. Зеньковский), а ниспровергателей эта тема находила и находит не только среди атеистов и космополитов, прикрывающих свою ненависть ко всякому своеобычаю национального развития (в том числе национальных культур) демагогией об общечеловеческих ценностях и о воспитании граждан человечества...»*[1]. Конечно, Россию надо любить трезво, не закрывая глаза на наши беды, пороки, катастрофы, но необходимо властно останавливать и пресекать глумление над нашей Родиной, ее прошлым и настоящим. Настоящая русофобская кампания, развязанная, в частности, в средствах массовой информации, не случайна: за ней стоят процессы глобализации и стремление определенных сил лишить Россию национального самосознания, чтобы легче было грабить ее богатства и манипулировать ею.

Необходимо возвращать семейные ценности: уважение к родителям, любовь к детям, а также чувство целомудрия, неприятия половой разнузданности, насаждаемой СМИ, рекламой, печатными изданиями, а теперь, к сожалению, проникающей и в школы через так называемую программу полового воспитания. Эта пропаганда связана со следующим положением политической психологии: если государство или общественные структуры заинтересованы в увеличении населения, то пропагандируются идеалы романтической любви и счастливой семьи. Сколько создано прекрасных произведений искусства на эту тему за многовековую историю России, к помощи которых необходимо прибегнуть. Если же наши власти заинтересованы в уменьшении населения, то, как мы все видим, насаждается культ «свободной любви», секса и, прежде всего, различных сексуальных извращений. Если мы хотим остановить падение численности населения, этому идеологическому наступлению необходимо положить конец, и, по-видимому, потребуется введение определенной моральной цензуры в средствах массовой информации и печати. Ибо свобода слова не есть свобода для скотства и бессловесия, это не есть вседозволенность, поскольку тогда она оборачивается жесточайшей диктатурой бессовестного меньшинства над общественным сознанием. Кстати, за подобный контроль высказываются 70 % жителей нашей страны, уставших от узаконенной безнравственности.

На фоне этой статистики странным выглядит неистовый накал страстей по поводу инициативы Министерства образования об изучении в школах факультативно «Основ православной культуры», призванных взращивать чувство любви к Богу и к конкретному человеку, как к образу Божию, к живой личности, а не к абстрактному объекту («общечеловеку») каких-то виртуальных прав и безнациональных космополитических ценностей.

И в этом воспитательном процессе, бесспорно, необходимо задействовать лучшие достижения классической культуры и, прежде всего, культуры русской, православной, отечественной. Ведь *«...дух доброты, милосердия, правдолюбия и праведности, совестливости, искренности, трудолюбия,*

---

[1] *Корольков А. А.* Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 120, 123.

семейного и соборного братства формировался в крестьянском православном быту, и потому освоение основ православной культуры предполагает отнюдь не изучение только основ евангельских заповедей, но проникновение в сокровенный дух жизни русского народа, его традиций бытовой, всей народной культуры»[1]*. В меру сил следует сдерживать экспансию так называемой массовой культуры, которая часто проявляет себя как псевдокультура, или даже антикультура.*

Памятуя слова Тертуллиана: «Малое знание отдаляет от Бога, большое знание приближает», следует взять на вооружение подлинно академическую традиционную науку, а не модернизацию образования, перечеркивающую традицию национального преемства и представляющую тем самым *«ярчайший феномен полупросвещения»*[2]*, которое, по словам А. С. Пушкина, являет собой «невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком; слепое пристрастие к новизне; частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему».* Ведь именно преемственность традиций, или, говоря словами В. С. Соловьева, *«сыновняя привязанность … является корнем всего религиозного развития человечества»*[3]*. «Здесь в одной фразе Соловьев соединил различные, но неразделимые определения культуры как культа предков и религии как сердца культуры, без которого культура народа попросту гибнет. Если нет сыновней привязанности к отчему дому, к родной природе, к Отечеству, то нет и глубинного верования, нет религиозности. Преданность родному, данному историей предков, историей страны, народа, не может быть не соединена с погружением в верование, ибо вся история Руси, России, о которой мы размышляем, в ее духовном содержании — это история Православного верования. Сыновняя привязанность невозможна без преданности Православию, точнее сказать, Православная вера — это и есть верный показатель состоявшейся в личности сыновней привязанности к отцам, ко всей родословной, к преемственной череде дедушек и бабушек, ко всей истории своего народа»*[4]*.*

Хранительницей этой преемственности, этого «предания в Предании» и является Православная Церковь, которая готова сотрудничать не только с людьми культуры и искусства, отстаивающими духовные ценности, но и с государственными структурами, и с общественными организациями, и в этом воспитательном процессе весь вопрос в том, готово ли к этому государство и общество. В настоящее время этому сотрудничеству мешают как старые предубеждения коммунистических времен, так и навязывание наихудших западных законодательных моделей, подразумевающих отчуждение государства от Церкви, а общества — от веры. Подобная модель для России гибельна, поскольку мешает общественной консолидации, государственному строительству, провоцирует рост деструктивных, антикультурных, антиобщественных и антирелигиозных сил. Церкви подобное отделение не

---

[1] *Корольков А. А.* Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 118.

[2] *Корольков А. А.* Органика культуры / А. А. Корольков; сост. и ред. раздела «Отклики. Впечатления. Диалоги» д-р философ. наук В. А. Возчиков, член Союза журналистов России Ю. В. Бакулина. Бийск: Издательский дом «Бия», 2011. С. 36.

[3] *Соловьев В. С.* Любовь. Собр. соч. СПб., 1907. Т. 9. С. 7.

[4] *Корольков А. А.* Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. С. 127.

страшно, в процессе истории она пережила многие гонения. Это страшно для государства и общества. Церковь готова прийти им на помощь. Выражаю надежду на то, что здравый смысл восторжествует и взаимодействие Церкви и государства, Церкви и общества в нашей стране будет осуществляться по принципам «прекрасной симфонии», которая, в свою очередь, приведет к общественному согласию и процветанию России.

Да, это трудно, но, как говорится, *«все прекрасное трудно»*. И *«ноша русской культуры»*, которую наш народ добровольно принял и несет на себе сквозь века — нелегка, как крест. К русской вере, отождествляемой со страданиями и тяжестями, в полной мере относятся слова Спасителя *«…кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»* (Мк. 8:34). К русской культуре и ее носителям эти слова относятся в той же мере, если «крест» толковать как задачу, возложенную на художника, как закон творчества, способствующего созреванию человеческого духа, становлению человеческой личности. И этим художественное творчество может во многом облегчить жизненный «крест», проповедуя художественными средствами и предостерегая художественными образами так, что кому-то удастся избежать ошибок в жизни. Поэтому будем осознавать, как важна в любой человеческой судьбе и в судьбе государства *«драгоценная ноша нашей культуры»*.

Использованная литература

Георгий, архим. Об опыте Божией Благодати: пер. Н. Б. Ларионовой. Изд-во Владимирской епархии, 2001.

Голубков М. М. Русская литература XX века. После раскола. М.: Аспект Пресс, 2001.

Данилова Н. Ю. Творчество Н. С. Лескова в оценке русской церковной критики XIX — начала XX вв. // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 210–225.

Дунаев М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. М.: Издательский Совет РПЦ, 2003.

Зеньковский В., протопресв. Смысл православной культуры / Сост., предисл. В. Л. Шленова. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007.

Иларион, митр. Слово о Законе и Благодати / Предисл. митрополита Иоанна (Снычева) / Сост., вступ. ст., пер. В. Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л. П. Жуковской. Коммент. В. Я. Дерягина, А. К. Светозарского / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011.

Иустин (Попович), преп. Философия и религия Ф. М. Достоевского. Минск: Издатель Д. В. Харченко, 2008.

Казин А. Л. Историософия Бориса Пастернака // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 289–294.

Казин А. Л. Россия Великая. СПб.: Петрополис, 2007.

Казин А. Л. Философия искусства в русской и европейской духовной традиции / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб.: Алетейя, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000.

Киприан (Керн), архим. Восхождение к Фаворскому свету. М.: «Издательство храма св. бессребреников Космы и Домиана на Маросейке», 2001.

Коняев Н. М. Петр I и Русская Церковь. М.: Вече, 2012.

Корольков А. А. Духовная антропология. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005.

Корольков А. А. Органика культуры / А. А. Корольков; сост. и ред. раздела «Отклики. Впечатления. Диалоги» д-р философ. наук В. А. Возчиков, член Союза журналистов России Ю. В. Бакулина. Бийск: Издательский дом «Бия», 2011.

Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Борис Зайцев, Иван Шмелев. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003.

Сокурова О. Б. «Петербургские повести» Гоголя: опыт духовного прочтения // Культура и история: Материалы межвузовских научных конференций «Культура и история (2004–2007)» / под ред. Ю. К. Руденко, А. А. Шелаевой, В. В. Горячих, М. А. Шибаева. СПб., 2009. С. 128–157.

Соловьев В. С. Любовь. Собр. соч. СПб., 1907. Т. 9. С. 7.

Третьяков Н. Н. Образ в искусстве: основы композиции. Козельск: Свято-Введенская Оптина Пустынь, 2001.

Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. 3-е. изд. (репринт). Вильнюс: Вильтис, 1991.

Валентин РАСПУТИН

МЫ ОБЯЗАНЫ ЭТО СДЕЛАТЬ

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. **Живет в Иркутске.**

Не один я, должно быть, все последние годы жил с ощущением, что общее наше строительно-укрепительное дело вспоможения родному Отечеству получается у нас плохо. Не одному мне являлись подозрения, будто мы каким-то образом оказались не там, где должно нам быть. Оказались на пустынном берегу, от которого Русь отчалила, и это осталось для нас незамеченным. И мы взываем к отсутствующим. Для литературы — даже больше, чем для любого другого искусства — важны восприятие, отзвук, взаимосвязь с читателем, литература вдохновляется и питается энергией ответной волны. Мы тужимся восстанавливать разрушенное, складывать распавшиеся части воедино, но они выскальзывают из наших рук и рассыпаются без того цементирующего состава, который есть читательское внимание. Мы пытаемся склеивать разрозненные концы, но сухая бумага, не пропитанная сочувствием, не пристает к полотну. И глухая тревога охватывает нас: никогда еще мы не были столь искренни в своем гневе и боли за Россию, никогда еще в попытках сказать громко и значимо, словами всеобщей мобилизации, не выкладывались мы до столь жертвенной опустошенности, и — напрасно.

Но напрасно ли?

Чтобы ответить на этот вопрос, в расчет надо брать не малые стада, пасущиеся на наших добродетельных засевах, и не большие, вдесятеро больше, срывающие цветы зла у тех, кто поставляет дурнопахнущие блюда. Эти количества читателей, как бы ни казались они малы на одной стороне и велики на другой, решающей роли не играют. Они лишь подтаивающие с разных краев от нахлеста волн края айсберга. Развернись завтра под изменившимся ветром айсберг, а он разворачивает-

ся, — и наших читателей прибудет, а не наших убудет, однако общее их число останется примерно одинаковым. По сравнению с огромной и глухой массой великана, влачимого непогодой и вморозившего в себя культурную потребность, оно есть лишь малая частица этого великана. За десять лет число читателей сократилось чуть ли не в тысячи раз, и это еще, надо думать, великодушные подсчеты. В один миг — а что такое десять лет, как не один миг? — литература потеряла не только государственное, не только общественное значение, но и значение органическое, личностное.

После Октябрьской революции, когда произошел не меньший слом народного бытия и безвкусица с пошлостью также ударились в разгул, до такого не доходило. Вспомним: тогда сразу после Гражданской войны появились Шолохов, Леонов, Булгаков, Платонов, талант молодого Есенина возрос до гениальности. Притом каждый из них принимал новую жизнь в сомненьях и бореньях, которые, казалось бы, должны были сказаться и на позиционном расположении вокруг литературы, и на самой литературе. Этого не произошло, несмотря на тогдашнюю разноголосицу и даже на прямую директиву Агитпропа: «Взорвать, разрушить, стереть с лица земли старые художественные формы». Что такое для искусства уничтожить старые художественные формы? Это убить отечественное искусство, отменить национальную самовыговариваемость, заставить русский язык говорить не по-русски, из русской души устроить разлив и развес на все вкусы. Не вышло…

Вторая революция на этом веку в России, происходящая на наших глазах, страшнее, разрушительнее, подлей первой. Большевики не скрывали своих целей. Теперешние революционеры вкатили машину разрушения тайно и предательски. Знамена подлости осеняют их действия от начала до конца. У «наших» плюралистов и реформаторов, певших поначалу сладкими сиренами, не водилось другой цели кроме разрушения. И мировые их притязания просты: расползлись по миру пауками, раздувшимися от разграбления богатейшей страны. Цинизм сделался их святой правдой, труд как понятие совестное поруган, воспитанием народа стала его выбраковка. Платоновское «без меня народ неполный» потеряло смысл. Из всех отстойников и запруд, из тайников и спецприпасов потекла литература, возгласившая задачей искусства разрушение человека, его земли и мира.

Вот почему самая читающая в мире страна превратилась едва ли не в самую нечитающую. Это была естественная и разумная реакция читателя на происшедшее: его обманули и предали с такой жестокостью, какой, должно быть, в мире не бывало.

И вот в этом чистом поле, оставленном прежним читателем («чистом», конечно, условно: оставили далеко не все), начал появляться новый читатель — или переродившийся в измененных условиях, или принявший в душу семена смятения и безысходности. Погребальная литература, как часть, притом активная часть, сегодняшнего постмодернизма явилась следствием того прямого факта, что смерть в России превзошла жизнь, умирающих больше, чем рождающихся. Повеяло тленом — и внутри его тотчас зашевелились черви — как продукт разложения некогда здорового тела. Признавай не признавай их, а они есть. Не больно эстетического вида, но работу свою выполняют. И читают сегодня всех этих Сорокиных и Яркевичей из трупоядствующей словесности больше, судя по тиражам их книг,

чем Виктора Лихоносова, Василия Белова и любого из нас. Таковы культурно-потребительские реалии в России конца прошлого столетия.

Я взял сейчас крайнее направление в объединенной темно-грязной литературе, чья продукция, назойливая и вызывающая, обильно рассевается по всем городам и весям. Впрочем, единственным крайним направлением ее считать нельзя. Там крайних, перехлестывающих друг друга изобилием скверны, немало.

И все они находят спрос. Понятно, что это пристрастие к ним, болезненное и временное, как только оздоровеет жизнь, отступит. Оно уже и сегодня опаздывает относительно происходящих перемен.

Россия выстояла, в этом больше нет сомнения. Она выстояла, если говорить, смещая времена, и о будущих, не менее тяжких и коварных испытаниях. Будут еще, как в Смуту XVII века, присяги неразборчивых патриотов на верность лжедмитриям, будет череда примерок на трон от боярских партий то польского, то шведского, то датского ставленников, будут шатания и нестроения, как обычно, особенно злые на исходе напасти — будет еще многое, даже и не бывавшее… Но прежде ополчения войскового, кладущего конец беспорядку, встает невидимое духовное ополчение, собирающее Божью правду со всех земель и российских народов и водружающее ее, как хоругвь, посреди России, чтобы начертанные на ней письмена не укрыли никакие расстояния и не заглушила никакая разноголосица.

У нашего писательского союза — не запятнанные перед Отечеством перо и честь во все минувшее окаянное десятилетие. Мы не отступили от праведности и совестности литературы… Кажется, Розанов сказал о славянофилах, что они звонили в колокольчики в то время как в стране гудел набат, призывающий совсем к иным действиям. Должно быть, и мы звонили в колокольчики, но не из робости или бессилия, а от того, что слишком густо был набит злом сам воздух. Но не предали мы ни земных, ни небесных крепостей, на которых стоит Россия, ни святынь наших, ни душ, ни оружия, ни товарищей…

Я не напрасно заговорил о новой литературе и новых читателях. Нет нужды оговариваться, что жизнь, в какой бы трясине она ни купалась, все равно идет вперед и обновление литературы неизбежно. Талант не имеет клеточного состава, но и он под влиянием внешних условий способен видоизменяться. Но изменения изменениям рознь. Там, на той стороне литературы, где свобода самовыражения творит «чудеса», читателей сегодня больше и книги выходят легче. Ну и что, стоит нагнуть в ту сторону перо? Нет, перехода туда, как правило, у нашего брата не получается. Не та порода, да его там и не примут как равного. Однако поклониться чужим пенатам, из желания понравиться, позубоскалить над промашками природы в изобретении русского человека, позволить героям «мать-перемать» или обучить их новоязу, выпить в мертвецкой, укладываясь с женщиной в постель, пригласить для услуг читателя — ну что тут такого? Да на новых воздухах это все просто необходимо!

Бог с ними — в мире, где торгуют государствами, мелкая спекуляция действительно неизбежна. Но чтобы спекуляция называлась спекуляцией, нужно, чтобы рядом незыблемо держала за собой место праведная жизнь!

Повторю: народ наш спасался во все времена исконными путями. У исконного, самобытного, родного есть все для удобной, безбедной и красивой

жизни. Размер нашей души и свойство нашего характера сплетены им и для него. Как бы ни изгибали наши перерожденцы спины, в какие бы одежды ни рядились, в какую бы привозную ипостась ни ударялись — везде они будут чужаками и межеумками, повсюду на них будет проступать клеймо вора, обворовавшего самого себя.

В своем, в родном и надо искать читателя. Оттуда он и придет. Не заманивать его, не заискивать, не повышать голоса, а выдохнуть из души, как «мама», чистейшее слово, и так выдохнуть, чтобы высеклись сладкие слезы и запело сердце. Мы умеем это сделать. И мы обязаны это сделать.

Вышла книга

Иеромонах Роман (Матюшин)

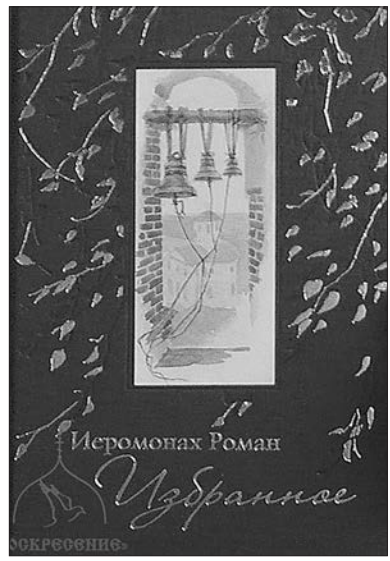
Избранное. Стихотворения 1970—2008. Художник Алия Нуракишева. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. — 160 с., ил.

«Мир тебе, одиноко идущий»

Строфа, вынесенная в заголовок, не только поэтически лаконична и удивительно красива. Она глубоко автобиографична, как, впрочем, и все лирическое творчество отца Романа. Много лет назад он избрал для себя уединенную стезю и до сих пор подвизается в скиту Ветрово Псковской области, среди болот и лесов, куда добраться обычному человеку весьма сложно. Из своей глуши отец Роман все же внимательно следит за событиями и духовными процессами в современном мире и откликается на них в своих обличительных стихах, порой очень ярких и эмоциональных. Но мне кажется, что читателей больше привлекает не общественная позиция нашего отшельника, как бы ярка и принципиальна она ни была, а его прекрасные лирические произведения. Они-то в основном и вошли в нынешний сборник.

Эти стихи по-настоящему талантливы. В них отзвуки древней христианской поэзии и русской классики, народные мотивы и очень современный, живой и понятный взгляд автора на мир.

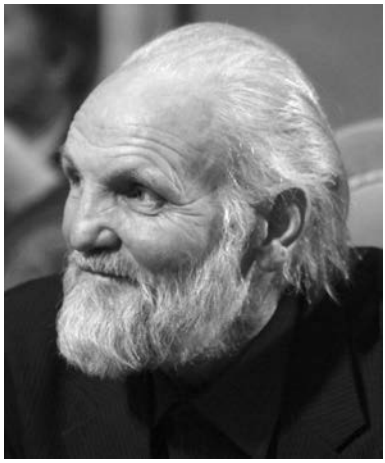
Для многих своих стихов отец Роман написал замечательную музыку. Должен сказать, что, к моей радости, я оказался первым, кто записал песенное творчество отца Романа: тридцать лет назад в приходской сторожке у нашего общего друга отца Никиты в селе Боровик Псковской епархии отец Роман после долгих уговоров напел на старенький магнитофон те песни, которые ныне известны миллионам людей.

Уже несколько лет спустя вовсю разгорелись споры — может ли монах сочинять и перелагать на музыку свои стихи? Да еще и сам их петь. Мнения разделились. Одни были категорически против. Другие уверяли, что это совершенно в традициях Православия, и при этом песни отца Романа еще и приводят к вере множество людей. Для меня точку в этом споре поставил такой случай. Как-то раз митрополит Питирим послал меня с письмом к Святейшему Патриарху Пимену. Дожидаясь ответа в приемной, я услышал, как в кабинете Патриарха звучат записи песен отца Романа, те самые, которые мы когда-то делали в приходской сторожке на глухом псковском приходе. Я поинтересовался у келейника Святейшего, отца Иосифа, откуда здесь эти кассеты. И отец Иосиф сообщил, что Патриарх любит слушать песни отца Романа и, сам будучи не чужд и сочинения стихов, и композиторского дара, высоко их оценивает.

Думаю, что к этому трудно что-то добавить.

Архимандрит Тихон,
наместник московского Сретенского монастыря

Владимир КРУПИН

МОЛИТВА МАТЕРИ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской Духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

О ЯЗЫКЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Переход Богослужения на современный язык — это измена Богу, предательство России, позор перед Святыми.

Именно так. Сказано нам, что Церковь Христова всегда будет гонима, и это постоянно сбывается. Атеизм сменился сатанизмом, мир не просто во зле лежит, в нем купается, безумствует и, как всякий заразный, пытается заразить и здоровых, в данном случае то последнее, что осталось в этом мире для спасения души — Веру Православную.

Кровь мучеников раннего Христианства, кровь страдальцев нового времени вопиет к нам: за что они умирали, шли на Крест? За то, чтобы потомки отказались от главной иконы Богослужения, от языка, на котором свершается Богослужение? Переделывать язык Церкви в угоду современности? Да это позор, кощунство и надругательство.

Какая современность? Ее нет. У Бога нет времени, у Него все враз, а у нас только летящие мгновения жизни от рождения к смерти. И истории никакой нет, есть одно в мире: мир или приближается ко Христу, или удаляется от Него. Несомненно, реформа языка — это угождение сатане, удаление от Света.

Как можно испачкать икону, как можно исказить, изуродовать язык? Это все равно, что замазать грязью ограненный алмаз и этим погасить его сияние.

«Господь воцарися, в лепоту облечеся». И как вы, очередные реформаторы (о, сколько вас было), как это переведете? Мало вам примера латинян, протестантов, несчастных поляков, пошедших на сделки с духом века сего.

Реформа оправдывается тем, что якобы церковно-славянский язык непонятен. Кому? Только новичкам да лентяям. Новичкам, если они верят в Бога, «со страхом» Божиим приступают к Христовым тайнам, через год-полтора все будет ясно и понятно в Божественной литургии. Да даже и раньше. Есть теперь, не советское же время, много хорошей литературы, истолкований. Ходи в храм и читай Священное Писание, труды Святых Отцов, которые, вот уж точно, были бы возмущены новыми нападками на тексты молитв. А подстраиваться под лентяев, которые резво, для успехов в бизнесах, бегают на курсы английского, а свое родное встречают в штыки, зачем нам? Нет, переделки Богослужения — это тонко рассчитанное нападение на душу православную.

Молчанием Бог предается. И хорош был бы я, первый лауреат Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, если бы стыдливо прикрылся фразами, что священноначалию лучше знать, что мирянам полезно, а что вредно. Больше тысячи лет молились на языке, приближающем нас к Богу, а теперь вот, видите ли, надо к жизни приближаться. Жизнь моментальна. А Бог вечен. И Россия живет не во времени, а в вечности. Нельзя молчать, когда уже в первых шагах, то есть в первых разговорах по осовремениванию Богослужения слышатся отдаленные раскаты нового раскола. Именно к этому ведут нас теперь уже не просто неообновленцы, а уже нео-нео. И как прикажете тогда называть Церковь? Истинно современная кочетковствующая, католиковствующая?

Наша надежда на мудрость наших пастырей и архипастырей. Ну как будет возглашать батюшка: «Вонмем!»? «Премудрость прости!»

БЕРЕСТЯНАЯ ГРАМОТА

Березовая кора, белая береста, конечно, не может состязаться в долговечности с глиняными дощечками, с иероглифами на камнях. Но когда береста попадает в благоприятные условия, то хранится веками и однажды всплывает из прошлого и являет миру свои письмена.

Новгородские берестяные грамоты показывают, что грамотность в Древней Руси была повсеместной. Вот договоренность о привозе таких-то товаров к такому-то сроку, вот наказ жены мужу привезти из города то-то и то-то. Вот мальчик, обидевшись на отца, пишет ему: «Хорошо же ты сделал, что не взял меня, а обещал».

Но более всего поразила меня и довела до слез самая короткая берестяная грамотка. Всего четыре слова. Письмо от юноши к девушке. Вот оно:

«Павел Марии. Пойди за меня».

И это все. От Павла Марии: пойди за меня. Пойди за меня, Мария. Здесь такая высокая чистая нота любви и целомудрия, до какой нам тянуться и тянуться.

О, как любил Павел Марию, как робел признаться в любви. Как высмотрел стройную березу, ходил к ней. Однажды пришел с ножом, аккуратно снял квадратик верхнего слоя, сушил этот квадратик меж гладких дощечек, придавив их камнем, как гладил сильной ладонью поверхность, и вот, оставшись один дома, взял у божницы железное писало и вырезал:

«Павел Марии. Пойди за меня».

Как он волновался, когда завернул послание в чистую холщовую тряпицу, и как послал младшего братишку к Марии.

Братишка понял своим сердечком, что ему поручено что-то огромное в судьбе его старшего брата, бросил все свои дела и помчался по улице деревни к дому Марии.

И все бежит и бежит. «Мария, пойди за меня. Павел».

РЕЦЕПТ СЧАСТЬЯ

До чего же жалко женщин! Как только ни изощряются, чтобы быть красивыми да привлекательными. Тут и наряды, и прически, и диеты, и всякие фитнесы, косметика без передышки… Все это полная глупость.

От возраста, от морщин не убежишь. И чем ты более цепляешься за попытки быть красивой, и думаешь без конца об этом, тем быстрее муж от тебя убежит. Да и как с такой эгоисткой жить?

А как быть?

Очень просто — надо стать женственной. А женственная женщина любима и желанна в любом возрасте. А как этого добиться? Очень просто — надо любить мужа. Верность мужу награждается красотой и долголетием. Ведь даже только от взгляда любимого и любящего мужчины женщина хорошеет.

ГРЕЧИХА

Вот одно из лучших воспоминаний о жизни.

Я стою в кузове бортовой машины, уклоняюсь от мокрых еловых веток. Машина воет, истертые покрышки, как босые ноги, скользят по глине.

И вдруг машина вырывается на огромное, золотое с белым, поле гречихи. И запах, который никогда не вызвать памятью обоняния, теплый запах меда, даже горячий от резкости удара в лицо, охватывает меня.

Огромное поле белой ткани, и поперек продернута коричневая нитка дороги, пропадающая в следующем темном лесу.

В ЗАЛИВНЫХ ЛУГАХ

Поздней весной в заливных вятских лугах лежат озера.

Дикие яблони, растущие по их берегам, цветут, и озера весь день похожи на спокойный пожар.

Ближе к сенокосу под цветами нарождаются плоды. Красота становится лишней, цветы падают в свое отражение. И на воде еще долго живут. Озера лежат белые, подвенечные, а ночью вспоминается саван.

Падает роса. Лепестки, как корабли, везущие слезы, покачиваются, касаясь друг друга.

Постепенно вода оседает, озера уходят в подземные реки. И как будто лепестки вместе с ними.

Вода в вятских родниках и колодцах круглый год пахнет цветами. Пьют эту воду кони и люди, птицы и звери, цветы и травы, дает эта вода жизнь всему сущему, всему живому.

Только мертвым не нужна вода. Поэтому место для них выбирают на взгорьях.

МОЛИТВА МАТЕРИ

«Материнская молитва со дна моря достанет» — эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинно, и за многие века подтверждена бесчисленными примерами.

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто все так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к ее сыну. Исповедать. Назвала адрес.

— А я очень торопился, — сказал отец Павел, — и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А еще через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко, я был в облачении. Я поздоровался, говорю: ваша мама просила меня к вам зайти. Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене ее фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» — «Нет, — говорю, — пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». — «А если не приду?» — «Придешь: мать просит. Это грех — родительские слова не исполнять».

И он пришел. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

— А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого темный. Очень благодарила и сказала, что сын ее прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам, с утра, пошел по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно — умереть без покаяния, без причастия.

И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она — силой своей любви и молитвы.

ЧУДО КАК НОРМА

Кто впервые идет на Крестный ход, обязательно поражается тому, как на чистом небе, даже и не после дождя, возникает и сияет огнецветье радуги.

А кто постоянно ходит, этому не удивляется. Чудо? Да, чудо. Но это же Крестный ход. Господь видит наши труды, наши молитвы слышит, посылает утешение.

А бесчисленное количество раз бывало, и бывает, когда в пасмурный день берешься читать Послания или Евангелие, или становишься на Акафист, и вдруг освещается пространство комнаты светлыми лучами.

И всегда явное чудо бывает, например, при освящении храма, Креста, при закладке церкви. Вдруг, в добавление к окроплению, с неба падают животворные капли дождя, хотя никакого дождя не ожидалось, и туч не было.

То есть все просто напрямую говорит нам о Божием присутствии в мире, в нашей жизни, в жизни каждого из нас.

Какое же это чудо, так оно и есть: под Богом и перед Богом ходим. И нечему тут удивляться.

ПАДАЕТ ЗВЕЗДА

Если успеть загадать желание, пока она не погасла, то желание исполнится. Есть такая примета.

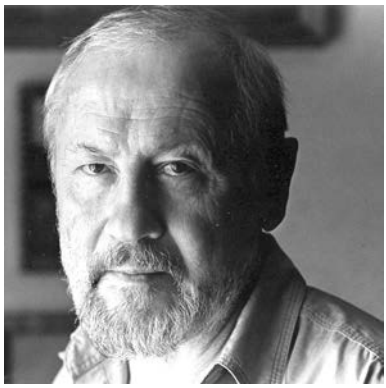
Я запрокидывал голову и до слез, не мигая, глядел с Земли на небо.

Одно желание было у меня, для исполнения которого были нужны звезды, — то, чтоб меня любили. Над всем остальным я считал себя властным.

Когда вспыхивал сразу гаснущий, изогнутый след звезды, он возникал так сразу, что заученное наизусть желание: «Хочу, чтоб меня любила…» — отскакивало. Я успевал сказать только, не голосом — сердцем: «Люблю, люблю, люблю!»

Когда упадет моя звезда, то дай Бог какому-нибудь мальчишке, стоящему далеко-далеко внизу, на Земле, проговорить заветное желание. А моя звезда постарается погаснуть не так быстро, как те, на которые загадывал я.

Юрий ЛОЩИЦ

КЛЕЙКИЕ ЛИСТОЧКИ

Юрий Михайлович Лощиц — родился в 1938 в селе Валегоцулово (ныне Долинское) Одесской обл. в семье кадрового военного. В 1962 году окончил филологический факультет МГУ. На протяжении многих лет работал корреспондентом, литсотрудником, редактором в различных литературных журналах и издательствах. Секретарь правления СП России, лауреат многих литературных премий. **Живет в Москве.**

Впервые о них, клейких листочках, я вычитал когда-то у Достоевского — в его «Братьях Карамазовых».

«Пусть я не верю в порядок вещей, — богоборствует, а в то же самое время исповедуется Иван в беседе-споре с младшим братом Алешей, — но дороги мне клейкие, распускающиеся весной листочки, дорого голубое небо…» И через короткое время снова о них вспоминает: «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром, тут чревом любишь, первые свои молодые силы любишь…»[1]

Казалось бы, мимолетный, но какой запоминающийся образ! Для многих-многих читателей листочки эти так и «приклеились» именно к Достоевскому, к его роману.

Но справедливости ради надо уточнить: Иван Карамазов, скорей всего, листочки не сам придумал, а взял у Пушкина, из стихотворения «Еще дуют холодные ветры…»:

…Скоро ль у кудрявой у березки
Распустятся клейкие листочки…

Впрочем, кто из нас еще в детские свои годы, до знакомства и с Пушкиным, и с Достоевским, не любил «клейкие листочки»? Кто из мальчишек и девчонок предвоенного или послевоенного поколений не любил «торопить весну»? Чтобы ее поторопить, надо было еще в феврале или начале марта наломать на улице несколько тополиных нагих веток и дома, выпросив у старших порожнюю бутылку или банку, наполнить ее водой чуть не доверху и сунуть туда свой принос. Кажется, уже через два-три часа, отогревшись на подоконнике, ветки начинали ис-

[1] Глава «Братья знакомятся» из Книги пятой PRO I CONTRA.

точать из крупных своих почек остренькое, кисленькое, будоражащее дух благовоние. Не успеешь надолго отвлечься, а почки уже набрякли, пустили, действительно, липкую коричневатую смолку. Уж не помню, на третий ли, на пятый ли день жесткие, как длинные крыльца у каких-нибудь насекомых, почки лопались. Светло-зелеными острыми язычками являлись на свет первенцы, раздвигая больше ненужную твердую кожуру. Они-то по мере ежесуточного прироста и обнаруживали свою замечательную, даже на глаз ощутимую клейкость, какой не увидишь ни у березовых, ни у чьих еще молодых листочков. Нет, тополь всех обгонял, всех нежной своей клейкостью превосходил, потому-то все мы его и предпочитали. А кроме того, он стремительно рос не только в лист, но и в корешки. Белые, шустрые, они в воде прыскали во все стороны, как бы образуя чистенькие бородки. И старшие учили нас, что, как земля отогреется, можно смело эти тополиные выводки пересаживать в нее. Тополь обязательно укрепится, саженец не пропадет, а на третий-четвертый год превратится в деревце.

Они, наши старшие всяких возрастов, тоже в такую пору по-своему впадали в детство, тоже на свой — более практичный — манер поторапливали и понукали весну, сажая в миски овес или пшеницу для будущих пасхальных крашенок, пристраивая на подоконниках всякую овощную рассаду — от помидорной до луковичной.

Сколько же в городах, поселках, деревнях — по всей стране — осталось от тех десятилетий быстрорастущих, шумнолиственных тополей, будто в благодарность за доверие и внимание к ним озеленивших окраинные пустыри, унылые до тех пор дворы, придорожные неудоби. Обыкновенные в средних широтах, пирамидальные на юге, они поднимались вместе со всей страной, росли добровольным дополнением к грандиозному государственному плану создания системы лесозащитных полос.

Тот план давно уже лукаво осмеян, похерен, как и все «сталинское». Но сами-то полосы на тысячах гектаров, где успели их посадить еще «до экологии», шумят себе, зеленеют, заданную им службу исправно несут, охраняя посевы летом от знойных ветров, зимой накапливая снежные сугробы поближе к пахотным квадратам.

Впрочем, не хочу я ни у кого выжимать из глаз ностальгическую слезу. И с «клейких листочков» не для того начал, чтобы умилить чью-то отзывчивую душу.

Где уж там умиляться! Сегодня, в конце лета, по всей России, по всему бывшему Союзу **тополь пропадает**. И вдобавок что-то нехорошее происходит с нашим зрением, в том числе с внутренним, духовным зрением, если мы этого колоссального по размерам пропадания, оказывается, в упор не видим. Ладно, не видят его лица, ездящие в городах и за город по своим избранным, ласкающим глаз трассам. Но возьмем любое обыкновенное железнодорожное или автомобильное полотно, лучащееся от столичного мегаполиса во всех направлениях: где бы вы ни оказались, вы едете по бесконечному кладбищу усыхающих тополей. Высоченные деревья, саженные когда-то в линейку, в виде придорожных полос, как зловещие скопища скелетов, иступленно тянут к нам уродливые серо-бурые сучья. Мы щадим глаза и не смотрим на них, будто нас это нисколько не касается. Мы дремлем или таращимся на свои чайнворды, сканворды. Не мы же их сажали.

В салоне автобуса, ползущего в час пробок по Ленинградскому шоссе, я сказал пожилой женщине-соседке, когда она пожаловалась на небывало жаркое лето: «А вы на тополя посмотрите, что это с ними происходит?» Она смотрела несколько минут в большое боковое стекло и потом сказала. «А знаете, так, похоже, везде. Мы недавно были на озере Исык-Куль. Так там еще хуже: листву на тополях пожирает какая-то гусеница. И эти гусеницы как дождь сыплются с деревьев. Оч-чень неприятно!»

Нынешним летом на окраине ярославской деревни, заметив, что наш дворовый тополь, растущий из одного комля сразу тремя стволами, за весну и половину лета стремительно усох, мы спилили его. Сердцевина во всех стволах оказалась темно-бурой, пропитанной какой-то гнилью. Колуну дерево не поддавалось. Это была тоска, а не колка. Дерево будто мстило за свою преждевременную гибель. Удары приходились на что-то вязкое, резинообразное. Даже звук получался тупой, противный. Я подождал полтора месяца, пусть чурки еще высохнут. Но и со второго захода они не хотели колоться. За час с лишним работы я бы тут нагромоздил целую горку сосновых или березовых поленьев. Тополь гнал из меня пот и остатки задора. Наконец, я смирился и перенес тяжелые чурки поближе к бане, пусть не торчат перед глазами как мрачный знак неудачи. А чтобы хоть как-то освободиться от наваждения, подумал: дело, пожалуй, не в самом дереве, а в неизвестной пагубе, которая повсеместно накинулась на тополь как таковой.

Не знаю, может, об этой пагубе, об этой нежданной тополиной чуме, изводящей со свету ни в чем неповинное дерево, уже пишут в специальных лесоводческих изданиях? А наша официозная СМИ-система, охочая до всяких скандалов и страшилок, судьбы тополя что-то не замечает.

Между тем тополиный мор ворвался уже и в пределы дряблого мегаполиса. Из окна можайской электрички, на подъезде к синим клыкам Сити среди лета чернеют рядом с жилыми кварталами целые рощицы мертвых тополей. А если по всей Москве считать? В городе нет такого количества рабочих и техники, чтобы убрать их в режиме субботника или даже годового плана. Нужны сотни кранов, сотни самосвалов, тысячи опытных пильщиков и уборщиков.

Иногда кажется: кто-то эту пагубу осуществляет намеренно и повсеместно. Горожанам, понятно, досаждает в июне тополиный пух, и многие городские порубки тополей в последние годы определялись именно этим мелким, по сути, неудобством. Но всю-то подряд тополиную породу зачем было бы травить? Нет, злоумышленная травля недостоверна. Тогда что же еще? Загазованность? Но ведь тополя тысячами усыхают и вдоль железнодорожных путей.

Говорят еще: причина — в повсеместной нехватке почвенных вод. Тополь оказался самым беззащитным, за ним обезвоживание на глазах подкрадывается к березе, елям, другим лиственным и хвойным. При таком объяснении все упирается в причины куда более общие. Они уже не первое десятилетие обсуждаются настолько часто и повсеместно, что все как-то незаметно привыкли, смирились: да, мы обречены, мы живем за чертой непоправимой экологической катастрофы всемирного масштаба.

Но покорность такого рода ничего кроме самого примитивного цинизма породить не может. Ведь если пик всесветной катастрофы уже позади, если противодействовать ей бессмысленно, остается лишь признать полную

неудачу пребывания человеческого рода на земле. Да, мы такие вот нехорошие, но раз переменить все равно ничего уже нельзя, станем до конца толкаться в том же гиблом направлении: выскребывать из земли все запасы угля, нефти, газа, гнать толстенные трубопроводы в Европу, в Китай, к черту на рога, производить все новые и новые полчища автомобилей, авиалайнеров, танкеров, компьютеризировать и оснащать многокабельным телевидением каждую квартиру, каждый пень в лесу, до упаду таращиться на всевозможные шоу, парады звезд, состязания смеховодов… Уйдем до конца в этот пленительный мир грез и соблазнов! Какие еще, к лешему, тополя? На крайний случай, приедут гастарбайтеры из Турции, из Вьетнама, из Африки и все спилят, подметут, пустят на целлюлозу…

И вообще, оставьте ваши сентименты! Нас уже ничем не испугать. Наводнения? Тайфуны? Землетрясения? Пожары? Ну и пусть! Зато они хорошенько расчистят землю под всеобщее кладбище. Нам ничего уже не светит, никакого загробного воздаяния. Мы все уже или почти все свое поучили сполна, осталось совсем немного…

Бедные Иван и Алеша Карамазовы! Бедный Федор Михайлович! Услышь они такие речи, такие самоубийственные воззвания, они бы, пожалуй, примолкли пристыженно. По крайней мере, на какое-то время примолкли — со своими мировыми вопросами к Богу, к человеку, со своей жаждой жить, страдать, надеяться на лучший исход для всех и каждого. Какими бы наивными ни виделись они из нашего наступившего нового тысячелетия, у них было одно великое, при всей его беззащитности, преимущество. Потому что у них были клейкие листочки.

Вышла книга

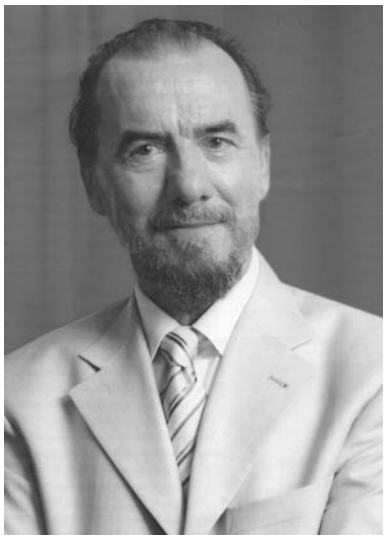
Замлелова С.

Посадские сказки. — М.: Ваш полиграфический партнер, 2012. — 128 с.

Светлана Замлелова — прозаик, публицист, критик, переводчик. Родилась в Алма-Ате, окончила Российский Государственный Гуманитарный Университет. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Член-корреспондент Петровской Академии Наук и Искусств.

Новая книга Светланы Замлеловой — это настоящая феерия образов и калейдоскоп событий. Элементы детектива, мистики и фарса образуют, переплетаясь, яркую повествовательную ткань. Действие разворачивается на стогнах некоего городка — посада. В книге нет четких указаний на место и время описываемых событий. Тем не менее, совершенно очевидно, что героями фантастического повествования стали наши современники — так узнаваемы и понятны эти образы.

Виктор ЗАХАРЧЕНКО

ДАВАЙТЕ УЧИТЬСЯ ИСКАТЬ!*

Виктор Гаврилович Захарченко — родился в 1938 году в станице Дядьковской Кореновского района Краснодарского края. Генеральный директор — художественный руководитель ГНТУ «Кубанский казачий хор», народный артист России, Украины, Республики Адыгея и Республики Абхазия, лауреат Государственной премии России, доктор искусствоведения, профессор, композитор. Имеет множество государственных, международных, церковных наград. **Живет в Краснодаре.**

*Публикуется с небольшими сокращениями.

Прежде всего хочу оговориться: это не научная статья, а откровенные размышления вслух практика, многие годы тесно соприкасающегося с творчеством как профессиональных, так и самодеятельных народных хоров.

Спору нет, народные хоры сыграли и продолжают играть важную роль в деле пропаганды традиционного песенного, танцевального и инструментального искусства. Само рождение профессиональных народных хоров было вызвано, несомненно, исторической необходимостью, а успех, который сопутствовал им долгие годы, был поистине триумфальным. Сколько прекрасных русских песен разных областей России впервые исполнено народными хорами, сколько открыто талантливых певцов, воспитано интересных, самобытных композиторов!

Неоценим вклад в пропаганду народного песенного искусства и тысяч самодеятельных коллективов, среди которых выявилось немало лидеров, чье мастерство отмечено высшими наградами на всероссийских, всесоюзных и международных конкурсах и смотрах. Одним словом, у народных хоров богатая творческая биография, заслуживающая искреннего восхищения и уважения.

Именно поэтому меня, практика, так глубоко волнует то обстоятельство, что за последние десять лет в творческом развитии народных хоров произошел какой-то общий спад, вызванный целым рядом объективных и субъективных причин. А в настоящее время, как мне кажется, народные хоры испытывают кризисное состояние.

Мы зашли в тупик.

Что такое исполнительство? Это особый дар, который способен взволновать аудиторию, захватить ее, это жизнь человеческого духа на

сцене. Способность создавать яркие образы, передавать национальный характер. Вот она, сверхзадача каждого певца и танцора. А народные хоры в массе своей как раз и потеряли главную основу истинно народного исполнительства — эмоциональную заразительность, стали аморфными и бесстрастными. Они, в принципе, могут петь и очень чисто, и очень ритмично, и слаженно, но не могут донести до зала душу и идею песни, не могут увлечь публику, повести ее за собой. Отсюда, естественно, происходит и потеря определенной части слушательской аудитории.

И профессиональные, и самодеятельные хоры из самых разных областей сегодня все больше и больше походят друг на друга: и манерой пения, и костюмами, и количественным составом хоровой, танцевальной и оркестровой групп, и принципами обработки фольклорного материала, и формами построения программ, и сценическим поведением певцов и танцоров, а в самодеятельности, вдобавок ко всему, еще и репертуаром.

Тревожит меня эта непонятно откуда взявшаяся стандартизация.

В самобытное творчество многих народных хоров начали проникать и утверждаться исполнительские штампы. Сценическое поведение любого певца, поющего русскую народную песню, стало стереотипным и легко укладывается в схему из нескольких простейших заученных движений: так повернуть голову, так сложить руки… Артисты превратились в манекены: женщины все в одинаковых платьицах, с одинаковыми розовыми подкрашенными личиками, деланными улыбками. Плывут по сцене этакие степенные павушки-лебедушки в блестках, плывет по сцене этакое сусальное целомудрие. Да разве она такая в жизни, русская женщина! Не узнать ее — до того засахарили! А мужчины… безликие, бесполые, невыразительные, все как один в атласных рубахах, подпоясанных кушаками…

Чем же вызвана такая безликость, такая заштампованность на сцене? Думается, прежде всего, оторванностью от подлинных образцов.

Когда начинаешь сравнивать подлинный, всегда высокохудожественный, фольклорный материал с тем, что выносят порой на сцену народные хоры, как профессиональные, так и самодеятельные, видишь, насколько проигрывают последние в средствах выразительности. И пытаешься понять, откуда она, эта оторванность от первоистоков, от своих корней? Откуда это нежелание или неумение использовать свое наследие, творчески переосмысливать его? Откуда это неведение тех качественно новых сдвигов, которые происходят сейчас как в подлинных (аутентичных), так и в самых новых профессиональных и самодеятельных ансамблях и группах, опирающихся на современные достижения фольклористики?

А самодеятельные хоры… Казалось бы, уж кто-кто, а они ближе всех к подлинному искусству. И ездить далеко не надо — носители его подчас живут рядом с руководителями и участниками коллектива, но… нередко «ускользают» из поля их зрения. В лучшем случае небольшая группа хора отправляется в свободное время к народным исполнителям с магнитофоном. Однако мое глубокое убеждение: сегодня этого недостаточно, недостаточно даже многоканальной записи. Ну, хорошо, запишете вы песню, а как зафиксировать на пленке танцевальные движения, эмоциональный настрой исполнителя, его телесную пластику, манеру поведения, тот образ, который он создает? Все это надо наблюдать, изучать, прочувствовать, пропустить через себя, запомнить. А еще лучше — заснять на кино- или фотопленку.

Сейчас появилось много разных методов обучения детей народному искусству, освоения ими музыкально-песенного фольклора. Я не собираюсь разбирать досконально и подвергать критике эти методы — многое в них действительно ценно. Но кое-что вызывает у меня принципиальное возражение.

До чего же боятся некоторые руководители, что в детскую песню нечаянно попадет «взрослая» лексика. Стерилизуют песню, убивают в ней живинку, заменяют фразы, слова. А уж как встретится хороводная, где в конце мальчик целует девочку, тут же отсекают эту концовку — дескать, не по возрасту. Но дети как никто чувствуют фальшь и ханжество этих горе-педагогов. Между тем в Сибири я записал подлинные детские вечерки, исполняют которые ребята 12 лет, и заканчивается эта доподлинная песня поцелуем, по-детски чистым. И никому в тех местах, ни раньше, ни в наши дни, не приходило в голову, что это непедагогично.

Странным кажется мне и другое: в программу занятий некоторых таких детских групп не входит даже знакомство, не говоря уже о тесном общении, с исконными носителями народной песни. А 50–60 лет назад не было никаких «методов», но дети пели, пели вместе со взрослыми, учились у них, впитывали в себя все огромное песенное наследие и несли традиции дальше. С такими «университетами», кстати, мне довелось столкнуться в Болгарии. Там они считаются незыблемой нормой обучения подрастающего поколения.

Я не случайно заговорил о детях — будущем самодеятельных и профессиональных хоров. Оторванность от подлинного в раннем возрасте не восполнит впоследствии никакая школа.

Итак, я убежден: чтобы выйти из полосы творческого застоя, необходимо вновь повернуться лицом к фольклору, но уже с качественно иных позиций, с позиций нового дня, используя современные методы записи, изучения и обработки образцов исконного народного творчества. Руководители и участники народных хоров обязаны учиться исполнительскому мастерству, высокому искусству импровизации, органичному поведению на сцене, прежде всего, у подлинных носителей этого искусства.

Но не только это.

По-моему, нельзя отказываться от творческих достижений и других видов и жанров искусства. Потому что штампы в народных хорах во многом идут еще и от боязни, нежелания иных руководителей выйти за узкие рамки своего жанра, от существующего пресловутого деления на «народников», «академистов» и «эстрадников», которое есть не что иное, как своего рода сектантство.

Это обстоятельство, между прочим, явственно отражается и на критериях оценок конкурсных жюри.

На одном из конкурсов исполнителей русской народной песни я был свидетелем того, как предъявлялись претензии к исполнителям, певшим в академической манере. И я представил себе: вот пришел бы на такой конкурс Федор Иванович Шаляпин и запел бы раздольную русскую песню своим великолепным академическим голосом. Но члены жюри, несмотря на всю магическую силу его искусства, оставались бы непреклонными: не та манера, не народная. Не слишком ли много мы спорим о манере, забыв о главном — художественном результате?

Знаете, с чем у меня ассоциируется слово «народник»? Вот с чем: «А ну-ка соберемся, братцы, наденем поддевки и лапти да ударим в балалаечки, чтобы “академикам” жарко стало…» Нет, если «народники» — это какая-то узкая секта, то я первый выхожу из нее!

Есть высокое понятие «Музыка», есть высокое понятие «Музыкант». И я не хочу числиться в таких, с позволения сказать, «народниках» — я хочу быть Музыкантом, хочу быть Художником. Хочу двигаться вперед.

Мне не раз доводилось видеть, как руководители народных хоров боялись выводить на сцену свои коллективы после исполнения русских народных песен академическими хорами. Боялись, ибо понимали, что у них не хватает мастерства, что народные хоры в школе уступают академическим и это осознанно или интуитивно чувствует зрительный зал. А современное исполнительство должно основываться на высокой музыкальной культуре. Это значит, черпая ценное из фольклора, заимствовать критерии музыкального качества: чистоту строя, серьезную работу над интонированием, над звуком, артикуляцией, наконец, над драматургией песни — у академического направления. Абсурдно возводить барьеры между жанрами — это наносит лишь вред искусству в целом.

Мы привыкли к тому, что народный хор поет у нас без дирижера. Но заметьте — когда выстраиваются на сцене в ряд человек 50–60 хористов, стоящие с краю плохо слышат тех, кто поет на другом конце. И все их усилия направлены на то, чтобы вовремя вступить, а не на то, чтобы творить песню. Почему бы не попробовать, допустим, при исполнении сложных произведений ввести в народный хор дирижера? Но дирижера особого толка — лидера, художника, органично вписывающегося в хор, типа тех, что были раньше в хороводах, на посиделках и незаметно, с завидным артистизмом «верховодили» всеми плясками и песнями…

Надо искать новое и в исполнительстве, и в репертуаре. Репертуар же — это камень преткновения и для профессиональных, и для самодеятельных хоров, особенно репертуар современный.

Приемлемыми для народных хоров принято считать песни, похожие на народные. Да, действительно, у нас были прекрасные образцы (написанные, правда, лет 20–30 назад) — «Уральская рябинушка», «Пропел гудок заводской»… Мы имеем богатейшее наследие — творчество замечательного советского композитора В. Г. Захарова. Он создал песни «Провожанье», «Ой, туманы мои», «Русская красавица», «И кто его знает», которые и по сей день являются для нас эталоном. Но значит ли это, что сегодня для народных хоров надо писать лишь в таком ключе, и никак иначе? Я не знаю, как бы работал *сейчас* Захаров, будь он жив, но глубоко убежден в одном: композитор сочинял бы сегодня по-иному, не так, как 30 лет назад. Послушайте его поздние произведения, например песню «Наша сила в деле правом» — сколько там смелых ритмов, сколько нового, свежего! Это был новатор, хорошо понимавший: всякое движение вперед немыслимо без поиска.

Я лелею надежду, что появятся, наконец, композиторы, которые отбросят укоренившиеся штампы и напишут для русского народного хора песни, соответствующие духу времени.

Время требует перемен в русских народных хорах!

И когда речь заходит о современном репертуаре, давайте не обвинять во всех смертных грехах эстраду, а думать о том, как органично вводить те же

ритм-гитары и ударные инструменты в состав русских народных оркестров, ансамблей и групп, которые сопровождают выступления хоров. Давайте думать о том, как использовать в народных хорах гитарную песню — современный фольклор, как его исполнять, ибо он и стилистически диаметрально противоположен нашему традиционному крестьянскому фольклору. Мы же умудряемся даже современные авторские песни исполнять так, чтобы они звучали у нас, как старинные. А я уверен — стилизованным подделкам пришел конец. Это уже вчерашний день.

К современности надо повернуться лицом. Фольклор — не какая-то доисторическая окаменелость, а живой, постоянно развивающийся организм.

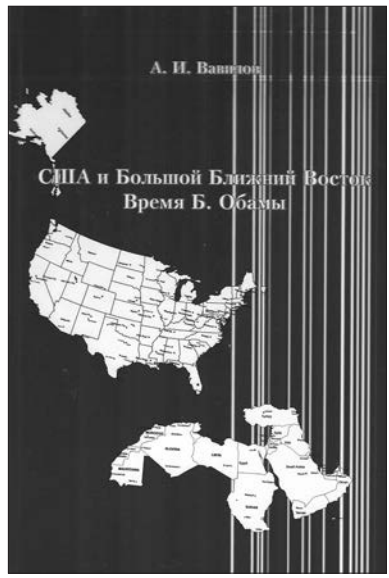
Так давайте же учиться искать новое! Но не только мы, практики. Сегодня нужна и смелая теоретическая мысль, наука о нашем исполнительстве, которая обобщила бы весь огромный накопленный опыт и наметила бы перспективы развития народных хоров. Чтобы мы видели завтрашний день, чтобы мы знали, как и куда нам двигаться дальше.

ВЫШЛА КНИГА

Вавилов А. И.
США и Большой Ближний Восток. Время Б. Обамы.

Издание подготовлено в рамках реализации «Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2012 г.»

РЕЦЕНЗЕНТЫ: доктор исторических наук, профессор Хазанов А. М., доктор исторических наук, профессор Сагомонян А. А.

АВТОР: Александр Иосифович Вавилов, доктор исторических, кандидат экономических наук, профессор многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Является автором многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. Его новая работа посвящена исследованию эволюции современной политики США в отношении стран «Большого Ближнего Востока» в период Президентства Б. Обамы. В монографии осуществлен сравнительный анализ подходов США и России к решению основных проблем этого региона. Автор использовал широкий круг отечественных и зарубежных, прежде всего, арабских и американских источников, а также личные материалы и впечатления, накопленные за годы работы в рассматриваемых странах.

Татьяна ДОРОНИНА

«ХОЧУ ИГРАТЬ ЧЕХОВА»

Из дневника актрисы

Татьяна Васильевна Доронина — родилась в Ленинграде. Народная артистка СССР (1981), художественный руководитель Московского художественного академического театра им. М. Горького, трижды лауреат титула «Лучшая актриса года». На Международном кинофестивале в Тегеране в 1973 году удостоена приза за лучшее исполнение женской роли в фильме «Мачеха». Лауреат премии им. Николая Симонова, Лауреат премии им. Евгения Лебедева. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Дружбы народов, орденом Почета. Главная экономическая награда: «Актриса эпохи» (специальная номинация). **Живет в Москве.**

«ХОЧУ ИГРАТЬ ЧЕХОВА»

Сегодня была «Скамейка», и опять хохотали зрители, и опять не узнавали себя в этой горечи нищей духом жизни. Они — не привыкли.

Наша замечательная пресса занята «уходом от ассоциаций», а те, «которые зрители», — слишком долго и слишком давно привыкли считать театр развлечением. Они дружно и ритмично аплодировали, кричали «браво», им есть о чем поговорить завтра на работе, но у них нет «потрясения». Не «та» тема. Не из «потрясающих».

Я сегодня плохо играла, торопилась, не «проживала» целые куски, публика смеялась, а на «Скамейке» смех публики для меня то же самое, что отсутствие этого смеха на «Приятной женщине с цветком».

Но в «Цветке» играю свободно, неожиданные ходы и краски приходят легко, работают на суть характера, на идею спектакля — «безумие и величие добра и сердечной щедрости». А в «Скамейке» иное. И при схожести общего направления и предпосылок характеров, даже при схожести фабулы — все равно есть две разные судьбы. Два автора: современный в условности положений героини и гротескового общего хода — Радзинский и аналитичный — Гельман. Я позволяю в «Приятной женщине» смеяться залу. Пусть! Для этого (хотя и не только для этого) ставили ее в Театре эстрады, для этого Лазарев решал спектакль гротесково и раскованно. «Скамейка» — другое. Меня мучает постоянный смех публики, меня не радуют их громкие реакции, я считаю этот «смех узнавания» смехом над самими собою, они не осознают происходящего и считают, что смеются над героями пустой жанровой пьесы. А завтра я проснусь и первой мыслью будет: «плохо играла»,

я огорчусь и до вечернего спектакля буду думать о своей бездарности, своих неудачах.

Я живу чувствами и мыслями персонажей, которые придуманы кем-то — иногда талантливо, иногда не слишком. Но я влезаю разумом и чувством в этот придуманный кем-то внутренний мир, делаю его своим — «чем ближе ко мне, тем лучше», позволяю вселиться в себя кому-то, иногда менее интересному и драматичному, чем я сама. И называю все это работой, своим предназначением.

В эти моменты растерянности, унижения и боли я думаю, что моя профессия не самая великая среди прочих.

Гамлет завидовал возбудимости актера, проецировал эту человеческую, вернее, актерскую возбудимость на события подлинной жизни, на оценку жизненных катаклизмов и битв. И ему казалось, что обладай каждый из живущих актерской возбудимостью, направь он эту возбудимость, это чувство справедливости и правды на повседневную житейскую битву — мир будет гармоничен, будет царство без Полониев, королей, Гертруд, Розенкранцев… Но бился Гамлет сам и отдал жизнь свою собственную, а не чужую жизнь подставил под рапиру. Правда, вдохновил Гамлета на битву — актер. Гамлет побеждает и погибает, актер отправляется «вдохновлять» других, живой и невредимый — какова же цена моей профессии? Каков ее смысл? Подвигать других на великие поступки чужим текстом и своими нервами — так ли уж это прекрасно? Да еще, чтобы «подвигать» — текст должен быть написан Шекспиром, Уильямсом, Пушкиным или Гёте, а на таких авторов тебе не часто везет, вернее, просто не везет, и выкрикиваешь ты со сцены под смех публики нечеловеческие словосочетания про «дом построим», про «машину хочешь» и про «уверенность», которую теряешь уже ты сама. Итак, я живу в придуманных мирах придуманных людей и считаю эту жизнь настоящей. И хочу играть Чехова!..

Как играть Чехова? Валентин Плучек приглашал меня на «гастроль» в «Вишневый сад» играть Раневскую.

На гастролях в Харькове — с уютным театром и умной публикой, с зеленью парка и мягкой характерной речью прохожих — я играла «Королеву», «Ламанч» и первые «премьерные» спектакли «Чайки». «Чайка» — вторая для меня чеховская пьеса после «Трех сестер» в БДТ. После Маши, которая жила в городе, «где никто не понимает музыки», Маши, которая завидовала перелетным птицам и говорила в конце пьесы самую страшную для человека фразу: «Все равно», — я играю Аркадину, бывшую Треплеву, в девичестве Сорину, и пытаюсь соединить эти фамилии, три конкретных понятия — «Аркадия», «трепло» и «сор» — в живой и узнаваемый образ.

У Чехова нет случайностей, нет маловажного, и если Маша из Прозоровой стала Кулыгиной, по российской неотвратимости и несчастью, то это только для графы «семейного положения», а по сути Маша — Вершинина, ее «мой» — полковник Вершинин, который говорит о будущей жизни и верит, что она «будет изумительна, прекрасна». Итак, я играла Машу Вершинину. А как быть с Ириной Николаевной Аркадиной по сцене, по мужу Треплевой, в девичестве Сориной? Она читает Некрасова наизусть (поэта гражданского), ведь могла же она читать Фета и Полонского, Надсона и Фофанова? Но читает именно про музу, которую бьют кнутом, а не про море, где «волна на волну набегает». Она «за больными ухаживает, как

ангел», и моет в корыте детей прачки, и делает это не для того, чтобы похваляться благодеяниями своими (она забывает об этих благодеяниях), а по внутренней потребности.

Я много видела на сцене Аркадиных, они были все похожи одна на другую. Аркадина всегда являлась в пьесе как бы эпизодическим лицом — шла после Нины, Треплева, Тригорина, Сорина и Дорна. Но ведь Чехов поставил в списке действующих лиц Аркадину первой — это тоже не может быть случайностью. В Одессе в банке у нее семьдесят тысяч, но живет она в имении брата. А сколько стоит приличное имение, если крошечное чеховское Мелихово стоит около пятидесяти тысяч? У Ирины Николаевны есть сын, «который вышел из университета» и пишет декадентские пьесы, есть брат, который «пьет херес и курит сигары», несмотря на то, что он болен, и есть возлюбленный, который ей изменяет.

Ей сорок семь лет, она ушла из императорского театра и играет в провинции, в частности в Харькове, где «студенты овацию устроили». Ведь студенты «устроили овацию», а не купцы. Итак, женщина, боящаяся потерять сцену, сына, брата и возлюбленного, женщина на рубеже, за которым идут только потери и никаких обретений.

Это все написано Чеховым, так же, как написан текст: «У меня нет денег — я актриса, а не банкирша», «В настоящее время я и на костюм не могу», и обращаясь к сыну: «Оборвыш, ничтожество».

И я играю свою Аркадину, пытаясь соединить все эти противоречия, все «за» и «против», не делая тенденциозных акцентов в ее сложной, трудной и разной жизни. Играя, хочу воссоздать хоть в какой-то мере очарование Книппер, Яворской и других прелестных и умных современниц Чехова — Савиной, Лешковской.

А «несостоявшаяся» актриса Лика Мизинова любила «богему» и вышла замуж за режиссера Санина, который ставил спектакли «под Станиславского». Похоронена Лика в Париже. Разве Нина Заречная могла умереть в Париже? Не является ли предположение тождества Лики и Нины Заречной — слишком вольным? Если не является «вольным», то Антон Павлович плохо знал людей и не сумел разглядеть в настоящей Лике будущую парижанку.

Чехов выделил из всех исполнителей первого спектакля — Комиссаржевскую, нервную, возбудимую и способную играть драму. Худенькая, большеглазая Вера Федоровна не походила на «царевну-лебедя» Лику с ее царственной плотью, соболиными бровями, любовью к богеме и к беллетристу Потапенко.

Комиссаржевская в «Чайке» играла трагедию таланта, а не трагедию плоти. Именно поэтому она так нравилась Чехову, который точен и не случаен, для которого «клетчатые брюки Тригорина» — определенный образ, в котором все сказано.

Мне кажется, что любая тенденциозность в решении чеховских характеров — неуместна. Поэтичный и мудрый Чехов, который писал прозу, как музыку, не мог быть тенденциозен, не мог делить людей на положительных и отрицательных. Он писал правду в форме диалога, он наделял почти всех персонажей способностью говорить, а следовательно, мыслить поэтично — образно. И только Наташа в «Трех сестрах» говорит не чеховской речью, а чужой и страшной: «Я причесана ничего себе?» или «И если я говорю что насчет прислуги, я знаю, что я говорю».

Но Наташа — это обозначение грядущего хама, то, что уничтожит прозоровский дом и населит землю софочками и бобиками. Не случайно же все три сестры — не имеют потомства, а Наташа породила следующего Протопопова.

Хочу играть Чехова, для меня «Вишневый сад» стоит благоуханной легкой белой громадой и манит, и затягивает, и кружит голову. Мятущаяся душа «порочной до мозга костей» Раневской, ее тоска по чистоте и детству, ее пренебрежение всем, даже православной верой, даже своим вишневым домом — это жизнь после фразы: «Все равно». Это уход туда, где «все равно», это любовь к «камню, который тянет на дно», а по-другому этот камень называется «конец». Нет веры, нет дома, нет сына. Реальность — прощание с жизнью, которая жадна, алчна и вся в расчетах, и эти расчеты у всех и во всем. Расчетлив тот, кто в Париже, расчетлив Лопахин, расчетлив Яша и ярославская бабушка, и Пищик, и случайный прохожий. Она одна не расчетлива.

До красоты, до души, до «вишневого сада» — никому нет дела. Это повсеместно и, значит — и в будущем. Для чего жить — так безответно в главном, в том, что является подлинным и единственно ценным — бессребреность, духовность, красота и любовь? «Надо влюбляться», — кричит она, но влюбляться — это спасение на час, а в любовь она давно не верит и знает цену «парижской любви», которую оплакивает несколько лет. Раневская едет в Париж не жить (как Мизинова), а умирать, как сам Антон Павлович уехал умирать в Баденвеер.

«О ЖЕНЩИНЕ»

По «ящику» говорили опять гнусности о Фурцевой. Валят свою несостоятельность на мертвых. Мерзко!

«Катя! Красавица! Вот кто, действительно… красавица! И женственна! Ах, как подлинно женственна!» — сказал наш руководитель курса, подлинный красавец и мужчина — Павел Владимирович Массальский. Он достал свои любимые сигареты в красивой пачке, закурил, блаженно вдохнул дым, красиво откинулся и посмотрел на Александра Михайловича Комиссарова.

Комиссаров ставит на наш диплом Уайльда, пьесу под названием «Как важно быть серьезным». Разговор после чернового прогона, тема — «вечная женственность». Известный всей стране своей победой над львами в любимой кинокомедии «Цирк» исполнитель роли Скамейкина — Комиссаров в ответ на реплику о Кате-красавице тоже заулыбался, засиял и сказал через паузу: «Очень! Екатерина Алексеевна очень… женственна!»

Так я первый раз услышала мнение мужчин-актеров о Фурцевой Екатерине Алексеевне. Убеждали в подлинности оценки — более всего — блаженство на их лицах, сияние и долгая пауза, и необходимость закурить.

Увидела я первый раз «самую женственную из красавиц» через несколько лет.

Успешные гастроли товстоноговского БДТ завершались приемом у министра культуры Екатерины Алексеевны Фурцевой, данным ею в нашу честь в большом зале гостиницы «Москва». Она сумела создать на этом официальном приеме атмосферу совсем не «по протоколу», а теплую, доверительную и свободную. И вот с этой доверительностью и открытостью, которая так пленила меня и так «обманула», Екатерина Алексеевна взяла

меня под руку и сказала: «Значит, со следующего сезона ты во МХАТе?!» То ли вопрос, то ли приказ, в очень «женственной» форме поданный.

Товстоногов стоял рядом. Улыбка какое-то время еще освещала его лицо, но глаза не улыбались. Он смотрел на меня. Я чувствовала, что краснею почему-то. Но я ни в чем не виновата. Совсем. Да, я получила приглашение из МХАТа зимой. Подписано приглашение Марком Прудкиным и зав. труппой Михаилом Зиминым. Приглашали играть Анну Каренину. Но я ответила отказом на это приглашение и никому об этом приглашении не говорила. Значит, послано было это заманчивое приглашение с ведома Фурцевой, а об отказе ей не сообщили? Или сообщили, а она только делает вид, что не знает об отказе? Она не приняла этот отказ и решила вот так «женственно» и мягко задать мне этот вопрос-приказ при Георгии Александровиче, предполагая его реакцию?

Гастроли были радостью для меня, для Товстоногова, для всех! Все было прекрасно и празднично! И вдруг такой поворот! Я сказала: «Я ведь отказалась от приглашения!» «Не знала, не знала!» — сказала Екатерина Алексеевна и заговорила о другом, сменила тему, словно не заметила моего смятения и моего красного лица.

Через несколько лет, когда я уже работала во МХАТе и ступала по предсказанным Товстоноговым «гвоздям», я пришла к Фурцевой. Мне было неуютно, тяжело и неинтересно работать. Я пришла к ней на прием, чтобы сказать об этом.

Здание на улице Куйбышева — красивое, с белой мраморной лестницей, колоннами и чистотой, которую теперь не увидишь ни в одном официальном учреждении. Я поднималась по этой беломраморной лестнице и вдруг услышала чарующий голос: «Здравствуйте!» Я подняла голову и увидела перед собой стройного, высокого, одетого в светлый костюм и улыбающегося Ивана Семеновича Козловского. «Рад лично познакомиться», — сказал он и протянул руку. Я протянула в ответ свою. Он галантно поцеловал руку и сказал: «А я вас люблю». Взгляд, как у юноши, и руку держит, и смотрит не отрываясь, и чувствуешь, что хорошеешь под этим взглядом, и совсем не стыдно, что так под этим взглядом «цветешь», и не кажешься себе глупой, а наоборот, как хорошо не скрывать счастья этой встречи, своего восторга перед ним.

«Вы к Екатерине Алексеевне?» — «Да». — «Обидели?» — «Нет. Просто уходить хочу». — «Куда?» — «Кино». — «Не надо». — «Почему?» — «Кино… потеря профессии».

Какой мудрый! Как точно о потере профессии!

В кабинет Екатерины Алексеевны я вошла совсем не «с тем», «не так», «совсем другая». Кабинет министра-женщины — цветы, много света, красивые шторы. Фурцева позвонила, вошла секретарша. «Чаю нам, пожалуйста». На министре хорошо сшитый, хорошо сидящий и идущий темно-синий костюм, очень изящные туфли на красивых ножках, маникюр, лак не яркий, руки маленькие, но «рабочие». Не ленивицы руки. Хорошие. Настоящие.

«Что ты хочешь?» — спросила она. Взгляд теплый. Не делает вид, что по-доброму смотрит, а действительно по-доброму относится. (Я узнаю сразу, когда «делают вид». Узнаю и сразу… презираю. По мне лучше ненавидящий взгляд, чем лгущий, работающий под добренького человека.) Я ей рассказала, как тоскую о Ленинграде, как жалею, что оказалась во МХАТе, как «не радуюсь» на сцене, когда играю. «У меня пропала радость», —

сказала я и удивилась, что она это поняла верно. Понять изнутри радость на сцене, когда играешь даже трагическую ситуацию, может коллега, профессионал. Она поняла. «Не плачь! Никогда не плачь! Я вот… не плачу». А мне, глядя на ее красивое, измученное лицо, хотелось плакать из-за нее, а не из-за себя. Она была действительно красавицей и самой женственной красавицей, но она была несчастна. И фраза ее «Я вот… не плачу» — открывала ее боль и одиночество. Но будучи несчастной, одинокой и открытой, она еще была настоящим министром… культуры!

Шесть показов! Спектакль «О женщине» по пьесе Эдварда Станиславовича Радзинского поставил тонкий, прекрасный режиссер Борис Александрович Львов-Анохин. Актеры играли у него замечательно: Леонид Губанов, Георгий Шевцов, Евгений Киндинов, Леонид Харитонов. Какие индивидуальные, какие разные, какие талантливые!

Художественный совет «не принимал» спектакль шесть раз! Автор переписывал текст, заменили финал, он стал нейтрален и не столь драматичен. Силы, потраченные на уничтожение спектакля, можно было потратить на что-то более разумное, чем издевательство над его создателями. Но победила Катя! Екатерина Алексеевна Фурцева. Она не хотела приказывать, хотя и могла поступить так. Она часами убеждала этот странный художественный совет.

У нее кроме МХАТа была огромная страна, которую она любила и культуру коей почитала. И не хотела, чтобы то, что называлось великой культурой великой страны, исчезало, терялось. Она множила библиотеки, картинные галереи, оркестры, хоры и… театры. Она понимала значимость, необходимость этого духовного богатства. Она понимала, что запрещенный талантливый спектакль — это преступление.

Шесть раз смотреть один спектакль и шесть раз его отстаивать, и отстоять! Это… поступок!

Борис Николаевич Ливанов — единственный из членов художественного совета, который бился за спектакль вместе с Катей! Они победили!

Битвы дорого обходятся победителям. Слишком дорого. Жизнью платят. А битв было ох как много!

Рано ушел из жизни величайший актер. «Я устал», — последние слова, которые он сказал перед смертью своему сыну.

Что сказала перед своим отчаянным уходом самая красивая, умная и «никогда не плачущая» Екатерина Алексеевна, не знает никто.

Финал пьесы «О женщине», который отменили, — самоубийство героини. Катя согласилась с художественным советом, что самоубийство надо «отменить». В спектакле, на сцене — отменить.

В жизни не «отменила». Она шагнула в эту бездну, свершила то, что отозвалось болью и вечной памятью, светлой памятью о ней — в сердцах людей порядочных и чистых. Что стало для людей непорядочных и нечистых — вечным проклятием. Грех самоубийства Екатерины Алексеевны Фурцевой — на них, вечно про́клятых.

«…ДВЕ ВЕЩИ НЕСОВМЕСТНЫЕ»

Гастролям в Лондоне и Париже предшествовало возвращение Иннокентия Михайловича Смоктуновского в БДТ после почти двухгодичного отсут-

ствия. Причина ухода была чисто, типично «театральная». Не в том смысле, что выдумана, сыграна, а в том, что определяется словом «интрига».

На Московском проспекте, недалеко от метро «Фрунзенская», находились наши жилища. Его — справа, мое — слева. Кеша выходил из своего дома, держа на руках недавно народившуюся крошечную и любимую дочку. Иногда мы прогуливались в небольшом соседнем садике, он рассказывал мне и о Сталинграде, и о том, что было «до», задолго «до»… И это темное и тяжелое «до» — проясняло мне многое, удивляло меня своей простотой, жестокостью, недоброту жизни к Кеше. Подтверждало ту истину, которая была мне ясна ранее, но это подтверждение делало ее еще более страшной: страдание, унижение, обида, оскорбление, нищета, голод, физическая и душевная боль — материал, создающий уникального Смоктуновского.

О причине «ухода из театра» он рассказал тоже с болью и нехотя. Дело не в съемках «Гамлета», многие снимаются и снимались, не уходя из театра. Не в обиде на Товстоногова. Отношение Кеши к Георгию Александровичу было уважительным, почти восторженным. Но была обида на то, что Георгий Александрович поверил и допустил возможность со стороны Кеши неуважительного отношения и странного высказывания по отношению к нему, к Георгию Александровичу. И вот то, что он «допустил» и «поверил», — более всего ранило Кешу.

Готовился Грибоедов. То, что роль Чацкого должен играть только он, «единственный», рожденный для Чацкого, — было для всех ясно. Поэтому и возникла идея «Горя от ума» у Георгия Александровича. Но слишком велика роль, и всегда много желающих, которым кажется, что они не хуже. И тогда идет в ход все: наговор, сплетня.

Разговор с коллегой в поезде, когда в купе двое и когда «дорожные» откровения возможны, имел печальный финал, фразу: «Нельзя быть двум медведям в одной берлоге». Фраза была донесена до ушей гениального режиссера со странными комментариями и с расчетом на взрывчатую реакцию. Кеша мне сказал, что он эту фразу не произносил, а все, что касается «комментариев», это просто гнусность. Когда он рассказывал мне об этом — лицо его дрожало от отвращения, хотя он пытался быть ироничным. Но ирония не прикрывала, а только больше выявляла отвращение ко всему случившемуся.

Ему слишком трудно дался его «взлет» вверх, его победа «поздняя», и шел он к этой победе не по тропе, проложенной околотеатральными родственниками, а сдирая с себя кожу и оставляя кровавые следы. Когда победа признана всеми и очевидна для всех, «доверительный разговор в поезде», послуживший причиной раздора между актером и режиссером — не более чем сконструированная интрига, она мерзка. Я ему поверила. А сегодня считаю необходимым об этом написать, будучи уверенной, что никто, кроме меня, не напишет об этом. Ведь тот, кто сотворил этот грех, — «пишущ», и процветает, и имеет много «выходов» в самые разные средства массовой и немассовой информации.

Но масштаб не тот, и «вершины» не те, и «победы» — не те, каковы были у рано ушедшего Кеши. Да еще нет Бога в душе, чтобы покаяться.

Вечная тема: «Моцарт и Сальери». Сегодня так активно хотят убедить всех, что Сальери-то и не убивал и, вообще, он душка и гений, равный Моцарту. И Пушкин-то не прав, и выдумано этакое понятие «сальеризм». Но провидение, предвидение космическое — что являло собой понятие

«Пушкин», — из жизни, литературы и сердец не вытянешь, не вырвешь и не заставишь забыть. Не помогут ни сфальсифицированные документы, ни статьи, пространные и лживые. Остается: «Гений и злодейство — две вещи несовместные». Сальери задает вопрос, он сомневается. Уверенный в своей гениальности, страшится одного — убив Моцарта, останется он гением? Убивал ли «создатель Ватикана», который остался гением? Для каждого Сальери всегда важно «казаться», а не быть. Но Пушкин «был», а не «казался» гением, от себя он бы сказал эту фразу без вопросительного знака. Скорее — с восклицательным знаком: «Гений и злодейство — две вещи несовместные!» Гений остается гением, а злодей — злодеем. Живет и поступает, как злодей, злодеем и умрет, задохнувшись в своем постоянном притязании — быть равным с Моцартом.

Через несколько лет, когда я уже жила в Москве, а Кеша играл премьеру «Царя Федора» в Малом театре, я встретила его случайно возле Консерватории, у памятника Чайковскому, и сказала: «Здравствуй, гений!» — «Какой я гений, — ответил он. — Ведь ругают, все сравнивают с Мышкиным. Говорят, не “дотягиваю”. Старею. Видишь — зубы вставил». Он, как ребенок, открыл рот и показал свои новые ослепительные зубы. Это мог сделать только он — так откровенно огорчаясь этим очевидным знаком быстро проходящей жизни. «Какие красивые зубы, — сказала я. — Совсем не заметно. Ты их всем так показываешь?» — «Нет, только близким, кто знал меня, когда я был моложе». — «А зачем?» — «Чтобы не подумали, что я их стесняюсь».

Боже мой! Что его заботило при такой безусловной славе! Другой и думать бы об этом забыл! И как они похожи с Пашей Луспекаевым. Одна порода, одно вечное детство. Паша, когда собирались «семьями» ехать в Зеленогорск купаться — он, его Инночка, Олег и я, — подошел ко мне и серьезно и смущаясь сказал: «Детонька, а у меня ведь на руке авитаминоз». И показал левую руку, чуть покрасневшую от кисти до локтя. «Ну и что?» — спросила я. «А чтобы ты знала».

Эти «победители» с их душами и застенчивостью были неведомы зрителю. Подобные признания свойственны влюбленным застенчивым юношам, а не прославленным красавцам и уникальным актерам. Но то, что хранила их душа, и то, что являлось их сутью, — было «тайной» их магии. Видимость победителя, внутри — ребенок.

Я пошла в Малый смотреть, как Кеша «плохо» играет Федора.

Свиридов! Его тема, звучащая в спектакле, совпадение гениально написанной музыки с гениально играющим артистом. Сила, красота и победа духа при физической немощи, тишине и проникновенности!

Сальеризм продолжал свой победный марш, озвученный московской критикой. Но зрителям было, как всегда, наплевать на эти победные марши современных любителей Сальери. Они видели на сцене великого Смоктуновского, они чувствовали и понимали главное: «правду от неправды» отличает интуиция, сердце того Федора, которого играл Иннокентий Михайлович. На совести околотеатральных Сальери недооценки работ Кеши в театре. Гений оскорбляет фактом своего существования тех, кто гением быть не может по причине отсутствия проницательности и того вечного детства, что присущи гению в любом возрасте, до старости, до могилы.

ПОЭЗИЯ

Николай РАЧКОВ

«СТОЙКИЕ ЗАЩИТНИКИ МОСКВЫ, ХРАБРЫЕ СОЛДАТЫ СТАЛИНГРАДА…»

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. **Живет в городе Тосно Ленинградской области.**

.

* * *

Народ мой… Стоит вглубь взглянуть:
Какая стать! Какие лица!
Как не понять твой трудный путь
И как тобою не гордиться?

Ты жив — и отступает мрак
В своем величье устрашимом.
Забыть ли, как пришел к нам враг,
Дыша огнем,
свинцом
и дымом.

Дохнул — и полстраны спалил,
Сверг полстраны с земного поля…

Какое напряженье сил,
Какое мужество и воля,
Чтоб встать с колен в последний миг
И мощной дланью исполина
Воткнуть с размаху
русский штык,
Вонзить в палящий зев Берлина!

ВОЕННОЕ ФОТО 1945 ГОДА

Где-то на военном полустанке
Снят на «лейку», выглядит как франт,
В гимнастерке, в орденах, в кубанке
Дядя Коля — старший лейтенант.

Рядом боевые офицеры,
Смотрят все сурово как один.
Столько в их глазах горячей веры,
Что вот-вот и будет взят Берлин.

Снимок тот — посмертная награда.
Дней уже, наверно, через пять
Будут до последнего снаряда
Вместе —
до последнего —
стоять…

* * *

Со своею судьбой
не играли мы в прятки.
Мы освоили путь
от Карпат до Камчатки.

Не считали потерь и побед не считали.
Мы в огне закалены. Но мы не из стали.

Справедливости ради, не ради престижа
Гнали наших врагов от Москвы до Парижа.

И другую орду мы вот так же былинно
Провожали огнем и свинцом до Берлина.

У Кремля, в знак немеркнущей нашей отваги,
Преломили мы гордо фашистские стяги,
Взмыли в космос и ядерный щит сохранили…

Кто еще столько смог в этом яростном мире?

БАБУШКА

В патриархальном я вырос краю,
В провинциальном глубоко.
Добрую бабушку вспомню свою,
Голос: «Какой же ты дока…

Все тебе знать бы, чего и не знать…»
Сунет мне сахара дольку
И начинает она вспоминать
Сашеньку, Бореньку, Кольку.

Время далекое… Из-под венца
Весело, с помощью друга,
Дедушка выкрал ее у купца,
В сани — и в поле, где вьюга.

Хлеб да любовь… Сыновья расцвели,
Соколы были, да только
Все на солдатское поле легли —
Сашенька, Боренька, Колька.

Муки такие — хоть камень на грудь.
Жить не хотелось, но — внуки…
Бабушка, кто бы я был, позабудь
Голос твой, слезы и руки!

БОГОРОДИЦКОЕ ПОЛЕ

Чтоб нам сегодня смотрелось светло,
Чтобы мы жили на воле,
До миллиона солдат полегло
На Богородицком поле.

В этом суглинке, в песке и пыли,
В этой смоленской юдоли…
Чу! Это ветер иль стон издали
На Богородицком поле?

Неистребимое эхо войны
Здесь оглушает до боли.
…Громче нигде не слышней тишины,
Чем в Богородицком поле.

ФРОНТОВИК

В подбитом танке он горел,
Отстреливался, но не сдался.
Его водили на расстрел,
И все-таки он жив остался.

Он у сельпо в родном селе
Под вечер, опершись на клюшку,
Стоит всегда навеселе:
«Марусь, добавь на четвертушку…»

Фронтовики… Семен… Егор…
Иван… Вернулось их немного.
Я с детства помню до сих пор
Его — с грабельками у стога.

Ничто такого не берет,
Такой, коль гром военный грянет,
Пойдет, за Родину умрет
И бронзовым однажды встанет.

* * *

Я говорю вам, греки Леонида,
Стоящие бессмертно в Фермопилах:
Вы не погибли, до сих пор вы живы
В сердцах людей взволнованного мира,
Как стойкие защитники Москвы,
Как храбрые солдаты Сталинграда,
Как воины, что трижды умирая,
Врагу не сдали верный Ленинград
И взяли штурмом гордый Севастополь.

Вы все, вы все в одном строю стоите,
В небесном войске мужества и чести.

* * *

Слова, произнесенные стократ,
Теряются порой, как птицы в облаках,
Былой теряют блеск они и на граните.
Но эти —
Сталинград и Ленинград —
Не выжечь и огнем, не вырубить в веках,
Хоть двести раз их переназовите.

ЗЕМЛЯКИ

В Отечестве,
совсем не райском,
в его погибельные дни,
В годину Смуты
под Зарайском
Рубились с ляхами они.

Вставали,
на ногу легки,
За Русь
родные арзамасцы,
И гончары, и землепашцы,
Нижегородцы-земляки.

О, эта козырная карта!
И под самим Бородино
Картечью
орды Бонапарта
Встречать им было суждено.

Ну где вы,
сабельные сшибки,
Свинцовый град
и штык на штык,
И перевалы снежной Шипки,
И благодарной Плевны лик?

Не посрамили чести ратной
Они и в Первой мировой.
В Галиции, в седых Карпатах,
Ах, сколько их взошло травой.

Не таяла в груди отвага,
И честь, и ненависть к врагам.
И я горжусь:
Берлин и Прага
И к их, и к их легли ногам.

Михаил НОЖКИН

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Михаил Иванович Ножкин — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, лауреат премий А. Твардовского, С. Есенина и др. Михаила Ножкина знают и любят как популярного артиста кино и эстрады. Его песни и стихи вот уже более сорока лет звучат с экрана и со сцены. Заслуженный деятель культуры ПНР. Награжден орденами: «Знак почета», Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. Поэт, композитор, член Союза кинематографистов, член Правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

ДВА СЛОВА О ВОЙНЕ

Когда я вспоминаю войну, у меня в памяти тут же взрывается праздничным салютом радостное слово Победа. Наша Победа! С начала войны это великое слово ежедневно было для всех нас, взрослых и детей, яркой звездой, лучом надежды, озаряющей наше светлое будущее и помогающей одолевать голод и холод, разруху и бомбежки, потерю родных и близких.

Наша вера в Победу была непобедима, и мы одолели врага, на фронте и в тылу. Мы все, от мала до велика, жили грядущей Победой. Каждый день в сердце каждого порядочного человека колотился призыв — «Все для фронта, все для победы!». В этом был смысл жизни.

Мое военное детство прошло в родной Москве, в Яузской больнице, в которой был развернут госпиталь. Я помню раненых бойцов, забинтованных до глаз, на костылях и с палками, помню ржавые от крови, застиранные халаты врачей и сестер, помню свои первые выступления в палатах перед ранеными бойцами, помню голодные и холодные будни, помню многочасовые очереди за мукой и за хлебом, за дровами и за керосином, помню горе соседей, потерявших на войне родных и близких… Помню извещение с фронта об отце — «Пропал без вести»…

Но я не помню злых людей. Не помню! Жили трудно, но дружно. Была общая беда, общий враг и общая цель в жизни — Победа! И, побеждая трудности, побеждая свою слабость, мы победили врага. И так в России было всегда! Все века. Из последних тысячи лет нашей Истории почти 600 лет мы воевали в больших и малых войнах. Враги лезли отовсюду! И всегда воп-

рос стоял ребром — или победить, или исчезнуть навсегда, раствориться в безвременье…

И мы побеждали, вынуждены были побеждать любой ценой. Мы шли сквозь века от победы к победе, укрепляя свой дух и закаляя свою волю. В этом кроется непостижимая для иноземцев ЗАГАДКА РУССКОЙ ДУШИ!

Это и есть великая и вечная национальная идея России — ПОБЕДА!

Победа над врагом внешним и внутренним, Победа над разрухой и бедностью, над казнокрадами и предателями, Победа над пьянством и наркотой, над порнухой и чернухой, Победа над безответственностью и безнаказанностью чиновников и бандитов.

Победа над своими слабостями и безверием в Россию, то есть в самих себя!

Только Победа, только бесценный опыт поколения победителей, наших отцов и дедов, является единственным фундаментом, на котором можно и должно строить нашу новую могучую светлую Россию!

Нам надоело быть побежденными! Мы — народ-герой, народ-победитель! Мы не имеем права об этом забывать. Это наши отцы и деды спасли мировую цивилизацию от коричневой чумы, подарили человечеству десятки лет мирной и сытой жизни. Благополучие так называемых «цивилизованных» стран зиждется на бедности и неустроенности наших ветеранов. «Цивилизаторы» забыли об этом! Они перевирают Историю, выдвигают наглые претензии и даже призывают нас в чем-то покаяться!.. В чем?.. В том, что мы победили мировое зло?.. Разрушили мировую колониальную систему и подарили свободу и независимость десяткам стран?..

Бессовестные господа!.. Впрочем, так было всегда, так всегда и будет…

Наш народ жаждет побед, больших и малых. Мы победили послевоенную разруху, отставание в технологиях. Мы победили в освоении космического пространства, запустили первый спутник, первого космонавта, первыми вышли в открытый космос, посадили первый аппарат на Луну. Наш знаменитый «Буран» первым совершил космический полет и посадку в автоматическом режиме! И т. д. и т. п.

Посмотрите, как радуется наш народ, особенно молодежь, когда побеждают наши олимпийцы, футболисты, теннисисты… Когда получают Нобелевские премии наши ученые, получают международные премии наши деятели литературы и искусства…

Жить, чтобы побеждать, ради великого прошлого и во имя достойного и светлого будущего! Вот истинный путь России!

С Победой вас, дорогие товарищи! С нашей будущей ПОБЕДОЙ!

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Отрывок из будущей книги воспоминаний

Моя первая гастрольная поездка в качестве профессионального артиста состоялась 6 марта 1959 года. С группой молодых артистов Московского театра эстрады я поехал в небольшой подмосковный городок Подлипки, нынешний Королев.

Погода была отвратительная, автобус был старый, насквозь пропахший бензином, вместо обещанного дворца культуры нас ожидал невзрачный деревенский клуб грязно-желтого цвета.

Сцена была крохотной, микрофон никудышный, а зрительный зал напоминал длинный сарай с деревянными лавками. К тому же за кулисами была всего одна комната метров 15, в которой разместилось около 30 человек обоего пола — вся наша группа. Негде было ни умыться, ни попить. Туалета тоже не было.

В общем, праздничное настроение улетучилось окончательно. К тому же торжественная часть затянулась более чем на час. Мы ворчали, возмущались, но терпели. Нам сказали, что концерт очень ответственный, на секретном оборонном заводе!

Наконец праздничные речи закончились, и мы дорвались до сцены! Молодость взяла свое. Мы, как говорится, завелись. Эмоции хлестали через край. Еще бы! Первый выездной концерт! Зрители нас встретили очень хорошо. И этим в значительной мере компенсировали наше душевное состояние. Концерт прошел с большим успехом.

Мы быстро переоделись и с одной мыслью — скорее домой, в Москву, успеть бы на метро — рванули к автобусу. И тут выяснилось, что наш автобус сломался, а резервный, который вызвали два часа назад, почему-то не приехал! В этот миг мы готовы были разнести этот клуб до основания!..

И тут за кулисы вошла группа товарищей, 5–6 солидных мужчин, во главе с коренастым, плотным человеком среднего возраста, в черном костюме, со строгим взглядом и мягкой улыбкой.

Его представили как главного инженера предприятия. И все. Ни имени, ни фамилии.

Он поблагодарил нас за концерт и хотел спросить: «Ну как вы…»

…договорить мы ему не дали! Мы обрушили на него все свое недовольство!..

Он слушал, молчал, краснел, хмурил брови, багровел и вдруг взорвался на своих помощников:

— Это как понимать? Вы бросили наших гостей, не покормили, не напоили, даже обогреватель не включили! Вы позорите наше КБ! Сейчас же накормить ребят!..

Ему попытались возразить: мол, буфет уже закрыт!..

— Принести из дома! — рявкнул он на подчиненных и добавил: — А транспорт взять заводской — автобус, легковушки! И всех развести по домам! Я остаюсь здесь, с ребятами, поужинаю вместе с ними!

Он прошел в раздевалку, сел за стол, извинился перед нами и стал расспрашивать нас — что нового в искусстве, в кино, на эстраде, какие художественные выставки, какие новые спектакли в театрах, почему мы пошли в артисты…

Через пять минут на столе появилась первая тарелка — бутерброды с колбасой — и бутылки с минералкой. Через десять минут появились домашние пирожки, какие-то салаты, а потом внесли кипящий самовар! Наша беседа продолжалась около часа, а еду и питье все несли и несли! Несколько раз в дверь заглядывали какие-то люди, но он махал на них рукой. Наконец поднялся, еще раз извинился, поблагодарил за концерт, сказал, что должен уходить, срочная работа. Каждому пожал руку и быстро вышел.

Мы тоже собрались. Нам насовали всякой еды, пирожков, апельсинов — на дорожку! Потом рассадили кого в автобус, кого по машинам, и действительно каждого довезли до дома!

Мы долго потом вспоминали свой первый выездной концерт и этого удивительного человека, которого даже не знали, как зовут.

С тех пор я не раз выступал в Подлипках, и именно в этом невзрачном клубе, где собиралась вся космическая элита, особенно перед Днем космонавтики.

Именно здесь я познакомился с Юрием Гагариным, с Германом Титовым, со многими известными корифеями нашей космической отрасли.

И вот в один из таких праздничных дней сразу после концерта Ю. Гагарин и Г. Титов отвели меня в сторонку и с загадочным видом сообщили: сейчас мы тебя познакомим с нашим главным конструктором! Он дал добро. Но только никому ни слова.

Они завели меня в небольшую комнату, в которой у накрытого стола стояли человек десять солидных мужчин в штатском, но с орденами. Один из них показался мне знакомым. К нему меня и подвели. Хотели представить, но он сказал: «А мы с вами давно знакомы. Помните ваш первый выездной концерт, когда вас чуть не оставили ночевать в нашем клубе?»

И тут я вспомнил того грозного начальника, который проявил к молодым артистам столько внимания и душевного добра.

В этот раз я и познакомился с Генеральным конструктором Сергеем Павловичем Королевым! С тех пор мы с ним неоднократно встречались на различных мероприятиях. И всегда он с улыбкой протягивал мне руку и говорил что-нибудь доброе…

Но больше всего мне запомнилась встреча с Сергеем Павловичем в том же невзрачном клубе накануне Дня космонавтики после полета Алексея Леонова.

На маленькой сцене, за простым дощатым столом, покрытым какой-то тусклой материей, напоминающей кусок кулисы, на разномастных стульях сидели действительно Великие люди нашей страны, цвет и гордость нашей космонавтики! Они по очереди подходили к более чем скромной маленькой трибуне с хрипловатым микрофоном и произносили пламенные, торжественные, радостные речи!

И действительно радоваться было чему!

Только что А. Леонов первым вышел в открытый космос! Успешно отработали луноходы, готовился полет человека на Луну!..

Наконец к микрофону подошел С. П. Королев. Я стоял справа от трибуны за кулисой на расстоянии вытянутой руки от Сергея Павловича! Ей-богу! Я попросил охрану, и мне разрешили там примоститься. Я весь превратился в слух. Что еще можно добавить к уже сказанному до него великими людьми?..

Королев поздравил всех с очередной нашей победой в космосе, поблагодарил за огромный труд всех и каждого, кто работает в космической отрасли, подтвердил наше первенство в основных стратегических направлениях.

— Но успокаиваться на достигнутом мы не имеем права, — сказал Сергей Павлович. — Как бы ни было трудно, нам надо прибавлять по всем направлениям! В космос все активнее вмешивается большая политика! Да, американцы отстают. Но они уже спохватились и бросились за нами в погоню! Они отпустили на это сотни миллиардов долларов, они подключили к своим работам весь западноевропейский интеллектуальный потенциал. И они уже наступают нам на пятки! — Королев грохнул кулаком по три-

буне. — И если мы сейчас же не удесятерим свои усилия, они нас догонят и перегонят!..

Так что давайте поздравим друг друга с нашей очередной победой в космосе, отметим это как следует. И за работу!

За большую, трудную и очень нужную Родине работу!

И как говорили наши солдаты на фронте — «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!..»

Вот таким я и запомнил великого сына России — Сергея Павловича Королева!..

На всю жизнь!..

Вышла книга

Северные цветы. СПб., 2012.

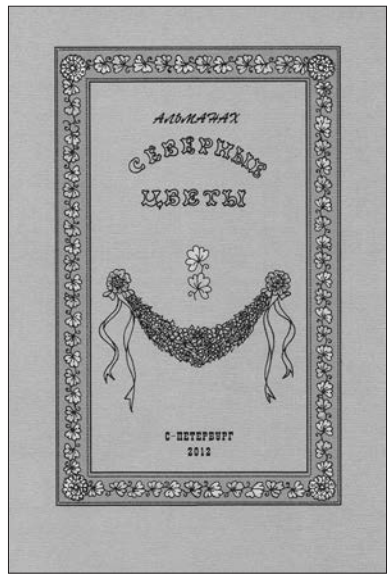
Редакционная коллегия: Я. И. Драгич, Б. Ф. Корнев, А. Ю. Петухов, С. К. Поликарпов, И. А. Сергеева. Редактор-составитель выпуска Ирэна Сергеева.

СНОВА С «СЕВЕРНЫМИ ЦВЕТАМИ»

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет Харит и Красоты?..

А. С. Пушкин
«Ответ А. И. Готовцевой»

Эти строки Пушкина смеем здесь привести, так как все стихотворение было послано поэтом в «Северные цветы» Дельвигу из поместья Малинники Старицкого уезда Тверской губернии. До Готовцевой, скажем прямо, нам дела нет, тем более что к стихотворным строкам Александр Сергеевич добавлял: «Что-то написал ей мой Вяземский? А от меня ей мало барыша. Да в чем она меня и впрям упрекает? В неучтивостях ли противу прекрасного полу, или в похабностях, или в беспорядочном поведении? Господь ее знает...»

Видно, что и самому поэту до Готовцевой дела нет, но он отвечает очень учтиво — изящным мадригалом. То, что Александр Сергеевич сотрудничал с Дельвигом, что он писал для «Цветов», нас интересовало еще более десяти лет назад. Потому мы и возобновили тогда издание альманаха, а теперь вернулись к этой идее. Задача альманаха сегодня — представить литературные возможности, в основном, Северо-Запада России. Издание наше, можно сказать, — собрание аннотаций: каждый автор представлен малым количеством строк, не так, как бы хотелось. Но предлагаем вдумчивому читателю по части судить о целом — обо всем творчестве писателя.

Негативные черты бытия, подмеченные авторами, перекрываются традиционными идеями добра, завещанными нам предками. Жизнь России мы стараемся показать в разнообразии, а в целом — созидательно. Пусть «Северные цветы» станут цветами надежды.

Точка зрения

Евгений ТИТКОВ

СТАЛИН: ИСТОКИ ПОЛКОВОДЧЕСКОГО ТАЛАНТА*

Обретение военного опыта на фронтах Гражданской войны

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». **Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.**

О деятельности Сталина в качестве полководца в годы Великой Отечественной войны к настоящему времени накоплено немало литературы. Об этом оставили свои воспоминания многие полководцы, служившие под началом Верховного Главнокомандующего. Это мемуары А. М. Василевского, К. Г. Жукова, Н. Г. Кузнецова, А. Х. Голованова и других. В последние годы вышло довольно много работ отечественных историков, из числа которых я бы выделил труды К. Романенко, Ю. Емельянова, С. Кремлева, А. Мартиросяна, В. Суходеева, Ю. Мухина и других. Наряду с указанными авторами много и других, которые не признают Сталина полководцем и считают его виновником почти всех трагедий Великой Отечественной, и даже обвиняют его в развязывании Второй мировой войны. В сознании простого народа за 60 лет после смерти Сталина довольно прочно утвердился его образ как злодея, преступника и виновника большинства бед и трагедий нашей Родины.

С прискорбием приходится констатировать, что кампанию по дискредитации Сталина как Верховного Главнокомандующего, как полководца развернул и возглавил руководитель правящей Коммунистической партии, лидер Советского Союза Н. С. Хрущев. В феврале 1956 года, на XX съезде КПСС он откровенно заявил, что задача развенчания Сталина как Верховного Главнокомандующего *«имеет огромное не только историческое, но, прежде всего, политическое, воспитательное, практическое значение»*. Поразительно, но факт: на этом съезде коммунисты, среди которых большинство составляли люди, прошедшие войну, люди, поднимавшиеся в атаку с именем Сталина на устах, мно-

* Печатается в сокращении.

гие работали под его руководством, промолчали. Развязанная Хрущевым и поддержанная государственной и партийной верхушкой страны антисталинская кампания открыла настоящий всемирный поход против Советского Союза, против мирового национально-освободительного движения.

Примечательно, что даже такой ярый ненавистник России и Сталина, как премьер-министр Великобритании военного периода Уинстон Черчилль — в день празднования своего 90-летия в 1964 году в английском парламенте в ответ на тост в его честь как непревзойденного специалиста по нанесению урона Советской России заявил: *«К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес урон стране Советов в тысячу раз больше, чем я. Это Н. С. Хрущев. Так похлопаем ему!»* И Хрущеву, нанесшему урон своей стране в тысячу раз больший, чем Черчилль, рукоплескал британский парламент. Рукоплескал как непревзойденному специалисту по нанесению ущерба своей Родине.

И до сих пор в нашей стране имеется немалое число людей, которые продолжают лить грязь на Сталина, тех, кто совершенно отрицает его вклад в Великую Победу 1945 года, его роль как выдающегося полководца.

Конечно, не все полководцы, не все партийные и государственные деятели отреклись от своего Верховного Главнокомандующего. Многие маршалы и генералы написали позднее мемуары о войне, в которых дали должную, объективную оценку Сталину как полководцу. Некоторые из них не остановились даже перед потерей своей должности в военной иерархии страны. Сошлюсь на пример маршала К. К. Рокоссовского. «Мой Багратион» — так называл этого человека сам Сталин. Его вождь называл, как и маршала Шапошникова, только по имени и отчеству. На просьбу Хрущева написать что-нибудь почернее о Сталине, великий маршал Константин Константинович Рокоссовский прямо ответил: *«Никита Сергеевич, товарищ Сталин для меня святой!»* На другой день его кресло заместителя министра обороны СССР занимал уже совсем другой человек.

Но что мы знаем об истоках полководческого таланта вождя, с особой силой проявившегося в годы Великой Отечественной войны? Откуда проистекал феномен этого таланта, ведь Сталин не был человеком военным? Он даже не служил в армии. А ведь военное дело — это вещь очень специфическая. Она требует особой подготовки и особых знаний.

Зная специфику военного дела и будучи убежденным в несомненном военном таланте Сталина как полководца, я попытался определить и исследовать исходные моменты, когда будущий руководитель Советского государства столкнулся с военным делом, а также то, каким образом он постигал его на практике. Это как бы «историческое» расследование неизбежно привело меня к изучению Гражданской войны в Советской России и деятельности Сталина в те годы. И вот, ознакомившись с документами и материалами, с историческими исследованиями, а также с теоретическими работами самого Сталина, я выяснил, что полководческий талант будущего руководителя Советского государства впервые проявился именно на фронтах Гражданской войны.

* * *

К настоящему времени появилось немало работ о деятельности Сталина до 1917 года. В этих новых работах он представлен как очень авто-

ритетный, профессиональный революционер, имевший собственную точку зрения по ряду принципиальных политических вопросов. Это были вопросы, по которым в руководящих органах большевиков шли ожесточенные дискуссии. Уже в начале XX века Сталин зарекомендовал себя как блестящий теоретик по национальному вопросу. Во всех дискуссиях по данному вопросу Ленин всегда выводил на первые позиции именно Сталина, и именно его использовал в тематических спорах и дискуссиях как специалиста-теоретика. Кстати, Сталин имел собственную точку зрения на стратегию и тактику большевистской партии после Февральской революции, но он был вынужден подчиниться воле приехавшего из-за рубежа лидера партии В. И. Ленина, который сразу же провозгласил курс на социалистическую революцию.

И вот октябрь 1917 года. Формирование большевистского правительства. Сталин становится народным комиссаром по национальным вопросам. Казалось бы, второстепенная должность в руководстве, если иметь в виду такие ключевые направления в деятельности правительства, как внутренние дела, иностранные дела, промышленность и экономика в целом и т. д. Посмотрим, однако, на кого, в первую очередь, опирается в своей повседневной работе председатель Совнаркома В. И. Ленин? На этот счет сохранились воспоминания заместителя Сталина по наркомату национальностей С. Пестковского. Так вот этот Пестковский рисует такую картину взаимоотношений Ленина и Сталина в первые месяцы революции: *«Ленин не мог обходиться без Сталина ни одного дня,* — пишет он в мемуарах. — *Вероятно, с этой целью наш кабинет в Смольном находился "под боком" у Ленина. В течение дня он вызывал Сталина по телефону бесконечное число раз или же являлся в наш кабинет и уводил его с собой. Большую часть дня Сталин просиживал у Ленина...»*[1]

Сталин выполнял при председателе СНК роль начальника штаба или чиновника по особым поручениям — так оценивал его место в правительстве сам Троцкий. Давая такую оценку Сталина, Троцкий, видимо, не совсем осознавал, что этим он лишь повышает оценку Сталина как фактического человека номер два в советском руководстве первых месяцев революции, которому Ленин во всем доверял.

В сталинской историографии огромное место занимает его командировка на Северный Кавказ и в Царицын как «руководителя продовольственного дела на юге России». Здесь начал формироваться отчасти мифологизированный образ мужественного и беспощадного к врагам спасителя Советской власти. Здесь Сталин впервые бросил вызов Троцкому и взял на себя ответственность военного руководителя.

Ситуация складывалась трагически для Советской власти. С ноября 1917 года по 1 августа 1918 года продовольственные организации сумели заготовить в 26 губерниях республики лишь одну десятую часть необходимого хлеба. Городскому населению центра страны угрожал явный голод. Между тем хлеб в стране имелся, но у мужиков пришлось изымать его силой. Из крупных городов в сельскую местность, на юг страны, Нижнее Поволжье, Кубань и Северный Кавказ, потекли продовольственные отряды рабочих

[1] *Пестковский С.* Воспоминания о работе в Наркомнаце // Пролетарская революция, 1930, № 6. С. 128.

и солдат для насильственного изъятия хлеба у крестьян.

31 мая 1918 года Совнарком назначает Сталина, наркома по делам национальностей, руководителем продовольственного дела на юге России. Ему предоставлены чрезвычайные полномочия: все местные органы власти обязаны были исполнять все распоряжения Сталина. С этого момента и практически до конца Гражданской войны Сталин покидает властные кабинеты Кремля. Он постоянно пребывает в эпицентре событий Гражданской войны, там, где непосредственно решалась судьба Советской власти.

Генералиссимус Советского Союза
Иосиф Виссарионович Сталин
(1879–1953)

В Царицыне на момент прибытия Сталина шла свободная торговля хлебом — в витринах царицынских магазинов лежал белый хлеб, который, однако, рабочим был не по карману из-за высоких, спекулятивных цен. В соседней с Царицыным области — Войска Донского с конца марта бушевал вооруженный мятеж. Войска атамана Краснова подходили к городу. Военных сил в Царицыне было крайне мало, части были плохо вооружены и обмундированы — в них почти полностью отсутствовала дисциплина.

Сразу же по приезду в Царицын 6 июня 1918 года Сталин вводит в городе военное положение: воспрещались уличные скопления людей и митинги, ношение оружия без разрешения, введен комендантский час, объявлена мобилизация населения на строительство укреплений. Объявлена хлебная монополия в городе и в близлежащих регионах. Вводятся продовольственные карточки и твердые цены на продовольствие. Сталин организует восстановление совершенно разрушенного железнодорожного транспорта. Находит на местах множество паровозов, о существовании которых не ведали никакие местные органы — коллегии и ревкомы. Он накапливает в Царицыне поезда и через неделю отправляет в Москву около миллиона пудов продовольствия. Хлеб в центр пошел.

Через несколько дней после прибытия Сталина в Царицын в городе была прекращена вольная торговля хлебом, рабочим выдается по полфунта хлеба в день. Закрываются кафе и рестораны. Город приобретает вид осажденной крепости.

«Традиционный» способ полной конфискации хлебных «излишков» Сталин не применял, он пошел по иному пути. На заготовку и отправку в Москву десяти миллионов пудов хлеба и десяти тысяч голов скота он «выбивает» из Центра 75 миллионов рублей денег, разных товаров на 35 миллионов рублей. Список товаров впечатляет, он содержит 50 наименований: от гвоздей, болтов и гаек до оконного стекла и столовой посуды; от косилок, инструментов и железа до спичек и обуви; от коленкора, дамского и армейского сукна до напильников, скипидара и соды. Таким образом, изъятие хлеба у крестьян на юге России летом 1918 года под руководством Сталина не было обычной «грабиловкой» сельского населения — треть от твердой цены на продовольствие выплачивалась крестьянам не деньгами, а промышленными товарами, дефицитными не только в деревне, но и в городе.

Обеспечение голодающих центров продовольствием Сталин проводил как крупномасштабную войсковую операцию. Он и готовил ее с предусмотрительностью военного стратега и тщательностью опытного практика. В плане этой операции было предусмотрено и строительство путей сообщения, и мобилизация транспорта, и меры по продуктообмену.

В центр страны, охваченной голодом, идут через Царицын и из Царицына маршрутные поезда и баржи с мукой и зерном, с крупным рогатым скотом и готовым мясом, с рыбой, со жмыхом. Всего в июне 1918 года из Царицына было отправлено 2379 вагонов — почти два с половиной миллиона пудов продовольственных грузов. Кроме того, заготовленное в Царицыне продовольствие отправлялось в Астрахань, Баку, Туркестан. А ведь за предыдущий месяц по всей стране было погружено лишь 1662 вагона.

Наладив отправку продовольствия в течение всего лишь одной недели пребывания в Царицыне, Сталин собрался в поездку на Северный Кавказ и в Новороссийск, где решалась судьба Черноморского флота. Однако военные события не позволили ему уехать и принять участие в трагедии флота. Наступление белых войск на Царицын изменило характер деятельности Сталина на юге страны. Обстановка понуждала его заняться чисто военными делами.

25 июня была прервана связь с Северным Кавказом: железнодорожная линия была захвачена белыми отрядами. Это был «отрядный период» в истории Красной армии, когда еще не было регулярных частей, тем более соединений. Как правило, войска Красной армии состояли из групп отрядов, объединенных в лучшем случае авторитетом решительных и инициативных командиров.

В середине июня 1918 года советских войск под Царицыном было мало. Общего плана обороны города не существовало, не было единого командования. Каждый отряд или полк вел бой самостоятельно и разрозненно. В столкновении с сильным противником — белоказачьими частями — красные части терпели поражения и несли большие потери.

10 июля Сталин пишет Ленину, что «вопрос продовольственный естественно переплетается с военным вопросом». Он требует от председателя СНК «аэропланов» с летчиками, броневых машин, шестидюймовых орудий, предупреждая, что иначе *«Царицынский фронт не устоит».* Так уполномоченный по делам продовольствия на юге России, нарком по делам национальностей И. В. Сталин оказался втянутым в военные действия Гражданской войны.

Первые попытки Сталина ввязаться в дела военных, в управление военными операциями были военными специалистами отвергнуты. Ему было указано, что военные имеют полномочия от председателя Реввоенсовета Троцкого, который по статусу выше, чем какой-то там нарком по делам национальностей. «А полномочия по заготовке продовольствия на военную сферу не распространяются». Поэтому Сталин обращается за поддержкой к Председателю Совнаркома. *«Вопрос продовольственный,* — пишет он 9 июля в телеграмме Ленину, — *естественно, переплетается с военным. Для пользы дела необходимы военные полномочия. Я уже писал об этом, но ответа не получил. Очень хорошо. В таком случае я буду сам, без формальностей свергать тех командиров и комиссаров, которые губят дело. Так мне подсказывают интересы дела, и, конечно, отсутствие бумажки от Троцкого меня не остановит».*[1]

По настоянию Сталина Ленин дал «добро» на отстранение генерала А. Е. Снесарева от командования войсками Северного Кавказа, и 19 июля 1918 года был создан Военный совет Северо-Кавказского военного округа под руководством Сталина. Ленин в телеграмме Сталину поручает ему «навести порядок, объединить отряды в регулярную часть, установить правильное командование, изгнать всех неповинующихся».[2] Троцкий эту телеграмму подписать отказался. С этого момента Сталин получил военную власть и начал коренную перестройку не только гражданских, но и военных учреждений. Он возглавил оборону Царицына.

Ярый противник Сталина, бежавший в 1930-е годы на Запад Федор Раскольников, встречавшийся летом 1918 года со Сталиным, признавался потом: «Сталин был в Царицыне всем: уполномоченным ЦК, членом Реввоенсовета, руководителем партийной и советской работы… Все вопросы он, как всегда, решал коллегиально, в тесном контакте с местными учреждениями, что импонировало им и еще больше усиливало его непререкаемый авторитет»[3].

Сталина не надо было подгонять. Он прекрасно понимал ситуацию и принимал исчерпывающие меры. Он определяет частям армии боевые участки обороны, план распределения сил и задачи. Одновременно он мобилизует городское население на строительство оборонительных рубежей, а специальным рабочим отрядам поручает обеспечить порядок и дисциплину в городе. Но не уклоняется и от того поручения, для которого Совнарком послал его на юг. Он организует заготовку хлеба, мяса, рыбы, направляет эшелоны в центр.

Однако главным объектом его внимания становится теперь фронт. Он самым тщательным образом изучает обстановку, обдумывает идеи тактической обороны, согласовывает их с командирами частей. Накануне очередного наступления Деникина он проводит в Котельникове совещание Военного Совета, на котором рассматривается план операций фронта.

Не сумев захватить Царицын с ходу, белоказаки стали сосредоточиваться на подступах к Царицыну. 18 августа 1918 года армия генерала П. Н. Краснова начала бои за овладение городом. На этот же день планировался мятеж,

---

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. М., 1951. С. 118–121.

[2] *Троцкий Л. Д.* Сталин. Кн. 2. М.: ЭКСМО, 2011. С. 96.

[3] Цит. по: *Романенко К.* Борьба и победа Иосифа Сталина. Тайны «Завещания Ленина». М., 2007. С. 424.

восстание внутри города во главе с инженером Алексеевым. Предполагалось участие в восстании 3000 человек, возглавляемых служившими в Красной армии офицерами. Контрразведка раскрыла заговор, и накануне он был обезврежен. Пятая колонна была полностью ликвидирована.

19 августа началась оборона Царицына. Почти неделю казаки Краснова атаковали город. Однако эти усилия разбились о стойкую оборону защитников города. Все атаки захлебнулись. Теперь ответный шаг был за Сталиным. И 24 августа Сталин и Ворошилов отдали оперативный приказ о наступлении. Он выполнялся успешно, казаки дрогнули, а затем были рассеяны и отброшены за Дон. Так, отразив натиск на Царицын казачьего атамана, предводителя Войска Донского генерала Петра Краснова, Сталин впервые примерил на себя мундир полководца. И мундир этот оказался ему по плечу.

Именно в обороне Царицына в августе 1918 года ярко высветилась одна их характерных черт сталинского интеллекта. То, что он умел мгновенно и во всей полноте обобщить знания и опыт других, приводя отдельные мысли и соображения многих людей к единому знаменателю. Как никто другой из тогдашних руководителей он глубоко осознал, что особенностью этой войны, войны гражданской, была маневренность и решительность в переброске частей с одного участка фронта на другой.

Борьба за Царицын продолжалась весь сентябрь—октябрь 1918 года. Кульминацией стало утро 17 октября, когда белоказачьи части пошли в атаку на центральном участке фронта, на небольшом пятикилометровом участке их встретил огонь почти 200 орудий. Это была невиданная концентрация артиллерии за всю историю Гражданской войны. Сочетание мощного артиллерийского огня с решительными контратаками красной пехоты и сводной кавалерийской дивизии Бориса Думенко привело к тому, что белые части смешались, стали отступать и вскоре побежали, охваченные паникой. В наступление пошел весь фронт. Белая армия генерала Мамонтова отступила за Дон. Это была блестящая победа под Царицыным.

Историки до сих пор опасаются однозначно утверждать, кому же принадлежала идея собрать на самом угрожаемом участке почти всю артиллерию, имевшуюся под Царицыным: Сталину или же Ворошилову, который командовал в тот момент 10-й армией Южного фронта. Скорее всего, это была все-таки идея Сталина, поскольку он воплощал ее в жизнь смело и активно, несмотря на осторожность начальника артиллерии армии Кулика, который предлагал оставить на флангах несколько артиллерийских дивизионов. Сталин не боялся рисковать — и под Царицыным 17 октября этот риск оправдал себя полностью. Так организаторский талант, энергия, воля Сталина способствовали укреплению власти Советов в стратегически важном районе Советской России.

Для самого Сталина более чем 4-месячное пребывание в Царицыне значило много. Здесь впервые он столкнулся с военным делом и уже не расставался с ним до конца своей жизни. В Царицыне Сталин многому научился, многое понял: война — строгий, суровый учитель. Он на практике прошел суровую школу, академию военного дела.

Ленин и другие руководители страны высоко оценили заслуги Сталина в обороне Царицына и осознали необходимость полагаться на его немалые способности в решении важных вопросов. Троцкий в связи с этим писал: *«…помню, во время Гражданской войны я расспрашивал Члена ЦК Сереб-*

рякова, который тогда работал вместо Сталина в Реввоенсовете Южного фронта: нужно ли там участие их обоих? Не смог бы Серебряков в целях экономии сил справиться без Сталина? Подумав, Серебряков ответил: "Нет, так нажимать, как Сталин, я не умею, это не моя специальность"».

Что же касается самого Льва Давидовича, то именно тогда он приобрел в лице Сталина непримиримого врага. Из своей «царицынской одиссеи» Сталин вынес лютую ненависть к Троцкому, которая пройдет через два десятка лет и исчезнет лишь только со смертью последнего…

Несмотря на многие скандалы с военспецами и Троцким, Ленин по достоинству оценил все сделанное Сталиным под Царицыном (хлеб он дал, город отстоял). В октябре 1918 года Сталин вошел в состав ведущих военных советов, руководивших Вооруженными силами Советской России.

Вторым важным этапом в военной деятельности Сталина стало расследование им причин «Пермской катастрофы». Речь идет о том, что 25 декабря 1918 года войска Колчака разгромили части 3-й армии Восточного фронта и захватили Пермь. Для подробного расследования причин сдачи этого города и поражений на фронте решением ЦК партии и Совета обороны была создана комиссия в составе Сталина и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского.

Деятельность Сталина на Восточном фронте на этот раз носила аналитический характер, в военных действиях он не участвовал. Он тщательно изучает результаты отступления красных частей из Перми. Эти результаты катастрофичны: сданы противнику большие материальные ресурсы, потеряны вооружение и боеприпасы, разгромлены полки и дивизии. Выявлены причины катастрофы: крайняя измотанность и усталость армии, отсутствие резервов, бездеятельность командования, оторванность штаба от войск. Главная причина — недопустимый способ управления фронтом со стороны Реввоенсовета республики.

Комиссия намеревалась пробыть на Восточном фронте до середины января 1919 года, но работы оказалось больше, чем предполагалось. Члены комиссии не ограничились простой констатацией недостатка других начальников и командиров. Они начали активно действовать. Началась мобилизация работников, рядовых и нерядовых, и направление их в армейские части тыла. Решительные и экстренные меры дали эффект. Положение в 3-й армии улучшилось. На отдельных участках фронта красные части даже перешли в наступление.

Анализ причин «пермской катастрофы»[1] свидетельствовал о глубоком понимании Сталиным глубинных проблем Гражданской войны и его умении быстро оценивать сложившуюся обстановку и принимать меры к ее улучшению. Так рождался глубокий военный аналитик в условиях развертывавшейся повсеместно Гражданской войны в России.

Определенное место в военной биографии Сталина и в обретении им военного опыта занимают события, развернувшиеся на подступах к Петрограду весной 1919 года. В марте этого года он укрепил свои позиции в высшем советском и партийном руководстве. Помимо обязанностей в Партийном руководстве, он стал руководителем двух наркоматов в Советском прави-

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 197–224.

тельстве. Кстати, в наркомате госконтроля он взял на себя руководство военно-морским отделом. В разгар Гражданской войны он начал наведение порядка на фронте и в тылу государства.

Сталин включается в решение вопроса о судьбе Балтийского флота. Незадолго до этого Главком Вацетис, поддержанный Предреввоенсовета Троцким, исходя из необходимости экономить топливо, приказал сократить число действующих кораблей, в первую очередь линкоров. Моряки Кронштадта выступили резко против этой меры. Сталин встал на их сторону. Приказ Главкома под нажимом Сталина был отменен и мощные линейные корабли Балтийского флота своим артиллерийским огнем способствовали защите Петрограда. В июне корабли Балтийского флота по приказу Сталина вышли в море. Одновременно в Ораниенбауме была сформирована Береговая группа войск, ядром которой стали отряды моряков.

Через несколько дней после возвращения из-под Петрограда Сталин был назначен членом Реввоенсовета Западного фронта, где наступали поляки, стремившиеся максимально отодвинуть границу Польши на Восток, в пределы России. Успехи поляков угрожали непосредственно столице России — Москве.

Анализируя представленные Сталиным в Совет обороны докладные записки о положении на Западном фронте, поражаешься глубокому пониманию им оперативных проблем фронта и владению очень важными элементами военного искусства. Для удержания фронта требовались подкрепления. Сталин пытался убедить Москву в необходимости дать подкрепления. Однако из-за тяжести положения на других фронтах подкреплений на Западный фронт не поступало, и Красная армия продолжала отступать. Лишь на Березине красные части смогли закрепиться на ее левом берегу и создать устойчивую оборону. К этому моменту натиск поляков ослаб. Видимо, осенью 1919 года в условиях быстрого продвижения белых армий Деникина к Москве польское правительство уже не считало советское правительство своей основной угрозой, а помогать восстанавливать «великую, единую и неделимую Россию» ни под белыми, ни под красными знаменами у него не было желания.

В сентябре 1919 года Сталин покинул Западный фронт и прибыл в Москву. Советская столица была в этот момент оклеена плакатами с воззванием: «Все на борьбу с Деникиным!» Судьба Советской власти решалась снова на юге республики, и Сталин назначается членом Реввоенсовета Южного фронта, где сложилась самая острая угроза за весь период Гражданской войны. Еще в марте 1919 года белые армии генерала Деникина начали наступление на центральные районы страны. Добровольческая армия (Вооруженные силы юга России) А. Деникина насчитывала 105 тысяч штыков и 51 тысячу сабель, и состояла, в основном, из офицеров-добровольцев и казачьих частей. Армия была хорошо вооружена (531 орудие, 28 бронепоездов, 25 танков, 1212 пулеметов и т. д.). Превосходство в коннице давало Деникину возможность удерживать инициативу в действиях.

В начале августа, после неудачного наступления на Царицын 10-й армии К. Е. Ворошилова, советское командование почувствовало приближение катастрофы. Прибывший на Южный фронт Сталин вновь был вынужден исправлять чужие ошибки. Он начал наведение порядка в штабах армии. Он не просто наводил порядок. Прежде всего проводил тщательный анализ

сложившейся ситуации. А она была чревата катастрофическими последствиями для красных войск.

По плану Главкома и Председателя Реввоенсовета (Троцкого), нанося удар от Волги к Новороссийску, красные войска должны были идти через донскую степь, населенную казаками, которые враждебно относились к Советской власти. Озлобленное большевистским раскулачиваем, защищая свои курени и земли, местное население готово было встретить красные части яростным сопротивлением. Одно только это обрекало кампанию на явный провал.

Сталин с командующим Южным фронтом А. И. Егоровым разрабатывают свой стратегический план всеобщего наступления на Деникина. Докладывая о нем Ленину, Сталин убедительно утверждает, что «поход на казачьи станицы может сплотить казаков против нас вокруг Деникина для защиты своих станиц, может лишь выставить Деникина спасителем Дона, может создать армию казаков для Деникина, то есть может лишь усилить Деникина». Необходимо срочно изменить план Троцкого, заменить его новым планом удара из района Воронежа через Харьков — Донецкий бассейн на Ростов. Здесь мы будем иметь, считал Сталин, сразу невраждебную красным армию, что облегчит продвижение советских войск. Кроме того, красные получат важнейшую железнодорожную сеть (Донецкую) и основную артерию, питающую армию Деникина — линию Воронеж—Ростов. Этим движением красные рассекут армию Деникина на две части. Добровольческую «оставляем на съедение Махно», а казачьи армии ставим под угрозу захода им в тыл. Кроме того, «мы получаем возможность поссорить казаков с Деникиным»… Наконец, «мы получаем уголь, а Деникин остается без угля».[1]

Это был один из самых важных документов Гражданской войны. Именно принятие этого плана, предложенного Сталиным, плана наступления на Деникина через Донецкий бассейн, стало вехой, переломным пунктом в ходе борьбы Советской власти за право своего существования. Сталин не только предложил, но и сумел отстоять этот план, определивший во многом исход гражданского и военного противостояния. Один только этот факт, одно только это решение дает основание считать Сталина выдающимся военным стратегом Гражданской войны, ставит его в ряд полководцев Советской России.

Через две недели после прибытия Сталина Южный фронт открывал свои действия — он переходил в наступление. Были созданы две наступающие группировки войск (под Воронежем и под Орлом и Брянском). Начались ожесточенные бои с белыми армиями Деникина. Это были сложные и кровопролитные бои, когда одна часть русских людей сражалась насмерть с другой частью таких же русских людей. В этом заключалась печальная и трагическая особенность Гражданской войны в России.

После успехов Красной кавалерии под Воронежем в конце октября 1919 года Сталин и Егоров поддержали предложение С. М. Буденного развернуть его конный корпус в конную армию. Чтобы добиться санкции на это развертывание, Сталин специально выезжал в Москву (16–17 ноября 1919 года) на заседание Реввоенсовета Республики, где и решался этот вопрос. Противники и сомневающиеся были, но Сталин отстоял идею конной армии, и на последующем своем пути Семен Михайлович Буденный и его кавалеристы неизменно получали поддержку и понимание Сталина.

---

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 275–277.

В истории мировой военной мысли громадное значение 1-й Конной армии до сих пор не вполне осознано и оценено. Да, в новое время крупные кавалерийские соединения действовали не раз весьма успешно. Достаточно напомнить кавалерийские части Мюрата и Зейдлица в армии Наполеона и казаков атамана Платова в русской армии Кутузова. Однако все они до 1919 года входили в состав общевойсковых армий и не были самостоятельными в оперативном отношении группами войск. В 1919 году на Южном фронте возникло принципиально иное — 1-я Конная армия. Она новаторски образовалась именно как соединение армейского масштаба, где пехотные и артиллерийские части были приданы и подчинены командованию конницы.

Это был не только прообраз, предвестник, но и практическое воплощение крупных подвижных соединений Второй мировой войны, когда были созданы немецкие и советские танковые армии.

Некоторые приписывают это новшество в военной стратегии немецкому генералу Гудериану, а наши борцы с «культом личности» — М. Н. Тухачевскому (совсем не по адресу). Объективности ради следует недвусмысленно сказать: впервые в мире создали и испытали в боях подвижные соединения крупного (армейского) масштаба С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов и И. В. Сталин.

Постигнув своим аналитическим умом тонкости военного искусства, Сталин уже ощущал себя уверенным в военной среде и, чувствуя за плечами «крылья победы», находил новые приемы борьбы с противником. Он говорит уже военным языком и мыслит военными категориями тактики. В одном из приказов этого периода он требует применять «при выполнении поставленных задач не продвижения линиями, а нанесения сосредоточенными силами фланговых ударов главным силам противника, действующим на важнейших направлениях» (директива от 9 октября 1919 года).

В его манере руководства войсками уже появился свой творческий почерк. В одной из директив он говорит, что залогом победы для командования являются «реалистическая постановка боевых задач, тщательная подготовка операции, умелое накопление резервов и организация совместных действий частей, смелый маневр и решительность при наступлении».

После удачных операций Красной армии деникинцы были разгромлены, их войска, разбитые в боях и разложившиеся от дезертирства, откатывались в Крым. 4 апреля 1920 года А. И. Деникин ушел в отставку. Однако Гражданская война продолжалась. На западной границе развертывались события, которые вскоре втянули Советскую Россию в тяжелую войну с Польшей, которая стала претендовать на контроль над ослабленной Россией. Казалось, Польша, получившая независимость в результате русской революции, не должна была бы выступать против России. Однако возглавивший польское государство маршал Ю. Пилсудский лелеял план создания федерации, включающий Польшу, Белоруссию, Литву и Украину.

Воспользовавшись тяжелым состоянием Советской республики, белополяки еще в 1919 году захватили значительную территорию, населенную украинцами и белорусами, они захватили Минск, стали подумывать о возвращении в границы, существовавшие до раздела Польши в 1772 году. И к тому были условия. Польская группировка на восточной границе составила 148 тысяч человек. Она была полностью укомплектована и хорошо оснащена технически. В этом деле полякам активно помогали правитель-

ства Запада. Одна только Франция предоставила Польше 1494 орудия, 350 самолетов, 2800 пулеметов, 327 тысяч винтовок. Вся Красная армия к тому времени насчитывала 500 тысяч бойцов, но ей приходилось защищать фронт и границу от Амура до Финского залива. Егоров и Сталин считали, что Западный фронт необходимо поддержать боевыми действиями со стороны Юго-Западного фронта в направлении Ровно—Брест.

25 апреля Польская армия начала на Украине широкое наступление на фронте от Припяти до Днестра. Советские силы оставили Житомир, Коростень и Радомысль. 6 мая поляки вошли в Киев. Наступление Польши Сталин оценил как новый поход Антанты на Россию. В газете «Правда» он публикует большую статью «Новый поход Антанты», в которой дает хронологию похода Антанты против России, характеризует особенности этого, третьего по счету, похода, который называет комбинированным. Он не сомневается в благоприятном исходе войны с Польшей, и основательно аргументирует свой оптимизм внешними и внутренними обстоятельствами, выделяет моральный фактор на стороне России, являющейся обороняющейся от агрессии[1].

Все эти новые обстоятельства создают новую обстановку, новые шансы на победу России, не имевшие места в предыдущие периоды первого и второго походов Антанты на нашу страну. Эта сталинская оценка участия Антанты в борьбе против Советской России в 1930-х годах была положена в основу советской историографии Гражданской войны.

В середине мая Красная армия на Западном фронте перешла в наступление. Оно поначалу развивалось успешно, но вскоре захлебнулось. Поляки начали контратаковать, советские войска были вынуждены остановиться, а затем и попятиться. Требовалось ускорить переход в наступление Юго-Западного фронта. Неудача Западного фронта была во многом обусловлена тем, что с 29 апреля войсками командовал М. Н. Тухачевский. Бросая войска в наступление, он не позаботился о резервах. От полного разгрома Тухачевского спасли лишь активные действия Сталина.

Юго-Западный фронт был вынужден вести боевые действия в двух направлениях — Крымском и Польском. Сталин не стал гнаться за двумя целями сразу. Поставив крымский участок фронта в упорную оборону, он начал с наиболее наглого и опасного противника — поляков.

В начале июня он подписывает директиву РВС Юго-Западного фронта о разгроме Киевской группировки польских войск. В соответствии с этой директивой войска фронта пошли в наступление, и 7 июня Конная армия взяла Житомир и Бердичев, были освобождены 7 тысяч пленных красноармейцев, разбита польская конница генерала Савицкого. Незадолго до того глава польского государства маршал Пилсудский называл идею организации Конной армии — крупного кавалерийского объединения — «стратегической нелепостью». Теперь эта «стратегическая нелепость» опрокидывала одну за другой лучшие польские дивизии и, вызывая панику в штабах, быстро углублялась в тыл противника.

Глубина прорыва Юго-Западного фронта составляла 120—140 км. Польский фронт на Украине был рассечен надвое, 12 июня был освобожден Киев, в котором за три года революции и Гражданской войны власть менялась полтора десятка раз. Советские войска продолжали стремительное

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 319—322.

наступление, польский фронт на Украине рушился. Сталин рапортовал Ленину об этой победе. Это был несомненный триумф Сталина.

23 июня Сталин, беседуя с корреспондентом Харьковской газеты «Коммунист» о положении на Юго-Западном фронте, однако, не дает оптимистических прогнозов. Он, глубокий аналитик и вдумчивый военно-политический стратег, делает совершенно иные выводы. «Но было бы ошибкой думать, что с поляками на нашем фронте уже покончено. Ведь мы воюем не только с поляками, но со всей Антантой, мобилизовавшей все черные силы Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, снабжающей поляков всеми видами довольствия»[1]. И Сталин оказался прав. Уже в августе 1920 года разразилась трагедия Западного фронта, вошедшая в историю Гражданской войны как «Катастрофа на Висле». Но это уже отдельный самостоятельный сюжет войны с Польшей.

На исходе Гражданской войны тактико-стратегическая оценка Сталиным положения не всегда совпадала с позицией Ленина, ни, тем более, Троцкого. Среди лидеров Октября он был одним из немногих, если не единственным, кто не поддался всеобщему заблуждению, гипнотической завороженности от скорой мировой революции.

В заключение следует подчеркнуть.

Победы Красной армии над белыми армиями и войсками интервентов стали для большевиков и всех советских людей источником веры в свои силы и способности выстоять в новых испытаниях. Сталин был одним из организаторов побед Красной армии, успешно справлялся с решением различных задач, связанных с военными действиями. Он проехал чуть ли не по всем фронтам, окружавшим Советскую Республику, совершив за два с половиной года полный оборот против часовой стрелки по этому полыхающему кольцу. И каждый раз оказывался там, где складывалась самая критическая ситуация. Употребляя современное понятие, его можно назвать кризисным менеджером Красной армии на фронтах Гражданской войны.

Никогда не служивший в армии и не имевший военной подготовки, как и многие советские руководители, Сталин на практике Гражданской войны фактически прошел курс Военной академии, решая самые различные задачи подготовки и осуществления военных операций. Присущие Сталину здравый смысл, способность находить нестандартные решения на основе внимательного и всестороннего знакомства с обстановкой и мнениями самых разных специалистов часто помогали ему находить разумные решения, не хуже, а порой и лучше тех, что предлагались военными специалистами.

Уроки, извлеченные Сталиным из опыта Гражданской войны, сыграли важную роль в его становлении как одного из главных руководителей государства. На опыте Гражданской войны возрастал талант Сталина как полководца в годы Великой Отечественной войны. В соответствии с этим боевым опытом и прирожденным талантом полководца Сталин получил и носил с лета 1941 года до победных залпов 1945 года звание Верховного Главнокомандующего. Не может подвергаться сомнениям и то, что именно за выдающиеся военные заслуги Сталину летом 1945 года было присвоено звание Генералиссимуса, и в этом звании он руководил разгромом Японии в августе 1945 года.

---

[1] *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 4. С. 329–333.

ПРОЗА

Юрий БОНДАРЕВ

МГНОВЕНИЕ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Рассказы

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий и др., почетный профессор Государственного педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

ДВЕ МИНУТЫ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД

Дождь лил по-осеннему, и, ожидая переправы на правый берег Десны, мы не вынесли этого всемирного потопа: промокнув до нитки, устроили себе Ноев ковчег — из досок снарядного ящика разожгли костер в овражке, рядом с дорогой, натянули меж ветвей брезент над огнем и расположились сушиться. А вокруг нашего орудия, стоявшего на обочине, вся иссеченная дождем тьма шевелилась, кишела людьми, грузовиками, повозками, дребезжащими кухнями, была наполнена голосами, командами, ржанием лошадей, хлюпаньем ног в грязи, завыванием буксующих колес, веселой руганью.

— Раз-два, взяли-и!..

— Кого взяли-то, едрена мышь? Куда толкаешь, еловая голова? Чем толкаешь — руками или… чем?

— Хоть ты ей хрена дай — ни с места! Газуй, говорят!

Изредка, врезаясь в эти звуки, далеко впереди стучали немецкие пулеметы, мины со звоном рассыпались в чаще на этом берегу, а мы, согреваясь возле костра, наслаждались порханием пламени, потрескиванием досок, как бы отъединенные от всего этого отсырелого, взбудораженного мира вблизи переправы, и даже дремотно, блаженно слипались глаза.

Потом за брезентом, в шевелящейся тьме раздался голос: «Эй, братва!» — и снаружи чьи-то ноги тяжело заскользили по скату овражка, бесцеремонная рука рванула вверх брезент, и громоздкий солдат в колоколообразной плащ-палатке шагнул из мрака к костру, взглянул из-под мокрого капюшона блестящими нагловатыми глазами, распахнул плащ-палатку, подставляя ноги теплу.

— На курортах, братцы? Антиллегенты вы нежные! Дай-ка огоньком у вас разживусь. Хо-хо! Не жалко, а? Кресало мое намокло…

— Ладно болтать! Бери хоть полные карманы, — с ленивой суровостью ответил наш малоразговорчивый сержант, в то же время жестко оглядывая заляпанные грязью ботинки солдата и аккуратно накрученные на икры обмотки. — Пехота? Сразу видать. Горласт очень. Привык «ура» кричать, и на нас басишь!..

— Как говоришь? Пехота пыльная? — Дерзко посмеиваясь, солдат достал из металлического трофейного портсигара немецкую сигаретку, окунул ее в рот и, присев к огню, блаженно простер над дымом ладони. — А вы кто же? Летчики, поди? К чему это вы сушилку устроили? Вшей уничтожаете как класс али как фашистов? Де-ело!..

Сержант нахмурился, властно перебил его:

— Чего разговорился как на колхозном собрании?

— А ну-ка, ну-ка, который тут пожарче? — Солдат выхватил горящую дощечку из огня, прикурил, упоенно сощурясь, застонал, затянулся полной грудью. — Хор-ро-шо! — И захохотал, показывая многозубый рот. — Летчики, значит? Кофию и шоколад получили, костерок развели, перин только не хватает! Где перины-то?

— Эй ты, анекдотчик! — опять грубо оборвал его сержант. — Гривенник нашел? Не видишь, кто мы?

— Вроде пушкари, — отозвался солдат, блаженствуя, поводя плечами под шуршащей плащ-палаткой, и подмигнул сержанту, — А я, ей-бо, думал — летчики. Где, думаю, самолеты стоят, аэродрома вроде не видать… А курить хочу, как из пушки…

— Ну, ну, ты брось, брось веселиться! Вас, пехоты, не было, когда мы здесь первые… с немецкими танками… Знаешь, сколько от четырех орудий осталось?

— Сколько?

— Одно.

Мы все сидели на снарядных ящиках и молчали, вытянув ноги в дымящихся портянках к костру, сонно поглядывая на незнакомого пехотинца, неуемной веселостью раздражающего нас, на свои влажные, висевшие на сучьях шинели, от которых шел душный шерстяной пар, и в дурмане усталости не понимали необходимость этой перепалки, злую резкость нашего обычно молчаливого сержанта.

— Да ну? — Солдат в неестественном удивлении помотал головой, трескуче закашлялся и, задыхаясь, так подул на сигарету, что трассами полетели искры. — Впереди пехоты? — закричал он с хохотом. — Вот оно! А ты, сержант, говорил: пехота! Вы, сталыть, еще хуже пехоты! Мы-то смертники, а вы…

— Рота, приготовиться к движению! Сержант Плахо-ой! — послышался в гудящей, хлюпающей, промозглой тьме непререкаемый командный голос. — Где Плахой? Ко мне сержанта!

Солдат медленно обвел нас взглядом, сразу меняясь в лице, вроде бы худея на глазах, обрастая черной щетиной по щекам, выговорил невнятную фразу, похожую на ругательство, швырнул докуренную до ногтей сигарету и, усмехнувшись, грузно сел прямо на землю, стал лихорадочно разматывать обмотки.

— Это тебя зовут? — сурово спросил наш сержант. — Это ты плохой?

Не отзываясь на ядовитость сержанта, солдат все разувался, протягивая время, мял, переворачивал, тщательно расправлял намокшие портянки, крепко, плотно пеленал ими ноги, натягивал ботинки, и вдруг мне показалось, что среди общего молчания около костра я услышал неудержимый костяной стук его зубов, словно он дрожал весь. Но тотчас звук этот прекратился, солдат быстро поднял голову, встал и в диком оскале беззвучного смеха показал свой многозубый рот.

— Это моя фамилия — Плахой, а сам я хороший. Вот послушай! — Он превесело похлопал себя по груди, и глухо прозвучал под плащ-палаткой соединенный звон медалей. — За каждую атаку давали. Засеки в уме, сержант. Запальный шнур горит так: один сантиметр в секунду. Полтора метра — сколько прогорит? Две минуты тридцать секунд. Полтора метра — это пехотная атака, вскочить и упасть. Война, черт ей не рад!

Он говорил это с тем же оскалом сумасшедшего смеха, а наш сержант в упор смотрел на него с холодной злобой. И необъяснима была накаляющаяся ярость его.

— Уйди, пехота! — сказал он крикливо, выкатив угрожающе глаза. — Уйди, не то я… Уйди! Зачем пришел?

Я ни разу не видел сержанта таким взбешенным, в нем будто сломалось что-то, выказывая нам незнакомую его слабость.

Они стояли друг против друга, почти одинакового роста, только наш командир орудия выглядел в гневе гибче, тоньше, острее в лице, а грузный пехотинец, заметный мощной покатой спиной, уже не смеясь, казался медведем, готовым встретить нападение.

— Эх, чудак… покурить у огонька я хотел, — спокойно и мертво проговорил он, и тут голос его дрогнул, а мне вторично почудился костяной стук зубов пехотинца. — Чую, ухлопает меня сегодня… так настроение с утра такое… Дружок мой убитый во сне меня позвал. На тот берег переправимся, атакнем фрицев — и конец мне. Миной убьет. А курить захотелось — страсть. Ты запомни мою фамилию, сержант. Больно запоминательная у меня фамилия. Сержант Плахой, двести седьмого полка, второй батальон, первая рота, командир второго отделения… Ну, спасибочки, хлопцы, за огонек, не поминайте лихом. Еще встретимся, на том или этом свете. А *там* все обязательно встретимся!..

И он улыбнулся нам насильственной улыбкой. Затем чересчур бодро достал вторую сигарету из металлического портсигара, прикурил от головешки, алчно вдохнул дым и, пряча сигарету под плащ-палатку, исчез в непробиваемой темноте, шумевшей дождем и командами.

— Вот дурындас грамотный, — сказал сержант и, несколько растерянно озираясь в ту сторону, где ночь поглотила пехотинца, присел на снарядный ящик, хмуро потер лоб.

Мы молчали.

На рассвете, когда форсировали Десну и после длительного боя закрепились на правом берегу, на плацдарме, наш сержант, потный, черный, расхристанный, молча кивнул нам и шатко пошел бродить по откосу, проступавшему в сереющем воздухе перед немецкими траншеями, возле которых передвигались с носилками солдаты похоронной команды.

Он вернулся часа через полтора, пьяно опустился на станину и так ударил по ней кулаком, что губы исказились болью.

— Дьявол ему, что ли, на ухо шепнул? — сказал он ожесточенно. — Откуда он знал?

Сержант Плахой, командир второго отделения, первой роты, второго батальона, двести седьмого полка, был убит осколком мины во время атаки — смерть настигла его, вероятно, в мгновения высчитанных им двух минут тридцати секунд с момента сигнала красной ракеты…

НА РАССВЕТЕ, ПОСЛЕ БОЯ

Всю жизнь память задавала мне загадки, неожиданно выхватывая, вплотную приближая часы и минуты из военного времени, будто оно готово быть со мной постоянно, лишь стоит позвать его из терпеливого ожидания. Сегодня вдруг почувствовал запах земляной сырости, махорки, острую вонь стреляных гильз и увидел раннее летнее утро, легкий туман, плавающий за огневыми позициями, расплывчатые силуэты подбитых танков в лощине, макушки кустов, мокрые стены ровика, вблизи поблескивающие от росы орудия и два лица, заспанных, очерненных пороховой грязью, одно пожилое, хмурое, другое наивное, мальчишеское, — увидел эти два лица до того выпукло, что почудилось: не вчера ли мы расстались? И через тридцать пять лет дошли до меня их голоса, и не в бреду слуховой галлюцинации, а как если бы эти два голоса звучали сейчас в траншее, в нескольких шагах:

— Утянули, а? Вот фрицы, тудыть иху муху! Восемнадцать танков наша батарея подбила, а восемь осталось. Вон, считай… Десять, сталыть, утянули ночью. Тягач всю ночь в нейтралке гудел.

— Как же это? И мы — ничего?..

— «Как, как». Раскакался! Зацеплял тросом и тянул к себе.

— И ваши не видели? Не слышали?

— Почему это не видели, не слышали? Видели и слышали. Я вот всю ночь мотор в лощине слыхал, когда ты дрых. И движение там было. Поэтому пошел, капитану доложил: никак, опять атаковать ночью или к утру готовятся. А капитан говорит: подбитые свои танки утягивают. Да пусть, говорит, все равно далеко не утащат, скоро вперед пойдем. Сталыть, двинем скоро, школьная твоя голова!

— Ах, прекрасно! Веселей будет! Надоело тут, в обороне. Ужасно надоело…

— То-то. Глуп ты еще. До несуразности. Наступление вести — не задом трясти. Весело на войне только дуракам бывает и таким гусарам, как ты…

Странно, в памяти осталась фамилия пожилого солдата, дошедшего со мной до Карпат, фамилия же молодого исчезла, как исчез он сам в первом бою наступления, зарытый в конце той самой лощины, откуда немцы ночью вытягивали свои подбитые танки… Фамилия пожилого солдата была Тимофеев.

МГНОВЕНИЕ ТОЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Острой северной сыростью дуло с Карпат, мягкая желтизна осени лежала в долинах. На обочине каменистой дороги, ведущей в горы, под стол-

пообразными елями горел костерок, загороженный щитами двух орудий, которые к сумеркам надо было «на руках» (машины остались в долине) втащить на высоту, откуда открывался перевал, где к концу ночи гудели танки. Мне много лет, война снится все реже, но сегодня на рассвете я вдруг ясно представил горьковато-сыроватый запах горной осени, смолистый дымок костра, усталые от ночного боя в долине лица солдат моего взвода, красные, потные после долгих физических усилий при подъеме к перевалу орудий и в то же время вроде бы веселые от возможности передохнуть, используя солдатскую расторопность, вздремнуть несколько минут или хлебнуть кипятку, если успеется. Я так хорошо, так четко вижу их, так хорошо слышу их голоса, что не могу поверить в их вечное отсутствие.

— Что меня удивило, братцы, когда мы фрицевскую траншею взяли: подле ведерка мыло в футляре и шелковые подштанники лежат, которые против воши, бритва на газетке, а рядом на бруствере — термос, не то со шнапсом, не то с чаем, потом разобрал, что к чему. Круглая пластмассовая коробка со сливочным маслом и бутерброд намазанный. Навроде одной рукой умыться, бриться собрался, другой — закусывать. А сам фриц голый, землей засыпанный, не успел, значит, закусить и подштанники переодеть. Я даже глаза растараканил: ну, думаю, ловкач немец, умудрил все рассчитать! И не рассчитал!

— Ловчее тебя, Оленьков, никого на целом свете не предвидится. Это уж точно. Ты-то вчера с ремнем на шее выполз в кусты за окопом, устроился удобно, а фрицевский автоматчик как шарахнет из-за деревьев, гляжу — ваша милость с размаху головой нырь в окоп, как в воду! Только задницей блеснул. Не иначе — ослепил фрица, наверняка до близорукости контузил. Аха-хо-ечки мои! Хахашечки! И только.

— Ну не забижай очень, не хохотай, Грунин. Орлом, как на ладони, за бруствером сидеть не будем — решето сделают и имя-отчество не спросят. Ты, сержант, лучше мне плащ-палатку трофейную верни, померил — и ладно. А то шинель у меня, как на младенца. Глазомера у старшины нет. Заместо моей, осколками изгрызенной, выдал чисто грудному ребятенку. Все мудрит, все экономит.

— Ума не произведу: зачем тебе плащ-палатка-то? Росточек у тебя — полметра с макушкой. Палатка на тебе по земле волочится, все коряги собирает. Вроде бредня. А мне — враз. По росту. Не поимей обиду — разношу.

— Сталыть, похоже, ты у меня, Грунин, вещь отобрал? Или смеешься? Так, что ль? А? Ну и народ пошел! Рот разинул — того и гляди изо рта все зубы утащат.

— Не открывай ширше надобности. Оглядывайся.

— Черт ты! Хохотаешь все. И откуда в тебе хохотание берется?

— А ты не волнуйся, нервов не порть. Я тебе заместо палатки трофейный танк подарю или «юнкерс». Домой на нем рванешь. Сядешь перед окном. Вот, мол, я.

— Выходит, мою вещь прикарманил?

— Зачем так? На время — присвоил. Охо-хоечки мои! Смехота с тобой, Оленьков!

— Эт-то что тут такое самое? Немцы рядом, а вы костер развели и, как гусаки, гоготаете! Устав забыли? Или шнапсу рванули?

— Садись, старшина, с нами. Устав — как телеграфный столб: перепрыгнуть нельзя, а обойти можно.

— Ладно, ладно, Грунин, философствовать. Тебе все смехахачки да смехухочки! С какой такой тети Моти атакуешь Оленькова? Он у нас парень-штык. У него шинельку — осколками изгвоздило, ему новенькую выдал. Как с иголочки. Чего, чего, Оленьков, физиономию воротишь? Шинелька будь здоров!

— На мыша. Иль на грудного…

— Нич-чего. Растянется.

— А рукава-то как раз длинны, товарищ старшина. Ровно у клоуна. Куда им тянуться? До земли, что ль?

— Не рукава длинны, а руки у тебя коротки, браточек ты мой, мой милый голубчик единственный! Ты это брось такие гастроли, ты мне такие штучки не вкручивай. Я ему — шинельку новенькую, не бывшую в употреблении, не с убитого какого-нибудь, а ему — хоть бы хны! Недоволен! Вишь ты, клоуна присобачил, миленок!

— Старшина!

— Чего тебе, сержант Грунин?

— Да вот я думаю: люди с большим носом — наверняка гениальные хозяйственники, а с носом Оленькова — личности, затюканные гениями. Согласен или нет?

— Это ты о моем носе? Это у меня большой?

— Не-ет, я хочу сказать, что курица не птица, а старшина дал рикошет. Подбери Оленькову добрую шинельку по росту. А новенькую отдай в детские ясли.

— Чего-о?

— Опять не то подумал. Не плюй в колодец — пригодится утопиться. Ты шинельку приличную раздобудь. А я ему сейчас полы немецкой палатки ножичком укорочу, чтоб метлу не изображал. Вот так и нарядим солдата. А то зимой он опять тебя и меня невзначай мордой в снег положит. Как образцовый человек. И будет орать во всю глотку: «Стой, кто идет? Ложись!» Помнишь небось, как мы с тобой в баню из ОВС с мешками белья шли? А Оленьков часовым стоял. Увидел нас и голосит на всю ивановскую: «Стой!» Мы остановились, а он: «Стой! Кто стоит? Ложись! Стрелять буду!» Как лев орал — и положил в снег, молодец, сукин сын, а затвором винтовки, как зубами, щелкал.

— Какой еще лев? Нерадивый солдат… Старшину и командира орудия в снег положил. На формировке я его на гауптвахту нацелил — за то, что в саду у хозяйки сливы и яблони начисто обтряс. Для всей батареи, вишь, добрый какой: привели его на гауптвахту, а она переполнена свистунами из второй батареи. Все поголовно свистуны. Сливами обожрались на том же основании. Что такое? Мест нет. Оленькова — назад. И так два дня водили. Пополнение прибывало из всего полка. Садов-то тут — вагон и маленькая тележка. Оре-ел, черт его возьми, курицыны перья! Чего улыбишься, Оленьков? Муха в ноздрю попала?

— Да я ничего, товарищ старшина. Я — так.

— Чего «ничего»? Наверняка в животе еще карусель крутит!

— Да нет, ничего. Причина была курьезная. Повара-то нашего где-то в тылах дьяволы живьем съели с его пшенкой. Вот мы кулацкие садочки и пощупали, потрясли малость, чтобы бендеровские жеребцы от злобы выли.

— Шелудивость, большая хитрость да коварность в тебе сидит, вот что я тебе скажу, друг ты мой золотой, сердечный. Ты, что же, за желудочное расстройство батареи повара и меня хочешь повинить?

— Перебор, старшина, перебор. Оленьков — первоклассный наводчик, во всем полку поискать — и мне как командиру орудия ни за какие пряники лучшего не надо!

— Печник он воронежский, вот он кто, а не наводчик. Просто везет ему. Везение ему прет, вот что. Глаз он под твоей командой навострил, сержант. А так — быстрый хапок у него — и танк с копыт. Вот как понимать надо. А вообще-то: печи ему класть, а не танки ковырять.

— Я б с моим удовольствием, товарищ уважаемый старшина. Плохая печь ведь сама сложится. А ты хорошую сложи. Кажная печь особливый характер имеет. Так и прицел. Иной после каждого выстрела сбивается, дьявол, под пьяного дурака, а ты сумей сперва под сошники подладить умные упоры. Печник и каменщик работу свою снизу начинают. Штукатур и маляр, знаешь ты, сверху, товарищ старшина уважаемый.

— Снизу, сверху… Лекции мне читаешь? Профессор… Злишь, что ли, меня несуразными разговорами?

— Никак нет. Не имею права. С начальством не шуткуют. Не имею привычки. Вот ежели бы я вам печь складывал на гражданке, в родной вашей деревне, а вы меня шибко обидели, тогда пошутковать можно. Вставить бутылочку со ртутью в печь — ребеночек плачет. Ребятенка, скажем, нет, а орет день и ночь, аж у всех глаза на лоб лезут. Бутылка нагревается, ртуть гоняет — получается или крик совы, или ребенка. А то еще яйцо — в краску, тут запах в комнате непотребный. Хоть святых выноси. Это маляры озорничают когда.

— Аха-хохнички мои! Ну насмешил, Оленьков! Ну прямо артист, едрена мышь! Бери свою трофейную палатку, я ножом полы подрезал, будешь теперь, как балерина, по грязям шастать. Бери! Да расскажи старшине про мужика утоплого, он этого еще не слыхал.

— Это мы можем. Рассказ с соображением. Муж, понимаешь, тонет в реке, совсем уж пузыри пущает, а жена ему с берега кричит, аж до визгу: «Говорила я тебе, шут гороховый, такой-сякой, деньги с собой не бери, говорила тебе, сатана, дурак! Деньги кидай! Не то я тя, язвину, кочергой дома-то по хребту налажу, козлом взвоешь!»

— Дак вы что? Шнапсу трофейного надрались? С какой это бредовины байками меня кормите? Я вам кто такой? Акулька из Соплевки? Хрен моржовый? Или старшина батареи? А эт-то что за фляжка, Грунин?

— Не видишь разве? Обыкновенная. Фрицевская. Но мы ребята трезвые. Конечно, божью росинку по глотку попробовали. Глоток — и, конечно, по моему разрешению. Но глаза не залили. Эту гробину на себе в верхотуру тащить — трактором быть надо. Ребята и притомились, пусть подремлют. Угощайся, старшина, после боя передых полагается.

— Передых, передых!.. Передых на том свете будет! Там отдохнем, наспимся! Много ты своим солдатам позволяешь, сержант Грунин. Ладно, передых, так передых. Давай сюда фрицевскую отраву. Хлебну глоток, и фляжку в кусты забрось. Чтоб соблазну не было.

— А я? Я даже не понюхал! В руках только подержал. Мне тоже глоточек! Я что — рыжий?

— Так-ак, Оленьков, тебе шинель или глоток? Выбирай! Пока я добрый!

— И шинель, и маленький глоток. А потом фляжку, будьте ласка, вручите нашему сержанту. Запас не гвоздь в сапоге и не ширинка на заднице, извините.

— Ну и хитрованы у тебя ребята, Грунин. У тебя все такие?

— А вот вопрос: почему ты Оленькову шинель выдал на грудного младенца? Будто кого-то обхитрил, навару нет. Себя, выходит, облапошил. И нам, старинка, только бы косую хватило ума обхитрить. Поэтому я в расчет хитрованов подбираю.

Ясно слышу голоса солдат, похрапыванье спящих вокруг костра, вижу круглое, со светлой щетинкой бровей, со вздернутым носом плутоватое лицо Оленькова, постоянно радужно улыбающегося, круглого и быстрого, как футбольный мяч, на коротких ногах, обутых в широкие, раструбом немецкие сапоги, феноменального орудийного наводчика, общего любимца в батарее. Вся покатая грудь его была усыпана орденами и медалями с засаленными колодками (у него была привычка вытирать руки о грудь), за форсирование Днепра он был представлен к герою, но награды не получил. То ли она не шла, задержанная начальством, к его футбольно подобной комплекции, то ли его подвижная веселая, казалось, беспечная натура не соответствовала высокому знаку. Да он, кажется, и не жалел об этом, занятый не честолюбием, не страстным желанием выжить, а самой жизнью на войне, какой бы она ни была. Он знал все об орудийном деле. «Учись, как чистят пушку, ежели не по уставу, а начальство вот-вот нагрянет. Запоминай. Паклю окунают в солярку. Поджигают. Кладут в ствол. Ствол поднять высоко. Огромная тяга — пакля сгорает. Ровно в большой печи. Ствол, как стекло».

Я как-то сказал ему: «Что-то запаздывает твоя награда, Оленьков». Он засмеялся: «А на хрена козе рояль фирмы “Бэккера”?» — «То есть?» — «Придешь в родимый городок, грудь колесом, на колесе — звезда, все девки из окон горохом посыпятся. Выбирай — глаза расфуфырятся на все горизонты, как у рака, туда-сюда закосят, не дай бог, ржать начнешь, как стоялый на конюшне. Лучше полегоньку клинья подбивать».

Я слышу голос Оленькова, вижу, как у старшины с непонятной фамилией Галабурда в неодобрительной усмешке косятся подбритые брови, тонкие губы, зло впалые щеки, а глубоко посаженные антрацитно-черные глаза делают его узкое лицо еще ýже. Он сидит на корточках перед костром в хромовых сапожках, собранных гармошкой, в комсоставских галифе и гимнастерке, затянутой, будто корсетом, комсоставским ремнем, щеголеватый старшина, краса батареи. Но когда он начинал говорить, то, казалось, готов был мгновенно вспылить, разозлиться, выругаться, показывая металлический оскал зубов. Он не пользовался расположением солдат, был болезненно экономен и скуп. Но иные офицеры считали его расчетливым хозяином. В то же время он прочно держался убеждения, что для высшего начальства в первую очередь интересен вопрос: точно ли сделано, как приказано? И только во вторую очередь могут спросить: какими средствами, но могут и не спросить. Офицеры у него обедали почти по ресторанному меню, всегда с французским коньяком, в достатке взятым на трофейных складах с остальными деликатесами. На формировке или на отдыхе он любил строем водить батарею и при

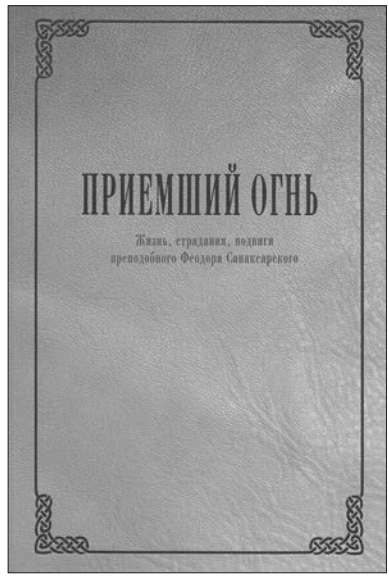
встрече с начальством с воинственным треском «печатал ножку», мастерским вывертом бросал руку к маленькому хрящеватому уху и докладывал следующим образом: «Товарищ капитан, при транспортировании батареи в столовую никаких происшествий не произошло! Шли с песнями!» Приведя же батарею в расположение, долго не распускал строй, стоял с напряженной шеей, любовался собой и строем, наигрывая связкой ключей, сурово прищуриваясь: «Команды “вольно” не было! Кто там подмышками очищается? В бане воды не хватило? Смир-рно! Вольно! Разойдись!»

Старший сержант Грунин, командир орудия, гигантский детина, человек во всех смыслах отчаянный, бесстрашный, наслаждаясь «командерством старшины», начинал хохотать, как сумасшедший, падая огромным телом на траву, и, не обижая старшину, делал вид, что чешет спину, гоготал до того, что заражал смехом всю батарею.

Да, я их всех слышу, вижу, чувствую дыхание бодрствующих и безмятежно спящих, как если бы грелся сейчас с ними возле костра в осенних Карпатах. Позднее оплаканные мною вызывают во мне родственную, какую-то новую любовь и тоску, такую сладкую и невыносимую, что уже не сомневаюсь: после той великой войны я остался совершенно один на свете и скоро, очень скоро, приду к ним, сяду около костра, но в том, другом мире вряд ли услышу их голоса, увижу их лица, тот придорожный костер…

Вышла книга

Приемший огнь: жизнь, страдания, подвиги преп. Феодора Санаксарского / авт. — сост. Венедикт (Кулешов). — Саранск, 2011. — 304 с.

Книга на основе архивных материалов, большинство которых приводится впервые, повествует о жизни преподобного Феодора (Ушакова; 1791), одного из славной плеяды христианских подвижников, с которых началось в России возрождение аскетического монашества в период после тяжелых для Русской Церкви преобразований Императора Петра I. Многие факты и события жизни преподобного Феодора уточняются либо вовсе предстают в новом, более строгом и правдивом качестве.

Во второй части, помимо интереснейших «Воспоминаний» ученика преподобного Феодора — архимандрита Феофана (Соколова; †1832), заново отредактированных по редким изданиям XIX в., впервые публикуются богословский и эпистолярные тексты других его выдающихся духовных чад: архимандрита Игнатия (Субботина; †1796) и схимонахини Марфы (Протасьевой; †1813).

Всем изучающим историю России, Русской Православной Церкви и православного монашества.

Дороги ВОЙНЫ

Павел НАЗАРОВ

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО…

Воспоминания.
К 68-летию Великой Победы

Павел Романович Назаров — родился в 1920 г. в с. Самодуровка Воронежской обл. В 1940 г. призван в Красную Армию. Фронтовую службу начал в 1941 г. командиром стрелкового взвода, командовал ротой, батальоном, воевал на Крымском, Южном, Северо-Кавказском, 4-м и 2-м Украинском фронтах, был дважды ранен. Войну закончил в мае 1945 г. в Братиславе начальником штаба стрелкового полка. Награжден орденами и медалями. После войны окончил Военную академию им. Фрунзе, командовал полками, вышел в отставку с должности зам. начальника Московского пограничного командного училища. **Живет в Москве.**

Мне солдат дороже себя…
Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови.
Д. Давыдов

Если вести себя низко, то можно достигнуть высокого положения, но нельзя достигнуть высоких целей.

Я СЫН ТРУДОВОГО НАРОДА…

1940 год. Октябрь. Наш курс осенью пополнил ряды Красной армии моей персоной, единственной, поскольку я один оказался призывного возраста. Накануне отбытия к месту службы студенты общежития организовали вечеринку. Скромно накрытые столы. Были тосты, напутствия, пожелания честно и храбро служить Родине. Веселились до утра.

А поутру… С больной головой от с непривычки выпитого вина — военкомат. Сбор. Построение и шагом марш. Вокзальная площадь ст. Полтарацк (она тогда так и называлась) города Ашхабада заполнена провожающими. Мне не до них: все время смотрю на моих друзей, товарищей. Их у меня много. Вон стоят плотной кучкой и машут мне руками: Ваня Бабышев, Володя Лалеко, Миша Ельнев, Миша Титаренко, а рядом с ними девочки-однокурсницы, наши общежитейские: Надя Бехтина, Паня Санникова, Вера Кузьмина, Дуся Черная, Нюся Воронкова, Галя Тогунова, Вера Мыськина и еще, еще — всех не перечислишь. Не знаю, встретимся ли еще когда-либо. Думаю, что встретимся, а в голове промелькнуло: как Бог даст, так и будет.

1945 год. Во время краткосрочного отпуска Ваня Бабышев (он служил в г. Мары офицером милиции) поведал мне, что большинство ребят — моих близких друзей — по-

гибли. Среди них Миша Ельнев, Володя Лалеко, Миша Титаренко и многие другие с параллельных курсов.

А девочки? Они по окончании техникума разъехались по районам и городам Туркмении. Жалею ли я о том, что меня призвали в армию и не дали закончить техникум? Пожалуй, нет. Хорошо, что призвали именно в это время. Если бы, скажем, призвали не в 1940 году, а в начале войны, то тогда мне, неподготовленному, пришлось бы трудней вступить в войну, как это случилось со многими однокурсниками.

Меня провожать, за малым исключением, пришел весь техникум. Как мне потом написали мои друзья, занятия в этот день не состоялись. И уже не знаю почему, в повседневное время я ничем не отличался и не выделялся, разве что был председателем профкома техникума. Хотя и тут… Всю работу мы выполняли сообща. Особых организаторских способностей, как я думаю, не проявил. Все шло само собой. А тут, видите ли, мои проводы вылились в коллективное торжество.

Обстановка на вокзальной площади действительно выглядела торжественно.

Флаги, транспаранты, нарядные люди, хриплый звук репродукторов заглушали оркестры.

Митинг. Напутствия. Пожелания… И… погрузка.

Вагоны не классные — «телячьи», товарные, двухосные, старенькие. В каждом из них 30–40 человек. Разместились на полу, стеллажах из неотесанных досок. Нам было не до удобств. Ребята веселые, бодрые, общительные: нашумелись, накричались и запели хором: «Катюша», «Три танкиста», «Артиллеристы» и другие песни.

Красноводск. Вот он…

Захолустный, в то время портовый городишко на Каспийском море. Выгружаемся, спрыгивая на обочину дороги. Вокруг — ни души. Глинобитные, из сырцового кирпича, домики с дворами, обнесенными глиняными заборами (дувалами). На улицах песок и кругом — песок, песок… Вдоль домов растет саксаул — пустынное дерево. Редкие арбы на высоких колесах, запряженные неутомимыми ишаками, передвигаются с трудом, утопая в песке. Кое-где можно увидеть два-три навьюченных верблюда, сопровождаемых погонщиком. Жители как будто вымерли. Да и было от чего: кругом раскаленный песок, зной, температура воздуха зашкаливает за 40 градусов.

Мы разбрелись по берегу моря, любуемся на огромные стаи чаек, слушаем их бойкие переклички. Нам все любопытно. Из нас никто моря не видел. Да и около воды нет такого пекла.

К вечеру причалил утленький пароходик. По всему было видно, что наш транспорт. Так оно и случилось. Сбор. Построение. Перекличка. Цепочкой по трапу следуем на палубу. Сгрудились у бортов пароходика, озираем окружающую местность с высоты палубы. Хриплый гудок оповестил нас о начале пути. Без лязга и грохота покидаем причал, и дружное стоголосое «Урра!» прокатилось по пустынному берегу Красноводска, отдаваясь эхом от прибрежных гор. Вася Коптяев густым баритоном запел «Раскинулось море широко…»

А море тихое. Приветливое. Полный штиль. Корпус корабля, покачиваясь, разрезает водную гладь и слегка колышется. Вялая штилевая кач-

ка, от которой позже моих некоторых попутчиков будет выворачивать наизнанку. Кучкуемся. Ведем шутливые разговоры, обзаводимся товарищами. В клетчатой заправленной в брюки рубашке ко мне подходит высокий, слегка рябоватый, крепко сбитый парень, улыбаясь, подает мне руку:

— Алексей Лелеков. Я за тобой давно наблюдаю. Если не возражаешь, поговорим.

— Павел, — протянул я руку, ответил рукопожатием, и этого оказалось достаточно для дальнейшей крепкой дружбы, вначале красноармейцами, а затем курсантами Сухумского пехотного училища. Это в будущем…

А сейчас стоим. Курим. Рассказываем о себе, друзьях, а больше любуемся необозримым водным пространством. К вечеру палуба постепенно опустела, народ угомонился, притих. Спускаемся в трюм: здесь темно, еле различаем друг друга. Осмотревшись, располагаемся вокруг бочек с селедкой и маринованными баклажанами, от которых стоит плотный, застоявшийся селедочно-баклажанный аромат. Такое соседство нас не особенно беспокоит. Мы просто не обращаем внимания на неудобства, рассуждая, что раз нет лучше, то и это хорошо.

Время к полуночи. Возбужденное состояние идет на убыль. Тихо. Сонное царство. Мне не спится от избытка впечатлений. Да и спальное место не барское — жесткий дощатый пол.

Глубокой ночью усилился шум волн, свист ветра. Через какое-то время началась болтанка. Громадные волны грозно сотрясают корпус хлипкого суденышка.

Интересно… Меня одолевает любопытство: что там творится наверху? Подымаюсь на палубу. Небо звездное. Сильнейший ветер с воем, грохотом и треском треплет палубные надстройки. Наш корабль, как щепочка, болтается: то нос, то корма зарывается под воду.

Неуверенно, но быстро подбегаю к борту и вижу — на меня накатывает стена воды. Ох, мамочки! Крепко ухватившись за поручни, закрыв глаза, держусь, и почти в то же мгновение меня накрывает волна: хлынула на палубу, заливая и смывая все на своем пути. Не дождавшись очередной волны, убегаю — по щиколотку, кое-где по колено, в воде.

Спустился в трюм весь мокрый, с дрожью во всем теле плюхаюсь на пол. В трюме духота. Вскоре согреваюсь, начинаю засыпать. Что там, на палубе, творит стихия, меня теперь не колышет; стараюсь о виденном не думать. Сквозь сон слышу: в разных углах некоторые мои попутчики стонут, вякают, некоторые украдкой всхлипывают… Засыпая, думаю: «От сна и от еды еще никто не умер». Сплю крепко. За ночь высох. Отоспался. Слышу все тот же хриплый гудок нашего парохода. Подымаюсь на палубу. Солнце ярко светит. Утро теплое. Ветер стих. Полнейший штиль! Кружат неугомонные чайки. По курсу четко вырисовываются заводские трубы, городские дома, в порту корабли.

Баку…

К нам присоединили еще местных призывников. Воинский эшелон — все те же «телячьи» вагоны. Тронулись. Поехали. Закавказье.

Вот он — Поти. Баня. Получаю обмундирование. Целый ворох: от нижнего белья до ботинок с обмотками. Такого количества одежды и обуви мне ни разу в жизни не приходилось надевать. С чего начать? Конечно с белья,

затем надеваю брюки, гимнастерку, а дальше что? Портянки. Я их никогда не носил, а тут еще ботинки с обмотками…

Сел на пол. Накручиваю портянку на портянку, наматываю обмотку, сую ногу в ботинок, не лезет. Не получается… Раз попробовал, второй… Вспотел, белье мокрое, хоть отжимай, а нога в ботинок не лезет. Посмотрю вокруг — эта обмотка у всех до колен… У меня же ее хватает только до щиколотки. Хоть криком кричи. Сел и сижу. Прихожу в себя. Подошел какой-то молодой командир со звездой на рукаве. Смотрит на меня, улыбаясь, говорит:

— Что, не получается?

— Да, никак! У всех, я вижу, обмотка до колена, а у меня вот — до щиколотки.

Командир присел рядом со мной на корточки, навернул портянку, просунул ногу в ботинок, обернул обмоткой до колена, и говорит:

— Другую ногу обувай сам.

Оказалось, не так уж и сложно. Впоследствии узнал: моим «спасителем» оказался наш политрук Иван Иванович Колесов.

Я его и позже часто вспоминал: молодой, красивый, с густыми слегка вьющимися волосами. Замечателен он оказался не тем, что красив и у него вьющиеся волосы, а своим умением выступать перед личным составом с вдохновляющей речью. Его содержательная речь постоянно воодушевляла нас, молодых воинов.

Не велика наука — обмотать ногу обмоткой, а процедура обувания запомнилась на всю мою жизнь.

Забегаю несколько вперед: воевать совместно с Иваном Ивановичем не пришлось. В начале войны меня направили в военное училище, а он отправился на фронт.

Через много-много лет я с ним встретился: он, в чине подполковника, был в составе комиссии, инспектировавшей мой полк в Берлине. Он меня, конечно, не помнил, и не мудрено: сколько прошло через его руки за много-много лет таких неумех, каким оказался я в той памятной мне бане.

Уже сидя за столом, я рассказал ему, как он, молодой симпатичный политрук роты, обучил меня — салагу, надевать капризную обмотку. И мы с удовольствием выпили по рюмке за его здоровье.

А он? Что он? Как и прежде, ослепил меня своей приветливой улыбкой. Выпили еще… Разговор перешел на повседневность. Общих знакомых из прошлого не оказалось. Да и времени-то прошло много.

Вот какая история приключилась со мной. Мои первые недели солдатской службы прошли не на высоком уровне. Оказалось, что обмотка не самая большая неприятность. Я ее забыл скоро. А вот дальше…

Несмотря на то, что я обулся под присмотром политрука, с ногами у меня получился явный прокол.

Вышли из бани. Нас построили и повели в военный городок на окраине Поти — в пяти километрах от бани. Ботинки мои, наспех подобранные, оказались великоваты и с непривычки тяжелые, и пока я шел, ступни ног покрылись сплошными мозолями. Мозоли вздулись пузырями, а некоторые еще и полопались. Я с трудом добрел до расположения. И всё. Кранты. Разулся, посмотрел: стопы порозовели, начали мокнуть. И это еще не всё. Худшее оказалось впереди.

Следующее утро.

День начался с команды дежурного по роте:

— Рота, подъем!

Стремительно отделялись от подушек наши стриженые головы, взлетали одеяла, мелькали белые ноги. С полузакрытыми глазами, не оторвавшиеся еще окончательно от мирных снов, бойцы на ощупь хватали штаны, наматывали портянки, надевали ботинки, боясь опоздать в строй, не забыв обмотки сунуть в карман, если не сумел это проделать при подъеме. Я бегу, прихрамывая, а ноги жжет как огнем и отдает где-то внутри сильнейшей болью. На санчасть махнул рукой. Ее, эту санчасть, в нашем городке считали ненужным атрибутом.

Старшина роты старший сержант Коваль с первых дней нашей службы показал свой незаурядный командирский характер. Никаких послаблений. Физзарядка — бег.

Столовая — строй. К месту занятий — бег. С занятий — с песней. Боевая учеба для новичков, еще безоружных, — строевая подготовка «Шагом, марш!», «Выше ногу!»

Терпи казак. И я терпел. Исполнял все команды безропотно. К концу первого месяца службы ноги сами вылечились, привык к форме одежды, снаряжению. Ботинки мои полегчали.

Далее присяга. Перед присягой нам торжественно вручили оружие: кому винтовку, а кто покрепче, тому ручной пулемет Дегтярева. Накануне на стрельбище каждый из нас произвел три выстрела боевым патроном. Построение на строевом плацу. Стоим по команде «Смирно». Вынесли Знамя полка. Командир полка полковник Клюканов, водрузив на нос очки, громко начал:

— Я сын трудового народа…

Мы четко и громко повторяли слова присяги.

— Принимая присягу, торжественно клянусь… Закончив текст присяги, командир полка поздравил нас с принятием присяги. Мы троекратно крикнули: «Ура!» Прошли торжественным маршем. Праздничный обед: суп-пюре гороховый, пшенная каша-концентрат и 300 грамм черного хлеба.

Я — красноармеец учебной роты. В нашей роте весь личный состав со средним и высшим образованием; из нас начали готовить младших лейтенантов запаса. Однако обстановка начала резко меняться — запахло войной.

Через три месяца нам, не доучившимся, присвоили звания младших сержантов и направили по стрелковым ротам. Меня назначили командиром отделения 50-миллиметровых ротных минометов. Подчиненные мои оказались в полном смысле асы. Мне их учить было нечему. Половина из них прибыла с Финского фронта, а другая — по 3–5 году службы! Лично я этот миномет изучал всего лишь на двухнедельных курсах после выпуска из учебной роты. За такой «срок» кое-как освоил материальную часть миномета, а как его устанавливать на огневую позицию, даже во сне не видел.

Зато я — командир! Все мои обязанности состояли (как их понимал я) из подачи двух команд: «К бою!» и «Отбой».

Мне повезло: подчиненные оказались на редкость дисциплинированные. Команды выполняли безропотно, четко, слаженно. А я, зная свою слабину, не очень утруждал их частой подачей команд.

Хорошие люди мои первые подчиненные. Прошло много лет, а я их помню: Миша Бирюков, Илья Косарев, Иван Коняев, особняком был Толя Пискунов, на вид нелюдимый, а на самом деле добряк добряком, неуклюжий, неповоротливый, а сильный как медведь.

Иногда к нам приходил командир роты старший лейтенант Круглов, высокий чернявый красавец, отличный строевик. Ходил он, держась прямо, отдавая честь, выбрасывал руку вперед, затем назад — до отказа. Если показывал ружейные приемы, то винтовка у него летела как игрушечная. Лихо умел делать повороты, щелкая каблуками сапог. Все делал весело, с улыбкой, но по уставу. Всегда говорил нам:

— В нашем деле без устава ни шага не сделаешь.

В нем все было празднично: блестели пуговицы, сапоги, глаза и зубы. На нем ладно, как на старослужащем, сидела гимнастерка.

— Устав, служба и никакой лирики, — говорил он.

В народе бытует поговорка: «Солдат спит — служба идет». У нас было иначе. 4–5 раз в неделю за 1,5–2 часа до сигнала «Подъем» объявлялась тревога с выходом на исходное положение — берег Черного моря, 6–8 км от казармы с полной боевой выкладкой: винтовка, ранец с тремя кирпичами для веса и шинельной скаткой на нем, противогаз, малая саперная лопатка, фляга с водой, подсумок, учебные гранаты — итого 32 кг!

Расстояние туда и обратно преодолевалось бегом. Это вместо физзарядки. После завтрака походным маршем отправлялись на учебные поля. По городу — с песней, за городом — бегом. Запевалой у нас был Коля Черный. У него приятный баритон и хорошие вокальные данные. Он еще и активный участник художественной самодеятельности полка. Пели постоянно почти одно и то же: «Там вдали за рекой зажигались огни…», «Дальневосточная опора прочная…» и наша «дежурная» песня, ее мы исполняли, за редким исключением, каждый день:

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье —
Белой армии оплот…

Если песня по какой-либо причине не ладилась, то командир взвода младший лейтенант Лосик подавал команду: «Песню отставить! Взвод, газы!» Мы надевали противогазы. Затем он командовал: «Взвод, за мной, бегом, марш». Сам становился во главе взвода. И мы бежали. За день пробежать 15–20 км считалось нормой. В ротной Ленинской комнате висел лозунг. «Тяжело в ученье — легко в бою». На первых порах он нам казался не совсем понятным. Хотя, глядя на нас, нельзя было сказать: «Мученики». Мы повзрослели, были бодры, хорошо окрепли. Подтянуться на турнике в одежде 15–20 раз — нет проблем! В перерывах, после перекура иногда играли в «Чехарду», перевозили друг друга на спине на 25–30 м. Четко работали штыком, прикладом, выполняли приемы защиты и нападения со штыком с малой саперной лопаткой, соревновались в стрельбе и т. д.

Питание было, конечно, не ресторанное. Напрасно нынешние кричат, что армия голодная, плохо кормят. Зная, что тогда и что теперь, я не согласен с нынешними крикунами.

Кстати, вот наш ежедневный рацион: на завтрак — пшенная каша-концентрат, часто недоваренная; чай слегка коричневый с запахом веника; на обед — суп-пюре гороховый и опять же каша-концентрат; на ужин — кусочек селедки с отварным картофелем либо овощными консервами. Хлеб. И только черный (не исключено, что с примесями). Его взвешивали на весах. Каждому из нас полагалось: 200 г на завтрак, 300 г на обед и 200 г на ужин. Иногда хлеб заменяли сухарями, взятыми из НЗ (неприкосновенный запас).

И, тем не менее, на строгость и тяжесть службы мы не роптали. В армию шли не обреченно, как теперь.

Началась война. На этом моя солдатская служба закончилась.

1941 год. 22 июня. Как хорошо я запомнил этот день! Солнечное теплое летнее утро. Проснулся вместе со всеми по сигналу «Подъем!» Предстоял кросс им. С. К. Тимошенко на 25 км в облегченном снаряжении: винтовка, противогаз, подсумок, шинель-скатка, летняя гимнастерка, брюки, ботинки с обмотками, на голове панамы. Настроение с утра бодрое, веселое, хотя впереди тяжелый 25-километровый марш-бросок. Однако после броска нам обещали коллективное увольнение в город, а там: мороженое, газированная вода, кругом друзья и купание в Черном море. Была перспектива: и позагорать, и вдоволь поплавать. Много ли солдату надо?

Кросс подходил к концу. Командир роты подал команду:

— Рота! Подтянуться, идем по городу, веселее, на нас смотрят люди! Приближаемся к финишу. Но что это?

Большая поляна на окраине Поти частично занята тыловыми подразделениями. Участники кросса подтягиваются, строятся. Собран весь личный состав полка. На лицах присутствующих озабоченность, небывалая сосредоточенность, серьезность.

Ждем. Митинг. Война!!!

На трибуну вышел комиссар полка Полетаев, открыл митинг, за ним пошла череда выступающих, они клятвенно заверяли партию, правительство и вождя И. В. Сталина в короткие сроки разгромить врага. Никому не верилось, что мы можем отступать или, того хуже, оказаться побежденными. А в голове роились мысли: «Как же так? А Пакт о ненападении с Германией? А уверения руководства страны о том, что войны не будет — и вдруг! Война!!!»

И «потекли» патриотические речи, призывы мобилизоваться, крепить дисциплину, беречь военную тайну.

Наш политрук Иван Иванович Колесов выступил третьим, как всегда ладно, с большим подъемом. В заключение он сказал:

— Наш народ един под руководством нашего великого вождя и учителя товарища Сталина, мы победим, как говорится в песне: «Малой кровью, могучим ударом…»

Настроение у всех поднялось, все были возбуждены, рвались в бой, начали писать рапорта, чтобы отправили на фронт, боялись, что для нас войны не хватит, и завидовали тем бойцам и командирам, кто оказался на западной границе.

Помню, и я написал рапорт: «Прошу направить меня в действующую армию добровольцем». Рапорт написал и мой товарищ Алексей Лелеков.

Мне, как, впрочем, и многим другим, было невдомек, что военнослужащий не может быть добровольцем. Проситься на фронт можно, но не добровольцем. Через неделю нас семерых, не спрашивая нашего согласия, направили в Тбилиси — штаб округа, а оттуда — в Сухуми в военное училище. Мы думали: «А как же война? Ведь пока будем учиться, война закончится!» Нам очень хотелось посмотреть, поучаствовать в сражениях — это так интересно, а тут учись! Но мы — народ послушный, дисциплинированный, усвоили — приказы не обсуждают. Поехали…

Так закончилась моя солдатская служба. А далее год за годом длилась моя служба в Вооруженных силах…

Командовал я взводом, ротой, батальоном, тремя отдельными полками. Закончил службу в Московском пограничном училище.

В боях за Родину воевал честно, добросовестно, за спины других не прятался, как и многие мои сверстники — командиры рот, батарей, батальонов, дивизионов. Это мы — труженики войны — внесли неоценимый вклад в Победу. Воюя плечом к плечу с солдатами, сержантами, ковали Победу, не бросались на врага в бой очертя голову, не подставляли людей без нужды на гибель и увечья.

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО, ЭТО БЫЛО ДАВНО…

Страшно погибать молодым,
но обиднее всего, умирая,
не прихватить с собой ни одной жизни…
Хороший враг — мертвый враг.

К 60-летию Победы в Великой Отечественной войне я написал книгу «Исповедь», и она была издана. В этот день в клубе Пограничного института состоялась традиционная встреча ветеранов, на которой многие из них мою книгу приобрели. Прошло время, и я был вознагражден положительными отзывами за свой труд. Были высказаны и отдельные пожелания. К примеру, Василий Иванович Баринов, когда я спросил его о личных впечатлениях, сказал:

— Книга написана хорошо, мною прочитана с большим интересом и вниманием.

— А что не понравилась?

— Трудно сказать. Книга на самом деле интересная. Мне думается, Павел Романович, в своей книге Вы маловато рассказали о личных подвигах, ведь Вы войну прошли «от и до».

— Не хотелось афишировать «свое я», думал, не поймут, старался побольше рассказать о своих боевых друзьях, товарищах.

— Скромничаете?

— И это есть. Конечно, за два с половиной года на передовой, безусловно, было что-то заметное. Но стоит ли?

— Думаю, стоит, — отвечает Василий Иванович.

Василий Иванович — полковник, сам активный участник прошедшей войны, в нашем училище длительное время руководил кафедрой службы пограничных войск. Теперь ветеран. Его мнение для меня дорого, не скрою.

В конце нашей беседы я сказал:

Павел Романович Назаров. День Победы, 2006 год

— Пишу вторую книгу, может, по Вашему совету, и о себе кое-что добавлю.

…Передо мной чистый лист бумаги. Задумался. И снова в который раз возник все тот же грустный и недоуменный взгляд, остекленевшие голубые глаза. Врага. Немца. Фашиста. Да и врага ли теперь-то?

Лето 1942-го года. Сальская степь. Ровная, в некоторых местах изрытая неглубокими оврагами, покрытыми высокой бурьянной травой. Отступаем, бежим без оглядки. Бежим не только мы, бежит весь Южный фронт стадным порядком, не огрызаясь, и все на Кавказ. На Юг. Сплошной линии фронта нет. И мы, не успев оторваться от наступающего врага, оказались в тылу.

Наша 156-я дивизия после формирования вышла на берег Дона и заняла оборону напротив станиц Семикаракорской, Константиновской, усиленная дивизионом РС, ротой тяжелых танков. Полнокровная дивизия, не оказав сопротивления врагу, опасаясь окружения, снялась с занимаемого рубежа и побежала по Северному Кавказу, теряя технику, вооружение и людей. Вначале бежали полками, затем побатальонно, а после очередного скоротечного боя я остался один со своей ротой и приданной мне ротой ПТР (противотанковых ружей). Ротой командовал Сергей Ткаченко.

Достал карту, сориентировался: впереди лесопосадка, а за ней железнодорожное полотно Сальск—Целина. Дорога занята немцами, охраняется и обороняется.

Налеты авиации, частые стычки с мелкими группами врага. Для прорыва железнодорожного полотна в дневное время моих сил маловато. Решил временно, до наступления темноты занять оборону на пологом холме. Ночью — прорыв.

Приказав личному составу приступить к оборудованию огневых позиций, сам направился осмотреть местность, оценить обстановку, наметить пути движения к железной дороге. По всем признакам обстановка не вызывала опасения. Тихо. Солнце в зените — жарит по-южному. Иду быстрым шагом, срываясь на бег. Преодолел неширокую лесополосу, и… замер…

В двух шагах от меня, почти нос к носу, стоял немец в мундире мышиного цвета с карманами, в каске. Эта встреча лицом к лицу оказалась неожиданной. Оба на мгновение оцепенели, глядя друг на друга. Немец прерывисто дышал, словно от бега.

А далее… Я ловлю малейшее движение немца и оцениваю: фашисту доставать пистолет дольше, он висел у него на животе слева, в застегнутой кобуре. У меня пистолет в руках, как раз недавно взятый у убитого немца, 14-зарядный бельгийского образца. Из него ведется одиночный огонь и огонь очередями.

И когда немец, глядя на меня, потянул руку к кобуре, я, не целясь, в упор выстрелил. Немец, теряя равновесие, нечленораздельно произнес: «Mein Gott!» Затем он покачнулся назад, потом вперед, ноги у него подломились в коленях, он оседал медленно, с укором глядя на меня. И мне, к тому времени на фронте не новичку, побывавшему уже в госпитале по ранению, от этого взгляда сделалось не по себе. Я выстрелил еще раз, немец свалился навзничь. И пистолет, который он все-таки успел достать, выпал на землю.

К тому времени мне ни разу не приходилось стрелять с близкого расстояния в человека, и до моего сознания просто не доходило, что упавший не может двигаться, мне казалось, что немец вот-вот схватит свой пистолет и вскочит. Я намеревался убежать, но боялся, боялся к врагу повернуться спиной. А немец все смотрел на меня голубыми, уже, как мне казалось, остекленевшими глазами, и под его взглядом я чувствовал себя завороженным. Отступив назад и обойдя немца, я пнул пистолет, он отлетел в сторону — и выстрелил прямо в грудь немца. На мундире проступило круглое кровяное пятно, тело конвульсивно дрогнуло. Но и тут мне казалось, что немец еще жив. Я вложил второй рожок с патронами, перевел защелку на автоматическую стрельбу и нажал спусковой крючок до отказа и, не глядя, выпалил сразу все патроны; прозвучала длинная очередь. Расстреляв все патроны и убедившись, что враг мертв, я сорвал с него полевую сумку, схватил с земли пистолет-парабеллум, попятился назад, повернулся и побежал.

Слева из глубины зарослей посадки доносились резкие крики, там звали кого-то, и только теперь я вдруг понял, как близко прошла от меня гибель. Зачем я стрелял столько раз? Надо было бежать сразу, как только немец упал. А если бы враг чуть раньше выхватил пистолет? А если бы к врагу подошла помощь, услышав стрельбу? Вот так всегда в минуты явной опасности, не думая о последствиях, я действовал с азартом, спонтанно, с упоением, часто не помня себя, решения принимал машинально, и только на второй или третий день, когда обстановка несколько стабилизируется, в голове иногда промелькнет жалостливая мысль: «Опять пронесло». Больше о случившемся я не вспоминал. Впереди другие дела, обстоятельства: бой, марш или еще что-то. Отвлекся.

А мне навстречу бежит на помощь группа под командой лейтенанта Шумилина.

Возвратясь на место расположения, я никак не мог успокоиться. Меня всего трясло. Я бродил вдоль окопов, создавая видимость своей деятельности; говорил о чем-то с людьми, так мне казалось; отдавал какие-то распоряжения, происходящее вокруг меня будто не касалось, ощущалась спутанность сознания, меня что-то мучило, но я не мог сориентироваться, осмыслить, что именно. Я сознавал, что поступил правильно, убив того фашиста. А в памяти все всплывали те остекленевшие голубые глаза, укоризненный взгляд. «О, Господи, избави мя от лукавого», — вертелось в моей расстроенной голове.

Помню, подошел политрук роты Алексей Невечеря. С Алексеем мы друзья, можно сказать, с первой встречи. Друг друга понимали не только с полуслова, но иногда с первого взгляда. Тут смутно слышу:

— Командир! Что случилось? Ты не в себе! Это же я — Лешка! Я сквозь дрему слышу стрельбу и не пойму со сна, в чем дело. До этого было тихо, а ночь у нас, ты знаешь, прошла без сна, и я, к моему стыду, слегка вздремнул. Я сразу же выслал тебе на помощь группу бойцов. Видим — ты бежишь. Цел и невредим, размахивая какой-то сумкой.

Не слушая политрука, я продолжаю инстинктивно отдавать распоряжения:

— Наблюдателю, доложить обстановку!

— Ничего не вижу, слышу голоса, — отвечает наблюдатель.

— Рота, к бою! Занять огневые позиции! Без команды не стрелять! — громким голосом кричу я.

— Фу! Прости Алексей, — глянув на политрука, кисло улыбнувшись, сказал я. — Башка что-то плохо соображает.

Между тем подбежал командир роты ПТР Сергей Ткаченко. Стоим втроем, разбираемся.

— Так что там за стрельба слышалась? — теперь допытывается Сергей, — не темни, ты, телись!

— Чего телиться-то? На немца напоролся. Телись. Вот и вся оказия.

— И где он?

— Кто?

— Да немец же!

— Там, — показываю в сторону посадки. — Лежит.

Закружилась голова, и снова передо мною остекленевшие голубые глаза, укоризненная улыбка.

Сергей снимает с пояса флягу, отвинчивает пробку, подает мне:

— На, глотни малость, успокойся, на тебе лица нет, трясешься. Смотри, с ума сбрендишь.

Не глядя, из рук Сергея взял флягу, глотнул раз, потом еще и еще. Закашлялся. Меня стошнило. И вся выпитая мною водка выплеснулась наружу. Откашлялся. Водка вскоре помогла, подействовала. Стало легче. Пришел в себя и, наконец, осмысленно начал воспринимать происходящее. Говорят, на щеках появился румянец.

Столкновения с немцами не избежали. Бой был скоротечный, вялый, с небольшими потерями с обеих сторон.

Подошел Сергей Ткаченко:

— Ну как, командир, неужели немцы отошли?

— Отбили. Видимо, мы для них неинтересны.

— Разведка?

— Пожалуй, нет. Из документов, взятых в захваченной сумке, явствует, что это была самокатная группа велосипедистов с автоматами и пулеметами, следовавшая за своим передовым отрядом.

— Совсем ушли?

— Думаю, совсем. Я вначале не поверил, послал разведку.

— И что?

— Осмотрели местность, обнаружили три разбитых велосипеда, трех убитых немцев, есть и раненые. Передовые части в затяжные бои не ввязываются. Им не выгодно. Если встретят серьезное сопротивление, то уклоняются от боя. Знают, что за ними главные силы — пехота и танки. Их задача ликвидировать очаги сопротивления.

Вечер. Темнеет. Я построил подразделения, проверил экипировку бойцов, наличие боеприпасов и двинул к полотну железной дороги. Развернул роту в цепь и с криком «Ура!», не встречая серьезного сопротивления, преодолел железную дорогу и броском устремился вперед на юг в прежнем направлении.

* * *

И пошли мы, солнцем палимы,
Повторяя: «Спаси нас, Господь!»

Солнце. Оно действительно нещадно палит, а от тишины звон в ушах, только говорливые кузнечики бойко стрекочут, ведут перекличку, а высоко над головой лунь парит — красивая и, видимо, гордая птица. Иду и смотрю, как лунь умудряется, расправив широкие, мощные крылья, не махая ими, парить. «И не свалится же», — подумалось мне.

Прочитав написанное, кое-кто подумает, что струсил автор в той обстановке, напугался, и ему, наивному, невдомек… Автору-то в то нелегкое время исполнился всего-навсего 21 год. А ведь убил-таки фашиста!

— Жестоко?

— Малость есть, — как сумел.

— Растерялся?

— Было дело!

— Сделал вывод?

— Конечно.

После случившегося я еще более двух лет успешно воевал и дошел до Братиславы, Вены…

Всякое бывало, но этот случай особенный.

Первый блин-то — не комом!!!

— Ишь, расхвастался! — подумают скептики.

Иду во главе роты бодро, в животе пусто и пить хочется, хотя бы из лужи. А где они, эти лужи? Земля от сухости звенит, и от нее идет сухой жаркий воздух. А на душе ни с того ни с сего весело стало — смешинка в рот попала. И вдруг прорвался знакомый мотивчик: «Легко на сердце от песни веселой…» И я ведь чуть не запел в голос, а опомнившись, мигом осознал, где я, и сказал себе: «Не дури, что могут подумать подчиненные? А не свихнулся ли наш командир?»

Вот что со мной случилось летом 1942 года.

— И долго такое сумбурное состояние продолжалось? — может спросить читатель.

— Да, пожалуй, нет, — ответил бы я тогда, — до очередного серьезного столкновения с противником.

Моя дочь Валерия прочитала рассказ и с недоумением спросила:

— Пап, а где же тут героизм, отвага?

— Верно, я и сам вижу, героизма нет, не видно и отваги.

— А что же тогда?

— Скорее самооборона, самозащита, а впрочем, как посмотреть.

— Это как?

— А вот послушай: в прошлой войне мы потеряли, по официальной статистике, свыше 28 млн человек.

— И это известно.

— Конечно, известно, но не все. Мы немцев уничтожили около 3 млн, а потеряли в десять раз больше. А если еще считать несколько миллионов тяжелораненых, скончавшихся в первые 3–5 лет после войны? Получается, что погибших и того больше.

— Пап, к чему это ты? Героизм и потери, зачем вся эта арифметика?

— Приведенные цифры сами за себя говорят. Поясню. Из 28 млн наших погибших минимум 25 млн человек за войну не убили ни одного врага! Вдумайся: 28 млн и приблизительно 3 млн. Добавлю к тому, что большая часть немцев погибла от осколков бомб, снарядов, мин. Следовательно, очень и очень немного от пуль. Улавливаешь?

— Что у нас пули хуже вражеских?

— Конечно, нет! Наше стрелковое оружие равноценно немецкому.

— Тогда в фашистов из стрелкового оружия наши воины — что?

— Правильно, не стреляли. По той причине, что стрелковые части зачастую вводились в бой необученными, шли толпой, а стрелять из толпы — своих больше побьешь.

— А командиры, а полководцы?

— Многим из них это было «до лампочки». «Вперед, так твою… И баста!»

Я проделал интересный эксперимент еще в первые мои дни на передовой в конце 41-го года на Крымском фронте. На поле боя убитых — на каждом шагу, уму непостижимо, как много, немцев — ни одного. Лежит убитый, рядом с ним его винтовка или пулемет. Беру винтовку, извлекаю затвор, в патроннике 5 патронов, смотрю — канал ствола в смазке! Не может быть! Аж пот прошиб от догадки! Перебрал несколько винтовок — результат тот же. Боец убит, а канал ствола оружия в смазке! Молодой был, а сообразил!

— И что предпринял?

— Да ничего особенного! Что может предпринять лейтенант, командир взвода? Для себя сделал вывод: в ходе атаки стал более требовательным. Подавал команды на ведение огня залпом, пачками, одиночным огнем. В спокойное время разъяснял: 120 патронов — это дневной боекомплект, вполне достаточно на день интенсивного боя и т. д. И, если замечал, что бойцы в движении не ведут огня, то после боя спрашивал, почему не стреляли?

— Не вижу врага — не стреляю, — отвечают.

— Логично, но ведь на поле боя редко видишь, чтоб кто-то шел или бежал, не так ли? А вот немец идет или бежит в цепи и поливает огнем из автомата или винтовки. И результат налицо. Убитых и раненых в нашей

армии более всего от пуль, а у немцев — от осколков, общих потерь меньше. Усекла?

— Малость, — слышу ответ моей дочери.

— И еще. В прошлом в бою участвовали не все, многие отставали, прятались, и еще больше тех, кто шел вперед и не стрелял. Наша беда в том, что из полка участвуют в бою половина, а остальные только делают вид, что участвуют, а на самом деле увиливают от боя, подставляясь своей пассивностью под губительный огонь врага.

Как победили? О победе написано много. Напишут и еще. И правдивее, думаю, добавят и лишку, ведь если посмотреть по донесениям с фронтов, то в них истинного мало сыщешь. Факты приукрашены. Потери врага завышены, наши потери занижены.

— А героизм? Ты же намеревался рассказать о своих подвигах? Какой тут героизм в том убитом тобою фашисте?

— Геройства особого нет, я и сам вижу, но все же одного да убил. Ведь если б эти 28 млн погибших по одному врагу уничтожили или хотя бы двое погибших одного, то война бы раньше окончилась, потерь было бы меньше. В бою убить врага — святое дело.

— Ну, пап, ты меня удивляешь. А впрочем, если подумать…

ШТРАФНИК

1943 год. Перекоп. Поздняя осень. Полк обороняет участок на фланге дивизии, упираясь в Каркинитский залив.

Перед нами Турецкий вал во всей своей красе: древний, полуразрушенный, но еще высокий, за глубоким рвом, мощный. Мы знаем, что он усилен дотами, дзотами, минными полями и проволочными заграждениями.

В конце ноября полку была придана штрафная рота — для усиления. На самом деле ее поставили на наиболее опасном направлении, чтобы прикрыть правый фланг дивизии от возможной высадки морского десанта.

Официально нам роту вроде бы придали, но в ней были свои порядки, так как это специфическая воинская часть.

Личный состав из уголовно наказуемого элемента и «добровольцев» из политических заключенных, а в общем, штрафники: солдаты и сержанты, совершившие в разных местах воинские преступления либо осужденные по политическим мотивам, а теперь по приговорам военных трибуналов отбывающие наказания.

Такова предыстория.

Наш командир полка, подполковник Г. И. Федореев, поручил мне осмотреть фланг полка, ознакомиться, как у нас на стыке с ротой наши подразделения держат оборону, рекомендовал встретиться с командиром штрафной роты. Ротой командовал, как я потом выяснил, уже немолодой подполковник К. С. Щетинин.

— Начальник! Начальник! Подожди, поговорить надо!

— Ты кто? Я тебя не знаю. В полку ни разу не видел.

— Конечно, откуда вам меня знать. Я из приданной вам штрафной роты.

— А как тут оказался?

— Я в составе боевого охранения. Теперь наблюдатель.

— И что вы хотите от меня?

— На днях издалека видел вас, когда вы встречались со своими солдатами соседствующего с нами подразделения. И тогда мне показалось, что солдаты вас очень любят. Только не могу определить, за что? Для меня это странно. Вы молодой, видно, служба идет у вас успешно, в такие-то молодые годы уже капитан, на груди орден «Красной Звезды», а они солдаты. Откуда такая любовь?

— Не знаю, как-то не приходилось задумываться или просто не замечал. Что касается того случая, о котором вы говорите, помню, я встречался со своими стариками, которые со мной прошли от Миуса до Перекопа. Я часто прихожу сюда поговорить, покурить в их землянке — «лисьей норе». Они хорошие люди, с ними приятно общаться. Надежные. А вы-то как здесь очутились, ведь штрафная рота? По виду вы не из пропащих.

— Да, я в штрафной роте давно — с середины лета. Сейчас вот в боевом охранении — наблюдатель. Пока держусь, не убило пока и не ранило. С Мелитополя у нас сменился почти весь личный состав. Кто убит, а кто ранен и теперь на свободе.

(В штрафной роте либо отбывают срок, либо, если отличился в бою или ранен, реабилитируют. Ну, а уж если… тогда и Бог прощает.)

Мой собеседник стоит, переминается с ноги на ногу. Видимо, не осмелится сказать то, что ему от меня надо.

— Так что вы от меня хотите?

Мнется, краснеет. Хотя, по нему видно, не робкий.

— Мой командир сказал, что если сходить в разведку да языка взять или способствовать взятию языка, то я по ходатайству вашего командира полка могу быть реабилитирован и зачислен в вашу часть.

Наивно, конечно, но такое возможно.

— Я не могу ответить на такой вопрос, моя должность скромная. Я всего-навсего офицер штаба. Вашу просьбу доложу командиру полка, к просьбам людей всегда отношусь внимательно, не забываю. Однако я вас вовсе не знаю.

В то же время смотрю на него и любуюсь. Мужчина он видный: поношенная солдатская форма стираная-перестираная, чистая; все пуговицы на месте и застегнуты; на ногах старенькие солдатские ботинки зашнурованы, аккуратные обмотки; чисто выбрит (такое очень редко бывает в окопных условиях).

Угостил его махоркой-самосадом. Закурили.

Я навострил уши слушать.

— В людях я кое-что смыслю, — начал он свое повествование. — Видно, вы хороший человек, а потому расскажу вам о себе как на исповеди. Зовут меня Семеном, фамилия Гридин, а по-уличному мы Колгушкины, так прозывали исконных моих предков — потомственных кустарей, изготовлявших плотничьи топоры. Наши топоры были известны далеко за пределами края. Развозили топоры коробейники, они же расхваливали их и успешно сбывали. Извините, я, кажется, несколько отвлекся, но не упомянуть об этом, — рассказ получится куцый.

— Продолжайте…

Сделав табачную затяжку, он выпустил струю дыма, смущенно улыбнулся хитроватой улыбкой, почесал затылок и продолжил свой рассказ.

— Это было под Барнаулом в таежном поселке. К тому времени мне было двадцать с лишним лет. Я пошел в тайгу, чтобы поставить капканы на соболя. Обошел свои излюбленные места, установил всего лишь пять-шесть капканов, думая, что на сегодня этого достаточно, и направился в сторону заимки.

Напившись воды из родника при дороге, разогнулся, передо мной оказалась, словно из-под земли выросла, старая морщинистая, с клочками спутанных седых волос цыганка в ярком тряпье.

— На вид ты благополучен, парень, — хрипло молвила она, — но душа твоя хмурая (стонет). Много лет не будет у тебя ни отдыха, ни радостей в жизни.

— Я не нуждаюсь в твоем пророчестве, — ответил я ей, — но ты голодна, по всему видно, вот сухарь, оставшийся от моей немудреной закуски.

— Спасибо, добрая у тебя душа, — сказала цыганка, — не обижайся, дорогой, но только скажу тебе правду. Все тебя любят и завидуют твоей молодости, красоте и успехам в учебе, от которых тебе пока польза небольшая. И не огорчайся: всему свое время. Пройдут годы, может десятилетия, и ты станешь известным человеком.

Я задумался, глядя на таежную тропу. Обернулся, а цыганка как внезапно появилась, так и исчезла, словно сквозь землю провалилась.

— Ну, наговорила, — подумал я.

Впрочем, поживем — увидим. Век протянется — всему достанется.

Курнул цыгарку, прокашлялся, вытер заслезившиеся глаза рукавом телогрейки и продолжил:

— Я сын бедного кустаря-одиночки. Жил бедно, перебиваясь с хлеба на квас.

Несмотря на небогатое положение, закончил-таки сельско-приходскую школу, затем рабфак и, наконец, сельхозинститут. Началась коллективизация, я стал агрономом вновь организованного колхоза. На первых порах дела шли неплохо. Конфисковали земельные наделы у крестьян. Зажиточных хозяев сослали в Сибирь, в Якутию, а засеянные и обработанные ими пашни перешли в собственность колхоза. Вот они-то послужили хорошей добавкой при сдаче госпоставок.

Убрали урожай, снарядили красный обоз, и под красными флагами отвезли без мала весь урожай в элеватор. Таким образом, колхоз вышел в число передовых хозяйств по сдаче зерна государству.

Председатель, а в его лице и колхоз, за первый успех получил Красное знамя. Председатель теперь на всех районных собраниях постоянно сидел в президиуме рядом с секретарем райкома. А я получил отрез на костюм. Казалось, не на шутку фортуна оборачивается ко мне лицом.

И это было начало. После первого хорошего урожая дела в колхозе год от года пошли ни шатко ни валко. В зимнее время из-за отсутствия надлежащих скотных дворов поголовье лошадей и коров убавилось. Сельскохозяйственных машин в то время не было и в помине. Проблемы. Пахоту и посев провели в поздние сроки. Дождливая погода. В страду зерновых собрали чуть больше, чем высеяли весной. Рано наступили холода. Падеж скота продолжался.

В колхоз зачастили уполномоченные, контролеры, а дело не шло.

Колхозники в урожайный год на трудодень получали по 1,5–2 кг зерна, теперь — только аванс 400 граммов и с задержкой.

Председателя колхоза из передовых сослали на Колыму, осудив на 10 лет по 58[10] статье за вредительство и саботаж. С ним вместе выслали еще 8 семей «кулаков» и подкулачников — фактически трудовых крестьян, не пожелавших вступить в колхоз.

А по селу пошли слухи: «колхоз — это обман», «разницы между колхозниками и крепостными никакой». Быль и небылицы поползли по селу. К примеру: «пройдет еще 3–5 лет — всех нас сгонят в одну семью, будем жить в больших домах, а спать под общим 50-метровым одеялом», «жены и дети будут общие» и т. д., и т. п.

И пошла писать губерния. Посыпались анонимки, наветы.

Такие как: агроном и завхоз Курятников, якобы, в разговоре между собой Ленина называли «лысым дворянчиком», а у Сталина на ногах вместо пальцев — когти, руки покрыты куриными перьями, от того он не снимает перчаток, лицо изрыто оспой и т. п.

Нас с Курятниковым осудили по 58[10] статье на 6 лет каждого. Одновременно отправили в ссылку три семьи молокан. У них отобрали паровую мельницу и крупорушку.

Наказание отбывал в Якутии в г. Бодайбо. Рубили лес, сплавляли. Жили в тюремных бараках, огражденных колючей проволокой. На вышках — часовые с собаками.

Работали под надзором конвойных с овчарками. Кормили баландой, хлеба полагалось 400 грамм в сутки. Трудились мы по 12–14 часов.

Барак — работа, барак — работа.

1941 год. Война. В нашей колонии особенно среди политических, пачками сыпались заявления с просьбами отправить их на защиту Родины.

Вначале было глухо. На заявления ответов не давали: не отказывали и не отпускали.

И вот середина 1943 года. У меня закончился срок. Я — на свободе. Свобода!!!

Куда ехать? Ума не приложу. Друзей растерял, семьи не создал, родственников — одна мать Ксения Петровна, моя дорогая мама. Благодаря ее молитвам я вышел из тюрьмы на своих двоих и при обеих руках. А сколько погибло «нашего брата» от голода и болезней, а еще больше на лесоповалах, сплавных реках, в забоях.

Свобода!!! С котомкой за плечами я оказался за воротами колонии. На мое счастье, из ворот выехал трактор с прицепом со знакомым зеком за рулем.

Поздравив меня с освобождением, предложил мне место в прицепе. Прицеп оказался пустым. Трактор отправлялся на базу за углем для топки кухонь.

Как приятно на свободе! Любая погода радует глаз, а тут, на мое счастье, яркое якутское солнце. В здешних краях оно недолгий гость, а если светит, то очень ярко. И сухо.

Я — дома. Прибыл, отметился в отделении милиции, отправился домой.

Как меня встретила моя мама! Неописуемо! Мама всегда мама. Она рада своему дитяти. Прослезилась, загремела посудой, приготовляя немудреную еду. Не богато, но все свежее: суп перловый, каша манная на воде и хлеб маминой выпечки.

И началась беседа. Меня удивляло, как мама одна управлялась с делами, какие трудности стояли на ее пути, и как она с ними справлялась.

Председатель колхоза Степаныч, увидев меня, сказал: «Я тебя знаю, помню. Работа найдется. А там поглядим». Степаныч не молодой, ему за 60, малообразован, но крестьянский труд понимает, сам крестьянин.

Работают в колхозе в основном женщины, старики, пацаны, кое-как обрабатывают землю. Трудятся сутками, без выходных и праздников. Планы хлебозаготовок выполняют. «Все для фронта!» Народ сознательный.

Кормятся с огорода, а летом еще грибы и ягоды.

Тревожат похоронки. Редкая неделя проходит без плача, крика и причитаний.

Повестка. Завтра явиться в военкомат. Призывной возраст. Да и армия требует пополнения, значит надо идти.

1943 год. Март. Запасной полк. Раз в неделю отправляется на фронт маршевая рота. Боевая подготовка накоротке: одна-две стрельбы; один-два броска гранаты. Присяга. Далее фронт…

В полосе невезения — жди неприятности.

Огневая подготовка. Командир отделения приказал мне рассказать об устройстве запала гранаты Ф-1 и как он используется.

Я взял запал гранаты в левую руку, рассказываю, а сам извлекаю скобу, отогнул чеку — вдруг сработал ударник. Взрыв.

У меня оторвало палец на левой руке, кровавые царапины на правой руке, кость оказалась целой. Стоящему рядом сержанту Киселеву мелкими осколками повредило лицо и шею.

Командир взвода лейтенант Синюхин, испугавшись, накинулся на меня: откуда я взял боевой запал. В пирамиде, по его словам, были только учебные гранаты и запалы к ним.

Донесли по команде. Меня отправили в санчасть на перевязку. Пошли расспросы.

Вмешался уполномоченный смерш — старший лейтенант Приходько. Приклепали мне членовредительство. Трибунал. Штрафная рота.

И вот я пред вами. О моих бедах знает командир роты подполковник К. С. Щетинин.

В беседе с ним я рассказал, все как было. В роте я старожил — более трех месяцев, и пока, как видите, невредим. Задания выполняю исправно, нарушений не имею. Но… Срок… Срок.

Уж если не везет, так и чирий без причины вскочит.

Вот такие обстоятельства.

Вижу его впервые, но он мне симпатичен: подтянут, тактичен, вежлив. Каким-то седьмым чувством понимаю, что у человека полоса невезения. Но как помочь?

После разговора с Гридиным я встретился с командиром роты. Обговорили служебные дела. Между прочим, я ему коротко поведал, о чем говорил с Гридиным. К моему разговору он отнесся спокойно, сказав:

— Дело скоро поправится. У меня таких, как Гридин, человек пятнадцать. Вот освободим Крым, тогда срок пребывания в штрафной роте у них и закончится.

1944 год. Апрель. Штурмом овладели Турецким валом, затем Джанкоем. Севастополь — Мекензевы горы.

Что стало с моим знакомым, достоверно не знаю. Мне рассказали, что ряд солдат штрафной роты за отличие при штурме Севастополя освобождены из штрафной роты и отправлены в разные части дослуживать свои сроки действительной службы.

А Гридин? Ему опять не повезло: осколком снаряда перебило бедро. Говорят, ранение серьезное, но без повреждения кости, а там…

«Вот тебе и предсказания цыганки», — подумал я. Ее дело наговорить, а человеку жить по своим законам.

1949 год. Москва. Первомайская демонстрация. Площадь Восстания. Гремят оркестры. Нарядные толпы. Флаги. Транспаранты. Цветы. Веселые лица.

И…

— Командир! Командир! Командир! Здравия желаю!

Смотрю и не верю. Семен! Семен!

А он с веселой улыбкой, опираясь на палочку, бодрой походкой идет в мою сторону.

На левой груди расшитой косоворотки орден Славы III степени, медаль за Победу над Германией. Левой рукой крепко держит девочку.

Подошел и громко сказал:

— Дочь Ксения — бабушкина внучка.

Пошли воспоминания: то грустные, то радостные.

И о старой мудрой цыганке не забыли упомянуть.

ВЫШЛА КНИГА

Кара-Мурза С. Г.

Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России / Сергей Кара-Мурза. М.: Алгоритм, 2012. — 752 с. — (Политические расследования).

Автор этой книги, известный писатель и публицист С. Г. Кара-Мурза, рассуждает о состоянии современного российского общества.

Как он пишет, тяжелый кризис в России выразился в глубоком поражении общественного сознания, в нарушении логики и способности «измерять» социальные явления. Бригада либеральных интеллектуалов выработала небывалый стиль рассуждений. Благодаря СМИ он был навязан обществу и стал инструментом для разрушения массового сознания, его шизофренизации. Трудно представить, чтобы когда-либо еще в нашей истории был период такого массового оглупления, такого резкого падения уровня умственной работы.

Книга содержит глубокий анализ всех этих явлений и намечает пути преодоления духовного кризиса.

Архимандрит
ТИХОН (СЕКРЕТАРЕВ)

«ПОСЛЕ ПОБЕДЫ УЙТИ В МОНАСТЫРЬ...»

Архимандрит Алипий — духовный подвижник

Архимандрит Тихон (Алексей Николаевич Секретарев) — наместник Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря с 1995 года. Родился в 1955 г. в семье священника в Подмосковье. С 1976 года — в братии Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря. В том же году пострижен в монашество, затем рукоположен во иеродиакона и в иеромонаха. Окончил экстерном Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия. Участвовал в работе Поместного собора Русской Православной Церкви. Имеет церковные и государственные награды.

* * *

Подвижничество православное — это исполнение Евангельских заповедей, это целожизненный путь со Христом Спасителем, по слову Его: «Я есмь путь и истина и жизнь...» (Иоанн 14, 6). Господь наш Иисус Христос, подобно избранию Своих апостолов, избирает людей и на подвижничество.

Таким избранником Божиим являлся и отец Алипий... Иван Михайлович Воронов (будущий архимандрит Алипий) родился в сельской местности 28 июля 1914 года (н. ст.). С детства он был приучен к физическому труду, а душа его обучалась трудиться в Богомыслии и молитве под руководством благочестивой матери Александры... В дальнейшей подвижнической жизни отца Алипия навыки труда и молитвы, приобретенные в детстве, получили свое благодатное развитие...

Перечислим вехи пути архимандрита Алипия до подвижничества в стенах Троице-Сергиевой Лавры. Прошло деревенское детство Ивана Воронова... Началась его жизнь в Москве... Он работал на строительстве метрополитена и одновременно учился в изостудии... Краткая преподавательская деятельность учителя рисования обогатила Ивана Михайловича Воронова педагогическим опытом. Со слов отца Нафанаила, Иван Михайлович Воронов, чтобы заинтересовать детей на уроках, рассказывал им о военных парадах на Красной площади и т. п. С 1936 года он проходил службу в Красной армии, где преподавал в изокружках Московского военного округа. По окончании срочной службы в 1938 году Иван Михайлович Воронов поступил работать на военный завод. В мае 1941 года он окончил изостудию, а 22 июня началась Великая

Отечественная война. Иван Михайлович Воронов продолжал работать на военном заводе… При приближении немецко-фашистских захватчиков к Москве он был в ополчении. В 1942 году призван в армию. Воевал в составе Особой 4-й танковой армии. Прошел с боями от Москвы до Берлина. Писал художественные работы на военную тематику.

В одном из страшных боев Иван Михайлович дал обещание Богу после Победы уйти в монастырь. Этот момент жизни и стал практически началом подвижничества во Христе Ивана Михайловича Воронова. Затем еще были — Берлин, спасение культурного наследия Франции, Фрайберг, Прага, победное возвращение с войны, индивидуальные выставки картин.

И наконец, в стенах Троице-Сергиевой Лавры, покоренный ее красотой, Иван Михайлович Воронов стал монахом Алипием, а вскоре — священноиноком… К отцу Алипию относятся слова Господа: «…придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас…» (Мф. 11, 28).

В июле 1959 года игумен Алипий указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I был назначен наместником Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря.

В начале августа того же года игумен Алипий прибыл в Псково-Печорский монастырь и начал готовиться к служению на празднике Успения Божией Матери… Съезжался верующий народ… Расселялись многочисленные паломники по частным квартирам в городе Печоры и его окрестностях. 27 августа 1959 года поступило письменное предписание отцу наместнику архимандриту Алипию о запрещении проведения Крестного хода с чудотворной иконой Божией Матери вокруг монастыря… Об этом распоряжении отец наместник сообщил насельникам монастыря в трапезной и, подобно подвижникам — мученикам Христовым первых веков, закончил свою печальную весть Священным Писанием: «По слову Господню: “…не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую” (Мф. 5, 39)». И заплакал…

Наместник архимандрит Алипий, подобно преподобномученику Корнилию, на первое место в своей подвижнической деятельности ставил Богослужение. Он установил служение молебна преподобномученику Корнилию по примеру молебна преподобному Сергию Радонежскому в Троице-Сергиевой Лавре… Второй частью подвижнического делания отца Алипия было творческое трудничество. Началось восстановление крепостных стен… С Божией помощью, заботами и переживаниями архимандрита Алипия и братии крепостные стены, храмы, братские корпуса и хозяйственные постройки монастыря были приведены в образцовый порядок. Всеми работами руководил лично отец Алипий. Ему помогал эконом архимандрит Ириней (Пономарев). Земли для сельскохозяйственных работ у монастыря к тому времени уже не было. Ее отобрали сразу же после отъезда наместника архимандрита Пимена в начале 1954 года.

Перед названным событием старец Симеон видел вещий сон: монах на плуге пашет по периметру купола Михайловского собора… Старец Симеон незадолго до своей кончины, последовавшей в 1960 году, предсказал отцу Алипию: «Действуй смело, тебе ничего не будет…». Слова старца, ныне прославленного в лике святых, вдохновили отца наместника на яркое продолжение своей подвижнической жизни… Например, проповеди отца Алипия — смелые, обличительные для гонителей и утешительные для верующих —

зазвучали с церковного амвона. Подвижнические труды наместника архимандрита Алипия увенчались благословенными Богом успехами… Закончились хрущевские гонения. Успешно закончилась и реставрация крепостных стен и храмов обители… Отец Алипий начал принимать высоких гостей: церковные иностранные делегации, послов и консулов зарубежных стран, знаменитых людей Союза: космонавтов и творческую интеллигенцию…

Архимандрит Алипий перед образом Божией Матери «Тихвинская»

Архимандрит Алипий интересовался историей Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря. Особенно — периодом Великой Отечественной войны. Отец наместник нашел часть монастырского архива того времени и сделал фотокопии документов… Благодаря отцу Алипию мы знаем о благотворительности настоятеля монастыря игумена Павла в тот страшный период.

Приближалось 60-летие со дня рождения отца Алипия. Он начал как бы подводить итоги своей подвижнической жизни. Написал автобиографию… Одним из итогов творческой жизни отца Алипия было следующее. Церковные люди жертвовали финансовые средства монастырю для сохранения культурного наследия России. Архимандрит Алипий на эти средства купил и отреставрировал картины известных художников, а затем подарил собранные картины Русскому музею города Санкт-Петербурга и Псковскому музею… Для приема высоких гостей обители на должном уровне на часть пожертвованных верующими людьми денег отец Алипий украсил дом наместника антикварной мебелью, в реставрации которой принимал личное участие… В 1974 году отцу Алипию исполнилось 60 лет. Его здоровье резко ухудшилось после трех перенесенных инфарктов… 12 марта 1975 года, на Масленой седмице, в день своего 25-летия монашеского пострига, наместник Свято-Успенского Псково-Печорского монастыря архимандрит Алипий (Воронов), сподобившись видения Пресвятой Богородицы, мирно отошел ко Господу, закончив свою подвижническую жизнь…

Отец Алипий погребен в алтаре пещерного храма в честь Воскресения Христова (Воскресение Словущее) Псково-Печорского монастыря. Для

того чтобы показать духовные дарования отца Алипия, его преподобие, его прозорливость, его подвижничество во Христе, его сострадательность к людям, иными словами — его святость, приведу выдержку из воспоминаний об архимандрите Алипии митрофорного протоиерея Геннадия Феоктистова — клирика храма Трех Святителей Самарской епархии — келейника отца Алипия с 1964 по 1969 год.

«…Живя келейником у отца Алипия, я заметил, что у него не закрывались двери. К батюшке шли все как за советом, так и за помощью моральной и физической. Отец наместник был щедр… Подавая милостыню, он, прежде всего, наставлял человека на покаяние. Всех принимал с лаской. И когда приходили к нему за помощью, он ставил себя на место просящего, видел нужду просящего как свою, всем сочувствовал. Отец Алипий часто говорил: “А если я окажусь в этой ситуации?” Народ чувствовал доброе сердце истинного пастыря, тянулся к нему, как к доброму пастырю. Мы все, кто в то время близко находился к батюшке, осуждали его, не понимали его доброе отцовское сердце к тем людям, кто к нему обращался. К отцу Алипию часто приезжали из многих городов за советом и благословением. Вспоминаю один случай и его мудрый совет… Приехала из Ленинграда красивая, культурная на вид девушка за благословением выйти замуж. Отец Алипий выслушал эту девушку. Она просила благословение на супружество. Потом рассказала о своем женихе, показала его фотографию, хвалила его красоту и ученость, сказала, что он очень культурный. Батюшка наш сидел и молчал. А в конце этого рассказа он сказал: “А ты спроси своего будущего супруга, за что он сидел в тюрьме”. Девушка смутилась: “Это неправда, но я спрошу своего жениха”. И ушла от нашего батюшки. Прошло

Иван Воронов с фронтовыми друзьями на войне

несколько времени, она приехала вновь в наш монастырь и стала благодарить нашего наместника. Она нам рассказала следующее. После разговора с отцом Алипием она встретилась с женихом (которого так расхваливала отцу Алипию) и спросила, за что он сидел в тюрьме. Жених смутился, лицо его покраснело, и он воскликнул: "Откуда об этом узнал отец Алипий?" После этого разговора жених ушел и больше к невесте не возвращался.

Прочитав воспоминания многих послушников, духовных отцов, келейников, которые были во время отца Алипия, повторяться не хочется. Я сам лично подтверждаю, что все эти воспоминания точные, в них нет никакого сомнения. Все эти события были, и я был им свидетель. Вспоминая дорогого нашего батюшку о. Алипия, в завершение хочу напомнить слова апостольские: "Поминайте наставников ваших … подражайте вере их…" (Ев. 13, 7)».

По смерти отца Алипия молитвенная память о нем сохраняется в обители согласно православной традиции. В день его кончины 12 марта (1975 года), в день рождения 28 июля н. ст. (1914 года) и в день его ангела 30 августа совершается поминовение за Божественной литургией и панихидой в Богом зданных пещерах «о приснопамятном архимандрите Алипии и родителях его Михаиле и Александре». В свою очередь, почивший отец Алипий молится Триединому Богу, Живому и Истинному: Отцу и Сыну и Святому Духу — о наместниках, отцах и братиях Свято-Успенской Псково-Печорской обители сегодняшнего дня, жителях города Печоры и паломниках…

Паломники, узнавшие из книг и фильмов об отце Алипии, записывают его имя в свои синодики и по его молитвам получают благовременную помощь… Служение ради Христа в обители Псково-Печорской продолжается… И оно не может прекратиться, так как это основа жизни христианской и монашеской.

Преподобный Серафим Саровский говорил: «Добро, делаемое ради Христа, приносит благодать Всесвятого Духа…» А стяжать Духа Святого — цель подвижнической христианской жизни. Дух Святой преображает и утешает душу человеческую, готовит ее к блаженной вечности… Таким путем подвижничества ради Христа и шел всю свою жизнь отец Алипий… Господь его упокоит и нас всех помилует яко Благ и Человеколюбец… Документальный фильм 1968 года «Русская Православная Церковь сегодня» снимался в годы наместничества архимандрита Алипия. В названном фильме есть исторические кадры жизни нашей обители. Свято-Успенский Псково-Печорский монастырь и духовный подвижник XX века наместник архимандрит Алипий с честью и достоинством вошли в историю Русской Православной Церкви.

* * *

В 2004 году, 9 мая, на воинском захоронении в г. Печоры братией Псково-Печорского монастыря была отслужена традиционная заупокойная лития. Среди выступавших был ветеран Великой Отечественной войны Алексей Богданович Турков. В своем слове он рассказал удивительный случай спасения с помощью отца Алипия (тогда Ивана Михайловича Воронова) культурных ценностей Франции. Нас это заинтересовало. Мы встретились с ветераном и записали его воспоминания об отце Алипии. Ниже помещаем отрывок из рассказа А. Б. Туркова.

Медаль Ивану Воронову «За взятие Берлина» от 2 мая 1945 г.

«Я, как и отец Алипий (Иван Михайлович Воронов), воевал в 4-й танковой армии… Вспоминаю один случай.

Нашей армией был взят немецкий город Бельниц, лагерь Дебрицы, открылась дорога на Потсдам и Берлин. Было все в дыму, летали самолеты… Мы шли на БТРе. Вдруг всем команда: остановиться! По громкоговорителю объявляют, что слово предоставляется лейтенанту (или старшине?) Ивану Михайловичу Воронову. И тут раздается сильный такой голос:

— Слушайте, слушайте! Говорит представитель 4-й танковой армии Воронов с переводчицей.

И обращается к немцам:

— Враги наши, немцы, остановитесь и вспомните, что вы привезли из Франции богиню красоты, которую мы не видели. И если сейчас, при взятии высоты мы разрушим эту скульптуру, то человечество нам этого не простит! Отступитесь, ради Бога, прошу вас, сохраните эту красоту, и вы тоже получите Божественную веру!

А переводчица Мария Волонец со слезами переводит его речь. Мы все просто остолбенели, настолько сильно он сказал. Через некоторое время началось наступление. Но там, где была эта богиня красоты, как мы ее называли, не было ни одного боя. Скульптура же эта была у меня на фотографии, очень красивая. Ее по приказу Гитлера вывезли из Франции в Германию. Высота ее примерно 50 метров. Наверху Божия Матерь, а к ней слетает ангел. А все ее называли просто богиня красоты… Дошли мы до Берлина, развернулись у Бранденбургских ворот и вышли к городу Фрайбергу. И тут опять этот Воронов по громкоговорителю выступает. И так он крепко, сильно говорит:

— Дорогие граждане!

А переводчица Мария переводит немцам его слова:

— Мы не будем разрушать этот город, потому что город ваш — город нашей славы! Здесь учился Михаил Васильевич Ломоносов. Он женился здесь на немке Лизе-Кристине (мы сначала не поняли, почему имя двойное, потом нам объяснили). Если вы нас не встречаете, то мы вынуждены с боем взять ваш город!

Вышли нас встречать два полковника и три дамы. Меня послали по-немецки с ними разговаривать, так как я немножко говорил. Подошел я к ним, вижу — портрет, а на портрете Ломоносов в парике, а внизу даты — когда он приехал и уехал из этого города. Договорились, что, несмотря на то, что в городе было много боеподготовленных подростков, все сдаются и сдают оружие. Таким образом, Фрайберг был взят без единого выстрела, и в этом заслуга, безусловно, Ивана Михайловича Воронова…»

По рассказу ветерана Великой Отечественной войны А. Б. Туркова отец Алипий предстает перед нами Евангельским миротворцем…

Вышла книга

Александр Казин. ЧАСТИЦЫ БЫТИЯ

Роман с философией

Вышла в свет книга известного петербургского философа и писателя, постоянного автора «Родной Ладоги», профессора Александра Леонидовича Казина «Частицы бытия. Роман с философией». Книга представляет опыт соединения художественной литературы и религиозной философии. С точки зрения автора, это вещи близкие, в известном смысле совпадающие. В своем автобиографическом повествовании «Частицы бытия» Александр Казин описывает собственный духовный и жизненный путь на фоне событий второй половины XX века в СССР—России. На страницах книги встает одновременно образ человека и образ противоречивой эпохи, в которую ему довелось жить. Автор вводит читателя в круг своего существования и знакомит с разными людьми — молодыми и старыми, мужчинами женщинами, философами и искусствоведами, славянофилами и западниками, христианами и атеистами. При этом Александр Казин не скрывает своих симпатий и антипатий. В приложении помещены критические очерки и эссе, дополняющие общую картину. Настоящая книга — одна из немногих в современной литературе, где предпринята попытка целостного — одновременно чувственного, концептуального и религиозного — охвата бытия, частицами которого мы все являемся.

Отдельные главы книги в свое время публиковались на страницах «Родной Ладоги».

Книга выпущена петербургским издательством «Алетейя» в твердой обложке. Ее можно приобрести по отпускной цене на складе издательства по адресу: г. Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53. Тел.: 8(812)-560-8947.

Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г., № 1, 2, 3, 4 за 2012 г. и № 1 за 2013 г.

Беседы отца Бориса, читанные в Лесновской Церкви

«Без Мене не можете творити ничесоже» (Иоанн 15, 5)

Думали ли мы, братья-христиане, почему это у нас нет жизни святой, Божией?..

Отчего это мы все время только и делаем, что нарушаем Волю Господню? Все время грешим, каемся, и грешим — опять каемся и опять грешим…

Бывает минута; промелькнет что-то хорошее, отрадное… Но это именно «минутка»… Мелькнет и исчезла, и опять тьма греха, и опять «работа вражия», и опять служба сатане…

В чем же дело?.. Неужели об этом не думаем? Или эта тайна нашей жизни так и останется тайной?

Этого не должно быть… А что же делать?.. Слышен такой вопрос часто… А есть ли ответ?

Особой заботы нет… а ответ есть… Подумаем об этом…

Слышим мы, что надо вести жизнь благочестивую, нужны труды и подвиги; читали в книгах об этом; узнаем на общей исповеди заповеди Господни; знаем и то, как люди нарушают эти заповеди; слышим священника, который убеждает нас исполнять заповеди.

Искренне на исповеди обещаем, что от сего часа я буду другой или другая,— и ничего не выходит из всего этого… Снова грешим; снова оскорбляем Господа…

Искренне прилагаем усилия свои, чтобы стать лучше, чтобы идти в Царствие Небесное, а на деле — ни с места… Да еще хуже бывает, когда и на этом-то месте не удержаться, нет силы — и катимся назад, в ту пропасть, из которой, кажется, уже вылезли…

Какое горестное положение. Ведь годы-то не стоят, бегут… Листки с календаря отрываются, и назад их не поставить… Дни и годы уходят — а смерть и гроб все ближе и ближе…

Что мне делать? Ведь так дальше продолжаться не может… Скрыта здесь какая-то тайна, которую нужно, непременно нужно нам знать… Не может быть, чтобы Господь, Который больше нас заботится о нашем спасении — *всем человеком хощет спастися,* — не может быть, чтобы Господь скрыл от нас то, что так нужно нам, и без чего, просто говоря, и жить нельзя.

И эта тайна открыта Господом нашим Иисусом Христом давно-давно, и заключается она в словах Господа Иисуса Христа: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), или, как говорит хорошо и метко наша пословица, «без Бога ни до порога, а с Богом хоть за море».

Вот в эту тайну, открытую нам, но и забытую нами, надо углубиться, чтобы сначала понять, а потом ясно почувствовать ее. Ведь мы все привыкли жить и думать, что главная опора во всех делах наших — «я-сам», мое разумение, мои силы. И говорим часто: если я сам не позабочусь, сам не сделаю, кто же обо мне позаботится, кто же для меня сделает?.. И бьемся, и стараемся своими силами сделать что-либо хорошее, и… ничего не выходит…

Вот на исповеди, когда я говорю вам, что нужно нам обязательно показать Господу нашу искреннюю решимость *«больше не грешить»,* вы несомненно и совершенно искренне говорите себе: «Вот уже теперь я возьму себя в руки».

И что выходит из этого?.. а ничего.

Все остается по-старому, по-прежнему, плывем по течению и не в силах бороться с ним. И бывает, и даже очень часто, что после того, как человек пытался несколько раз выбраться из трясины греха и ничего у него не выходило, решает он, что, «видно, такая судьба», махнет рукой — и живет, как живется. А вспомнит если, что в церкви слышал на исповеди, так он часто со злобой вспомнит меня: дескать, мало ли, что он там говорит: он за то и зарплату получает… И перестанет в церковь ходить и молиться перестанет. В этом ему с искренней радостью поможет кто-то недобрый. Он около нас вьется, и у него больше радости нет, как нас от Господа Бога отдалить.

Ведь так и есть… И сколько таких случаев было!.. И всех обвиняем, только не себя… А виновато здесь только одно собственное неразумие, гордость, зазнайство дикое…

Епископ Феофан Затворник об этом говорит совершенно определенно (Письма. Т. IV. № 572):

«Ищите и обрящете!..

Это неотложный закон для всего делаемого на пути преуспеяния духовного. Даром ничто не приходит. Помощь Божия всегда готова и всегда близка, но она уделяется только ищущим и трудящимся, и притом тогда, когда ищущие переиспытают все свои средства и полным сердцем начнут взывать:

Господи! Помоги!..

А пока остается хоть малое ожидание чего-либо от своих способов, Господь не вмешивается сюда, как бы говоря: Ожидаешь сам достигнуть? Ну, и жди… Но, сколько ни будешь ждать, ничего не выйдет.

Даруй вам Бог дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно. Вот как говорят Богомудрые: без Мене не можете творити ничесоже *(Ин. 15, 5). Говорит нам Господь, и Он же зовет нас:* Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое *(Моих заповедей)* на себя… и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо и бремя Мое легко *(Мф. XI, 28, 29, 31)».*

Не ясно ли из этих слов, что Господь готов сделать для человека все, что необходимо для его спасения. Зовет Господь каждого человека: «Приди ко Мне, и Я тебе все устрою. Я тебе во всем помогу, всегда готов и рад помочь тебе, если, конечно, ты желаешь Моей помощи. Ты свободен, и Я свободы твоей не нарушу, насильно ничего делать не стану. Захочешь — приходи, помогу. Не хочешь — твое дело. Управляйся своими силами. Только знай наперед: ничего у тебя не выйдет…»

И оставляет человека одного…

Но это не значит, что Господь такого самоуверенного человека вовсе бросил, нет… Он все время наблюдает за ним, все время скрытно помогает ему…

Да и может ли Господь бросить человека? Ведь за этого человека, как и за всякого другого, Господь Кровь Свою пролил, умер за него, хотя и наперед знал, что он своевольничать будет… слишком дорого заплачено за него, чтобы можно было оставить человека совсем…

Иуда-предатель сколько раз на Тайной Вечери получал от Господа предупреждение, что его замыслы Господу известны, и тем самым звал Иуду на покаяние.

Даже в самый последний момент, когда Иуда целовал Господа, подавая тем самым знак страже, пришедшей арестовать Господа, и тогда Господь старался привести его к спасению: *Иуда! лобзанием ли Сына человеческого предавши?..*

Чье бы сердце устояло перед такими словами? Но Иуда остался глух к этому призыву Божественной Любви… И мы знаем, как ужасна была участь его!

А нас разве не зовет Господь?!.. Как о нас заботится Любовь Беспредельная! Сколько бед, сколько горя отвела от нашей головы милостивая рука Господа!

Помните, в акафисте: *Аще токмо искра покаяния возникнет в сердце* — уже Отец Небесный тут как тут: и утешает, и ободряет, и ласкает, и милует… И эту искру покаяния Он Сам вложил в сердце человека; Он же возбудил покаянные чувства, а потом милует, как будто мы сами это сделали…

Дивны дела Твои, Господи!

А если человек хоть немножко откликнется на зов Господа, если он поймет и почувствует призывный голос Его, своего Отца Небесного, то какие потоки милости Своей льет Господь на эту горькую душу!..

Мы с вами не раз испытали на себе это Божие Милосердие, когда на исповеди размягчалось сердце, сами проливались обильные слезы, и на сердце было и тепло, и сладко, и светло и радостно… Кто не испытал сего, тому никакими словами не объяснить этих дивных минут!

Но… к глубокому сожалению нашему, это были только минуты… Прошли минуты эти, окунулись в омут греховной жизни — и опять: и

тускло, и больно, и горько, и тоскливо… А как бы хорошо сохранить это светлое настроение, если не навсегда, так хоть бы побольше, еще и еще порадоваться!..

Без Мене не можете творити ничесоже *(Ин. 15, 5).*

И в данном случае, если хотим сохранять Свет и радость, надо быть с Господом, как можно ближе.

А как это сделать? На вопрос этот я уже не раз вам отвечал и опять готов ответить. Я очень люблю давать ответы на подобные вопросы, дать, как говорят, практический совет.

Постоянная близость к Господу — это жизнь вечная, а как она достигается, Господом Иисусом Христом давно указано: *Аще хочешь внити в живот вечный, соблюди заповеди.* Мы часто слышим: «соблюди заповеди», а, видимо, не знаем, как это правильно делается.

Вот об этом и поговорим сегодня.

О правильном исполнении заповедей Божиих

Лучше всего учиться этому делу на живых, конкретных примерах, взятых из нашей повседневной жизни. Некоторые из этих примеров я уже приводил вам, и не раз.

I. Например, такой: подошел к вам бедняк и просит помощи. Как здесь поступить? Сейчас же с мольбой к Господу: «Чего Ты хочешь от меня, Господи, сейчас?»— и старайтесь припомнить, что о таких случаях говорит Господь.

В голове и выплывет тотчас изречение Евангелия: *Просящему у тебя дай!*

Вспомнил (вернее Ангел-Хранитель напомнил) — и сейчас действуй, с такой мольбой: «Помоги, Господи, исполнить Волю Твою». Дай и отходи, чтобы не подстроил чего-нибудь враг, — да и забудь сейчас же. *Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая.* И никак не похвали себя, иначе все доброе станет недобрым. Похвалил себя — и больше нечего ждать… Лучше жди похвалы от Господа…

II. Увидишь человека, который делает что-либо нехорошее (ругается, сквернословит, идет пьяный, и т. п. или в храме ведет себя непристойно), — сейчас же воззови: «Господи, как поступить мне сейчас?» Усердно воззови, и напомнит Господь через Ангела Хранителя: *Не судите и не судимы будете.*

И сейчас опять к Господу с мольбой: «Господи, сохрани меня от осуждения!..» и, Бог даст, будешь смотреть спокойно на то, что видишь. Хорошо еще вспомнить о своих подобных проступках, и снова молитва: «Господи, прости меня, и его прости, он, наверное, не понимает, что делает…»

Один подвижник в таких случаях говорил себе: «Он согрешил сейчас, а я согрешу через час, он-то покается, а мне-то даст ли Господь время на покаяние?» И отходил с тоской покаянной… Тут не до того, чтобы судить кого-то…

III. Подошла соседка, начала сплетничать, чернить другого человека, рассказывать о нем всякое… А ты помнишь слова Господа: *Не судите и не судимы будете.*

И скажи соседке: брось, перестань говорить лишнее, ведь ни ты, ни я — не знаем точно, так ли это дело было; да если и было так, как ты го-

воришь, то кто нас поставил людей судить, судить чужие дела… это Божье право, а не наше дело…

Сказала так — и уходи от греха… Пусть рассердится соседка, лишь бы Господь не рассердился… И коли удержалась сама, то скажи в сердце Господу: «Благодарю Тебя, Господи, что Ты помог мне удержаться!»

И опять будет ладно…

Из этих трех примеров видно, как взаимно действуют человек и Господь Бог. Человек — вспомнив заповедь, стремится исполнить ее и молит униженно Господа о помощи.

Господь — человеку во всем помогает.

Человек отлично понимает, что сам он в этих положениях не сумеет разобраться, и всю надежду возлагает на Господа Бога, ведь Он Сам сказал: *без Мене не можете творити ничесоже.*

IV. Возьмем еще пример. Обругал тебя кто, оскорбил — а ты и скажи себе: «вот ты, окаянный нечистый дух проклятый! Зачем ты так смутил человека?.. Ведь он такой же человек, как и я: человек, как человек, и я часто тоже согрешаю… А тебе, нечистый дух окаянный, только бы мучить людей…»

Такое размышление и будет исполнением слов апостола: *Гневайтесь и не согрешайте!*

Гневайтесь, сердитесь, ругайте, но ругайте настоящего, истинного врага своего и врага этого человека, который вас обругал, и в этом гневе нет греха… Человек же этот только не понимает, что он делает то, что ему сатана внушил: он — как малый ребенок, можно ли на него сердиться?..

А человеку тому скажите, если ваша речь может его успокоить: брось, успокойся, потом спокойно поговорим… А если понимаете, что успокоить его нельзя, то молчите лучше и идите с глубокой в сердце молитвой: «Господи! Помоги мне не оскорбить ни Тебя, Господи, ни брата моего».

V. Дома, в семье, — непорядок, нелады. Дочка на мать ругается, сын гонит вон, зять издевается… Что делать? Отвечать им? Огрызаться?..

А вспомни, как издевались над Господом воины Пилата и били Его по щекам, смеялись над Ним, сдирали с Него одежду и надевали другую… В руку давали трость-палку, а потом вырывали ее из рук Господа и этой палкой били Его по голове… А Он?.. Молчал… Ни слова…

Молчи и ты, бедная мама или папа… молчи и молись в душе своей: «Господи, помоги мне удержаться, не начать ругаться в ответ…» В сердце кипит: вот-вот как раз прорвется… А ты крепче, сильнее кричи в сердце Господу: «Помоги мне сделать так, как сделал Ты!». Кричи и еще, еще, пока не утихнет сердце…

Удержишься, не заведешь ссоры — вот и сделан верный шаг по пути в Царство Небесное… А уж если — по старой привычке — злиться начнешь, то, если можешь,— рассердись на нечистого духа, родоначальника всякой вражды и злобы и его отделай, дай выход раздражению твоему: «Ах ты, проклятый, нечистый дух! Ах ты, окаянный… Тебе бы только людей на грех наводить!» И т. п.

VI. Дети маленькие, как и большие, не слушаются, дерзко отвечают, сквернословят, ругают мать свою. Это сейчас везде есть… Что и говорить, как горько и больно сердцу матери…

Мне одна мама говорила: «Как вспомню, как я его пестовала, не спала ночей над ним, когда болел, сама извелась совсем, здоровье потеряла, раньше сроку состарилась, а теперь, что ты делаешь, милый Мишенька, дорогой мой!!.. Чем я тебе досадила?..» И залилась слезами…

Воистину душу прошло оружие… Что делать? А вспомни Матерь Божию. Ей старец Симеон сказал, когда еще Богомладенцу было всего 40 дней от роду: *Тебе Самой душу пройдет оружие,* то есть так больно станет, как бы мечем сердце пронзили,— и так ведь и было… И Она, Великая Матерь матерей… все же терпела, смирившись пред Волей Божией… Терпи и ты, бедная мама, все терпи и проси у Господа: «Дай мне терпение! Помоги ничего не ответить».

А сама молись Пречистой, молись упорно, настойчиво, проси, чтобы Она Сама вразумила детей твоих…

Она знает, какой подход нужен к их сердцу, чтобы оживить в них любовь сыновнюю, а мы ведь не знаем.

Материнская молитва со дна моря спасет, говорит пословица, а ведь еще не на дне моря твои дети… Эта молитва и им поможет, и сама мама научится молиться. Да! это очень и очень надо… И это, мама, вспомни: *Чти отца и матерь твою* — гласит пятая заповедь.

А ты-то сама, чтила своих родителей?.. Нет… Так вот и получай зарплату свою… *Какою мерою мерите, такой и вам будут мерить,*— говорит Господь.

Поплачь о прежнем грехе своем, непочтения к родителям, — и легче станет; будешь скорбь от детей своих принимать как должное возмездие… и сердиться не на кого… сама заработала.

И зови к Господу в сердце своем: «Помоги, Господи, мне перенести все и ни в чем не оскорбить Тебя…» Такая молитва и будет — самое главное в этом деле…

VII. Если мы поразмыслим поспокойнее, то согласимся, что во всех скорбных обстоятельствах нашей жизни, везде, молитва к Господу о помощи — это самое нужное дело.

Апостол Иаков говорит: Злостраждет ли кто из вас, пусть молится. Весел ли кто: пусть поет псалмы… *(Иаков 5, 13). Вот завет Слова Божия.*

Что ни терпишь горькое — молись, брат и сестра христианка! Зови, стони, стучи в дверь милосердия Божия (Иак. 5, 13).

Ты только молись и не унывай, если нескоро Господь исполнит просьбу твою. Это тоже исполнение заповеди Божией: *Молиться и не унывать.* Так завещал Господь (Лк. 18, 1).

Болен кто — зови врача, но в то же время молись, проси Господа, чтобы Он и врача вразумил — посоветовал то, что полезно тебе… *Не бойся, только веруй, и спасена будет* — говорит Господь Иаиру, который просил об исцелении дочери…

Да!.. Везде и всегда пусть будет с нами молитва. Будем докучать Господу. Ведь Он Сам сказал: *«Без Меня не можете сделать ничего».* А нам так много нужно сделать… И так труден и тернист путь спасения!..

Вот, стали на молитву, а мысли никак не собрать, всякие мысли: и глупые, и ненужные, злобные и хульные, и кощунственные — так и лезут в голову: начнешь отгонять — куда тебе? Еще больше, еще сквернее в го-

лову лезут… Что делать?.. Ясно, что мысли не мои: моя душа не хочет их, они противны мне… Понятно сразу, что это недобрый около меня вьется и крутит мою голову.

Как быть? А что сказал Господь? Вспоминай, тут в памяти Ангела Хранителя проси помочь — и неожиданно выплывет мысль в голове: *Именем Моим бесы прогонят…*

И скорей ухватись за это Всемогущее оружие, крепче которого нет ни на небе, ни на земле: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!..» И зови, зови — кричи, стони, пока тишина не наступит.

Сам ничего не сделаешь. Сам и не берись бороться с бесами: они несравненно умнее нас и хитрее нас и обязательно проведут тебя. И победят тебя… А то и так бывает: отойдут в сторону, притворятся побежденными, перестанут бороться, это чтобы ты сказал себе: «Во! Я какой молодец! Сам управился, без Бога… и всегда так буду их…» Вот ты себя похвалил, на себя понадеялся, а Благодать Божия отступила.

Нельзя предусмотреть все уловки и хитрости врага, потому что они неисчислимы, говорят святые.

Молитва Иисусова, произносимая в сердце,— вот единственное наше оружие на врага и при появлении желаний греховных, движений в теле негодных — словом, везде и всюду.

Не любите мира — ни того, что в мире.

Такая заповедь Господа Иисуса Христа. А нас так и тянут утехи мирские. Так все окружающее нас тянет к себе: и вещи красивые, и костюмы, и обстановка квартиры, увеселения разные, смех, веселье — и прочее, и прочее…

А Господь сказал: не любите, не прилагайте сердца. А нашему сердцу все это так близко, мы так сроднились со всем этим, что не оторвать сердца от всего этого.

А вы, если хотите исполнить эту заповедь Господа, то и не пытайтесь сами оторвать свое сердце, а поручите все это Господу. Его просите. Его молите научить вас, как тут поступить.

Что же, скажете, нам в пустыню идти? В монастырь затвориться — это не всякому дано…

Господь от нас этого не требует. Господь говорит нам это заповедью: живешь на земле, в мире,— и живи, но не ползай по земле, а смотри выше: *Ищите Царствия Божия и Правды Его, а это все приложится вам.*

Смерть придет — и все земное на земле останется, а думай, с чем ты пойдешь туда, в вечность… Туда смотри, а к земным благам относись разумно: пользуйся ими, коли они имеются, но пусть они не затуманят сердце твое: помни, что — христианин и отечество твое на небе, а не на земле, ты только странник, временно живешь, как в гостинице проездом…

Вот что значит заповедь Господа.

А у нас ведь не так бывает. Вот, например, идет человек мимо магазина, в окнах столько заманчивых предметов выставлено, а в кармане у него пусто… И так хочется иметь эти приманки, и в то же время ясно, что этому не бывать. И закипает на сердце дикая злоба, а на кого, сам не знает… А злоба эта странная, непонятная все нарастает и нарастает… Что делать?..

Стряхни с себя это вражеское наваждение, одумайся, вспомни десятую заповедь: «Не пожелай… Не завидуй», — и скорее в глубь сердца и кричи

Господу: «Не поставь мне греха сего! Помоги, Господи, не хочу оскорблять Тебя!»

Опять молитва: без нее никуда.

Толкнул кто, сердце встрепенулось, готово слово оскорбительное — стой! А что Господь сказал? *Всякий, гневающийся на брата своего, подлежит Суду* (Мф. 5, 22).

Только оттого, что вспомнил и повторил слова Евангелия, гнев уже ослабел. Ведь это слово Всемогущего Господа и само имеет силу огромную.

А ты, христианин, еще подкрепи их молитвой своей: «Господи, не хочу оскорблять Тебя, хочу быть послушным…» И опять ладно будет. И так же в других подобных обстоятельствах. Вспомни: не кради, не убий, не прелюбодействуй и так далее — и сейчас за помощью к Господу, чтобы не нарушить заповеди Его. Также заповеди о милостыне, о прощении обид и так далее.

Всех заповедей Божиих, которые определяют отношение к людям, окружающих нас, я и перечислить не успел. А нет ли такой заповеди, которая бы охватила всякие отношения наши к окружающим нас?

Есть такая заповедь: *Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте с ними: ибо в этом закон и пророки.* Эта заповедь обнимает буквально все: не хочешь, чтобы тебя ругали, — сам не ругайся. Не хочешь, чтобы тебя обворовали, — сам не воруй… и т. д. Недаром даже люди неверующие или мало верующие издавна называют эту заповедь: «Золотое правило жизни»!

Как вспомнил в подходящий момент — сейчас же к Господу с мольбой. Сам ничего не сделаешь. «Суждены нам благие порывы, а свершить ничего не дано», — говорит русский писатель, и это так верно.

А вот еще часто повторяющийся факт. О нем сказать надо. Как не хочется утром вставать на работу! Как часто ученику не хочется за уроки браться! Как хозяйке надоело чистить, мыть, прибираться, стряпать!.. И так это часто у нас бывает… «Надоело за больным ходить: я измучилась, устала, извелась вся!» — говорят часто, почти постоянно.

Как здесь понимать себя христианину?

А я вам передам разговор, который был в моей квартире в Парголове при всей нашей семье.

Был дорогой гость, Божий праведник — уже почивший (он почивает на нашем кладбище), и был мой староста церковный — тоже почивший уже. Он спрашивает совета у Божьего человека:

— Благословите меня перейти на другую работу. Я уже двадцать лет почтальон, каждый день должен пятнадцать километров обойти.

— А разве тебя гонят с работы?

— Нет, не гонят.

— Так как же ты можешь уйти? Ведь тебя Господь на эту работу поставил, а не ты сам выбрал ее. Он тебя снимет, когда нужно Ему будет.

Вот христианский взгляд на жизнь…

Работа для рабочего, служба для служащего, ученье — для ученика, хозяйничание для хозяйки — все это долг, завет, данный от Господа, и всякое увиливание, всякое отклонение от долга есть грех, нарушение Воли Божией, своеволие… Господь поставил на дело человека и смотрит, как он свое дело выполняет, следовательно, это есть выполнение заповеди Божией…

А как же быть нам? А так, как и при всякой заповеди: все усилия прилагать, чтобы честно, добросовестно выполнить свой долг, но не надейся на себя, и все время искать, молить, просить нужно униженно помощи Господа, сознавая свое бессилие и неразумие… И каждый отдельный момент нашей жизни, когда мы были послушны Отцу Небесному, будет шаг на путь в Царство Небесное.

И как будет радостно, если нам доведется услышать милостивый, ласковый голос Отца Небесного: *В малом был Мне верен, над многим тебя поставлю — вниди в радость Господа Твоего!*

Буди, Господи, сия милость Твоя на нас!

И еще прибавлю: этот путь скорбный и тесный (сказал Господь). Не ждите на этом пути приятностей, а ждите скорбей, потому что они неизбежны… Вот правильное учение Церкви о выполнении заповедей Божиих: главное — все время быть с Господом.

Все могу об укрепляющем меня Иисусе! — говорит святой апостол Павел. А если забудем о Господе — опять игрушка в руках бесовских. Еще сказать бы надо много, а времени уже нет. Приведу вам слова иеросхимонаха Парфения Киевского о молитве:

«Всякому, хотящему спастися, надо всем сердцем взыскать Господа, а взыскать Его можно только прилежным и докучным к Нему молением. Ты только молись, проси от всей души Господа, чтобы Он не оставил тебя, а Он вразумит, наставит и от греха сохранит тебя, а сам по себе ничего не сделаешь: без Бога ни до порога!»

А епископ Феофан добавляет: «На молитве будь как дитя лепечущее… Считай себя за ничто, молитвы принимай, как великий дар Божий…» В этих словах двух наших подвижников сказана важность молитвы и вместе сказано, какова она должна быть.

Вы часто спрашиваете, какую молитву читать надо, когда я скажу: «Молитесь усердно». Как «дитя лепечущее» не по книжке читает, а говорит, что в ту минуту на сердце придет, так и вы молитесь своими словами, в них выражайте нужды и желания ваши. Это тоже молитва, и доходит до слуха Господа, как и всякая другая.

Теперь, надеюсь, приблизилось к нашему пониманию изречение святых отцов: *Бог нас без нас не спасет.*

И еще раз повторю, как же это на деле выходит. Человек — не зная, как поступить в том или другом случае,— вспоминает, что ему заповедал Господь; вспомнив заповедь Божию, всеми силами старается эту заповедь исполнить, но, зная, по прежнему опыту, что самому ничего не сделать, смиренно молит Господа помочь ему; Господь видит борьбу человека и слышит мольбу его униженную — и помогает человеку Всемогущей Рукою Своей. И это не наше слово, а слово всех святых подвижников.

Например, в книге «Невидимая брань», в самом начале, указаны четыре условия для успеха в невидимой войне с врагом. Это условия такие:

Никогда, ни в чем не надеяться на себя.

Носить в сердце полное и вседерзновенное упование на Единого Бога.

Усиленно трудиться самому, чтобы исполнить Волю Божию.

Всегда смиренно молить Господа, да пошлет Он Свою помощь.

Как видите, совершенно то же самое, что я говорил вам сейчас. Помоги нам, Господи, понять и почувствовать огромную важность этого дела!.. Что

дороже для каждого из нас, как достигнуть Царства Небесного?.. И вот путь к тому, и притом путь только один-единственный, другого нет… путь долгий и трудный. Скрывать этого не приходится…

И вот то обстоятельство, что этот путь долгий и трудный и требует отказа от всяких прихотей,— невольно пугает современного человека. Он начинает соображать и раздумывать, стоит ли браться за это нелегкое дело? Короче, начинает соображать, выгодно ли ему это дело? Что он здесь еще получит? Здесь, на земле?..

Конечно, для истинного христианина — искренне и крепко любящего Господа — такие вопросы не существуют: для него величайшее счастье сделать угодное любимому Отцу Небесному… Но так как мы все заражены мирским духом выгоды и наживы, то нужно и об этом сказать. Следовательно, необходимо сказать, что получится во внутреннем человеке нашем в результате такой работы над собой.

Все святые подвижники в один голос говорят, что в результате истинного, правильного выполнения заповедей Божиих человек-христианин получит все то, что так необходимо для жизни вечной.

А что же именно?

Постоянно обращаясь к Господу за помощью, человек привыкнет к молитве, а это уже великое дело. Постоянно или по крайней мере очень часто, вращаясь в уме и сердце человека, молитва сама проникает в глубь сердца человека, и водворяется там имя Господа Иисуса Христа, часто призываемое в сердце человека, выметает весь сор, всю грязь вычистит из сердца нашего и сделает его недоступным, страшным для бесов.

«Молитва — мать добродетелей,— говорят святые,— призови мать, и дети сами придут за ней. Со Сладчайшим Иисусом и в самой тяжкой скорби человеческой тебе будет отрадно».

Видите, какое счастье — молитва истинная!

Мы привыкнем совершенно ясно сознавать и чувствовать полное свое бессилие в добром деле; постепенно укоренится в нас это чувство своего ничтожества, неумения, неразумия — и вместе вырастет в сердце новое чувство — полной преданности Всемогущему и Любящему нас Господу.

Мы в Господе Иисусе Христе увидим Своего Спасителя, Который, и только Он один, может нам помочь в нашем горестном положении. Поймем, что больше некуда идти, как только к Нему. А это и есть истинное смирение. Та первая ступенька по лестнице добродетелей, какую указал Господь: *Блаженны нищие духом.*

С этого начинаются Заповеди блаженства, или заповеди счастья нашего. Смирение есть свойство Христово. Он Сам сказал: *Приидите ко Мне … и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем…*

Видите, каково величие этой добродетели! Смирение неразрывно связано с молитвой. Смирение — единственный жертвенник, на Котором Господь принимает молитву человека, говорит епископ Игнатий (Брянчанинов).

Появится вера живая, искренняя. Вы по собственному опыту будете чувствовать — не только понимать, а чувствовать,— как близок Господь ко мне. Ведь я, когда просил помощи у Господа, вслух ничего не сказал, а только вздохнул в сердце моем, а Он уже слышал меня, видел мои воздыхания сердечные — и сразу же исполнил присьбу мою. Он так близок. Он даже во мне самом, в сердце моем. И так жутко станет!..

Ведь это мой Господь и Владыка жизни моей. Судия мой, Всемогущий Бог, Которого трепещут Ангелы, Которому вся вселенная поет славу, — и вдруг Он так близок ко мне. Он в моем сердце — и появится страх Божий, глубокое благоговение, трепет при каждом воспоминании Господа Иисуса. Видите, сколько дивных благ появится в человеке при искреннем и правильном исполнении заповедей Божиих: *Молитва истинная, смирение, Страх Божий!*

Есть из-за чего потрудиться христианину.

Давайте же начнем правильно, как сказано сегодня, исполнять заповеди Божии! Господь будет нашим Помощником. С таким Помощником все можно сделать. *Все могу об укрепляющем меня Иисусе,* — говорит святой апостол Павел.

Только одно еще помнить надо: чтобы исполнять заповеди, надо знать их. А для этого надо чаще, чаще читать *Евангелие,* вникать в эти слова и думать, что хочет от меня Господь этими словами. Постепенно и запомнятся заповеди! И когда нужно будет, они и всплывут в памяти…

Остается сказать еще немного.

Сегодня мы обрисовали все дело христианина, охватывающее всю жизнь до каждой отдельной минуты. А нет ли такой заповеди Божией, которая бы все это дело сразу охватила, все бы сразу на свое место поставила?

Есть и такая заповедь Господа Иисуса Христа. Она записана в Евангелии от Матфея, в конце главы VI: *Ищите прежде всего Царствия Божия и Правды Его, а остальное все приложится вам.* Ищите Царствия Божия — это когда в нас Царствует Бог, когда мы во всем покорны Ему, все Его распоряжения — заповеди — строго исполняем. Царствие Божие — это не пища, не питие, это — праведность, радость и мир о Духе Святом.

Понимаете? — радость и мир о Духе Святом.

Именно то, чего у нас нет: радость и мир…

Искренне желаю вам, братья и сестры, этой радости и мира от Духа Святого! И когда коснется вашего сердца эта радость светлая, вспомните и меня, который вам напомнил это, и помолитесь, чтобы и меня не лишил Господь этой радости!

Аминь.

Поэзия дипломатов

МОЯ СМОЛЕНКА

Стихотворения сотрудников и ветеранов МИД России

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ЧУВСТВО СЛОВА

У поэтов и дипломатов много общего — они работают со Словом. Работают профессионально и ответственно. И не случайно среди дипломатов немало поэтов, а среди поэтов — дипломатов. Совершенно справедливо пишет в широко известном стихотворении «Посольский приказ» министр иностранных дел России поэт Сергей Лавров: «Дипломат должен сам дать единственно верный ответ. Должен он, как поэт, находить только верное слово». Только верное слово находили в XIX веке национальные гении — Пушкин, Тютчев, Грибоедов. Они навсегда вошли и в историю дипломатии, и в историю литературы. Горит творческий огонь и в сердцах современных поэтов-дипломатов. В поэзии, конечно, нет ни званий, ни чинов. Здесь все равны перед читателем, и только он, читатель, и еще время определяют качество поэтического текста. Между тем современным поэтам-дипломатам есть что представить на суд искушенной аудитории. Палитра жанров велика: и гражданская поэзия, и лирика, и бардовская песня, и эпиграмма, и даже сатирическая миниатюра. Конечно, не все авторы — высочайшие профессионалы поэтического цеха, но все они без исключения пишут искренне, предельно откровенно, говорят о выстраданном и наболевшем. О том, что в сердце.

Евгений СТЕПАНОВ,
главный редактор газеты «Литературные известия», кандидат филологических наук

Александр БЕССМЕРТНЫХ

* * *

Я не славлю Россию —
Она не нуждается в этом.
Она — мировая стихия,
Потому не подвластна поэтам.

Она не нуждается в тостах,
В заклинаньях, что веришь и любишь.
Шепчу ей я тихо и просто:
— Спасибо, что есть.
И что будешь.

* * *

Слово — это как весло:
Неверно взял — его снесло.
И лодке крах без управленья.

А у поэта ремесло:
Сложить из сплава
Прочных слов
Нетонущее уравненье.

Анатолий АДАМИШИН

* * *

«Аэрофлот», «Ильюшин», путь домой.
Внизу земли неясное желтенье.
Где озеро? Осталось стороной,
На миг мелькнуло светло-синей тенью.
«Лучше слушай: на озере Чад
Изысканный бродит жираф»…
Да, где-то здесь скитался Гумилев.
Был зверь учтив, милы аборигены.
Далеким сном казался Петергоф,
И маловероятны перемены.
Скажи ему в тот африканский зной,
Что ждет его, а главное Россию,
Ответил бы, наверно: «Бог с тобой,
Возможны ль, право, катаклизмы ныне».
Но, впрочем, это взято наугад.
Я возвращаюсь к точным фактам снова:
Я пролетел над государством Чад,
Читая стюардессам Гумилева.

Николай БАКУШИН

* * *

В дом пролез рассвет чрез подоконник —
Три часа. И больше не уснуть.

Днем вчера зацвел душистый донник,
И душа ему раскрыла грудь.
Я встаю, окошко раскрываю.
Не глядеть на чудо нету сил.
Новый день, в свои права вступая,
Попирает свет ночных светил.
Фонари померкли вдоль дороги,
Скрылись звезды, блеклая луна.
Но, как гость желанный, на пороге
Заблестели церкви купола.
Тишина. Взлетела с луга птица,
Слышу взмахи ее легких крыл.
Заскулил щенок, знать — мама снится.
И сосед калитку отворил.
Ладно мне — ему-то что не спится?
На вопрос, похоже, есть ответ.
Встретить день и с ночью распроститься
Могут лишь крестьянин и поэт.

Геннадий БРЕДИХИН

* * *

Я гражданин страны, которой нет,
Той, что пустили по миру с котомкой.
Давно лежит в шкафу мой партбилет,
Я сохранил его своим потомкам.
Я честно жил в ладу с самим собой
И расскажу, конечно, если спросят,
Бездумно, дерзко, следом за толпой
Я в грязь его угодливо не бросил.
Не подсластило время вкус вины,
Хоть лет с тех пор прошло уже не мало.
Все годы память жжет развал страны —
И все мы соучастники развала!

Валерий ЛЕВИКОВ

ПЕРЕДОВАЯ-ФРОНТОВАЯ

В тепле ли дачного покоя,
Во власти ль осени, весны
Одно гнетет меня такое:
Войной охваченные сны!

Они чредою непрерывной
Годами следуют за мной
И я плетусь теперь уж дивной,
Моей дорогой фронтовой.

Она воронками изрыта,
Где натерпелся я всего,
И там же место замполита,
Чтоб снова мне занять его!

…Давно далекая такая,
Во власти дыма и огня,
Передовая-фронтовая,
Не отпускаешь ты меня!

Андрей ЯКОВЛЕВ

* * *

А. П.

Вот и снова Ангола, но только — по правде.
С кипяченьем водички
по пятнадцать минут.
Я готов был. Я знал. И попал я туда, где
Мне, пожалуй что, самое место. Где ждут.
Словно встал над судьбой.
Словно кончился бой,
И рубцуется рана разлуки с тобой.

* * *

В кармане остались последние ранды —
И тают, под солнцем тропическим тают…
В Виндхуке уже расцвели джакаранды,
В Претории только еще расцветают.
Прощайте, саванны, и горы, и воды!
О как же легко здесь дышалось и пелось!
Я мало успел из того, что хотелось.
Я столько успел, что достанет на годы.

Анатолий ПШЕНИЧНЫЙ

БАГДАД

Памяти погибших ребят
из посольства РФ в Багдаде

Какие в Багдаде красивые ночи,
Качаются звезды на створках окна.
И как же не хочется думать о прочем —
О том, что не дома, о том, что война…

О том, что есть где-то ромашки и клевер,
Нет взорванных улиц и лязга брони,
О том, что не скоро дорога на север
Раздвинет крылами тоскливые дни…
Ах, как мы любили восточные сказки —
Багдадского вора и Али-Бабу!..
Ах, как без опаски и не по указке
Легко мы Востоку вручили судьбу.
Горит над посольством спокойно и просто
Отечества флаг, словно в храме свеча…
И где-то в России на эти же звезды
Глядят наши мамы, молитву шепча.

И только на древних камнях Вавилона
Стремительный луч обозначит восход,
Мулла прокричит, и проснется со стоном
Чужою свободой прибитый народ.
И звезды исчезнут, как с телеэкрана,
Наполнит духаны духмяная гарь…
Мы выедем в город, и наша охрана
Махнет нам рукой под зеленый фонарь.
Мы просто уедем и не обернемся,
Ни с кем не простимся — всего на часок!..

А дальше вы знаете. Мы не вернемся,
И близким не станет нам Ближний Восток.
И где-то качнутся ромашки и клевер,
И ветер в Москве вдруг ударит толпу…

И больше не будет дороги на север.
И сказок не будет про Али-Бабу…

Игорь МИХЕЕВ

ДИПЛОМАТ

Когда смолкают автоматы
И наступает тишина,
В борьбу вступают дипломаты,
Чтоб обеспечить мир сполна.
Перо у них штыка острее.
Язык им служит для того,
Чтоб выражаться похитрее,
Не обещая ничего.
Нам говорят, что слишком дорог
Народу дипломатов труд,
Зато они не только порох —
Людские жизни сберегут!
Поверьте: вина да салаты
И весь посольский протокол
Куда дешевле, чем солдаты
Да «скудный» генеральский стол.
Что ж, выбор есть — он строг и точен:
Военный или дипломат!
Жизнь хороша, пока мир прочен.
И для того не жаль затрат.

Алексей ПОЛИЩУК

ПРОЩАЙ, ГААГА

Столица Северного моря
Лежит на желтом берегу.
Как будто море скоро смоет
Твою песчаную тоску,
  Как будто ветер скоро сдует
  Всю черепицу красных крыш.
  И ты, как будто бы тоскуя,
  Как будто временно — стоишь.
Твой несуразный Мердерфорт
Бежит от консульских ворот,
Перерастая в Яву-страат.
Гудят машины невпопад,
  Гремят трамваи спозаранку.
  И долговязая голландка,
  Шурша подолами плаща,
  Педали крутит, грохоча…
Гаага. Что же ты за город!
Уже четыре года, как
Ты мне не близок и не дорог.
Ни новый друг, ни старый враг.
  Тут жизнь проходит между делом.
  Я тут живу не наяву.
  Своей не начатой поэмы
  Все продолжение пишу:
О шуме Северного моря,
О том, как чайки, гогоча,
Парят на бело-синей воле,
Как из неволи нас влеча.
  И я хочу из моря сини
  Отведать воли хоть на треть,
  Расправить крылья, вслед за ними
  Куда-нибудь да улететь.
И я взлетаю, я все выше
Парю, и ветер бьет в лицо.
Я вижу пляшущие крыши,
Гаагской гавани кольцо
  Застыло в вычурном узоре
  Песчаных дюн. И в их кругу
  Столица Северного моря
  Лежит на желтом берегу.
Прощай, Гаага. Как всегда,
Нас ждут иные города…

Владимир МОСАЛОВ

НЕ ОТРЕКАЮСЬ

Я от сумы не отрекаюсь
И от тюрьмы не отрекусь.
Я за грехи пред Богом каюсь
И плачу, что слабеет Русь.

Я жизнь не просто проживаю,
Я боль храню в своей душе.
На Русь мою собаки лают,
Но силы нет у них уже.

Иду босой, забыв о ранах,
Дорога дыбится порой.
Я Русь от сердца славил в странах,
Стоял за честь ее горой.

Вся жизнь моя — моя Россия.
Она моя вся до конца.
В нее я верю, как в Мессию,
Как в мать я верю и в отца.

Я всеми силами стараюсь
Помочь тебе. Поверь мне, Русь!
Я от сумы не отрекаюсь
И от тебя не отрекусь.

Александр ВАВИЛОВ

ХМУРЫЕ ГОРИЗОНТЫ МИРА НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Александр Иосифович Вавилов — доктор исторических наук, профессор. Многие годы занимается изучением политики США на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Его новая работа посвящена исследованию опасной эволюции такого угрожающего феномена современной международной жизни, как терроризм. В ней убедительно доказывается, что одной из главных причин активизации экстремистских сил является современная гегемонистская и тенденциозная политика США в арабском регионе. Автор многочисленных монографий, статей и других публикаций по избранной тематике. **Живет в Москве**.

«Арабская весна», последовавшие за ней серьезные перемены в расстановке сил в ближневосточном регионе во весь рост поставили перед мировыми и региональными политиками задачу скорейшего разблокирования переговорного процесса по урегулированию застарелого и взрывоопасного арабо-израильского конфликта.

Несмотря на глубокие и часто неожиданные перемены в арабском мире, руководство Израиля не отказалось от прежнего экспансионистского и во многом агрессивного курса. 24 октября прошлого года, к примеру, израильские самолеты, нарушая все мыслимые нормы международного права, нанесли бомбовый удар по военному заводу «Ярмук» в пригороде Хартума, рассчитывая, как нередко бывало и в прошлом (налеты на ядерный реактор в Ираке и «подозрительный объект» в Сирии), на снисходительное отношение заокеанских и западноевропейских союзников и партнеров к своему самоуправству (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (22–28 октября 2012 г.) // www.iimes.ru). Такие действия лишь нагнетали и без того взрывоопасную обстановку в регионе и еще дальше отодвигали перспективы ее разрядки. В ответ на удар по своему военному заводу Судан объявил о полной поддержке радикального движения «Хамас» в противовес угрозе израильской агрессии (РБК 05.11.12). А в Порт-Судан с «посланием мира и дружбы соседним странам» пожаловал отряд кораблей ВМС Ирана (Lenta.ru 30.10.12).

На палестинском фланге также происходили серьезные сдвиги, которые не могли не вызывать нараставшую обеспокоенность в Тель-Авиве. Руководство Палестин-

ской национальной автономии (ПНА), несмотря на сопротивление Израиля и его союзников, продолжало курс на обретение Палестиной статуса «государства-наблюдателя» в ООН, что серьезно укрепило бы позиции сторонников политического урегулирования палестинской проблемы. Такого урегулирования настоятельно требовало само время, которое работало против умеренных сил в палестинских рядах.

В конце октября 2012 г. палестинские радикалы получили весомую поддержку: побывавший в Газе с официальным визитом эмир Катара Х. Аль Тани пообещал восторженно встретившим его властям и населению сектора увеличение финансовой помощи анклаву с 254 до 400 млн долларов. Такой щедрый подарок руководству «Хамас» вызвал непонимание в руководстве ПНА и вполне объяснимое осуждение со стороны Израиля (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (22–28 октября 2012 г.) // www.iimes.ru).

Тем временем продолжался периодический обмен ударами между боевиками из сектора Газа и Израилем, от которых в первую очередь страдали ни в чем не повинные мирные жители.

Как заявил министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в интервью египетской газете «Аль-Ахрам» в начале ноября 2012 г., «происходящие на Ближнем Востоке события не должны служить оправданием бездействия при урегулировании арабо-израильского конфликта, и Россия намерена продолжать усилия по разблокированию палестино-израильского тупика» (РИАН 05.11.12).

В середине ноября 2012 г. нерешенность ближневосточного конфликта вновь напомнила о себе новой вспышкой палестино-израильской вооруженной конфронтации. В ответ на «точечную ликвидацию» одного из руководителей военного крыла «Хамас» 14 ноября палестинцы резко увеличили число ракетных обстрелов Израиля (более полутора тысяч). По данным западных спецслужб, ракеты были получены из разграбленных арсеналов в Ливии и доставлены в сектор Газа через Египет, а также из Ирана через Судан и Синайский полуостров (РИАН 22.11.12; КоммерсантЪ 27.11.12). Хваленая система ПРО «Железный купол» не обеспечивала полной защиты. А ведь, по данным турецкой Zaman, финансовый вклад США в создание и совершенствование такой системы составил к тому времени около 1 млрд долл. (Zaman 28.12.12). Американцам пришлось обещать для успокоения своих стратегических союзников дополнительные финансовые вливания в целях дальнейшего совершенствования их системы ПРО (ИТАР-ТАСС 30.11.12).

Особенно тревожными для израильтян были взрывы с разрушениями и жертвами запускавшихся палестинцами ракет близ Тель-Авива и Иерусалима, которые до того времени подвергались обстрелу лишь иракскими «градами» в ходе «Бури в пустыне» в далеком 1991 году. Как не преминул отметить член политбюро «Хамас» М. аз-Захар, эти удары продемонстрировали «изменения в балансе сил в пользу отрядов сопротивления израильской агрессии» (Asharq Alawsat 23.11.12). Напомнили о себе и боевики, взорвав среди бела дня в Тель-Авиве переполненный пассажирами автобус (22 человека было ранено, из них 3 — тяжело) (Россия 24 21.11.12). Этот теракт встретил в Москве решительное осуждение (Интерфакс 21.11.12).

В ответ Израиль развернул операцию «Облачный столп», в ходе которой его ракеты поразили более полутора тысяч «стратегических целей» на территории сектора, среди которых оказались и офисы различных СМИ (во время бесславно закончившейся операции «Литой свинец» в 2008–2009 гг. их число не превысило сотни). Потери палестинцев составили 162 человека убитыми, в том числе 43 ребенка и 11 женщин, 2350 человек получили ранения. Общий ущерб, нанесенный сектору военной операцией Израиля, по подсчетам руководства Хамас, составил 1,245 млрд долл. (РИАН 26.11.12).

Израильтяне потеряли 6 человек убитыми, десятки человек получили ранения (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (19–25 ноября 2012 г.) // www.iimes.ru).

Россия твердо выступила за прекращение нового витка вооруженной борьбы вокруг Газы. «То, что происходит сегодня в регионе, на палестинских территориях, — заявил находившийся в то время в Саудовской Аравии С. В. Лавров, — крайне беспокоит нас. Считаем, что необходимо незамедлительно прекратить обстрелы, удары и любое насилие».

«В Москве, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — глубоко обеспокоены опасным развитием ситуации вокруг Газы. Считаем необходимым незамедлительно остановить силовую конфронтацию, прекратить обстрелы израильской территории и непропорциональные удары по сектору Газа, приводящие к жертвам среди мирного населения. Этого требуют и интересы обеспечения стабильности и безопасности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, ставшего в последнее время ареной серьезных внутренних кризисов и конфликтов. Еще раз энергично призываем все вовлеченные стороны положить конец любым вооруженным проявлениям, не идти по пути эскалации насилия и вернуть ситуацию в русло “затишья”» (www.mid.ru 16.11.12).

А американцы привычно возложили вину за вновь вспыхнувший кризис в Газе на движение Хамас. «Нет никакого оправдания насилию, которому «Хамас» и другие террористические организации подвергают народ Израиля», — как всегда безапелляционно заявила постпред США С. Райс в ходе закрытых экстренных консультаций в Совбезе (СБ) ООН по ситуации в секторе (Интерфакс 15.11.12). Ее начальница, Х. Клинтон поспешила заверить, что «обязательства Америки, касающиеся безопасности Израиля, тверды, как скала, и нерушимы» (Интерфакс 21.11.12). Исходя из этой незыблемой стратегической установки, США привычно блокировали все попытки принятия в СБ ООН каких-либо документов, осуждавших развернутые Израилем военные действия против Газы (Интерфакс 21.11.12).

Удары «сионистского врага» вызвали волну солидарности в арабских странах, обещавших палестинцам компенсировать нанесенный им материальный ущерб. В отличие от бойни 2008–2009 гг. события в секторе Газа вызвали иную реакцию и в Каире. Египет отозвал своего посла из Израиля и привел войска в состояние повышенной боевой готовности, нарастив их контингенты на Синайском полуострове. В городах Египта прошли массовые демонстрации солидарности с палестинцами, на волне которых правительство пригрозило разорвать отношения с Израилем и отказаться от договоренностей, достигнутых при американском посредничестве в 1979 г.

в Кэмп-Дэвиде. Израильским дипломатам в Каире пришлось готовиться к спешной эвакуации (РИАН 15.11.12).

Благодаря активности египетской дипломатии и лично президента М. Мурси, к которому поспешила присоединиться Х. Клинтон, через восемь дней интенсивных ракетно-артиллерийских перестрелок между противоборствовавшими сторонами было достигнуто перемирие, которое в арабских странах было расценено как победа радикального Хамас. Ведь он получил от израильтян обещание помимо прекращения огня остановить «точечные ликвидации» палестинских руководителей, открыть пропускные пункты на границе без встречного обязательства разоружиться со стороны палестинских радикалов (Asharq Alawsat 23.11.12). «Хамас» убедительно подтвердил свою способность не только эффективно противостоять превосходившим силам противника, но и держать в напряжении значительную часть Израиля, население которого (по опросам — 67 %) почувствовало себя проигравшим и уязвимым (Независимая газета 26.11.12). Само участие представителей этого движения в непрямых переговорах с Израилем при американо-египетском посредничестве легитимизировало его и лишний раз подтвердило изначальную правильность линии Москвы на активную политическую работу с ним. День наступления «гудны» («затишья») на палестино-израильском фронте был объявлен в Газе «национальным праздником победы» (Первый канал; РИАН 22.11.12).

Вскоре в секторе появился встреченный народным ликованием лидер «Хамас» Х. Машааль, который на волне охватившей палестинцев эйфории не преминул повторить генеральную задачу движения «стереть Израиль с географической карты Ближнего Востока» (Asharq Alawsat 11.12.12).

Такие экстремистские призывы подкреплялись повседневной практикой оккупации Израилем палестинских земель, которая вела ко все большему ослаблению позиций умеренных в палестинских рядах. «“Братья-мусульмане”, железной рукой контролирующие сектор Газа, — прогнозировал в этой связи обозреватель французской «Le Figaro» Р. Жирар, — могут согласиться на более или менее длительное перемирие, но они никогда не подпишут настоящий мирный договор с еврейским государством. Единственные палестинцы, способные заключить окончательное политическое соглашение с Израилем, — представители светской партии “Фатх”. Однако примирительная позиция Махмуда Аббаса [главы ПНА], которому не удалось остановить израильскую колонизацию Западного берега реки Иордан, все чаще подвергается критике со стороны палестинской молодежи» (Le Figaro 28.01.13).

«Российская Федерация и Европейский союз, — отмечалось в Совместном заявлении министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон (Брюссель, 21 декабря 2012 г.), — приветствуют объявленное 21 ноября прекращение огня между группировками в секторе Газа и Израилем, высоко оценивая усилия Египта и других сторон, предпринимавших соответствующие посреднические усилия. Драматическая эскалация боевых действий наглядно продемонстрировала неустойчивость существующего положения дел вокруг сектора Газа. Всецело признавая законные потребности Израиля в обеспечении своей безопасности, Российская Федерация и Европейский Союз призывают к незамедлительному, постоянному и безусловному откры-

тию контрольно-пропускных пунктов для перемещения людей и товаров в и из сектора Газа, ситуация в котором остается неустойчивой, пока он политически и экономически отделен от Западного берега. Жизненно важно, чтобы все положения соглашения о прекращении огня были реализованы» (www.mid.ru 22.12.12).

«Мы удовлетворены тем, — заявил С. В. Лавров, — что было объявлено перемирие между палестинцами и израильтянами. Но перемирие не должно никого успокаивать. Необходимо активизировать и интенсифицировать усилия, направленные на то, чтобы арабо-израильский конфликт все-таки получил какое-то разрешение» (http://www.ru.journal-neo.com/node/119872).

Сама изменившаяся обстановка требовала от израильского руководства пересмотра в сторону большей реалистичности и конструктивности своих подходов к БВУ и отношениям с палестинцами, в частности. Однако такого изменения в израильской региональной политике, строившейся априори с расчетом на американскую поддержку, не наблюдалось. Ему не способствовал и поспешный запрос Пентагона в конгресс о выделении Израилю дополнительной военной помощи в 647 млн долл. для восполнения запасов бомб и ракет, израсходованных в период операции в секторе Газа (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (10–16 декабря 2012 года) // www.iimes.ru). Опираясь на поддержку из-за океана, армия обороны Израиля уже на второй день после перемирия нарушила его, обстреляв группу палестинцев на юге сектора, один из которых погиб, а 19 были ранены (ИТАР-ТАСС 23.11.12).

Едва утихли столкновения в Газе, как обострилась ситуация на Западном берегу реки Иордан (ЗБРИ), где израильскими военными и спецслужбами по обвинению в террористической деятельности были арестованы около сотни палестинцев, в том числе депутаты законодательного собрания ПНА, члены «Фатх», «Хамас» и Исламского джихада (Новые известия 27.11.12).

Прежняя обструкционистская линия Израиля давала о себе знать и в решении такого важного, без преувеличения судьбоносного вопроса, как создание в регионе зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки. В решениях Конференции 2010 г. по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия (Израиль в ней не участвовал, как и не подписал сам Договор) содержалось поручение России, Великобритании и США как депозитариям Договора и странам-соавторам Резолюции 1995 по Ближнему Востоку, а также Генеральному Секретарю ООН созвать в 2012 г. конференцию, посвященную созданию в ближневосточном регионе такой зоны.

За прошедшее с 2010 г. время «соучредителями» конференции были предприняты активные усилия по ее подготовке. Однако они были сведены на нет поддержанным США отказом Израиля, а за ним и Ирана принять участие в этом важном форуме, который из-за этого пришлось перенести на 2013 г. (www.mid.ru 24.11.12).

Как отметил С. В. Лавров, «решено было провести эту конференцию до конца 2012 года… Мы вытаскиваем на своих плечах основную тяжесть работы и с арабами, и с Израилем, и с Ираном. В итоге получился достаточно приемлемый для всех пакет, но его отказались поддержать американцы» (РИАН 09.12.12).

29 ноября 2012 г. палестинцы одержали важную политическую победу: ГА ООН подавляющим большинством голосов приняла решение предоставить Палестине статус государства-наблюдателя, нечлена ООН. За это справедливое решение проголосовало 138 из 193 стран-членов ООН, в их числе Россия, Китай и Франция.

Обретение нового статуса, которое приветствовалось руководством как «Фатх», так и «Хамас» и искренним ликованием населения в секторе Газа и на ЗБРИ, открывало перед палестинцами дополнительные возможности для наращивания давления на оккупантов через такие авторитетные органы, как Международный уголовный суд в Гааге, Совет ООН по правам человека и др. Ведь мировое сообщество официально признало Палестину государством с установленными границами, что, с точки зрения международного права, превращало ее захваченные Израилем земли в территорию, находящуюся под иностранной оккупацией (Lenta.ru 03.12.12).

В начале января 2013 г. М. Аббас подписал указ о переименовании ПНА в «Государство Палестина» и внесении соответствующих изменений в официальную символику, включая герб и печати. Себя он распорядился называть президентом государства и поручил профильным ведомствам заняться разработкой новых орденов, медалей и марок, учитывающих изменившееся положение палестинцев на мировой арене (РИАН 05.01.13).

Реакция Вашингтона последовала незамедлительно: как заявила В. Нуланд, «США не намерены признавать ПНА в качестве Государства Палестина. В соответствии с нашей политикой мы будем неизменно продолжать называть ее Палестинской администрацией до тех пор, пока не будет путем переговоров достигнуто соглашение о создании государства с границами. Нельзя создать государство с помощью простой риторики, названий и ярлыков. Его можно создать только в контексте и посредством двухсторонних переговоров» (Интерфакс 08.01.13). А перспективы и, главное, результаты таких переговоров при непоколебимой поддержке американским руководством экспансионистских устремлений Тель-Авива выглядели весьма туманными.

«Уверены, — отмечалось в поздравлении Президента РФ В. В. Путина главе ПНА М. Аббасу, — что эта задача [создания государства] реализуема, учитывая годы самоотверженной работы нескольких поколений палестинцев и их стремление к независимости» (Голос России 30.11.12).

Постпред РФ в ООН В. И. Чуркин расценил поддержку большинством стран мира резолюции о новом статусе Палестины «как важную веху на пути восстановления исторической справедливости. 65 лет назад, — заявил он, — в этот день была принята соответствующая резолюция о разделе подмандатной Палестины на два государства. На половину эта резолюция была выполнена, теперь необходимо, чтобы бок о бок в мире и безопасности с Израилем существовало и независимое и жизнеспособное палестинское государство» (Первый канал 30.11.12).

«Рассчитываем, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — что после повышения статуса Палестины в ООН будет в кратчайшие сроки возобновлен субстантивный палестино-израильский переговорный процесс. Призываем также к скорейшему созыву министерского заседания ближневосточного “квартета” международных посредников для проведения всестороннего анализа ситуации на палестино-из-

раильском направлении и нахождения путей преодоления тупика в мирных переговорах» (www.mid.ru 30.11.12).

Такой вполне конструктивный призыв был США проигнорирован, не встретило позитивного отклика у них и российское предложение наладить более тесное сотрудничество между «четверкой» и Лигой арабских государств.

Российская позиция по БВУ, проверенная практикой, была поддержана в ООН. На другой день после придания Палестине статуса государства-наблюдателя Генеральная Ассамблея потребовала от Израиля покинуть оккупированные им в 1967 г. сирийские Голанские высоты, отказаться от провозглашения Иерусалима своей столицей и начать мирные переговоры с палестинцами. ГА ООН призвала также к скорейшему созыву Московской международной конференции по Ближнему Востоку, которая до того уже много раз откладывалась**.** При поддержке международного «квартета» посредников ближневосточного урегулирования Израиль и Палестина, указывалось в принятой резолюции, должны были возобновить переговоры о мирном урегулировании. (РИАН.01.12.12).

Ставшие привычными угрозы Израиля и США в адрес ПНА (прекращение помощи, перечисления налогов и сборов и проч.) вновь не возымели действия. Стратегическим союзникам оставалось лишь проголосовать против резолюции и уныло заявить, что этот «негодный, бесполезный и контрпродуктивный шаг» не приведет к созданию палестинского государства и лишь станет новым препятствием на пути к миру на Ближнем Востоке (Интерфакс 30.11.12).

На призывы ГА ООН возобновить мирный процесс Израиль ответил в своем традиционном стиле: на другой день после обретения Палестиной нового статуса Тель-Авив одобрил строительство еще более трех тысяч единиц жилья в Восточном Иерусалиме и на ЗБРИ (Интерфакс 30.11.12).

Через несколько дней правительство Израиля единогласно отвергло решение ГА ООН. В постановлении кабинета министров заученно отмечалось, что «народ Израиля имеет естественное, историческое и юридическое право на свою родину и на свою вечную столицу Иерусалим, а государство Израиль, государство еврейского народа, имеет право и отстаивает свое право на спорные регионы Земли Израиля». В связи с этим правительство постановило: «отвергнуть решение 67/191 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 2012 года; указать, что данное решение не изменит состояние спорных районов, не утвердит никаких прав, а также не отменит никаких прав государства Израиль и еврейского народа на Земле Израиля; что данное решение не будет являться основой для будущих переговоров и не продвинет мирное решение конфликта». Премьер Б. Нетаньяху отметил также, что «не будет палестинского государства, пока не будет гарантирована безопасность граждан Израиля, пока государство Израиль не будет признано еврейским государством и пока палестинцы не объявят о завершении конфликта. Государство Израиль не позволит превратить район Иудеи и Самарии [ЗБРИ] в базы иранского террора, что произошло на территориях, переданных в Газе и Ливане» (ИТАР-ТАСС 01.12.12).

Для «укрепления национальной безопасности» Израиль в спешном порядке к концу 2012 г. завершил строительство многокилометрового (227 км) забора безопасности, отделившего его от сектора Газа и беспо-

койного Синайского полуострова и обошедшегося казне во многие миллионы шекелей. Одновременно такое же сооружение, оснащенное современной электроникой, замысливалось Тель-Авивом и на Голанских высотах, захваченных у Сирии в 1967 г. и незаконно аннексированных в 1981 г. (Le Monde 06.01.13). По признанию Б. Нетаньяху, оно было необходимо, так как «в последние месяцы части сирийской правительственной армии отошли на значительное расстояние от границы с Израилем, а их место заняли вооруженные банды "всемирного джихада"» (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (31 декабря 2012 г. — 6 января 2013 г.)//www.iimes. ru).

Как свидетельствовал опыт минувших десятилетий тяжкого арабо-израильского противостояния, сооружаемые израильтянами ограждения не давали полных гарантий от просачивания террористов, контрабандистов и иных темных личностей. В то же время они создавали дополнительные препятствия для переговоров об урегулировании территориальных споров.

К концу января текущего года в Израиле заговорили о возможности нанесения удара по складам химического оружия в Сирии, обосновывая такой рискованный во всех отношениях шаг нараставшей угрозой его попадания в руки боевиков и экстремистов (Corriere della Sera 29.01.13). 30 января такой удар, разумеется не без ведома США, был нанесен по научно-исследовательскому центру Министерства обороны САР близ Дамаска (Россия 1; Интерфакс 31.01.13). В нем предположительно (!) разрабатывались и хранились образцы оружия массового поражения. В результате налета, ставшего очередным вопиющим нарушением Израилем всех мыслимых канонов международного права, которые, как всегда, ему были не указ, погибло два человека, еще пятеро пострадали. И на сей раз на фоне поднявшейся в мире протестной волны Вашингтон и Тель-Авив предпочли поначалу просто отмолчаться. Когда же по сирийскому телевидению были показаны произведенные разрушения, то израильтяне неожиданно признали, что удар-де нанесли, но не по центру, а по военной автоколонне, которая, опять же предположительно, перевозила оружие «Хизбулле» (НТВ 03.02.13).

Иран заявил, что любое нападение Израиля на Сирию будет воспринято им как удар по своей территории (BBCRussian.com 31.01.13). С угрозами ответных шагов в адрес «сионистского врага» выступила и ненавистная израильтянам «Хизбулла» (Reuters 31.01.13).

Предупреждения Москвы об опасностях намеренного подогревания извне внутрисирийского конфликта, как показывала практика, были вполне обоснованными и резонными.

В отместку за самоволие палестинцев израильские власти в какой уже раз приостановили перечисление ПНА налогов и пошлин, которые они собирали от ее имени на ЗБРИ (РИАН, Интерфакс 01.12.12). Реакция арабских стран последовала незамедлительно: они обещали палестинцам компенсировать потери в размере 100 млн долл. (из недостающих 240 млн) ежемесячно (Asharq Alawsat 10.12.12).

«В Москве, — отмечалось в комментарии Департамента информации и печати МИД России, — с самой серьезной обеспокоенностью воспринимаются эти намерения израильской стороны. Строительство поселений на оккупированных Израилем в 1967 г. палестинских территориях, включая Восточный Иерусалим, является незаконным, не признается и осуждается

Россией, всем международным сообществом. Реализация заявленных новых масштабных планов поселенческой активности весьма отрицательно повлияет на усилия по возобновлению прямых переговоров, нацеленных на двугосударственное решение палестино-израильского конфликта. Что касается прекращения финансовых трансфертов, то подобный шаг приведет к еще большему дефициту бюджета Палестинской национальной администрации, осложнит и без того непростую социально-экономическую и гуманитарную ситуацию на палестинских территориях. В этой связи призываем израильскую сторону пересмотреть объявленные планы по поселенческому строительству и продолжить осуществлять денежные переводы палестинцам, сохранив возможность возобновления переговорного процесса и достижения справедливого и долгосрочного мира в регионе» (www.mid.ru 03.12.12).

Для облегчения трудной участи палестинцев, еще более усугубившейся после израильских ударов 14–21 ноября, Правительство РФ приняло решение предоставить населению Газы гуманитарную помощь. 21 декабря 2012 г. самолетом МЧС России в египетский город Аль-Ариш были доставлены для отправки в сектор палатки, одеяла, продукты питания (общим весом около 42 тонн).

«В Москве, — отмечалось в сообщении МИД РФ для СМИ, — намерены продолжать оказывать необходимое и разноплановое содействие улучшению условий жизни простых палестинцев, социально-экономической ситуации на всех палестинских территориях — на Западном берегу реки Иордан, включая Восточный Иерусалим, и в секторе Газа» (www.mid.ru 21.12.12).

Обструкционистские шаги Израиля заставили реагировать и его западных союзников и партнеров. Свое неудовольствие ими глухо выразили США, а в Западной Европе пошли еще дальше: Великобритания отозвала из Тель-Авива своего посла «для консультаций», израильские послы были вызваны для объяснений в МИДы Франции, Швеции, Дании, Испании и даже далекой Австралии (ИТАР-ТАСС 03.12.12). Осуждение израильских намерений выразили СБ ООН, ЕС и даже Госдеп. Однако от действенных санкций против своеволия Тель-Авива западники, как всегда, предпочли воздержаться.

Следуя прежним курсом, США выступили против принятия Совбезом ООН подготовленного Великобританией, Германией, Францией и Португалией проекта даже не обязывающей резолюции, а заявления, осуждавшего решение Израиля возобновить строительство поселений в Восточном Иерусалиме и на ЗБРИ. Несмотря на это, заявление было принято 14 голосами из 15 членов Совета (Известия 21.12.12).

Россия настойчиво предлагала обсудить новые ближневосточные реалии на встрече «квартета» международных посредников в тесном контакте с ЛАГ, однако США всячески уклонялись от реализации этой конструктивной инициативы. В результате такого некооперабельного подхода процесс ближневосточного урегулирования оставался в глухом тупике (РИАН 09.12.12).

Не способствовали выходу из него и израильские внутриполитические подвижки: в середине декабря 2012 г. под тяжестью выдвинутых против него еще в 1997 г. обвинений в мошенничестве и лихоимстве в отставку был вынужден уйти одиозный глава МИДа А. Либерман. Возобновление палес-

тино-израильских контактов, таким образом, даже по формальным причинам откладывалось на неопределенное время (Независимая газета 16.12.12).

А мировое сообщество, сознавая опасность застоя в арабо-израильском урегулировании, настойчиво требовало реанимации мирного процесса. «В свете последних событий на Ближнем Востоке, — четко указывалось в Совместном заявлении министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова и Высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности К. Эштон (Брюссель, 21 декабря 2012 г.), — Россия и Европейский Союз твердо убеждены в том, что настало время предпринять четкие и конкретные шаги на пути к достижению мира между палестинцами и израильтянами. Стороны должны вступить в прямые и субстантивные переговоры без предварительных условий с целью достижения долгосрочного решения палестино-израильского конфликта, которое урегулирует все существующие между ними спорные вопросы на основе резолюций 242, 338, 1397, 1515, 1850 СБ ООН, мадридских принципов, включая принцип "мир в обмен на землю", "дорожной карты", Арабской мирной инициативы и ранее достигнутых между сторонами договоренностей». «Российская Федерация и Европейский Союз, — отмечалось далее в документе, — глубоко озабочены и выражают твердое неприятие в связи с израильскими планами по расширению строительства в поселениях на Западном берегу реки Иордан… Будучи реализованными, эти планы поставят под угрозу возможность создания территориально-целостного и жизнеспособного палестинского государства. Российская Федерация и Европейский Союз подтверждают, что поселенческая деятельность является незаконной с точки зрения международного права и создает препятствие на пути к миру. Российская Федерация и Европейский Союз не признают изменений в границах до 1967 г., в том числе в отношении Иерусалима, кроме изменений, которые одобрят обе стороны. Российская Федерация и Европейский Союз призывают Израиль избегать любых шагов, подрывающих финансовое положение Палестинской национальной администрации» (www.mid.ru 22.12.12).

Колонизаторская политика Тель-Авива была решительно осуждена и Генсеком ООН Пан Ги Муном, рассмотревшим в конце января 2013 г. доклад независимой международной комиссии по установлению фактов в отношении израильских поселений. Они оказались столь вопиющими (вытеснение палестинцев и насилие над ними, уничтожение их домов и полей и прочие противоправные деяния), что составители доклада пригрозили Израилю разбирательством в Международном уголовном суде (ИТАР-ТАСС; Независимая газета 01.02.13).

В ответ на такую вполне четкую и определенную позицию мирового сообщества Израиль действовал по-басенному: «…а Васька слушает, да ест». Вскоре после заявления Пан Ги Муна министерство обороны Израиля утвердило план сооружения еще 364 домов для поселенцев (ИТАР-ТАСС 01.02.13). Израиль отказался пройти Универсальный периодический обзор выполнения своих обязательств в области прав человека, проводимый ООН с 2008 г. (ИТАР-ТАСС 30.01.13). А Б. Нетаньяху для пущей верности стращал израильских послов, собравшихся на совещание в начале 2013 г., угрозой прихода к власти в ПНА Хамас. «Право на возвращение палестинских беженцев, — безаппеляционно заявил он, выступая перед ними, — равносильно исчезновению государства Израиль» (ИТАР-ТАСС 03.01.13).

С усилиями мирового сообщества добиться разрядки взрывоопасной ближневосточной ситуации резко диссонировали и заявления американских официальных лиц о сохранении присутствия США в стратегически важных районах Ближнего Востока. Так, к примеру, министр обороны Л. Панетта, находясь в декабре 2012 г. в Кувейте, безосновательно утверждал, что американское военное присутствие в этой стране и других частях зоны Персидского залива якобы способствовало «сдерживанию агрессии» и укреплению потенциала партнеров США. По словам тогдашнего главы Пентагона, к тому времени в Кувейте было дислоцировано 13,5 тыс. американских военнослужащих, а всего в регионе — до 50 тыс. солдат и офицеров ВС США, что позволяло «отреагировать на любую экстренную ситуацию в этом районе». Он также поведал о намерении Вашингтона сохранить «сильное присутствие» на Ближнем Востоке, несмотря на «стратегический сдвиг» в американских геополитических планах в сторону Азии (Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (10–16 декабря 2012 г.) // www.iimes.ru).

«Сильное присутствие» в регионе, где добывалось около четверти всей нефти на планете, было необходимо, так как, несмотря на щедрые финансовые вливания, положение в таких важных для нефтедобычи странах как Кувейт и Бахрейн было не всегда стабильным, время от времени оппозиционеры, особенно шиитские, требовали демократических перемен, которые для американских «поборников демократии» в случае, когда речь шла о многомиллиардных прибылях, были совсем нежелательны.

На политическое подкрепление «присутствия» США был нацелен визит в декабре 2012 г. в саудовскую столицу г. Эр-Рияд делегации американских конгрессменов во главе с председателем комитета по вопросам разведки палаты представителей М. Роджерсом. Она была принята наследником престола, министром обороны принцем Сальманом, который заверил американских гостей в приверженности королевства стратегическому сотрудничеству с США (Asharq Alawsat 11.12.12). А месяцем ранее на фоне нагнетаемой Вашингтоном и Тель-Авивом антииранской истерии Катар и ОАЭ сообщили США о желании приобрести у их военно-промышленного комплекса за 7,6 млрд долл. противоракетные системы наземного базирования для высотного заатмосферного перехватывания ракет средней дальности (Интерфакс 06.11.12).

Тем временем, действуя под крылом покровителей из Вашингтона, Тель-Авив, несмотря на многократно выраженное неодобрение мирового сообщества, продолжал свою экспансионистскую деятельность, создававшую все новые и новые труднопреодолимые препятствия для возобновления мирного процесса на палестинском треке.

Не оказало отрезвляющего воздействия на израильскую верхушку и вполне реалистичное предупреждение нового американского госсекретаря Дж. Керри о том, что «открывшееся окно для решения [палестино-израильского конфликта] на основе двух государств может закрыться» и это будет «катастрофа» (Le Figaro 28.01.13).

Ситуация осложнялась подогревавшимся извне кровопролитным конфликтом в Сирии, невольными жертвами которого становились и палестинские беженцы, нашедшие приют в САР. Их нараставший поток в соседние страны обострял и без того непростую обстановку как в этих странах, так и

в регионе в целом. Не способствовали стабилизации ситуации и беспорядки, сотрясавшие Египет после прихода к власти в этой ведущей арабской стране «братьев-мусульман» и других исламистов.

В таких взрывоопасных условиях глава ПНА М. Аббас в очередной раз пригрозил уходом со своего поста с передачей всей ответственности за положение в автономии израильским властям. «Если даже после израильских выборов [в конце января 2013 г.] не будет никакого прогресса, — саркастически поведал он о своих планах в интервью газете «Гаарец», — я позвоню Биньямину Нетаньяху и скажу ему: "Дорогой друг Нетаньяху, займи мое место. Я передаю тебе бразды правления, и теперь именно ты будешь нести ответственность за палестинскую автономию"». Он подчеркнул, что не выдвигает невыполнимых условий для возобновления диалога с Тель-Авивом: «Я лишь прошу Нетаньяху не строить поселения во время переговоров» (Интерфакс 28.12.12.).

Этот призыв в очередной раз услышан не был: в разгар предвыборных баталий израильский премьер без обиняков направо и налево заявлял прессе, что «реалистичное и справедливое» урегулирование с палестинцами не могло включать в себя выселение сотен тысяч евреев из их домов в поселенческих блоках за линией границы 1967 г. «Мы не выкорчевываем корни, мы их укрепляем», — бахвалился он перед журналистами (ИТАР-ТАСС 18.01.13). Таким образом, сбывались самые худшие опасения палестинских лидеров: израильские поселения подобно раковым метастазам расползались по оккупированным землям.

Победа правых, пусть даже с минимальным перевесом (половина мест в кнессете), на досрочных парламентских выборах в Израиле 23 января текущего года не прибавила оптимизма сторонникам поисков политических выходов из застарелого ближневосточного тупика. Им предстояла долгая и изнурительная борьба за достижение в многострадальном, сотрясаемом опасными конфликтами и турбулентными переменами регионе справедливого и долгосрочного урегулирования.

Борис КЛЮЧНИКОВ

РАСОВОЕ ТАБУ*

Главы из нового исследования «Большая Европа В. Путина» (Кто «за» и кто «против»)

Борис Федорович Ключников — родился в г. Георгиевске Ставропольского края в 1935 г. Окончил с отличием МГИМО, Дипломатическую академию. В течение более 20 лет работал в ЮНЕСКО в Париже. В качестве эксперта ЮНЕСКО и Всемирного Банка работал в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки. Многие годы был директором программы политики и планирования образования ЮНЕСКО. Вернувшись на родину, стал главным научным сотрудником Института востоковедения РАН, профессором Восточного университета. Автор семи монографий. В течение 15 лет печатается в журнале «Наш современник». **Живет в Переделкино.**

*Печатается с сокращениями.

Расовое табу

Итак, факты жизни на планете и господствующие социальные теории не совпадают, находятся в опасном противоречии. Льется кровь жертв религиозных и расовых столкновений, а в «приличном» обществе уже два поколения людей считают опасным даже упоминать о расах. Человека, который в самых нейтральных тонах упомянет о расах или об их различиях, начинают подозревать в человеконенавистничестве, в расизме. Тема о расах стала табу, и многие годы полезным табу, потому что по невежеству, из-за гордыни, рассуждения о расах, как правило, сводились не к их особенностям и отличиям, к их дарованиям, а к их неравенству, к восхвалению своей расы. Известно, каждый кулик свое болото хвалит! Но и здесь перегнули палку. Многие теоретики-доброхоты стали утверждать, что рас вообще нет и не было! Это страусиная позиция — прятать от испуга голову в песок. Опасно загонять болезнь вглубь, ибо это ведет обычно к жесточайшему кризису.

Ученые, наука на данном этапе склонны считать, что в процессе эволюции «гомоноидов» было несколько ветвей. В санскрите раса означает единство крови и вместе с тем общий ареал обитания. В санскрите раса — это и эталон совершенства. Раса — это подгруппа вида, и в этом смысле Священное Писание с полным основанием утверждает, что «в одном месте и от одного корня возник род человеческий». Этот гуманный догмат спас столько жизней, предотвратил столько убийств. Он лег в основу великой заповеди «Не убий». Но ввиду того, что религиозные, этнические и расовые отношения все более накаляются, а биологические исследования совершенствуются, пришло вре-

мя посредством всех возможных каналов воспитания и образования внедрять в массовое сознание, что расы, как и этносы, существуют и *угрозу гуманизму составляет не признание очевидного — рас, а искажения в толковании свойств и особенностей рас*.

Приведу сбалансированное мнение двух американских генетиков Фостера и Шарпа (Foster and Sharp), которые вели исследования на тему: «имеет ли раса какую-либо биологическую реальность». Некоторые надеялись, что чередование человеческого генома подорвет взгляды тех, кто считает, что ни расовые, ни этнические классификации не имеют никакого биологического значения, что геномика даст, наконец, твердое свидетельство, что и раса, и этнос это социальные, а не биологические явления. Ирония этих исследований в том, что они, напротив, возобновили и усилили интерес к *биологическим* различиям рас и этносов. Опасность, конечно, велика, что расисты используют данные генетики для навязывания мнения, что есть разница в умственных способностях различных рас. Нет, есть разница вообще в этнических характерах, в способностях отдельных людей, разница в успехах рас и их народов в различные эпохи и т. д.

Творец наделил все народы особыми талантами, у каждого свой гений и особое предназначение в судьбах человечества. Они в разное время раскрываются во всей полноте. История творится неприметно, порой в самых забытых уголках планеты. Иисус, например, явился в Галилее, дальней, неприметной провинции великой Римской империи. Христианство вначале было для иудеев скандалом, для греков безумием, для римлян беззаконием. И вот за 2000 лет оно становится объединителем человечества. Не специалисту не следует забираться в глубины генетики, науки, сделавшей огромный прогресс, но постоянно встречающейся со многими загадками Творца. Можно, однако, согласиться с мнением основателя науки генетики — с чешским католиком-монахом, школьным учителем, с Грегором Менделем (Gregor Mendel): «Генетика будет управлять не только физическим, но и психическим здоровьем человечества»… Генетики утверждают, что скоро они смогут отбирать самые ценные гены и конструировать одаренных детей (babies on deseign). Это будет вмешательством в дела Творца. В системе ООН срочно нужно в дополнение к Совету Безопасности создавать Этический Совет, который бы состоял из гуманистов-мудрецов и направлял научные исследования и эксперименты только на благо всего человечества. Факт, что существуют не то что кланы, а государства, где тщательно поддерживается миф об избранности.

Обсуждаемый вопрос имеет самое широкое практическое применение в быту. Вдумаемся в письмо, довольно типичное, которое появилось в Интернете: «Как мне жениться, где найти белую с чувством достоинства женщину? Мне 25 лет. Мне не хочется заводить и растить цветных детей от моей будущей жены, которая скорее всего будет мне изменять с черными, азиатами и латиносами. Я перестал верить девицам, они врут, обманывают и подрывают нашу наследственность. Жду совета». И вот какой совет этому молодому смятенному уму дают наставники-расисты: «Настоящие белые женщины не изменяют, если вы хорошо к ним относитесь. Корень проблемы кроется в смешении кровей. Появилось так много женщин, которые выглядят как белые, но они уже нечистокровные белые, а с примесью цветной крови от других расово смешанных браков. Будь очень избирателен.

Присматривай жену из настоящих белых семей в США, в Англии или в Австралии, и не ошибешься, если будешь хорошо к ней относиться. Мы когда-то были белым большинством, теперь мы меньшинство и мы обязаны быть очень осторожными, чтобы защищать и распространять нашу расу. Удачи тебе, брат!»

Странный, нежизненный совет. Можно было подправить взгляды расово озабоченного парня, просто обратив его внимание на окружающие его семьи, какие браки оказываются удачными, какие семьи многие годы остаются крепкими и счастливыми. Народы и в этом жизненном вопросе накопили богатый опыт. Вспомним раннюю повесть Л. Н. Толстого «Казаки», где он предстает не только великим писателем, но и ученым-этнографом, точно, уважительно описывающим жизнь терских (гребенских), ныне расказаченных станиц. Красавица казачка Марьяна отвергает ухаживания столичного аристократа, сына богатого сенатора: «Уйди, постылый!». Люб ей свой станичник удалой Лукаш, по-уличному «Урван». Несколько одумавшийся аристократ говорит сам себе: ведь и верно, так и нужно, и что бы Марьяна делала в Москве и в Петербурге на светских балах?!

Вспоминаю и наставления старших нашим станичным женихам: «Одобряем, женись, коль любишь. Она из работящей семьи». Почему, — спрашивали мы, школьники, почему именно «работящая? Почему не добрая, умная, красивая?» «Потому, — отвечали нам старшие, — что праздность — это мать всех пороков». И добавляли: «Делу время — потехе час! Давайте за работу, сделал дело — гуляй смело».

Поколения наших отцов, отстоявших Родину в войну, знало подлинное назначение труда. Он, труд, был для них не только для «удовлетворения все растущих материальных потребностей», но и для воспитания характера, воли, целеустремленности. Усадебная жизнь уступила, конечно, место культуре города, в которой многие дети могут позволить себе часами пассивно сидеть перед телевизорами. Иван Шмелев, один из самых проникновенных православных писателей, так описывал значение труда: «“Только она, работа, — показал он кругом, — все освещает и освящает. В этом вся философия и весь смысл. Это — работа!” — выговорил он округло, веско. Сила хозяйственности, порядка, верности!»[1]

От интуиции писателей и их бытовых зарисовок вернемся к некоторым научным понятиям. Критикуя расизм, многие сводят его только к экстремальным проявлениям «расовой ненависти», «расовой неполноценности» и прочему. Но в жизни расизм проявляется иногда вовсе без агрессии, а вкрадчиво. *Расизм это мировоззрение и идеология, которые расу в ее биологическом значении рассматривают как основополагающий и определяющий фактор способностей и особенностей человека*. Расисты считают, что ни воспитание, ни образование, ни жизненный опыт не могут существенно изменить генетическую природу, полученную при рождении. Это по сути отрицание социального (по-англ. environmental) фактора, фактора влияния месторазвития. Кровь, а не почва! В теориях антропологов также часто смешивают биологическое понятие «раса» и этническое и социальное понятие «народ». И, как было показано, это смешение понятий расы и этноса проникло, а в некоторых европейских

[1] *Шмелев И.* Каменный век.

странах преобладает и дает ядовитые плоды ксенофобии, в первую очередь в отношении к иммигрантам-мусульманам. Фактор иммиграции может поэтому открыть путь для новой тоталитарной расистской диктатуры. Уже заметно смягчение критики нацизма, распространение взглядов, что «не все у нацистов и, особенно, у итальянских фашистов было плохим». За этим следует, что «многое в их политике в свете того, что ныне происходит, вполне объяснимо и правильно». Эти настроения объясняют, почему европейские антифашисты бьют тревогу. При определенных обстоятельствах в Европе может взять реванш не «рехристианизация», которой добивается папа Бенедикт XVI, а фашизация.

Большая Европа без азиатов?!

В такое переломное осевое время в поверженной, но от рождения великой стране, в России, ее лидер настойчиво — «вновь предлагает» немцам, французам, итальянцам и другим всем вместе «поработать в пользу создания гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока»[1]. Многие внимательно, а порой с энтузиазмом, отнеслись к этому грандиозному проекту. Влиятельный французский геополитик-католик А. дель Вай (Alexander del Valles), например, точно подметил главное, а именно: «Путин отказался попасть в ловушку “столкновения цивилизаций”». Он предлагает большое общее дело для нескольких поколений всех европейцев. Петр I раздвинул в Азии границы христианства до Тихого океана, и теперь, три века спустя российский лидер предлагает всем европейцам строить Большую Европу, строить мост между Европой и Азией. Без какой-либо вражды, на принципах добрососедства с народами Азии.

Инициатива мирная, без претензий на мессианство, а главное своевременная, потому что довлеющая над миром атлантистская геополитическая конструкция дала не только трещины. В ней образовались огромные проблемы, и их уже не заделать. Свято место не бывает пусто! *Ей на смену идет континенталистская Большой Европы*. Начинать нужно не с погони за выгодой-прибылью, а с преодоления настороженности, отчужденности, розни, недоверия и подозрительности среди европейцев. Россия предлагает путь к единству посредством общего дела — созидания Большой Европы. И что она получает в ответ?! Отказ даже от безвизового режима, новую волну русофобии в информационной войне, которую ведут атлантисты по обе стороны океана. У них и в самой России есть влиятельные союзники. Либералы-атлантисты хотели бы присоединять к Европе расчлененную Россию, по частям, с сокращенным населением, у которого будет окончательно подавлено национальное самосознание. Вот почему начинать строить Большую Европу надо со сплочения патриотов как Западной, так и Восточной Европы. Национал-патриоты Франции, Германии, Италии, Испании и т. д. ищут союза с патриотами России, ибо у них общий противник — глобалистская проамериканская правящая элита, теряющая связь со своими нациями. Надо без колебаний, без оглядок за океан начать опираться на конструктивные патриотические силы, какие бы им ни клеили ярлыки. Без поддержки из-за рубежа наши либералы, наш «креативный класс» быстро превратится

[1] Газета «Московские новости», 27 февраля 2012 г.

из стенобитной машины атлантистов против русской государственности в обычных маргиналов, «страшно далеких от народа».

Единство в России будет достигнуто, прежде всего, путем начавшегося примирения между «белыми и красными русскими». Коммунисты отмежевываются от «пламенных» революционеров-богоборцев и протягивают Церкви руку примирения. И у Православной Церкви, и у коммунистов были и сохранились в народе глубокие корни. Церковь крепнет, потому что она соборна, всенародна, поддерживает слабых, пытается обуздать зарвавшихся сильных. Единство достижимо и с исламом, так как обе великие религии традиционно проповедуют божественную справедливость. Одновременно нужна целенаправленная работа для сближения с европейскими патриотами. Не ошибемся, если будем исходить из того, что в мире усиливается национализм, потому что и европейцы, и азиаты «объелись глобализма». Национализм, защита национальной самобытности более не патология, а норма, приравниваемая к патриотизму. Основатель русского космизма, автор трактата «Общее дело» Н. Ф. Федоров размышлял о причинах вражды «небратства и неродственности». Он ясно указывает путь единения: «Единства нет без общего отеческого дела». *Идеи, развитые русскими космистами, имеют высокие шансы стать идеологией и Большой Европы, и Евразийского Союза.* Россия ныне предлагает грандиозное общепланетарное общее дело! Надо, конечно, учитывать, что европейцы почти ничего не знают ни о Православии, ни, тем более, о русских космистах. Пришла пора и им знакомиться с русской культурой.

Строительство Большой Европы абсолютно неприемлемо для денежных атлантистских элит. И потому они решили ускоренно перекодировать и направить против России и против Западной Европы колоссальные энергии ислама, посредством его овладеть геополитической сердцевиной мира — Центральной Азией. Они будут неотступно прокладывать путь в подбрюшье России, в тыл Китая, в северо-восточный Иран, в северную Индию. Исламская дуга нестабильности от Нигерии до Киргизии и Кашмира — важнейший фактор в стратегии атлантистов. Руками исламистов они намерены, наконец, добраться до богатейших ресурсов северной Евразии. Поистине успех или провал этой стратегии ведет или к укреплению, или к ликвидации однополюсного мира.

«Однако, — пишет наш видный политолог А. Фурсов, — впервые англо-американо-еврейские элиты столкнулись с глобальным противником не западного типа — с Китаем»[1]. Противник настолько непривычный, настолько быстро набирающий державную мощь, цель настолько жизненно важная, что западные элиты могут отдать на заклание осажденное государство Израиль, созданное в 40-е годы и трудами также энтузиастов, идеалистов, переживших холокост.

В этот исторический момент Президент Путин выступает с инициативой Евразийского Союза, моста для мирного взаимовыгодного сотрудничества десятков государств. Очевидно, что проект Большой Европы должен будет опираться на ось Париж—Берлин—Москва, без участия англосаксов. И они за ценой не постоят, чтобы сорвать планы Большой Европы и Евразийского Союза. Испытанное оружие — стратегия «разделяй и властвуй». Как сде-

[1] Газета «Завтра», 25 января 2012 г.

лать невозможной ось Париж—Берлин—Москва? Самый надежный путь — перевести проект Большой Европы на расовые рельсы. Уже брошен лозунг «Большая Европа без азиатов!» Противнику хорошо известно, что русские не примут расизм, потому что он им чужд. Нет у русских, и никогда не было претензий на расовую избранность. Типичный русский человек не националист даже. Он патриот и носитель имперской идеологии. Бремя пространств, опасность нападения степных хищников, предпринимательский дух в освоении земель веками заставляли русского человека строить и крепить большую Державу. Православие стало естественным, органичным мировоззрением русского человека, даже тогда, когда он сам считает себя атеистом, коммунистом, социал-демократом и т. д.

Путинскому проекту «Большая Европа» объявлена большая информационная война. Европейцев стали пугать гегемонией Москвы и Православия: «Путин предлагает воссоздать империю царей». Или: «Сталинский молох, чьи жидо-большевистские казачьи орды и штрафные армии полвека держали в страхе Европу, снова нависает над нами». Перед «оранжевыми» и «болотными» оппозициями поставлена задача любыми путями убрать Путина. Этим во многом объясняется накал антипутинских страстей. Если бы это удалось, эти опасные планы рассыпались бы как карточный домик. Все пошло бы как в «добрые козыревские времена». Вот это забывают многие оппозиционеры.

Появление такого лидера как Путин, а до него Фиделя Кастро, Александра Лукашенко, Уго Чавеса и других, еще раз подтвердило правильность старой установки мирового олигархата — никогда не допускать, чтобы у нации появлялся без одобрения олигархов свой лидер. Такие неназначенные лидеры доставляют много хлопот. На Ф. Кастро было организовано более двух сотен покушений. Поэтому появление таких лидеров клеймят как вождизм, как деспотию, диктатуру, как отход от норм олигархической демократии. Их объявляют вне закона, их народу устраивают блокады. Особенно если такого самородка не удается приручить (domesticate). Финансовый олигархат преследует неотступно свою жертву, как бы она не маневрировала, какие бы компромиссы не предлагала. Таких лидеров устраняют, если им не удается сплотить вокруг себя народ или ведущий класс общества. Вот и сейчас в России для ее рывка в новый технологический уклад необходимо призвать и возглавить государствообразующий народ. И тогда, как в Отечественную войну, русские вновь отдадут ради великой России все силы своей души, измученной в перестроечное лихолетье.

Православные, сомкните ряды!

На путях перевода проекта «Большая Европа» на расовые рельсы встает твердыня Русской Православной Церкви. За годы гонений она не утратила связи с народом. Промахнувшись, ей дали 20 лет мирного развития, и она окрепла, ее духовное влияние в российском обществе растет. Разве не чудо, что после без малого столетнего гонения поклониться святыне — поясу Пресвятой Богородицы за несколько дней по зову сердца пришли миллионы православных людей. Это было, пожалуй, самое значительное событие за последние годы жизни страны. Преступление Брейвика в Норвегии и пляски в православном храме «лихих пусек» были тщательно

спланированными провокациями. Кто-то хотел узнать, проверить, готовы ли европейцы на Западе и на Востоке к возвращению расизма и культу языческих богов?! Можно ли надломить Православие, используя лавинообразно растущее недовольство людей неконтролируемой иммиграцией? Она объективно превращается в новое переселение народов и, кажется, может смести и Россию, и Западную Европу. Мусульманские иммигранты являются, по сути, внешним пролетариатом, живущим подчас в полурабском состоянии. Для старых бесов, которые так успешно стравливают народы, классы, расы, религии, не составит больших трудов и расходов перевести классовую ненависть в религиозную и расовую. Даже среди мусульман, которые, как известно, более терпимы в отношении различных рас и этносов. В идеале все мусульмане братья. Вот только до идеалов, провозглашенных Пророком, всем нам так далеко! Искры столкновений исламского пролетариата задумано превратить в великий пожар, который уничтожит всё неугодное мировой финансовой олигархии: государства, всякие штаты, религии, союзы, все планы на будущее, в том числе опаснейший проект Большой Европы.

Разведки боем, зондажи общественного мнения в Евросоюзе и в России дали разнонаправленные результаты. Молитвенное стояние в апреле 2012 г. у Храма Христа Спасителя сотен тысяч верующих показало огромный потенциал Православия. Стало ясно, что расизм и прочие «прелести» нового порядка в России не пройдут. Юнцы, которые превозносят ангелоподобного защитника белой расы Гитлера — это маргиналы. Общество их изолирует. С годами многие одумаются. Иная обстановка в протестантских кругах и странах. Там ядовитые семена расизма могут дать дружные всходы. Протестантство в основном уже перекодировано. Но его влияние падает. Главная западная церковь — католическая — едва сдерживает удары и на всех фронтах отступает: бесчестят папу Бенедикта XVI, священников поголовно выставляют педофилами, добиваются, чтобы Ватикан дал указание венчать гомосексуалистов. Убирают повсеместно христианскую символику. Детям запрещают носить нательные крестики. Либеральные власти уверяют, что таким образом они устанавливают равенство всех религий. Оставаясь верными заветам отцов Церкви, все православные должны, сплотив ряды, дать отпор сатанинским силам.

* * *

В мутном потоке популистских течений Европы надежным отличием расистов от националистов-патриотов является отношение к христианству. Важно разобраться, кто из десятков течений в данной стране преобладает. Вот пример. Расистов и отъявленных исламофобов принимают и внимательно выслушивают в палате лордов, а вновь избранный президент Франции отказывает президенту Национального фронта Франции в простом протокольном визите: за Марин Ле Пен голосовала в основном верующая католическая Франция, каждый пятый голосовавший. Она не угодна, ибо переступила запретную красную черту — объявила мировой олигархат главным врагом Франции, да еще позволяет себе «восхищаться Путиным» и его проектом Большой Европы.

Нордический дух языческих богов

Христианские церкви, как бы они ни были разобщены и ослаблены, питают и поддерживают цивилизационное ядро Большой Европы. Они способны не допустить демонтажа единства рода человеческого. Для христиан расовые войны — это ужас, это ад, царство антихриста. Французские расисты издают свой журнал с энергичным названием «Обдумать и действовать»[1]. Его авторы призывают отказаться от Христа, вернуться к языческим богам далеких предков, начинать строить неоязыческую Большую Европу. Христианство виновно в том, — уверяют они, — что «проложило путь для современного антирасизма»[2]. Они не приемлют идей даже таких широко известных мыслителей правого толка, как Шарль Моррас, Морис Баррес, Алан де Бенуа, Жан Парвулеску, Роберт Видаль, Гийом Фэй, Александр дель Вай, Владимир Волков. Для них они недостаточно правые, всего лишь националисты, все еще поклоняющиеся Христу, а не расисты. Христианство с его милосердием и человеколюбием, — по их мнению, — расслабляет народы, нарушает единство арийцев, которые должны стать сплоченными и готовыми к войнам неоязычниками, достойными памяти своих воинственных предков-викингов и норманнов. Кроткое христианство, — считают они, — с его нереальной любовью к ближнему не способно противостоять воинственному непримиримому духу ислама. Христианское смирение и покаяние при встрече с исламом ведут к изнурительному терпению, к унизительному отречению и попустительству. Возразим: разве история не дает сотни примеров героической и победоносной борьбы христианских церквей со всеми богоборцами, с теми, кто посягает на христианскую религию?! Христиане долго терпят, долго запрягают, но быстро ездят! Ислам, в понимании неоязычников, это хищная тоталитарная не столько религия, сколько идеология, и ей сможет противостоять только непреоборимый нордический дух, дух ариев, дух благородных, самоотверженных, справедливых воинов. В Интернете на сайтах[3] каждый день миллионы знакомятся вот с такими взглядами: «Судьбу ариев нельзя вручать ультра-правоверным христианам, ибо они скорее смирятся с Армагеддоном, чем отступятся от своих религиозных догм»… Арийский образ жизни был изменен и подчинен еврейской элите», — пишет «ариец-атеист». «Я, собственно, не против, *что спасение арийцев в возврате к Христу. Но этого мало!* Надо присматриваться, — советует он, — к современной весьма влиятельной арийской элите Америки». Да, в ее среде уже проповедуется «неохристианство». Одна из версий его, насколько мне известно, сдает в архив три Евангелия, кроме Евангелия от Иоанна. Вот так и бывает: страх, гнев, ненависть ослепляют! Как можно приспособить апостола любви и солидарности Иоанна Богослова к расизму, к ненависти. Разве что как это делалось до Иисуса Христа — распространять любовь и солидарность только на соплеменников.

Нацистские взгляды на христианство становятся основой возвращающегося расизма. М. О'Мира, например, не скрывает, что «мы возобнов-

[1] Reflechir et Agir. 3 Notes de lecture, N 29, 2008, p. 58.

[2] Там же.

[3] www.Boreans Rising; Counter Currents Publishing; The West's Darkest Hour, etc.

ляем борьбу потерпевшей поражение Германии»[1]. Нацисты были не безрелигиозны, они были глубоко враждебны христианству. Многие авторы ныне пытаются доказать, что Гитлер был верующим, ссылаются на его речи. В 1922 г. он ораторствовал: «Я христианин, но мой бог, мой спаситель был не страдальцем, а борцом против иудейского яда». В 1928 г. он заявил, что национал-социализм «по сути христианское движение». Но это была грубая демагогия. А. Шпеер, ближайший сподвижник и собеседник фюрера, в своих мемуарах вспоминает установку Гитлера: «Мы отбросим христианское лицемерие и создадим религию, соответствующую нашей расе. Нацистские идеологи во главе с А. Розенбергом подготовили 30 тезисов программы «Национальная церковь Рейха», где ставилась такая задача: «Национальная церковь полна решимости ликвидировать чужеземную христианскую веру, завезенную в Германию в недобрый 800 год… Мы запретим Библию, распятия, портреты святых. Нашим символом станет только меч и свастика, а вместо Библии — "Майн кампф".

Национальная самобытность и чуждые генофонды

Иммиграцию надо сокращать до минимума, так как она действительно размывает национальную идентичность европейских народов. Добавлю: еще больший ущерб наносит ей распространение массовой американской субкультуры. Именно среди общественных сил, близких к католической церкви, проект Большой Европы находит квалифицированную поддержку. «Только сотрудничество с Россией, — писал католический мыслитель А. дель Вай, — может дать независимость Старому континенту»[2]. «Между тем, — пишет этот автор, — Запад под давлением США ведет политику "нового сдерживания России", создает вокруг нее климат вражды». Перезагрузка стала отвлекающим маневром Вашингтона.

Обосновывая свой интеграционный проект, Президент Путин смеется над «расовой чистотой», над чистотой крови. И поделом, потому что их нет, это миф. Константин Леонтьев, самый, пожалуй, проницательный русский мыслитель консервативного направления, закончил жизнь, молясь в Оптиной пустыни. Он тоже писал: «кровь ведь… ни у кого не чиста… И что такое чистая кровь? Бесплодие духа… Любить племя за племя? Натяжка и ложь… Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить?» Эти мысли К. Леонтьева — вечный укор бестолковым нацикам. Верно, что «мы полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром». Он «стержень, скрепляющий ткань нашей уникальной цивилизации». Верно, но это статичный взгляд. Что случится с этим ядром, с этим стержнем, если рождаемость иммигрантов по-прежнему будет в 2–3 раза превышать рождаемость среди туземцев, т. е. русских, равно как и немцев, итальянцев, французов? *Надо заглядывать в будущее*. Об этом тревожатся все патриоты Европы. Не только оголтелые расисты, но вполне сбалансированные, трезво мыслящие люди. Почему они восстали против мультикультурализма? Потому что они видели, что в погоне за

[1] «Drieu on the Failure of the Third Reich», by Michael O'Meara.

[2] *Alexandre del Valle.* Guerre contre Europe: Bosnie, Kosovo, Tchétchenie) Editon Syrtes, 2001.

прибылью, за дешевой рабочей силой правительства массово ввозят взамен европейцев чуждые, далекие генофонды с Ближнего Востока и Африки.

Наметилась тенденция не дополнения, а замены европейского генофонда, т. е. размывания европейского ядра, христианского стержня, национальной самобытности. В этом кроется причина бурного роста национализма в Европе. Простые люди повсюду инстинктивно ставят целью своей жизни продолжение своей семьи, своего рода, своего генофонда, по-научному — генетической преемственности. Это для них убедительнее всех экономик, политик, важнее даже хлеба насущного. Свое будущее на земле они видят в детях. Кто думает, что русские имеют другие цели — глубоко ошибается. Профессор Ф. Солтер, проведя глубокие социологические исследования, так подводит их итог: «Жизнь в итоге есть передача особой генетической информации из поколения в другие поколения»[1]. Хотя все люди от одного корня, семья, род, клан, племена, народы — все бережно хранили на своей территории свою особую генетическую информацию. Она в основе родства. Близость и дальность родства измеряются сходством и различиями в генетической информации, в генетическом коде.

Во многих странах Европы проводились социологические обследования с целью выяснить причины распространенной культурной и психологической антипатии, а зачастую и несовместимости европейцев и уроженцев Среднего и Ближнего Востока. Первое, что их отличает, — пишут исследователи, — то, что европейцы — жители лесов эволюционировали как охотники и собиратели даров природы. Иммигранты-мусульмане — потомки кочевников, осваивавших степи и пустыни. У тех и других разные структуры семьи и способы ведения хозяйства. У европейцев — простая семья; у восточных народов расширенная семья, практически род и родовое хозяйство. Широко распространены браки между близкими, даже двоюродными родственниками. У европейцев сравнительно слабая привязанность к родственникам. Они способны поддержать обвинение против родственника, если правда на стороне чужака. Это редко случается среди людей с Ближнего Востока. Они *обязаны* сплотиться вокруг своего, если он и неправ, если он даже преступник. Европейцы индивидуалисты, независимые в своих поступках от рода и племени. Иначе среди людей Ближнего Востока, где царит обязанность быть солидарными. Отсюда у них проистекают непривычные для европейцев догматизм, явная несправедливость, подчинение авторитету родственника и главное, по-научному, моральный партикуляризм! В быту это двойные моральные стандарты, т. е. *что* ни в коем случае недопустимо делать с соплеменником, вполне возможно, даже похвально делать в отношении к чужаку.

Когда читаешь эти дорогостоящие исследования, порой задумываешься, зачем было их проводить. Их выводы веками фигурируют в исследованиях семитологов и в писаниях антисемитов. Есть, правда, и существенные различия: мусульмане в Европе крайне отрицательно относятся к смешанным бракам. Над девушками-мусульманками тяготеет запрет выходить замуж за не мусульманина. Даже на чужбине мусульмане бережно охраняют свою самобытность, свой генетический фонд. Этого же собственно хотят и обычные европейцы, которые вовсе не расисты. Они говорят: «Дайте нам жить

[1] *Dr. Frank Solter.* On Genetic Interest: Famile, Ethnicity and Humanity in an Age of Mass Migration. Second edition. New Brunswick.

в своем доме, давайте жить отдельно, вы в своих странах, мы в своих». Вы страдаете в своих гетто, и мы испытываем большие неудобства.

Отчаяние слышится в этих просьбах, в этих призывах, в редких молитвах. Никогда, даже в XX веке, в европейском обществе не чувствовались такая усталость, такая неуверенность в будущем.

Но реальна ли перспектива каждой нации жить в своем доме? Реально ли разъехаться? Едва ли будет так, как описано в Ветхом Завете: «и не поместительная была земля для них, чтобы жить вместе… И сказал Авраам Лоту: да не будет раздора между мною и тобою… ибо мы родственники. Если ты налево, то я направо, а если ты направо, то я налево (Бытие, 13–6 и 8).

А если жить вместе, сколько поколений пройдет пока выработается общий культурный код! Такой культурный код, какой есть в России, «который, — пишет Путин, — нас всех объединяет и который пытались взломать и пытаются сейчас». О том, что такой код у нас есть, что есть генетическая память об обычаях и нравах предков, люди давно знали, задолго до «исторического материализма», генетики и геномики. Этот код таинственно передается из поколения в поколение. Вспомним в этой связи очаровательную, мудро описанную сцену из «Войны и мира» Л. Н. Толстого: после охоты в доме «дядюшки» — отставного офицера суворовских походов Наташа Ростова под звуки балалайки пляшет русскую. Великий писатель, много повидавший в жизни, с искренним удивлением и восторгом задается вопросом: «Кто, когда научил эту юную графинюшку русскому народному танцу… Где, как, когда всосала в себя из этого русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые pas de chale давно должны бы вытеснить. Но дух и приемы были те самые, неподражаемые, неизучаемые русские, которых и ждал от нее дядюшка. Крепостная Анисья сквозь смех прослезилась, глядя на эту тоненькую, грациозную, такую чужую ей в шелку и бархате воспитанную графиню, которая умела понять все, что было и в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке».

Печально видеть, грустно слышать как ныне русские люди на корпоративных вечеринках и прочих праздниках поздравляют не «с днем рождения», не желают «многая лета», а с упоением и умилением от знания английских слов со скандальным акцентом кричат «Хэпи бестдэй ту ю!». Наташи Ростовы были русскими аристократами и их нельзя было перекодировать ни за какие коврижки, вот так, просто за легкие компрадорские деньги, как это происходит с современными «смердяковыми».

Большие сокровища сокрыты и в богатейшем культурном наследии европейских наций, впитавших кристально чистый гений Древней Эллады, питаемый христианством. Не захотят, не позволят венгры, поляки и другие европейцы, чтобы их дочери и внучки забыли свой чардаш, свою польку и исполняли танец живота! Начинали день, разбуженные призывами с минарета к чуждой им молитве. Еще более строго охраняют свой код сами мусульмане. Как Европе совместить несовместимое, как отстоять христианское наследие предков?! Вот поистине проблема!

Суть нашей эпохи — борьба за вселенскость. Одна надежда, что эпоху ненависти и войны сменит эпоха примирения, добрососедства с мусульманским миром, солидарности, любви к ближнему. Созидание христианской Большой Европы обещает открыть такую эпоху.

Виктор
ПАРХИМОВИЧ

ЧУДЕСНЫЙ КРАЙ СЛОВАКИЯ

Виктор Антонович Пархимович — доктор технических наук, действительный член Академии социального образования, почетный доктор Академии инженерных наук. В 1965 году закончил Харьковский авиационный институт, в 1988 году полный курс Института повышения квалификации руководителей высшего звена государственного управления Академии народного хозяйства при СМ СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, многократный участник ВДНХ, награжден пятью медалями. Автор ряда учебников, имеет более 50 научных трудов. В 1986–1991 годах возглавлял Управление учебных заведений Министерства гражданской авиации.

Прожив несколько лет в Братиславе, работая там генеральным представителем авиакомпании «Аэрофлот — российские авиалинии», я искренне полюбил этот сказочно чудесный край, его жителей — добрых, гостеприимных, отзывчивых на людские боль и страдания, близких нам, русским, по духу и мировосприятию. Единство это зиждется на вере, вековых традициях, лишениях, которых немало выпало за прошедшие века на долю наших народов.

Словакия — страна величественных горных вершин и плодородных долин, больших рек и маленьких горных ручьев. Где сочетается дыхание славной истории и ритм современной жизни. Где мирные живописные пейзажи дополняются лечебными источниками; местная кухня и вино удачно вписываются в культурные традиции прошлого и настоящего; где спокойствию сельских районов противопоставлен динамичный ритм жизни больших городов. Это — настоящая малая большая страна.

Словаки очень дорожат своей историей. Здесь с малых лет родители прививают детям любовь к земле своих предков. Каждый знает, как на славянских землях зарождалась вера, через какие испытания пришлось пройти их дальним предкам, чтобы отстоять свою государственность, стать равными среди других европейских народов.

В национальном музее, где всегда многолюдно, мне рассказали, как в 862 г. святой Ростислав Моравский (846–870) отправил посольство к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать в Моравию проповедников, которые бы учили его народ на родном языке. Ими стали два монаха из монастыря, расположенного на греческом Олимпе, братья Кирилл и Мефодий. Создатели славянской азбуки перевели на славянский язык Священное Писание и канонические книги Восточной Церкви.

К сожалению, впоследствии, на протяжении веков силой и угрозами была навязана другая вера, но память о миссии святых Кирилла и Мефодия в народе никогда не исчезала.

Большую роль в укреплении православия на чешских и словацких землях сыграло покровительство России. При поддержке Русской Православной Церкви в конце XIX — начале XX вв. были открыты русские храмы во Франтишковых Лазнях, Карловых Варах, Марианских Лазнях, Братиславе и Прешове. Уже в наше время совместными усилиями был обустроен кафедральный храм святых Кирилла и Мефодия в Михаловце и освящен Патриархом Алексием II.

В 2000 г. главами Православной и Греко-Католической Церквей подписано совместное соглашение со словацким правительством, в котором предусматривается оказание правительством финансовой помощи обеим Церквям.

После революции 1917 г. в Чехию и Словакию хлынул многотысячный поток русской эмиграции. По прошествии десятков лет многие представители русской диаспоры нашли свое последнее пристанище на православных кладбищах Праги, Братиславы, других словацких и чешских городов.

Наши туристы обязательно посещают Мемориальное кладбище и памятник на горе Славин в Братиславе. Огромный мемориальный комплекс построен в 60-е гг. в память о советских воинах, погибших в боях с фашистами за Братиславу. Венчает комплекс сорокаметровая стела с десятиметровой скульптурой воина. Вокруг обелиска бронзовые скульптуры, посвященные 6845 павшим воинам. Рядом расположено единственное в Словакии открытое военное кладбище, на котором похоронено около 60 тысяч советских солдат и офицеров. Русские, украинцы, белорусы, казахи, грузины посещают комплекс, чтобы поклониться праху своих предков, поблагодарить братьев-словаков за память, бережное отношение к святым для всех нас могилам.

История Словакии в чем-то напоминает путь, пройденный народами некогда единого Советского Союза. Нынешнюю территорию Словакии славяне начали заселять еще в V веке. В VII в. Словакия была частью империи Само, позднее здесь располагалось Нитранское княжество. В XI—XIV вв. заселенная славянскими племенами территория (нынешняя Словакия) была захвачена венграми. С 1526 г. она стала частью империи Габсбургов. Одно время Братислава была провозглашена официальной столицей Венгрии. Здесь заседал сейм, короновались одна королева, добродетельная Мария-Терезия, десять венгерских монархов и восемь их жен.

В 1948 г. Словакия вошла в состав ЧССР.

1 января 1993 г., после объявления суверенитета, Словацкая Республика провозгласила себя преемником прежней федерации. Два братских народа, чехов и словаков, разделила граница. Согласно договоренностям имущество переходило по наследству, в пропорции один к двум. Большая часть — десятимиллионной Чехии, меньшая — пятимиллионной Словакии. Это чем-то напоминало сюжет сказки Шарля Перро о коте в сапогах, когда старшему сыну по наследству досталась мельница, а младшему всего лишь кот. Вышло так, что практически вся промышленность, которая создавалась десятилетиями двумя народами, досталась Чехии, а горы (Верхние и Нижние Татры) вместе с небольшим числом предприятий — Словакии. Страну делили «по-честному» и только хоккей — «по-братски». Все медали,

кубки, титулы и место в мировой элите достались Чехии. Словацкую команду отправили в низший дивизион. Страна осталась без воздушного и морского флота, без высокотехнологичной промышленности, в конце концов, без хоккея. Словакия практически босиком двинулась покорять мировой капитализм. Все ожидали, что Словакия вновь попросит союза с Чехией на любых, даже невыгодных политических и экономических условиях. Но этого не произошло. В несколько приемов правые правительства развернули экономику на сто восемьдесят градусов. Законодательство государства было полностью адаптировано к нормам Евросоюза. В результате экономика оказалась полностью открытой для транснационального бизнеса.

В 2009 г. Словакия стала членом Еврозоны и ввела в обращение единую европейскую валюту — евро. Государство на открытых аукционах стало продавать свои активы и привлекать бизнес. Инвестиции от 5 млн евро давали право на налоговые льготы. Правительство дотировало рабочие места тем, кто строил новые предприятия.

Низкая стоимость рабочей силы, низкие налоги и политическая стабильность сделали Словакию одной из самых привлекательных стран Европы для иностранного капитала.

В настоящее время все больше словацкой молодежи озабочено получением качественного образования и все чаще задумывается об обучении в университетах Западной Европы. Система европейского образования такова, что высшее образование, полученное в любой стране, входящей в Евросоюз, соответствует единым установленным стандартам и нормам. Но образование, полученное в Австрии или Германии, ценится у словацких работодателей гораздо выше того, которое получено здесь на месте.

Недра Словакии богаты рудами железа, марганца, полиметаллов, сурьмы и магнезита, поэтому неудивительно, что в последние годы за счет иностранных инвестиций новый толчок в своем развитии получила черная и цветная металлургия.

Развиваются машиностроение, нефтеперерабатывающая, химическая, деревообрабатывающая, текстильная, пищевая и другие отрасли народного хозяйства.

Почти все сектора экономики Словакии перешли в частную собственность. Активная приватизация привела к тому, что почти вся банковская сфера теперь находится в руках иностранных компаний. Иностранные инвестиции в основном направляются на развитие автомобилестроения и электроники.

Словакия, получив многомиллиардные вливания иностранного капитала, в настоящее время имеет самую быстрорастущую экономику в Центральной Европе. Основными составляющими быстрого роста экономики Словакии, по мнению авторитетных ученых, являются упрощенная система налогообложения, проведенная в короткие сроки стремительная интеграция в Европейский Союз, создание благоприятных условий для роста иностранных инвестиций, оказание господдержки производителям и т. п. Это создало так называемый «рай для инвесторов», привлекающий знаменитые на весь мир компании, такие как Peugeot-Citroen, Hyundai, Kia Motors, Ford Motors, Volkswagen, Dell Computer Corporation, IBM, Lenovo, Sony, Samsung, U.S. Steel, Tesco Stores SR, Heineken, Allianz.

Если говорить о цифрах, то объем иностранных инвестиций (FDI) увеличился с 2 млрд до 14 млрд долларов США. Основными иностранными инвесторами в обрабатывающей промышленности, электронике, финансовых услугах, телекоммуникациях, точном машиностроении, коммунальном хозяйстве являются компании из Германии, Австрии, Нидерландов, США, Великобритании, Чехии, Италии.

Уровень доверия со стороны иностранных инвесторов очень высок, хотя в нынешней ситуации всемирного кризиса и уменьшился. Свыше 90 % нынешних иностранных инвесторов в Словакии планируют дальнейшее расширение своего бизнеса в стране.

По прогнозам компании Roland Berger Strategy Consultants, у Словакии есть шансы завершить преобразования в области экономики до 2020 г. и выйти на уровень развитых стран. Аналитики утверждают, что сырьевая, химическая и автомобильная промышленность в ближайшие десять лет будет терять лидирующие позиции и бурное развитие коснется в первую очередь энергетики и IT-технологий.

Словакия выбрала путь прямого сотрудничества с регионами России. В российско-словацком диалоге сегодня принимают участие уже 10 краев и областей двух стран. Главы Ханты-Мансийского автономного округа, Астраханской, Ленинградской, Свердловской и Волгоградской областей подписали соглашения, договоры и меморандумы о сотрудничестве. Действует более 30 соглашений между субъектами России и местными администрациями Словакии, 21 субъект имеет договоры с Минэкономики Словакии.

В настоящее время создана прочная договорно-правовая база российско-словацких отношений, насчитывающая около 100 документов межгосударственного и межправительственного уровня. Положительную динамику имеет российско-словацкое торгово-экономическое взаимодействие. Велика роль в этом двухсторонней Межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которую с российской стороны теперь возглавляет вице-премьер Правительства РФ Д. Рогозин.

Главная сфера приложения взаимных усилий — энергетика. Словакия даже после трагедии на АЭС Фукусима не отказывается от мирного атома. Готова к введению новых блоков на АЭС в Моховце и в Ясловских Богуницах. Российская сторона предлагает самые прогрессивные разработки ядерных технологий, словацкая — наработки по созданию в России объектов малой энергетики, строительству когенерационных установок для использования в коммунальном хозяйстве. Словацкая судостроительная верфь в Комарно имеет уникальных специалистов и предлагает россиянам создать совместное предприятие по строительству пассажирских и грузовых кораблей.

Россия занимает третье место во внешней торговле Словакии. Основу российского экспорта составляют энергоносители и минеральное сырье, в т. ч. природный газ, нефть, ядерное топливо, каменный уголь, железная руда. Словакия поставляет в Россию автомобили, электрические машины, оборудование, бумажную и полиграфическую продукцию, лекарственные препараты, солод, товары широкого потребления.

Развивается научно-техническое сотрудничество. Построен Международный лазерный центр в Братиславе, открыт Центр протонной медицины в г. Ружомберок, идет к завершению строительство Циклотронного центра.

На портале МИД Словакии появилась информация о том, что в феврале 2013 г. состоится 16-е заседание российско-словацкой Межправительственной комиссии, где будут обозначены горизонты торгово-экономического сотрудничества между нашими странами. Словацкая сторона планирует подтвердить взаимный интерес к реализации словацко-российских проектов как в России, так и в Словакии.

Сегодня наиболее крупными промышленными предприятиями Словакии являются U.S. Steel Kosice (металлургия), Slovnaft (нефтяная промышленность), Kia Motors Slovakia, Volkswagen и Peugeot (автомобилестроение), Samsung Electronics и Sony (электроника), Mondi Business Paper (производство бумаги), Hidro Aluminium (производство алюминия), Whirlpool (производство бытовой техники) и другие.

К моменту распада Чехословакии на территории Словакии не было ни одного автомобильного завода. Сегодня автомобильный сектор относится к числу наиболее растущих секторов в Словакии. В конце 90-х и начале 2000-х гг. в стране построены заводы компаний Volkswagen в Братиславе, Peugeot в Трнаве, Kia Motors в Жилине. Согласно данным OICA в 2000 г. в Словакии произведено 182 тыс. автомобилей, в 2005 — 218, в 2010 — 557. Словакия — мировой лидер по производству автомобилей на душу населения. При населении 5,4 млн человек в 2011 г. произведено 640 тыс. автомобилей. Страну стали величать Детройтом Европы. Основная часть автомобилей экспортируется в страны Европы, в т. ч. и в Россию.

Россия заинтересована в развитии отношений со Словакией и в сельском хозяйстве. Есть уже первые результаты. Недавно Словакия поставила в Астраханскую область 600 голов крупного рогатого скота. Реализуется программа создания совместного российско-словацкого агропромышленного центра репродукции, генетики и разведения сельскохозяйственных животных.

Словацкая сторона ведет переговоры с ОАО «Российские железные дороги» о строительстве ширококолейного железнодорожного полотна и создании сети станций вдоль него. Предлагает в газовых тепловых двигателях использовать альтернативное топливо, получаемое из отходов сельхозпроизводства, экологическое биотопливо.

Еще одна из сфер российско-словацкого сотрудничества — энергетика. Словацкие компании выражают большую заинтересованность в проектах модернизации российских электростанций, там, где оборудование устарело.

Сферой сотрудничества может быть и область предоставления услуг населению. Сейчас в Словакии в сфере услуг работает 57 % населения страны. Она приносит доход, равный 59 % ВПП. Успешно развивается туризм, ежегодный прирост приблизительно 15 %. Однако этот сектор остается слабо развитым по сравнению с соседними странами, той же Чехией и Австрией.

Хотя и медленно, но возрождается туристический обмен между Россией и Словакией. Для Словакии это крайне важная статья дохода. По данным Федерального агентства по туризму РФ, Словакию, например, в 2009 г. посетили только 3187 россиян, а соседнюю Чехию — 226 988 человек. Прекрасные лыжные склоны гор Татр привлекают многих любителей лыжного спорта из Польши, Великобритании, Германии, Венгрии, Украины. Современные аэропорты в Попраде, Вене и Братиславе, развитое железнодорожное сообщение и скоростные автобаны, построенные за последние годы, позволяют легко добраться до лыжных баз Доновалы, Смоковец, Ясна и других. В свою очередь все больше словаков — любителей экстремального туризма

посещают Камчатку, Сахалин и Чукотку. Для помощи приезжающим из Словакии туристам во Владивостоке было открыто даже почетное консульство. О росте деловой активности и туристических поездок в Россию говорит количество выданных за 2012 г. — 12 660 виз. И в то же время хотелось бы обратить внимание на то, что консульскими службами Словакии в 2011 г. выдано: в Украине — 40 882, в России — 18 147, в Белоруссии — 4083 визы в Словакию. Это, конечно, мало. Российским туристам или путешественникам, которые хотели посетить Словакию последние 2–3 года, было проще и быстрее подать документы и получить визы в посольствах Италии, Франции или даже Чехии, чем собирать целый ворох бумаг, ждать три недели и потом получить разовую визу сроком на семь дней вместо испрошенной многократной годовой или полугодовой. Знаем, что над этим вопросом в последние недели перед новым 2013 годом подумали сразу два словацких министра — министр внутренних дел Калиняк и министр иностранных дел Лайчак. И теперь в этом вопросе ими обещано навести полный порядок. Визы будут выдаваться без промедления и на длительные сроки. Браво, господа министры!

Словаки уверены, что в их стране приезжий может в течение дня получить столько впечатлений, сколько в иных местах на это потребуется не меньше недели. Катание на лыжах, прогулки по древним городам и селам, знакомство с удивительной по красоте архитектурой — все это к услугам наших туристов. Простые словаки очень дружелюбны и тепло относятся к приезжим, они всегда готовы помочь вам узнать их страну лучше.

В Братиславе есть дворцы, в которых отразились почти все стили: ренессанс, барокко, рококо, классический. В дополнение к историческому центру Братислава в 2010 г. оформила современную версию городского центра на левом берегу Дуная. Площадь перед Eurovea знаменита великолепным зданием Словацкого национального театра. А еще в Братиславе есть Старая Радница (Старая Ратуша, XIII в.), Дворец примаса (1778–1781) со знаменитым зеркальным залом и фонтаном святого Георгия, место коронации многих венгерских монархов — собор святого Мартина (XIV–XV), Главная площадь с фонтаном Роланда (1572), сад Янка Краля и другие памятники истории и культуры, Словацкая национальная галерея, Муниципальный музей в здании Старой Ратуши, музеи вин, декоративного искусства, Археологический музей и центры культуры.

Старая Братислава под стенами недавно отреставрированного Града полна магии и очарования. Уютные кафе, хорошая еда, словацкое вино, бары с живой музыкой притягивают многочисленных туристов как магнит. Горожане и гости столицы любят также посидеть в ресторане на опорах моста через Дунай, во вращающемся ресторане на телевизионной башне Камзик, прогуляться на скоростном катамаране в Вену или Будапешт.

И хотя колесо истории вращается без остановки, история и далее живет в нас и с нами. Словацкие памятники истории являются воспоминанием о наших предках, они открывают дорогу к давно минувшим временам. Сегодня они — источник познания, отдыха и развлечения. На небольшой территории Словакии можно увидеть развалины старинных крепостей, усадьбы, величественные замки. И сегодня с чувством трепетного уважения мы преклоняемся перед мастерством ремесленников и художников того времени, которые создали эти монументальные здания. Большинство прекрасных средневековых построек не удалось сохранить до наших дней. Но находясь

между развалинами, можно представить первоначальную красоту сохранившихся артефактов и размышлять об их былой славе.

В десяти километрах от Братиславы находится отреставрированный замок Devin. Самые известные замки: Спишски-Град, Тренчин, Бойнице, Орава, Трнава, Нитра (старое славянское укрепленное поселение), Банска Штиавница — Старый замок (XVI в.), Зволен — замок Людовика Великого (XIV в.), Банска Быстрица — крепостной костел и костел Св. Креста (XV в.), Кежмарок — готический замок (XV в.) и многие другие.

Центром средневекового города Бардеев является площадь, окруженная прекрасными бюргерскими зданиями периода Ренессанса. В Словакии много природных достопримечательностей: горы, низменности, кантоны, озера, пещеры, леса и луга. Ландшафт поразительно меняется от низменностей до горных цепей. Словакия славится своими парками (в стране 5 национальных парков и 16 охраняемых природных зон), ледяными пещерами, гейзерами, более чем тысячью минеральных источников. Банска Штиавница и технические памятники окрестностей (исторический город, резиденция первой высокой школы в Европе — основана в 1762 г.), Словенский крас, Спишская крепость и памятники окрестностей, подгорная деревня Влколинец (718 м над уровнем моря, самое полное собрание оригинальных деревянных срубовых построек), Пещеры словацкого и аггтелекского карста (21 пещера на площади 600 кв. километров) включены в список всемирного культурного и природного наследия.

Лечебно-оздоровительный курорт Бардеевские Купеле известен с XIII в. своими заживляющими свойствами, лечением болезней желудочно-кишечного тракта и органов дыхания. Курорт Дудинце специализируется на лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата, сердечно-сосудистых и нервных заболеваний, имеет лучшие по минеральному составу воды. Пьештяны — на лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата и нервных заболеваний. Тренчанские Теплице — на лечении заболеваний опорно-двигательного аппарата и многих других болезней. Вышне Ружбахи — на лечении душевных болезней и профессиональных заболеваний. Старый Смоковец — на лечении заболеваний органов дыхания. В Словакии более 20 бальнеологических мест для купания.

Словацкие курорты не имеют аналогов в мире. Состав лечебных вод похож на воду в Мертвом море или на воду Виши. Ее используют в курортных лечебных процедурах, а также для питья. Словацкие курорты имеют богатую историю и находятся в окружении великолепной природы. Лечебная вода и специальные процедуры могут творить чудеса. Словацкие источники помогают в лечении болезней опорно-двигательного аппарата, пищеварительной системы. В этом уже убедились тысячи российских туристов, которые приезжают в Словакию не только за новыми впечатлениями, но и за здоровьем, которое, как известно, нельзя купить ни за какие деньги.

Словакия — страна неограниченных возможностей для спорта и отдыха. Зимой горы предоставляют центры для лыжного спорта, скоростного спуска и бега. Летом для любителей водного спорта предоставлены водохранилища и реки. В Словакии можно заниматься любым спортом, к примеру, таким как параглайдинг, рогало, альпинизм, теннис, охота и рыболовство, велосипедные прогулки или же прогулки на лошади. Словаки, как и все славяне, любят приглашать в свой дом гостей, угощать их на славу, веселить от души. Грех не воспользоваться такой возможностью.

Точка зрения

Петр ГАЙЕК

Перевод с чешского:
А. Колмаков

СМЕРТЬ В БАРХАТЕ

Отрывки из книги «Смерть в бархате», которая была издана в Чешской Республике перед Рождеством Христовым и получила весьма эмоциональные отзывы прессы

Петр Гайек родился в 1951 году. Закончил факультет кинематографии и телевидения. Написал более чем 10 книг: рассказы, романы и беллетристика. Например, «Предварительный портрет» (1989) тиражом 110 000 экз. На чехословацком телевидении реализовал несколько сценариев. До 1989 года, до так называемой «бархатной революции», работал редактором в популярном журнале «Цветы».

После переворота ушел из журнала «Цветы» и основал журнал «Рефлекс», который под его руководством стал главным общественным еженедельником первой половины 90-х годов и который существует до сих пор. Основал рекламное агентство «Профайл». Многолетний советник Вацлава Клауса. Член самого узкого круга его сотрудников. Пять лет возглавлял Отдел печати администрации и был спикером президента. Во втором избирательном сроке стал главным советником президента и заместителем главы администрации президента. В то время написал две книги, которые в своем жанре стали наиболее продаваемыми книгами на чешском книжном ринке: «Смерть в середине» и «Смерть в бархате». Исходя из своего опыта на самых верхних этажах политики — чешской и европейской — убедительно повествует о конце демократии в Евросоюзе и ее замене «медиократией» — властью СМИ и неформальных элит. Обе книги вызвали большие медиальные дискуссии, и даже «дипломатическую интригу», так как атаку на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года он рассматривает по-другому, чем ее представляют западные СМИ.

Вторая область, которой в настоящее время Петр Гайек увлека-

ется — это религиозные вопросы. Как верующий католик поддерживает близкие контакты с православными интеллектуалами, в своих статьях и книгах анализирует «отход» большой части западноевропейского общества от христианства. Выводы, к которым он приходит, для «западной цивилизации» абсолютно безрадостные.

Одна из главных задумок книги — попытка взглянуть по-новому на «падение коммунизма» в Центральной и Восточной Европе в 1989 году, которое, по моему мнению, стало не результатом революционного переворота, а воплощением в жизнь долгосрочного плана конвергенции капиталистической системы и социализма, созданного в странах советского блока. Эта практическая «приземленная плоскость» далее переплетается с плоскостью трансцендентальной. Создание Европейского Союза с этой точки зрения является попыткой «воскресить Римскую империю», как это описывает святой апостол Иоанн в апокалипсисе, и как ее предсказал в своем гениальном «пророчестве» великий русский теолог и мыслитель Владимир Соловьев. В этом контексте абсолютно по-новому представлена роль первого «послереволюционного» чехословацкого президента Вацлава Гавела и вся современная ситуация в Европе, которую я называю «Четвертой империей».

Смыслом написания данного текста не является исследование жизни и деятельности Вацлава Гавела, хотя такой труд был бы весьма актуален и востребован. Однако в настоящее время невозможно цивилизованно и критически оценить роль этой, безусловно, трагической личности чешской истории и противопоставить свою точку зрения доминирующему потоку телевизионных сериалов, снятых в лучших тоталитарных традициях, книг, статей и идиотских передач на любой лад. С точки зрения выбора нашей темы важным является только одно: несвершившиеся амбиции В. Гавела стать Режиссером, одним из главных политических лидеров так называемого Нового мирового порядка, Мирового правительства.

На первый взгляд эта идея выглядит смешной: почему бы те, кто на самом деле правят — немцы, британцы, французы, не говоря уж об американцах, — пустили в свои ряды маленького растерянного человека из незначительной страны бывшего советского блока? Ответ имеет два измерения, первое из которых — практическое, политическое и медиальное — очень простое. Именно по причине такой простоты этого ответа он и имел весьма солидные шансы на успех, но упустил их, совершив череду ошибок. Изображать равноправие «интегрирующихся» европейских стран являлось одной из основных идей «европейского объединения». «Свобода, равенство и братство», главный лозунг французской революции, был использован как пропагандистская шутка в целях дальнейшего «братания народов». В этой связи супергосударству подошел бы «руководитель» из второразрядной членской страны. После многочисленных перипетий это действительно произошло, хотя и в совершенно иной, чем изначально предполагалось, ситуации. Именно по этой причине руководитель выглядит именно так, как выглядит. «Вам свойственна харизма мокрой тряпки», — заявил с типичным британским цинизмом в адрес бельгийца Хермана Ван Ромпея, «президента ЕС», депутат Европейского парламента от Независимых Найджел Фараж, выразив таким образом мнение «молчаливого большинства» общественно-

сти членских государств ЕС. Дать подобную оценку Вацлаву Гавелу себе бы определенно никто не позволил. Самым жестким было высказывание М. Тэтчер, которая отметила, что «такой утопический язык, к тому же у человека, настолько убедительно говорящего, меня беспокоит».

Непосредственно после падения «железного занавеса» ситуация выглядела идиллически и почти волшебно. Куда бы чешский президент ни приезжал, везде его приветствовали, аплодируя стоя. Если в случае Конгресса Соединенных Штатов Америки еще можно говорить о самообмане американских элит в связи с мнимой победой в холодной войне, то остальной мир полностью попал под влияние этой иллюзии, не говоря уж о родине Гавела. Практически все, кто искренне радовался падению тоталитарного режима в Чехии, гордился и своим президентом, вызывавшим такое восхищение в мире. Но никто и не подвергал серьезному анализу то, что он собственно говорил.

Вместе с тем элиты европейской политики его хорошо понимали. Да и Гавел хорошо осознавал, что они хотят от него услышать. После 1992 года, когда Маастрихтское соглашение радикально отклонило курс европейского «Титаника» влево и провозгласило в качестве конечной цели создание супергосударства, чешский президент стал одним из главных идеологов и защитников «Четвертой империи», вследствие чего его международный престиж достиг максимума.

Разумеется, Вацлав Гавел не был автором европейской утопии XXI века. Однако, выражаясь «утопическим языком», его радикальная левизна подходила к этой платформе, как форма к отлитой в ней статуэтке. Но это не спор о том, что было раньше — курица или яйцо. Вопрос, что первично: гавеловская идеология постдемократического социализма или концепция европейского социалистического супергосударства, собственно и вопросом-то не является. Второй вариант ответа правильный. Фактом также остается и то, что «европейский проект» не появился из ниоткуда, его готовили с приложением всех сил задолго до развала советского блока — точно так же, как и Вацлава Гавела к его будущей роли.

В этом смысле второе измерение ответа на вопрос, почему «большие игроки» (при условии, что ничего непредвиденного не произошло бы) могли или даже должны были бы принять самого известного посредственного чешского драматурга в качестве элегантного объединяющего элемента, завершающего долголетние усилия элит превратить мир в глобально управляемую деревню, имеет совсем другой масштаб и несколько мистическую окраску:

Легенда об антихристе[1] русского мыслителя и выдающегося теолога Владимира Соловьева, опубликованная в 1900 году, разумеется, не признается православной (тем более, католической) церковью в качестве пророчества. Тем не менее, в образованных христианских кругах его труды до сих пор читаются, а автор пользуется большим авторитетом. Как уже было сказано, с уважением о нем высказывался и папа Иоанн Павел II.

[1] Очевидно, автор имеет в виду произведение В. Соловьева «Краткая повесть об антихристе». — *примеч. перевод*.

Напомним, что Соловьев в своей последней работе описывает Европу начала XXI века следующим образом: после многих войн и притеснений в двадцатом столетии политические элиты предпримут радикальный шаг, который, якобы, должен будет помешать военным трагедиям: они интегрируют национальные государства в единое целое, в Европейский Союз (!). Тем самым в одночасье по истечении двух тысячелетий христианской цивилизации будет снова оживлено апокалиптическое чудовище — Древний Рим. Таким образом, в соответствии с пророчеством апостола Иоанна в последней книге Библии будут выполнены основные предпосылки наступления апокалипсиса, конца света, Последнего суда. Этому соответствуют и многие другие признаки, предсказанные в легенде об антихристе Соловьева. Прежде всего произойдет отречение от Бога, победа атеизма в Европе. Но все еще не выполнено главное условие запуска «механизма» апокалипсиса — появление антихриста, который после сорока двух месяцев неограниченного правления уступит только парусии, Второму пришествию Иисуса Христа. Для читателей, мистифицированных второразрядными фильмами ужасов, необходимо отметить, что антихрист — это не дьявол, а вполне себе человек. Причем не простой, а популярный, великий социальный провидец и реформатор. «Апостол» добра, правды, любви, сближения народов и социальной справедливости, почти что новый Христос, понятно, что с одной маленькой «оговоркой»: как современный прогрессивный человек он не нуждается в вере в Сына Божьего и отвергает ее. Соловьев его описывает следующим образом: «…великий мыслитель, писатель и общественный деятель. Сознавая в самом себе великую силу духа, он был всегда убежденным спиритуалистом, и ясный ум всегда указывал ему истину того, во что должно верить: добро, Бога, Мессию. В это он верил, но любил он только одного себя… Он верил в Добро, но всевидящее око Вечности знало, что этот человек преклонится перед злою силою, лишь только она подкупит его — не обманом чувств и низких страстей и даже не высокою приманкой власти, а чрез одно безмерное самолюбие».

Этот «человек будущего», свободный каменщик, так же как и большинство «передовиков европейской политики», в последующем станет президентом Европейского Союза, к которому в перспективе тонкой союзнической связью подключатся Соединенные Штаты, равно как и другие державы, включая Россию. Тогда Великий Провидец сформулирует примечательный манифест: «Народы Земли! Свершились обетования! Вечный вселенский мир обеспечен. Всякая попытка его нарушить сейчас же встретит неодолимое противодействие. Ибо отныне есть на земле одна срединная власть, которая сильнее всех прочих властей, и порознь, и вместе взятых…»

После этого мировое правительство под его руководством создаст справедливое социальное государство, сконцентрирует все богатства, искоренит бедность и, наконец, антихрист созовет в Иерусалим мировой конгресс христианских Церквей, чтобы их также под своим покровительством «добровольно» объединить. Начало конца света уже нельзя будет остановить.

Напрашивается один вопрос, который пришло время четко сформулировать: должен ли был Вацлав Гавел стать тем самым «человеком будущего», антихристом? Если да, то почему этого не произошло? А если нет, то почему он подходит под такое количество характеристик, содержащихся в

антиутопии Соловьева, в которой автору во многих других аспектах удалось так фантастически точно предвидеть будущее?

Без сомнения, эти вопросы многим могут показаться абсолютно абсурдными. Если бы это было не так, то предпосылки апокалипсиса вступили бы в силу: конец света должен наступить в тот момент, когда абсолютное большинство людей этого не будет ожидать, когда видение Иоанна, и прежде всего слова Христа из Евангелия, будут осмеяны или забыты, потому что будет побеждать «властелин мира», дьявол, пред чьими земными «чудесами» люди будут преклоняться.

Поэтому они скорее «поверят» в катастрофический фильм о случайном столкновении какого-то астероида с нашей планетой и, конечно же, про отважный, по возможности, победоносный поединок уверенного в себе, снабженного сказочным научным оружием, «сильного человека» с обезличенным, холодным и тупо враждебным космосом. В остальном фантазия Соловьева должна была восприниматься его европейскими современниками, как такой же абсурд, только с точностью до наоборот. Идея, что всего за одно столетие большинство населения старого континента будет преданно верить атеистическим мантрам, основывающимся на таких бессмыслицах, как дарвинизм, марксизм или нацизм (не надо заблуждаться, идея сверхчеловека все еще жива, «научный атеизм» ее в себя органично впитал), была для большинства европейцев девятнадцатого столетия сумасшедшей фантазией. Поэтому предлагаю тем, кто такие понятия как Бог, дьявол, Христос или антихрист считает давно преодоленными сказками, или даже «опиумом для народа», и прямо или косвенно, сознательно или подсознательно соглашается с тем, что «упразднение религии… есть требование действительного счастья (народа)»[1], воспринимать эти вопросы как игру или метафору. Конечно же, с таким подходом они, вероятно забавляясь, смотрят вышеупомянутые второсортные фильмы, хотя замыслы их создателей обычно глубже, чем обшарпанная форма, так же, как и в нашем случае.

Почему бы прогрессивным атеистам, которым давно известно, что в мире есть только то, что они видят, слышат, осязают, пробуют на вкус и обоняют, а все остальное является сказками для детей или дураков, почему бы им ненадолго не отложить свое всезнающее достоинство и немного не развлечься «теорией заговоров» о потенциальном участии Гавела в «большом заговоре» против человечества? Кто знает, может быть при этом в головах отдельных из них что-то и осядет, и, несмотря на все рациональные предпосылки, в маленьком орешке они обнаружат все сокровища мира, как уж это бывает в сказках.

То, что Вацлав Гавел мертв, конечно, ни для кого не новость. Может ли это означать, что, если именно он и являлся тем самым предсказанным антихристом, можно спать спокойно, потому что апокалипсис не состоялся? Или же после его смерти просто нет смысла начинать спекулировать о наличии связи нашего знаменитого земляка с потусторонним миром?

Ни то, ни другое. Христианам уже на протяжении 2000 лет известно, что антихрист существует в нашем мире. Он является реальной мыслью, которая может «материализоваться» когда угодно, где угодно и в ком угодно.

---

[1] *Маркс К.* К критике гегелевской философии права.

Собственно говоря, антихрист может быть в любом человеке. Эта миссия уже сейчас воплощается в жизнь, так же как и апокалипсис, с тех времен, когда вместе с Христом на Землю пришло Царство Божье. По этой причине то, что мы обычно называем апокалипсисом, концом света и времени, на самом деле станет лишь завершением всего происходящего.

Но почему же до сих пор так и не появился антихрист, если «он уже в миру»? Апостол Павел объясняет, что все это время ему что-то мешало. Под этим «чем-то» часто подразумевается фактор господствующей над миром Римской империи.

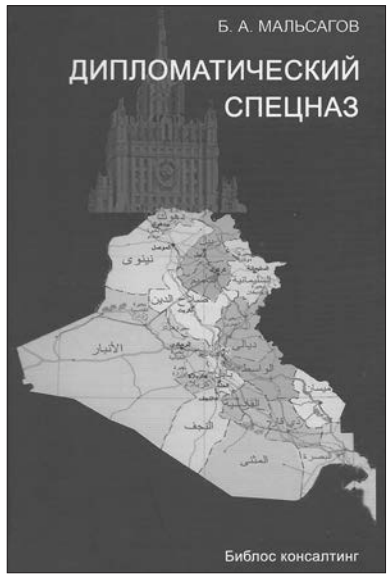
Со времен французской революции мы живем в условиях, когда постоянно предпринимаются попытки вернуть к жизни былой колосс, который на самом деле не был сокрушен, лишь тяжело ранен в четвертом столетии. Коммунисты и нацисты даже напрямую заявляли о тысячелетней империи, но попытки создать «всемирное царство» не увенчались успехом.

Падение Гитлера стало результатом общих усилий Запада и Востока. Вслед за этим в Берлине опустился «железный занавес», и практически никто не сомневался, что возобновившееся противостояние завершится третьей мировой войной. Однако впоследствии произошло нечто, что свело на нет соперничество двух моделей мирового господства. Именно в это время на сцене и появился Вацлав Гавел.

Вышла книга

Мальсагов Б. А.

Дипломатический спецназ: иракские будни. — М.: Библос консалтинг, 2012. — 336 с.

Предлагаемая работа — это живые зарисовки непосредственного свидетеля бурных и скоротечных кровавых событий и процессов, происходивших в Ираке в период оккупации в 2004–2005 гг.

Несмотря на то, что российское посольство находилось в весьма непривычных, некомфортных с точки зрения дипломатии, условиях, оно продолжало функционировать, как отлаженный механизм, а его сотрудники добросовестно выполняли свои обязанности.

О том, как и в каких формах это делалось, как наши дипломаты обеспечивали поддержание исторически сложившихся отношений дружбы и сотрудничества между нашими странами и народами, как защищали законные права и интересы граждан и организаций — обо всем этом можно узнать из этой книги.

Иржи ОПРШАЛ

К ИТОГАМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ В ЧЕХИИ

Иржи Опршал — родился в 1932 году в городе Гавличкув Брод (Чехословакия). Первый чехословацкий выпускник Московского государственного института международных отношений МИД СССР — выпуск 1958 года. Ответственный сотрудник Министерства иностранных дел Чехословакии (1958–1990) — специалист по Франции и западноевропейской интеграции. С 1969 по 1989 годы — непосредственный участник СБСЕ и всех последующих встреч хельсинского процесса. С 1990 года — бизнес-советник по экономическому сотрудничеству и контактам Восток–Запад. С 2002 по 2012 годы — председатель Клуба чешских и словацких выпускников МГИМО. **Живет в Праге, Чехия.**

В январе 2013 года чехи избрали своего президента в первый раз всеобщим голосованием. В первом туре 11–12 января баллотировалось 9 кандидатов, выдвинутых от всех главных политических партий и общественных движений кроме компартии, которая не стала выдвигать своего кандидата. Борьба проходила скорее между правыми и левыми кандидатами, чем между партийными и беспартийными, которые старались показать себя более честными и без связей с мафиозными группами. Дело в том, что, по мнению общественности, почти все партии дискредитированы из-за клиентализма и коррупции.

Обозреватели предполагали, что во второй тур выйдет кто-то один из двух представителей левых партий Милош Земан или Иржи Динстбир и беспартийный Ян Фишер, статистик, связанный с крупным капиталом, который в последнее время занимал руководящий пост в Европейском банке развития в Лондоне. Победителями же первого тура стали Милош Земан (24,2 % голосов) и Карел Шварценберг (23,4 % голосов), которые вышли во второй тур, состоявшийся 25–26 января.

Представим коротко прошлое этих двух кандидатов:

Милош Земан (68 лет)

Родился в городе Колин в Средней Чехии. С 1968 по 1970 год во время так называемой «пражской весны» был членом коммунистической партии. Из-за открытого несогласия с вводом войск Варшавского договора и политикой «нормализации» был исключен из компартии и переведен на второстепенную работу. Находясь во внутренней оппозиции, он, однако, не стал диссидентом и не примкнул к движению «Хартия 77». На переломе 80-х и 90-х годов он

работал в научно-исследовательском институте Академии наук. После так называемой «бархатной революции» в ноябре 1989 года он принял участие в «Гражданском Форуме», которым руководил Вацлав Гавел. После распада «Гражданского Форума» М. Земан вступил в социал-демократическую партию и позже был избран ее председателем. В конце 90-х годов эта партия победила в парламентских выборах и М. Земан был избран вначале председателем Палаты депутатов, а затем премьер-министром Правительства Чехии. В 2007 году в президентских выборах, когда президента Чехии избирали только депутаты и члены сената, он не смог противостоять Вацлаву Клаусу, так как часть депутатов от его собственной партии его предала и проголосовала за В. Клауса.

Разочаровавшись, он покинул социал-демократов и создал свою новую партию «гражданских прав». Для своей номинации в нынешних выборах он собрал свыше 100.000 подписей граждан.

Карел Шварценберг (75 лет)

Выходец из княжеской австрийской семьи, родился в Праге. Его отец был противником нацистской партии и активно выступал против немецких оккупантов. После войны, когда КПЧ взяла власть, его семья эмигрировала в Австрию, где он проживал вплоть до 1989 года. В 70–80-х годах в Вене он возглавил фонд помощи диссидентам из «Хартии 77». После изменений 1989 года, когда В. Гавел стал президентом Чехословакии, и после разделения страны на Чехию и Словакию он назначил К. Шварценберга главой своей президентской канцелярии. В процессе реституции (возврата собственности) семье князя были возвращены их замки, леса и прочее имущество. Во второй половине 90-х годов, уже при президенте Клаусе, он возобновляет свою политическую деятельность, присоединяясь к небольшим правым партиям. В 2009 году он создает вместе со своим ближайшим советником Мирославом Калоусеком новую партию ТОП-09. В результате определенного успеха на парламентских выборах его партия входит в коалиционное правительство правых партий, в котором К. Шварценберг занимает пост первого вице-премьера и министра иностранных дел. М. Калоусек в этом правительстве действует как министр финансов.

В результате второго тура президентских выборов, в котором участвовало приблизительно 60 % избирателей, Милош Земан получил 54,80 % голосов, Карел Шварценберг 45,198 %. Победа М. Земана ожидалась, но в меньшем масштабе, тем убедительнее его преимущество почти 10 % голосов.

Каково значение этих выборов, по каким мотивациям разделились избиратели и что можно ожидать от нового президента Чехии?

Социальное значение

М. Земан позиционировал себя однозначно как человека левого спектра. Любитель пословиц и острослов, он заявил, что представляет 10 миллионов с трудом выживающих чехов, т. е. всего населения страны. Он резко критиковал реформы и все антисоциальные меры правительства в областях здравоохранения, пенсионной реформы, просвещения, повышения налогов и прочее. Очень резко выступал против существующей в стране коррупции.

К. Шварценберг, наоборот, объяснял, что шаги правительства в социальной сфере неизбежны, так как проводятся везде в Европе. Если от по-

добных мер отказаться, то Чехии угрожает коллапс и глубокий кризис, такой, как в Греции или в Венгрии. Он пытался, но малоубедительно, объяснить избирателям свою позицию в правительстве, в котором у него будто бы мало полномочий, но он часто не соглашается с премьер-министром. Он даже попробовал отмежеваться от своего главного союзника министра финансов, которого ненавидят широкие слои бедствующих граждан за его драконовские антисоциальные реформы. Можно констатировать, что в социальном плане М. Земан убедительно превосходил К. Шварценберга.

Политический контекст

Всеобщее голосование, безусловно, увеличивает кредит избранного президента и не только в морально-политическом плане. Чешская конституционная система остается парламентской и полномочия президента ограниченные, без какого-либо сравнения с системами в США, во Франции или в России. Тем не менее, М. Земан немедленно после своего избрания заявил, что собирается действовать активно, участвовать в дебатах парламента, вступать в работу правительства и общаться с народом. Его зачастую острые выражения, полемика с журналистами и политиками, что одним не нравится и других веселит, говорит о том, что к этому придется привыкнуть. Неоспоримо, что в его стиле общения отражаются высокая культура и ум опытного политика.

М. Земан ясно выступил как сторонник левых партий. От председателя социал-демократической партии принял не только поздравления, но и приглашение выступить на ее очередном съезде в середине марта с. г. Он также уже успел критически высказаться в адрес правительства Нечаса–Шварценберга–Калоусека, пользующегося, по мнению аналитиков, поддержкой лишь 8 % граждан, подчеркнув, что правительству лучше всего было бы подать в отставку.

К. Шварценберг, который несколько раз заявлял о своем намерении покинуть правительство, сейчас после своей неудачи на президентских выборах заявляет, что он не только остается, но хочет активно участвовать в деле завершения реформ правых сил.

Интересно отметить позицию уходящего президента Клауса, мандат которого истекает 7 марта. Он и его супруга открыто поддержали М. Земана, несмотря на кардинальные различия в их политических взглядах. В. Клаус даже неожиданно заявил, что в случае победы К. Шварценберга он подумал бы покинуть страну и эмигрировать. М. Земан отреагировал на позицию В. Клауса также позитивно — он заявил, что готов встречаться, готов оставить на службе всех чиновников-профессионалов в канцелярии, служивших при Клаусе. Не забыв пояснить, что это не касается крайних, по его мнению, идеологов из канцелярии В. Клауса.

В течение этого года станут известны первые решения президента Земана. Больше всего ожидается, насколько они повлияют на парламентские выборы, которые пройдут, если не досрочно, то летом 2014 года.

Международные аспекты

Избрание М. Земана, несомненно, принесет с собой новые акценты по многим направлениям внешней политики. Изменения произойдут в первую очередь в отношениях с Евросоюзом. М. Земан позиционирует себя как

«еврофедералиста», и этим резко отличается от В. Клауса, заядлого «европессимиста». Однако тот факт, что избранный президент собирается действовать в сторону Брюсселя активно и конструктивно, никак не означает, что он будет не критичен, в особенности того, что касается чрезмерной бюрократии, излишней регламентации, а также мало популярных решений Еврокомиссии.

Можно также предвидеть новые акценты в отношении политически близких партнерских стран. Если правительство П. Нечаса ориентировалось в сторону английских консерваторов, то М. Земан приблизится к лидерам еврозоны, даже когда Чехия сохранит еще на определенное время свою любимую крону. Основным направлением станет более тесное сотрудничество с франко-немецким «евромотором», равно как и координация политики с соседними странами — Словакией, Польшей и Австрией.

В течение предвыборной кампании довольно большое место заняла полемика относительно судетских немцев. К. Шварценберг, чувства которого близки судетским немцам, высказал в ходе предвыборной кампании две очень тревожные мысли:

1. Выселение немцев в Германию после Второй мировой войны было преступным изгнанием

2. За послевоенные декреты, которыми было легализовано выселение, президент Бенеш, их автор, был бы сегодня осужден как преступник Международным трибуналом в Гааге.

Подобные заявления вне контекста с агрессивными действиями гитлеровских фашистов, от которых сильно пострадал и чехословацкий народ, встретили резкое несогласие чешских избирателей. Эти слова обеспокоили словаков, о чем заявил премьер-министр Фицо и тем самым косвенно выразил поддержку Земану. Некоторые немецкие обозреватели сделали из этой полемики вывод, что от нового президента надо ожидать антинемецкую политику. В Чехии не разделяют такое мнение, а, наоборот, считают, что чешско-немецкие отношения останутся хорошими и что взаимное сотрудничество будет и дальше развиваться.

Что касается НАТО и США, то в этом направлении не произойдет изменений в лояльной линии чешской политики. В отличие от Шварценберга, который одобрял агрессивные действия США против Югославии и Ирака, поддерживал создание радарной базы США в Чехии, стоял на резко антироссийской позиции во время грузинской агрессии на Кавказе, М. Земан будет придерживаться намного более конструктивной линии в направлении поиска мирных решений конфликтных ситуаций и достижения международных договоренностей именно по линии Америка—Европа—Россия—Китай. Единственное, что вызывает определенные опасения, так это слишком произраильская и антииранская позиция, которую М. Земан объясняет необходимостью борьбы против терроризма. Есть надежда, что он станет по этому вопросу более умеренным, так как резкие слова у политика, представляющего небольшую страну, звучат скорее как малополезная риторика.

«Российская карта» также играла определенную роль. Если линия Шварценберга является долговременно антироссийской и он до сих пор предостерегает чехов перед лицом «имперских устремлений» России, то М. Земан постоянно подчеркивает необходимость чешско-российского сотрудничества не только в экономической, но и в политической области. Понятно, что он будет

проводить эту линию совместно с большинством стран Евросоюза, которые также стремятся к взаимовыгодному сотрудничеству с Россией.

Общеизвестна идея М. Земана о том, что в будущем надо предвидеть вступление России в Евросоюз, поскольку она является преимущественно европейской страной. Эту идею он упомянул и в предвыборной кампании, подчеркнув ее долгосрочный характер. При этом он не побоялся показать, что он хорошо владеет русским языком. Нельзя исключить, что он как президент будет к этой идее возвращаться.

Стратегически эта идея базируется на потребности прочного сотрудничества, без которого трудно обойтись как Евросоюзу, так и России. Будущие годы и десятилетия, конечно, покажут, в каких формах это взаимное сотрудничество сможет развиваться. Объективным аналитикам ясно, что сегодняшняя Россия является могучей евразийской Державой. Эта идея М. Земана философски близка идее французского президента Де Голля, который в разгар холодной войны призвал к строительству Европы «от Атлантики до Урала». Почему бы в эпоху глобализации не осмелиться и не пойти дальше, вплоть до Владивостока. При доброй воле возможные формы всегда можно найти. Уже сейчас существует платформа ОБСЕ, которая нуждается в обновлении в особенности в экономической и политической областях. Достичь результатов в этом плане уже не столь сложно.

Потенциал Чехии ограничен, но он существует в культурном, политическом и, прежде всего, в экономическом плане. Есть все основания предполагать, что при президенте Земане этот потенциал будет позитивно использован именно в деле развития сотрудничества Восток–Запад и, прежде всего, в отношениях стран Евросоюза с Российской Федерацией.

Вышла книга

Титкова Н. Е.

Введение в православную культуру: учебное пособие / Н. Е. Титкова; АФ ННГУ. — Арзамас: АГПИ, 2013. — 142 с.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Арзамасского государственного педагогического института им. А. П. Гайдара.

Ответственный редактор доктор исторических наук, профессор *Е. П. Титков.*

Учебное пособие «Введение в православную культуру» содержит системное изложение основ православного учения и христианской этики.

Издание адресовано студентам гуманитарных специальностей, преподавателям воскресных школ, учителям, специализирующимся на предметах духовно-нравственного цикла, а также может быть полезно всем, интересующимся православной духовной культурой.

ВОСПОМИНАНИЯ О САРВАРЕ АЗИМОВЕ

Анвар АЗИМОВ

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ СЛУЖЕНИЮ НАРОДУ И ГОСУДАРСТВУ

К 90-летию Сарвара Азимова

Анвар Сарварович Азимов — родился в 1950 году в Ташкенте. В 1973 году окончил МГИМО, получил ученую степень кандидата исторических наук и поступил на работу в МИД СССР. Занимал с 1973 года различные, в том числе руководящие, должности в Центральном аппарате МИД и его загранпредставительствах. В 2005–2008 годах — Чрезвычайный и Полномочный посол России в Республике Замбия, в 2008–2011 годах — Постоянный представитель Российской Федерации при ОБСЕ в Вене. В настоящее время является послом по особым поручениям МИД России. **Живет в Москве.**

Если бы он был жив, то отмечал бы сегодня 90-летие со дня рождения. Солидный, представительный и приятный на вид, он возлагал большие надежды на жизнь, многое сделал, но еще больше планировал сделать. Жить бы ему и жить. Жаль… Сколько науч-

ных, публицистических, художественных, сценических и экранных произведений в итоге остались ненаписанными. Не смог он до конца реализоваться и как политик.

Прошло уже почти 20 лет после безвременной кончины в 1994 году моего отца. Умирал он в Ташкенте, у себя дома, тяжело, от непонятной болезни, но до самых последних дней жизни ни на минуту не сомневался в правильности избранного пути и своих убеждений, которым он был глубоко предан до конца. Таким отец был всегда — принципиальным, последовательным, честным, непоколебимым и идейным человеком, мудрым и справедливым руководителем, искусным и талантливым дипломатом, настоящим, от Бога, ученым, драматургом, киносценаристом и публицистом.

Сарвар Алимджанович Азимов родился 20 мая 1923 года в городе Джизаке (Узбекская ССР), воспитывался в семье своего старшего брата Хамида Алимджана — известного в Узбекистане и Советском Союзе поэта и общественного деятеля. Через всю свою жизнь отец пронес огромную благодарность своему любимому брату, бережно относился к его богатому творческому наследию и был бесконечно благодарен ему за то, что он первым открыл ему путь в великую русскую литературу. Не случайно, что отец начал свою литературную деятельность именно с монографии «Творчество Хамида Алимджана», написания школьных учебников и хрестоматий по узбекской литературе, статей, посвященных проблемам узбекской литературы, а также вопросов культурного наследия, переводов на узбекский язык русских классиков — поэтов и драматургов. Особенно блистал его перевод на узбекский язык драмы Льва Толстого «Живой труп». Прививал он любовь к России, русской литературе и супруге — Ляйли Фазыловне, трем сыновьям и дочери. Показательно, что и общался он со всеми нами преимущественно на русском языке, ставшем для всех нас родным.

Справа налево: композитор Мухтар Ашрафи, поэтесса Зульфия, писатели: Сарвар Азимов, Рахматулла Уйгун, Камиль Яшен, Мамоджон Рахманов

Отец был, несомненно, редким самородком, истинно талантливым, прежде всего организатором, государственным, общественно-политическим, дипломатическим и творческим деятелем. Примечательно, что уже в 1956 году, т. е. в 33 года, он возглавил Союз писателей Узбекистана, в 1957 году — стал министром культуры Республики, а в 1959–1969 годах — заместителем председателя Совета министров и министром иностранных дел УзССР. Кстати, главой внешнеполитического ведомства Узбекистана он был назначен еще раз (в 1988–1991 годах) после того, как работал в 1969–1974 годах Чрезвычайным и Полномочным послом СССР сначала в Ливане, а в 1974–1980 годах в Пакистане. Показательно, что и писательскую организацию республики он также возглавлял дважды, последний раз в 1980–1985 годах. Был шанс в третий раз стать председателем правления Союза писателей в 1987 году, но, увы, обстоятельства не позволили ему сделать это, и выборы, что удивительно, прошли в его отсутствие, когда отец, на протяжении многих лет по совместительству возглавлявший Советский комитет солидарности с писателями стран Азии и Африки, находился с визитом в Индии. Я сам в это время работал в посольстве СССР в Дели и видел переживания отца, когда в его отсутствие он был освобожден от занимаемой должности.

Он был сильным и волевым человеком, и это не сломило его, хотя пришлось покинуть посты председателя Комитета по связям с писателями стран Азии и Африки, секретаря правления Союза писателей СССР, члена Комитета по Ленинским и Государственным премиям, депутата Верховного Совета СССР и Республики. Вот они, перипетии жизни принципиального и видного государственного и общественного руководителя: по случаю 50-летия в 1973 году он, будучи доктором филологических наук, был удостоен звания «Заслуженный деятель науки» Узбекистана, в 60 лет получил почетные звания «Народный писатель Узбекистана», международную литературную премию «Лотос» Ассоциации писателей стран Азии и Африки, а в 70 лет, будучи еще полон сил, энергии и неиссякаемой мудрости, оказался, по сути, забытым.

Правда, в конце 80-х годов фортуна вновь улыбнулась отцу, и это было связано с переменами в Республике, когда ее возглавил в 1988 году Р. Н. Нишанов, хорошо знавший и ценивший отца. С. Азимов вновь становится министром иностранных дел Узбекистана, но ненадолго. В сентябре 1991 года он опять оказался «ненужным», был освобожден от обязанностей министра и члена Президентского совета. Отец тяжело и болезненно переживал крах Советского Союза, парад независимостей бывших его республик, закат компартии Узбекистана, идеологии, которой он был верен до конца своих дней. В последние годы жизни он продолжал заниматься партийной работой и общественной деятельностью. В 1992 году Советский комитет солидарности с народами Азии и Африки был преобразован на конференции СНГ в Москве в Движение за сотрудничество и солидарность народов Азии и Африки. Будучи патриархом этого движения, он был избран первым председателям его Совета и очень гордился и дорожил этим назначением, увы, последним в его жизни.

В период руководства Сарваром Азимовым Союзом писателей Узбекистана в литературном процессе произошло заметное оживление. Были осуществлены большие работы в части развития литературы, укрепления ее

Председатель правления Союза писателей Узбекистана С. А. Азимов

связи с литературами братских республик, прогрессивными писателями зарубежных стран Востока. Для поэтов и писателей были созданы благоприятные возможности для их самореализации. Повысились авторитет, статус писателей, улучшились их бытовые условия.

Активная общественная деятельность Сарвара Азимова, глубокое знание им жизни республики и стран зарубежья позволили ему — ученому, писателю и руководителю писательской организации Узбекистана — внести достойный вклад в процветание национальной литературы, укрепление ее связи с действительностью, развитие связей с литераторами других республик и стран Востока. При этом ему удавалось органично соединять свою государственную и общественную деятельность с научной и художественно-творческой деятельностью.

Несколько слов о его работе в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Ливане и Пакистане. Надо сказать, что на этом поприще он, как и прежде, проявил незаурядные способности тонкого, искусного дипломата и крупного политика. Свидетели тому — многочисленные государственные и общественно-политические деятели Ливана и Пакистана, с которыми он сумел установить доверительные отношения во имя интересов СССР. Да и наши дипломаты, работавшие с ним в Бейруте и Исламабаде, неизменно тепло, по-доброму и высоко отзывались о его личных и профессиональных качествах. Следует отдать должное их оценкам — испытывая глубокое удовлетворение от результатов совместной работы с С. Азимовым, они, тем не менее, с сожалением констатировали, что маршальский мундир посла ему был явно тесен, понимая, конечно, что проведенные за рубежом 11 лет, с учетом его потенциала и способностей, могли бы с большей эффективностью быть использованы в Узбекистане.

Надо сказать, что сам С. Азимов никогда не относился к дипломатической работе как к почетной ссылке. Он воспринял назначение, прежде всего, как высокое доверие ему лично и Узбекистану, хотя для него понятия Узбекистан, Россия и СССР были всегда едины. Главным его коньком на этой работе было умение наладить личные доверительные контакты с высшим руководством и искусно пользоваться ими во имя достижения поставленных целей. Яркий пример — особые доверительные отношения с тогдашним лидером ООП Ясиром Арафатом. В Ливане ему удалось установить тесные контакты с президентом Ш. Хелу и премьер-министром Р. Караме, авторитетным левым оппозиционным политиком К. Джумблатом. Аналогичная ситуация и в Пакистане — до сих пор в этой стране поминают отца добрым словом. И здесь он имел весьма доверительные связи с руководителями этой страны — З. А. Бхутто и Зия-уль-Хаком.

Словом, С. Азимов действительно состоялся как полномочный посол, и приобретенный им богатый дипломатический опыт, безусловно, помог ему в дальнейшем, тем более, что наши внутренние политические хитросплетения порой куда более сложные, чем дипломатические кроссворды за рубежом, которые он, надо сказать, достойно и с честью разрешал.

Заканчивая экскурс в международную деятельность отца, надо отметить его активное участие в составе советских делегаций на пяти сессиях ГА ООН в Нью-Йорке, а также на трех конференциях ЮНЕСКО в Париже, не говоря уже об организованных им международных мероприятиях по линии писателей стран Азии и Африки. На посту заместителя председателя Совета министров Узбекистана и министра иностранных дел он вместе с А. Н. Косыгиным и А. А. Громыко участвовал в организации и проведении известной Ташкентской конференции января 1966 года по примирению Индии с Пакистаном.

Однако главным его призванием была, несомненно, писательская деятельность.

Последовательно и плодотворно занимаясь художественным творчеством, Сарвар Азимов написал повести «Радуга» (1964), «Глаза, как утренняя звезда» (1965), «Звездоокая» (1968), рассказ «Два сердца — два мира» (1965), создал пьесы «Кровавый мираж» (1964), «Я вижу звезды», «Драма века» (1965), которые были успешно поставлены на сцене Узбекского национального академического драматического театра. Этими произведениями драматург ввел в узбекскую литературу тему зарубежного Востока.

На основе киноповестей (совместно Н. Рожковым) «Листок из блокнота» (1965) и «Сыны Отечества» (1967) были сняты художественные фильмы.

Изображая в драме «Кровавый мираж» участь группы узбеков-перебежчиков, предателей Родины, променявших ее на жизнь за границей, Сарвар Азимов тем самым внес в узбекскую советскую литературу новую тему, новые человеческие судьбы. Пьеса, написанная во времена широкого распространения в мире холодной войны и завоевавшая огромный успех на сцене Ташкентского академического драматического театра, завершается следующими словами одного из героев произведения: «Люди, не обманитесь! Будьте бдительны!» Эти слова воспринимаются как крик души. Они не потеряли остроты и сегодня.

В тот период Сарвар Азимов создал и сценическое произведение, посвященное непосредственно советской действительности — это драма «Сия-

ние звезд» (1965). Темам современности были посвящены повесть «Радуга», рассказы «О моем друге», «Осенние письма».

Своим произведением «Драма века» (1968) Сарвар Азимов внес в драматургию еще одну важную и актуальную тему. По интерпретации автора, драма эпохи — это государственные перевороты, осуществляемые местными реакционными силами при вмешательстве и при помощи империалистических кругов, создающих различные препятствия на пути борьбы за национальную независимость.

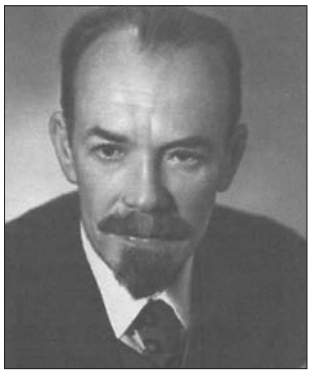
В последние годы своей жизни он много внимания уделял проблеме Арала, опубликовав в ташкентской и московской прессе целый ряд статей на эту тему; межнациональным отношениям и месту в них великому русскому языку. Сильно увлекся он и историческими романами, написав пьесу на тему Второй мировой войны и участия в ней узбеков. Сохранились наброски его задуманных киносценариев о Чингиз-хане, Тимуре, Бабуре.

Последнее произведение, над которым работал Сарвар Азимов, — роман «Лунное затмение». Это, к сожалению, незаконченное историко-философское произведение посвящено и Узбекистану, и Афганистану, роли наших предков в сохранении культурного наследия Узбекистана. Роман обрывается маем 1994 года — повествованием о духовных корнях и истоках узбеков, наследии и ценностях Бабура…

Отца уже нет почти 20 лет. Постепенно уходит из жизни поколение, хорошо знавшее и ценившее его вклад в самые различные области его многогранной деятельности. Время — величайший судья. Хочется верить и надеяться, что история со временем расставит все на свои места, будет воздано по заслугам и Сарвару Азимову, который, конечно же, явление в истории узбекского народа — талантливый писатель, государственный деятель и дипломат, доказавший это своими делами в республике и за рубежом. Осталось его богатое наследие, которое, наверняка, еще будет востребовано, потому что оно принадлежит народу. Нам — своим детям — он завещал быть честными, достойно жить и работать, верно служить своему делу и идеалам, сеять доброе и светлое. Таким был Сарвар Азимов, таким он и останется в памяти его родных, друзей и соратников.

Сарвар Азимов с женой Ляйли Фазыловной

Сергей БАРУЗДИН

О САРВАРЕ АЗИМОВЕ

Сергей Алексеевич Баруздин (1926–1991). Родился 22 июля 1926 года. В 1958 году окончил Литературный институт. В 1957–1965 годах секретарь правления Союза писателей РСФСР, с 1967 — Союза писателей СССР. С 1965 года являлся главным редактором журнала «Дружба народов».

«Мне нравятся натуры сильные, деятельные, заражающие своей энергией и убежденностью окружающих. Такой человек, такой герой создает сильнейшее поле притяжения. А это возможно только в театре, только в драматургии», — утверждает Сарвар Азимов и, мне думается, он глубоко прав.

Мне тоже всегда казалось, что драматургия — самый высокий род литературы. Я убеждался в этом не раз, читая или смотря Островского, Чехова, Горького или наших нынешних драматургов — Арбузова, Розова, Салынского, Вампилова, Дворецкого, Рощина. Здесь надо добавить наших товарищей по братским литературам. И среди них — Сарвара Азимова, чьи пьесы «Кровавый мираж», «Драма века» и самая первая «Я вижу звезды» стали явлением не только в драматургии, но и во всей нашей многонациональной литературе. Говоря о драматургическом искусстве, я думаю о том, как важно слово в пьесе. Ведь оно и образ, и характер, и система мышления, и конфликт, и даже сюжет… Видимо, поэтому я сам никогда не писал пьес, а, завидуя другим, думал о том, как хорошо бы драматургам переходить в прозу.

Творчество Сарвара Азимова подтверждает мою мысль. Привлекательные качества его пьес, острых, конфликтных и психологически верных, угадываются и в его прозе. Повестями С. Азимова «Звездоокая» и «Песни о белом рассвете» я зачитывался когда-то очень давно, а недавно перечитал их вновь: как свежо, современно, ненавязчиво говорится в них о том, что волнует нас сегодня!

Уже одна из первых книг Азимова, названная несколько нарочито «Сыны Отечества», богата и точными портретами людей, и такими деталями, которые сделали бы честь любому художнику.

К тому же Сарвар Азимов еще и публицист.

О публицистике и ее значении много говорят и пишут, но именно больших, настоящих, острых и талантливых произведений этого жанра нам и не хватает.

Сарвар Азимов — один из немногих наших сотоварищей, который преданно и влюбленно занимается этим нелегким делом. История и современность, советская действительность и зарубежный мир, а главное — человек у нас и за рубежом — вот важнейший смысл всегда горячих, живых азимовских публицистических выступлений.

И правильно, что Азимов подчеркивает возросшую роль литературы в современном мире:

Председатель правления Союза писателей СССР Г. М. Марков и секретарь правления Союза писателей СССР С. А. Азимов

«Слово поэта, прозаика и поныне играет немаловажную роль, когда оно звучит набатом, упреждающим важнейшие события. И в то же время, в век динамичной смены общественных систем на различных широтах земного шара, вынуждает его стать не просто свидетелем, а чутким, смелым выразителем человеческого разума и желания».

И, говоря еще о роли писателя, С. Азимов поясняет:

«Надо глубже познать мир и человека, а иначе не стоило и начинать, не стоило вступать на этот трудный, ответственный путь».

Первая моя встреча с С. Азимовым состоялась в Бейруте в 1970 году. Я знал его как писателя, знал, что он был министром культуры и заместителем председателя Совета министров Узбекской ССР. А тут я узнал С. Азимова в качестве нашего посла. Нелегко было в Бейруте и тогда: Израиль воевал с соседним Египтом. И сколько нужно было иметь нашему послу в Ливане мужества и принципиальности, твердости и мудрости, чтобы быть на высоте положения! И немаловажное значение имели тут чисто человеческие качества Азимова — доброта и выдержка, строгость и внимание к людям, личное обаяние.

Таким мы знаем Сарвара Азимова и сегодня.

И, признаюсь, мне всегда по душе этот милый, добрый, щедрый, подтянутый человек, независимо от того, где ты встретил его — в Москве или Ташкенте, Каире или Ханое. У него есть чему поучиться, рядом с ним хочется быть лучше, чем ты есть на самом деле.

Право, всегда важно, чтобы хороший писатель был хорошим человеком.

Сарвар Азимов — прекрасный человек, верный товарищ, умный собеседник и советчик. Смею так говорить, ибо все эти его качества выявились во время моего общения с ним. Более того, скажу, что каждая встреча с ним обогащала меня.

— Нас часто поглощает суета, — сказал мне как-то Сарвар Алимджанович. — И вот мы уже в ее стихии, и все главное летит прахом, проходит мимо…

А потом я прочитал его слова в журнале:

«Нам, писателям, надо стремиться к более глубокому знанию, отображению проблем, волнующих целые народы и континенты. Писать так, чтобы произведение не было для читателя фактом просто происшедшего, а заставляло его задуматься. Чтобы он мог найти нужный ответ на волнующий вопрос и смог поставленную писателем проблему сделать личной».

Эта мысль очень точно подтверждена самим С. Азимовым в повести «Листок из блокнота» в образе Камиля Рустамова.

Сарвар Азимов любит свою родную литературу и ее молодые силы. Как редактор журнала «Дружба народов», я знаю удивительное его умение поддержать все настоящее, даровитое.

Но поддержать талант для Азимова — вовсе не означает проявить снисходительность, снизить требовательность.

— Литература, по-моему, — говорил он мне однажды, — требует полной отдачи. И никакого фарисейства, никакой фальши не терпит.

Слова верные, но скажу еще, что и жизнь требует полной отдачи. С теми же добавлениями. Жизнь и творчество Сарвара Азимова — пример тому.

События последних лет, особенно после апрельского (1985) Пленума ЦК, не обошли и судьбу Сарвара Азимова. Уже после революционных перемен в нашем обществе на узбекской земле, увы, действовали силы, противящиеся перестройке. И они смели Азимова с поста руководителя писательской организации республики, как бы вычеркнули его из литературы. Но Сарвар оказался мужественным человеком.

Он все перенес, все испытал и вышел из этой весьма неприглядной борьбы победителем.

Его недруги сидят сейчас на скамье подсудимых или уже получили все, что они заслужили.

Вышел двухтомник Азимова, а в Москве однотомник его произведений. Есть новая пьеса для Академического театра имени Хамзы.

Есть, наконец, блистательный очерк о проблемах Арала, вышедший в молодежном ташкентском издательстве «Юлдузча».

Михаил ЦВИГУН

О ПОСЛЕ С. А. АЗИМОВЕ

Михаил Семенович Цвигун — родился в 1944 году. В 1968 году окончил МГИМО, кандидат исторических наук. Занимал с 1968 года различные, в том числе руководящие, должности в Центральном аппарате МИД и его загранпредставительствах. В 1995–1999 годах — Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Республике Джибути, в 2003–2009 годах — в Республике Конго. **Живет в Москве.**

Талантливый человек талантлив во всем. Сарвар Алимджанович Азимов в очередной раз в своей жизни подтвердил это, работая в 1969–1974 годах на посту Чрезвычайного и Полномочного посла Советского Союза в Ливане. Пребывание С. А. Азимова в этой небольшой арабской стране, являвшейся крупным региональным финансово-торговым центром и крупнейшим центром деятельности разведок многих государств, по времени совпало с резким обострением ситуации на Ближнем Востоке и с наращиванием советской политической активности в арабском мире, что, разумеется, требовало от посла повышенной самоотдачи. Всего через два месяца после приезда в неспокойный Бейрут С. А. Азимов досконально разбирался в сложных хитросплетениях внутриполитической обстановки и раскладе сил в стране, в конфессиональной системе устройства ливанского государства. Он, человек очень коммуникабельный и доброжелательный, быстро установил и поддерживал хорошие отношения с президентом Ливана Ш. Хелу, а затем с его преемником С. Франжье, с будущим премьер-министром Р. Караме, многими министрами и депутатами ливанского парламента, с руководством практически всех политических партий и общественных организаций, с духовными и светскими лидерами конфессиональных общин, с представителями деловых кругов. С. А. Азимов обладал какой-то магнетической способностью располагать к себе людей, даже придерживавшихся полярных идеологических и политических взглядов и убеждений. Он умел терпеливо, не перебивая, выслушать собеседника, а затем приступал к обстоятельному изложению своей позиции, начиная словами: «Как вы правильно заметили…». Итогом таких бесед было, как правило, обретение нового друга или изменение отношения человека к нашей стране на более лояльное. Очень дружественные, конструктивные отношения сложились с лидером общины друзов, председателем Прогрессивной социалистической партии Ливана (ПСП) Камалем Джумблатом и его сыном Валидом. С. А. Азимов и сотрудники советского посольства всегда были желанными гостями в родовом поместье Джумбла-

Чрезвычайный и Полномочный посол СССР в Ливане С. А. Азимов, Председатель Организации Освобождения Палестины Ясир Арафат и Первый секретарь Посольства СССР в Ливане В. И. Колотуша

тов в горном селении Мухтара. Когда в 1975 году в Ливане вспыхнула гражданская война, вооруженные отряды друзов из ПСП в течение длительного времени добровольно обеспечивали надежную внешнюю охрану комплекса зданий посольства СССР в Бейруте. Сам К. Джумблат погиб в 1977 году от рук неизвестных убийц, расстрелявших его автомобиль из засады на одной из горных дорог.

Важным политическим событием того времени стал визит в 1969 году к послу С. А. Азимову председателя Организации освобождения Палестины (ООП), руководителя «Фатх» (Палестинское движение освобождения) Ясира Арафата. Это был первый контакт палестинского лидера с официальным представителем СССР столь высокого ранга. Приезд Я. Арафата в наше посольство с эскортом вооруженных «до зубов» палестинцев и состоявшаяся весьма продолжительная беседа произвели фурор в Бейруте и далеко за его пределами, сделали в глазах ливанского общества и дипломатического корпуса высокий авторитет Сарвара Алимджановича просто непререкаемым.

Умение С. А. Азимова быстро оценивать обстановку, принимать правильные решения в чрезвычайных ситуациях и брать на себя всю полноту ответственности наглядно проявилось осенью 1969 году в так называемом деле о «Мираже». Тогда ливанская контрразведка задержала двоих наших граждан по подозрению в попытке угнать истребитель «Мираж» ВВС Ливана. При аресте один из задержанных получил тяжелые огнестрельные ранения, а второй травму головы. О случившемся стало известно от прибежавших вечером в посольство ливанцев — жителей дома, в котором произошел инцидент. Ночью, не получив никаких указаний из Москвы, посол сам составил ноту в МИД Ливана, в которой потребовал незамедлительно выдать советских граждан и предупредил, что в противном случае мы оставляем за собой право применить любые необходимые меры для защиты здоровья и жизни наших граждан! Рано утром С. А. Азимов позвонил президенту Ш. Хелу, зачитал ему текст ноты и от себя лично добавил, что корабли ВМФ СССР могут дойти из портов Сирии до Бейрута всего за два-три часа. Не на шутку встревоженный президент открестился от «самодеятельности» своих спецслужб и обещал распорядиться освободить задержанных и оказать посольству всяческое содействие в организации транспортировки пострадавших на родину. Данное послу обещание ливанцы выполнили в полном объеме. Более того, после истечения срока президентского мандата Шарль Хелу неоднократно вспоминал, что своими решительными действиями посол С. А. Азимов спас традиционно дружественные ливано-советские отношения от кризиса с непредсказуемыми последствиями.

Игорь ХАЛЕВИНСКИЙ

К 90-летию С. А. Азимова

Игорь Васильевич Халевинский — родился в 1944 году. Окончил МГИМО в 1967 году, кандидат экономических наук. С 1967 года занимал различные, в том числе руководящие, должности в Центральном аппарате МИД и его загранпредставительствах. В 1992–1997 годах — заместитель министра труда Российской Федерации.

В 1997–1998 и в 2003–2009 годах — посол по особым поручениям МИД России. 1998–2003 годы — глава офиса ООН в Белграде. С 2009 по 2012 год — директор Административного департамента Секретариата Комиссии Таможенного союза. В настоящее время — заместитель председателя Совета Ассоциации российских дипломатов. **Живет в Москве.**

Сарвар Алимджанович Азимов, по моему глубокому убеждению дипломат с большой буквы. В моей дипломатической карьере это был первый посол огромной человеческой духовности после череды советских послов, в целом хороших и даже неординарных профессионалов. Сарвар Алимджанович вызывал восхищение своей огромной добротой к людям, вниманием к каждому, необыкновенной образованностью. У него в голове была вся история heartland'a, как определял З. Бжезинский зону Центральной Азии. Это чувствовали люди от мала до велика в Пакистане. Они понимали, что величием своего духа он объединяет Бухару, Самарканд, Лахор, Пешавар — все бескрайние просторы уникальной цивилизации. Как недостает его таланта в нынешней ситуации!

Сарвар Азимов приехал послом Советского Союза в Пакистан в январе 1975 года прямым переводом с должности посла СССР в Ливане. После его отъезда в Ливане наступил хаос.

Мне посчастливилось, будучи первым секретарем посольства, сопровождать его при всех встречах с высшим руководством страны, в МИДе, парламенте, министерствах и ведомствах, беседах в общественных и политических кругах страны. Это были удивительно проникновенные, задушевные беседы. Их мог проводить только посол от Бога.

У Сарвара Алимджановича, естественно, установились исключительно доверительные отношения с Зульфикаром Али Бхутто, премьером Пакистана. «Zulfi, my friend», — так по-приятельски звал премьер-министра Пакистана наш посол. З. А. Бхутто по праву считал С. А. Азимова своим наставником. Любые вопросы решались лично. При этом никакой идеологии. Они были двумя великими политиками и восхищались друг другом. Премьер вместе с женой Нусрат и дочерью Беназир запросто бывал на приемах в советском посольстве. З. А. Бхутто по образованности и смелости духа и видения мира мог легко выступать перед интеллектуалами и перед крестьянами.

Военный переворот, арест З. А. Бхутто потрясли Сарвара Алимджановича. В дни, когда З. А. Бхутто бросили в яму, произошел такой эпизод. Моя жена Елена Халевинская была на приеме у зубного врача, который обслуживал и семью З. А. Бхутто. В конце приема д-р Ниязи попросил ее взять конверт с письмом. Елена привезла письмо в посольство. Это было обращение к Генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу с просьбой не допустить казни З. А. Бхутто. Реакция С. А. Азимова была молниеносной: письмо на перевод и телеграмму в Москву. Я потом узнал, что мой перевод письма был разослан всем членам Политбюро и по большому списку. Последовало обращение Л. И. Брежнева к пакистанскому руко-

водству, однако оно, как и обращения руководителей других стран, было проигнорировано: З. А. Бхутто был повешен.

История, однако, имела удивительное продолжение в человеческом плане. Летом 2012 года мы с женой были приглашены на ужин к моему старинному другу еще со времен дипломатической юности послу Пакистана Халиду. На приеме присутствовал также племянник Зульфикара Али Бхутто с женой. Моя жена рассказала историю о письме доктора Ниязи Леониду Брежневу. Пакистанка к нашему общему изумлению сказала, что доктор Ниязи ее отец. Тесен мир! Далее в январе 2013 года, будучи на Кипре, был приглашен к известному архитектору—строителю Кипра Константиносу Лордосу. К нашему удивлению среди его фотографий на почетном месте была его фотография с Беназир Бхутто — дочерью Бхутто. Опять вспоминалась трогательная дружба Сарвара Азимова со всей семьей Бхутто.

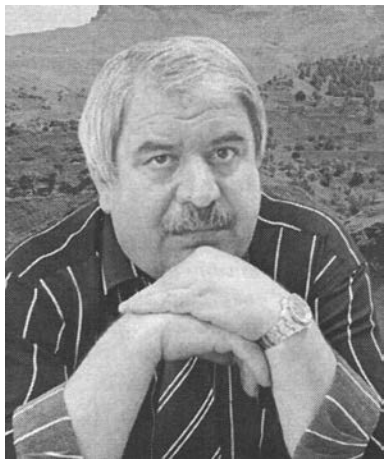
В новых условиях военного режима С. А. Азимов предпринимал титанические усилия по недопущению срыва в развитии советско-пакистанских отношений. Помню, мы ехали на первую встречу с генералом Зия-уль-Хаком. Были неприятные ощущения. Генерал, очевидно, предполагал, что у советского посла к встрече с военным диктатором нет никаких симпатий. Он предпринял такой маневр: во время беседы в кабинет вошла жена Зия-уль-Хака с дочерью 11-ти лет дауновского типа. Это была явно их семейная трагедия. Но это появление как-то сняло напряженность и вернуло к земному. Зия-уль-Хак заверил, что в развитии межгосударственных отношений сбоя не будет. Зия-уль-Хак в дальнейшем погиб в авиакатастрофе. На борту самолета был и мой друг, посол США в Пакистане Рафель, с которым у нас были удивительно дружеские отношения в Исламабаде в нашу бытность первыми секретарями. С ним мы всегда говорили на урду.

У С. А. Азимова не было никакой зашоренности на инициативу дипломатов в контактах. При З. А. Бхутто где я только ни бывал по поручениям посла, и даже в Свате. Он предложил съездить в 1975 году в Афганистан. Нас поразило дружелюбие афганцев, узбеков на всем нашем автомобильном пути. Везде сельхозфермы, построенные шурави, так называли советских, техникумы, МТС, больницы, сама автомобильная магистраль, туннель Саланг и т. д. и т. п. Все это по-глупому было смято немотивированным вторжением советских войск в Афганистан.

Мы знали, что посол еще и литератор. Он писал пьесы, книги в поздние вечерние часы. До работы министром иностранных дел Узбекистана Сарвар Азимов был секретарем Союза писателей Республики. С какой любовью вспоминаются его удивительные поздравления на дружеских вечерах в посольстве, когда он так точно и душевно обращался ко всем профессиональным группам, дипломатам, техсоставу, их женам и детям.

С Сарваром Алимджановичем в Исламабаде была его жена Ляйли Фазыловна, удивительно добрая, тактичная, умная женщина. Сколько она делала для культурной жизни всей советской колонии! Дружила с Нусрат и Беназир Бхутто.

ПОЭЗИЯ

Магомед АХМЕДОВ

«НАШ ВЕК — ОН ПРОДОЛЖЕНЬЕ ЧЕРНОЙ РЕЧКИ»

Перевод Николая Рачкова

Магомед Ахмедович Ахмедов — окончил литературный институт им. М. Горького. Автор многих поэтических книг и литературных статей. Член Союза писателей России. Народный поэт Дагестана. Лауреат Большой литературной премии России. Руководитель Союза писателей Дагестана. **Живет в Махачкале.**

* * *

«Кто ты?» — замучили думы меня
Ночи и дни напролет.
Подлое время, меня хороня,
«Кто ты?» — вопрос задает.

«Кто ты?» — гремят небеса в глубине,
Душу рванет неуют.
«Кто ты?» — и четки молитвенно мне
Тот же вопрос задают.

«Кто ты?» —
недолог наш век на земле,
Быстро стирается след.
«Кто ты?» — и песня рыдает во мгле,
Если уходит поэт.

«Кто ты?» — и строки мои без конца
Спрашивают в тоске.
Не отвести от эпохи лица,
Боль и в груди, и в виске.

В чаше моих невозвратных дней
Яд был проклятый и мед.
Царствует жизнь,
но в обнимку с ней
Смерть неуклонно идет.

«Кто ты?» —
Я тот, кто был робок и смел,
Грешен, как всяк человек.
«Кто ты?» —
Я тот, кто воспел, как умел,
Все, что преподал мне век.

БОЛДИНСКИЕ СОНЕТЫ

1

В душе сияет Пушкинская осень.
О, тайна золотеющего дола,
Небес над ним
божественная просинь…
Гори в моих стихах, огонь глагола!

Коснулось чудо пушкинского слова
Природы скромной болдинского крова.
Она и жаром осени согрета
Хранит в себе любовь весны и лета.

Дуб нависает бронзовой стеной.
Хранит усадьбу он, как витязь чести.

Прильну к нему, и кажется, что вместе
Со мною замирает шар земной.

Творил здесь Пушкин, глядя в эти дали.
Для Болдина стихи молитвой стали.

2

Хоть обнимай березок-златовласок!
Волшебный парк цветет, как на картинке.
Смешенье чувств, смешенье дивных красок, —
Сошлись здесь осень с летом в поединке.

Весь пруд объят поющей тишиною.
Горбатый мостик зыбок подо мною,
Я прикоснусь рукой к его перилам,
Повеет чем-то и родным, и милым.

Брожу ли я по пушкинскому саду,
Иль там, где на лугу стога и кони,
Стою ль в старинном доме на балконе, —
Я чувствую невольную отраду.

Взойдет печаль во мне, как в поле озимь.
Объемлет душу болдинская осень.

3

Когда в заветном Болдине бываю,
Хочу к бессмертной тайне приобщиться.
Всю суету сей жизни забываю.
О, Болдино, ты — вечности столица!

Сменяются года в потоке света,
Но неизменен звучный глас Поэта.
Его костер стихов неповторимый
Мир согревает, грозный и любимый.

Я, горец, тоже духом непокорный,
По Пушкину я творчество сверяю.
На языке аварском повторяю:
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

Где б ни был я потом, но и средь ночи
Мне светит осень болдинская в очи.

4

Средь дагестанских гор стоит одна,
Причудливо в пути людскому взору
Являет профиль Пушкина она.
Я в Болдине припомнил эту гору.

Да, Пушкин и гора у нас, и море,
И поле хлебное в простом уборе.
Ах, осень… Урожай убрали в сроки.
Но светят в поле пушкинские строки.

Поэты! Хоть до третьих петухов
Творите и надейтесь на удачу,
И все же к бедности своей в придачу
Его возьмите золото стихов.

Как нелегко пробиться сквозь туман.
Ты, Болдино, — поэтов талисман.

5

На пушкинское я взойду крыльцо
И говорить всем людям горько буду,
Как подлецы в ауле не в лицо —
Стреляли в спину славному Махмуду.

Наш век — он продолженье Черной речки.
Везде, везде стреляют без осечки.
Осенний день — дымящаяся рана —
Окрашен кровью детскою Беслана.

Поэт мечтал, чтоб все соединялись
Народы наши в дружную семью.
Была страна, о ней я слезы лью.
Ах, Пушкин, это бесы постарались.

Ах, Болдино… Легко в твоем саду…
Не тратьте пулю…
К Пушкину иду!

ДОН КИХОТ

Эй, Дон Кихоты! По коням! Вперед!
Я этот рыночный мир не приемлю.
Крепость в момент перед нами падет,
Стражники бросят оружье на землю.

Я не хочу побеждать на войне,
Проигрыш свой я считаю победой.
Место, которое дадено мне,
Я украшаю застольной беседой.

Эй, Дон Кихоты, народ от греха
Мы упасем на земле, пока живы.
Истина эта не так уж плоха,
А остальные все истины лживы.

Мы погибали за правду не раз.
Пусть отродясь ни жены, ни любимой.
Вместо любимой на сердце у нас
Есть только образ придуманный, мнимый.

Коль упаду на скаку я с коня,
Мне ли срывать на строптивом досаду?
Если несли на носилках меня,
Все лишь смеялись вокруг до упаду.

Кто меня только презренно не бил,
Ладно бы кони — топтали и люди,
Те, кого так беззаветно любил:
Я им о жизни твердил, как о чуде.

Если б в любом самом грешном краю
Встали за нами — иного не надо, —
Люди бы все оказались в раю,
И никакого бы не было ада.

Эй, Дон Кихоты! В тоскливом дому
Вам прозябать ли, от скуки пьянея?
Только не нужен мой клич ни-ко-му…
…Где ты?
О, где ты, моя Дульсинея?..

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Листьям осенним
могильной плиты не согреть.
Все мы рождаемся,
чтобы, увы, умереть.

Будь ты хоть нищим,
хоть целой державой владей…
Вот почему
всех живущих жалею людей.

2

Ночь, скоро ночь.
В небе туч бесконечная смена.
В душу иголкой
вонзается больно измена.

Сын человеческий,
кто тебя смог так обидеть?
Кто научил тебя
так глубоко ненавидеть?

Так вот случается,
так, к сожаленью, бывает,
Что и любовь
навсегда во грехе погибает.

Сын человеческий,
ветры тебя не сломили.
К раю любви
приучил тебя кто в этом мире?

Звезды на небе, огонь в очаге —
жизнь чудесна,
Но до поры, это все до поры,
если честно.

Сын человеческий,
ясный смущается разум.
Женщине, женщине
злом и добром ты обязан…

3

Моя Родина! Иль ты меня позабыла?
Припаду к тебе, вспомню я, что со мной было.

Вспомню все — и заплачу, как дождь над горами.
Я ль чужой тебе в горе?
В неслыханной драме?

В твои очи гляжу не стыдясь, не робея:
Предавал ли тебя?
Изменял ли тебе я?

Дагестан! Ты любовь, ты и гордость поэта.
Ты букет для меня негасимого света.

Мне душою парить над родною горою,
Даже если глаза навсегда я закрою…

* * *

Все трудней свое главное слово ловлю,
Ошалело оно от свободы.
Не успев полюбить, я уже разлюблю,
Постарели от дум мои годы.
Как бы дружбу мы все ни ценили,
Одиночество властвует в мире.

О, Всевышний! Тебе мы хвалу воздаем.
Невзирая на все перемены,
Ты свечу одиночества в сердце моем
Не зажги, пощади эти стены.
Есть одна в моей жизни отрада:
Мой Гуниб — золотая лампада.

Мое детство прошло там под сенью берез,
Песня их нежно душу ласкала.
Я не мог эту песню не вспомнить без слез,
Эту песню, и горы, и скалы.
Что ж ту песню сейчас забываю?
И на что, став седым, уповаю?

Не по мне ли заплакали там родники,
Когда шел я к родимому дому?
Небеса на меня, высоки-высоки,
Тоже стали смотреть по-другому.
Мой Гуниб… Сердце бьется и рвется…
Я умру, если он отвернется.

СНЕГ ЗОЛОТОЙ

Осень… Прощанье…
И ветер чистит
Кроны уснувших деревьев вокруг.
Каплями солнца
светятся листья,
Падая в сердце мое, мой друг.

Снег золотой
осыпается с веток.
Снег золотой
засыпает меня.
Что-то мне хочет
сказать напоследок
Средь золотого
осеннего дня.

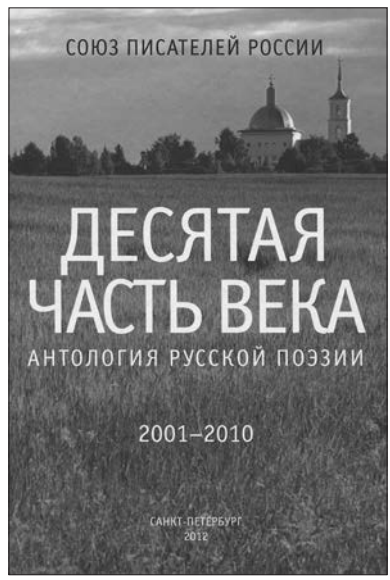
Листья летят,
словно шепчут:
«Мы были…»
Был ведь когда-то
и я молодым.
Время придет —
и сверкнут на могиле,
Снегом ее занесут
золотым…

ВЫШЛА КНИГА

Редактор-составитель *Ирэна Сергеева.*

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга.

Издатель: Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

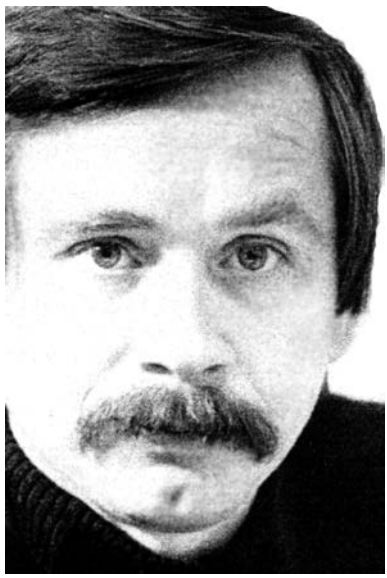
В данном издании отражена десятая часть XXI века.

Более ста поэтов-петербуржцев представили в антологию свои самые любимые стихи, из них выбраны наиболее яркие.

Авторы антологии входят в Союз писателей России, его Петербургское отделение — от старейшины русской поэзии, известнейшего Глеба Горбовского до юной поэтессы Екатерины Игнатьевой.

Предваряет книгу, заявляя тему, раздел «На грани веков» из десяти стихотворений по годам. Эти произведения десяти авторов антологии — своего рода эпиграф к изданию.

ПОЭЗИЯ

Владимир МОЛЧАНОВ

В РУССКОМ НЕБЕ СВЕТЛО И БЕЗБРЕЖНО

Венок сонетов

Владимир Ефимович Молчанов — родился в 1947 году на Кубани. Окончил Воронежский государственный университет. Автор девяти книг стихотворений, поэм и переводов. Член СП СССР с 1990 года, член Союза журналистов с 1983 года, лауреат премии Белгородского комсомола (1983), лауреат всероссийских литературных премий «Прохоровское поле» (2003), имени А. И. Фатьянова «Соловьи, соловьи…» (2004) и др., журналов «Наш современник» (2007), «Молодая гвардия» (2008), заслуженный работник культуры Российской Федерации (1999). Председатель Белгородской писательской организации, секретарь СП России. **Живет в Белгороде**.

«Надежда — последнее,
что умирает в человеке…»
Диоген

1

Умирает последней надежда,
Но ее хоронить не спеши,
Пусть она остается, как прежде,
В глубине онемевшей души.

Пусть лесов обветшают одежды,
Отшумят у реки камыши.
Перед тем, как закроются вежды,
Безнадежность в себе заглуши.

Пусть заснут все ветра беспробудно —
Снова их бушевать не зови.
И к тому, кому в мире так трудно —
Милосердие ты прояви.

Умирает надежда подспудно —
Перед смертью ее позови.

2

Перед смертью ее позови,
Как надежду и веру, Россию,
Чтобы смог с ней дождаться Мессию,
Всем смертям вопреки ты живи.

И любовь ко Христу прояви,
Чтобы сгинули бесы в бессилье
Те, которых у нас — изобилье,
И кто топит Россию в крови.

Но не бойся их злого суда.
Не скупясь на добро никогда,
Верь: спасение наше — в надежде.

И отхлынет беда, как вода,
Не останется даже следа
И сегодня, и завтра, как прежде.

3

И сегодня, и завтра, как прежде,
Пред Россией душой не криви,
Не пятнай ее чистой одежды,
Не предай ее светлой любви.

Ни за что не поверю — хоть режьте! —
Да и ты душу зря не трави,
Что спасет нас (вы грешных не тешьте)
От грехов наших Спас на Крови.

Унывать все ж нельзя и не надо,
Ты осилишь любую преграду,
Лишь мгновенье свое улови.

Чтобы жизнь стала высшей наградой —
Ты надеждою душу порадуй,
Каждый день, как остатний, живи.

4

Каждый день, как остатний, живи.
Наша жизнь — это труд и веселье,
Чтоб найти в ней дорогу спасенья —
По теченью ее не плыви.

Уваженье к себе прояви
Покаяньем, под Господа сенью.
Все проходит: и труд, и веселье,
Остается лишь память в крови.

Мы живем от судьбы до судьбы,
В этом мире — мы Божьи рабы,
Нам бы жить беспечально, безгрешно.

Нам не надо беречь свои лбы,
Чтобы стало от нашей мольбы
В русском небе светло и безбрежно.

5

В русском небе светло и безбрежно —
С высоты можно мир весь узреть.
Умирает последней надежда,
Но в ее не поверю я смерть.

Будь ты гений иль будь ты невежда,
Гаснуть будешь сейчас или впредь,
И сегодня, и завтра, как прежде,
Лишь надежда сумеет согреть.

Чтобы не было места на свете
Газавату и мерзкой вендетте,
Коих руки по локоть в крови, —

На закате ли дней, на рассвете,
Будь за русское дело в ответе,
Туча зла — стороной проплыви.

6

Туча зла — стороной проплыви,
Чтоб наполнился мир добротою,
Чтобы видеть нам в грешном — святое,
Освященное светом любви.

Все, что скрыто в тебе — прояви,
Не оставь свою душу — пустою,
Разгляди в самом сложном — простое,
Но запретный плод все же не рви.

Не стремись ради жалких утех,
Первородный оправдывать грех,
Чтоб себя не сгубить безнадежно.

Не надеясь на легкий успех,
Струны сердца, как радостный смех,
Лишь тогда запоют безмятежно.

7

Лишь тогда запоют безмятежно,
Будто ангелы, птицы в саду,
Если в нас утвердится надежда,
Что Россия минует беду.

Как ее на куски вы ни режьте —
Вечно жить суждено нам в ладу.
И сегодня, и завтра, как прежде,
Боль и радость делить на виду.

Как живем, так и жить будем дальше,
Знать не зная, кто —
младше, кто — старше,
Как родня, все друг другу свои.

Отзываясь на дружбу, без фальши,
Запоют в полный голос, как раньше,
В онемевшей душе соловьи.

8

В онемевшей душе соловьи
Пеньем полнят окрестности лета —
Значит, песенка наша не спета,
Ты мотив ее сердцем лови.

Было сказано так — C'est la vie![1]
Мы за всех прирученных в ответе,
И свидетельством вечным о Свете
Озаряются думы мои.

Пой, Россия! — себя не тая,
Чтобы лучшая песня твоя
Прозвучала, как символ спасенья.

---

[1] C'est la vie! (франц.) — такова жизнь!

Нет покоя врагам — знаю я! —
Что такие в России края!
Впереди у нас тьма потрясений.

9

Впереди у нас тьма потрясений —
Уж таков у России удел.
Только все же «собакам на сене»
Не оставить ее не у дел.

Пушкин с нами, и с нами Есенин,
И другие, Россию кто пел, —
Оберегов ее воскресенье
Не допустит у нас беспредел.

Как от жизни никчемной и праздной,
Уходи от тоски непролазной,
Чтоб грядущее стало видней.

Прочь гони предсказателей разных,
Хоть не скоро в душе будет праздник,
Но мы все же дождемся тех дней.

10

Но мы все же дождемся тех дней,
Что наступят ни поздно, ни рано.
Заживет незажившая рана
Неоглядной России моей.

Сердце Родины бьется ровней,
Стали ближе далекие страны.
Сон земли стережет неустанно
Свет далекой звезды все верней.

И от этих высоких лучей
Той звезды, ни моей и ничьей,
Будет много добра и везений.

Вспыхнут звезды мильоном свечей.
И в душе зажурчит, как ручей,
Колоколец надежды весенней.

11

Колоколец надежды весенней
И вчера, и сегодня, и впредь
Будет с вечною верой в спасенье
Жаворóнком в зените звенеть.

В небе вспыхнет такое свеченье —
Вся душа начинает гореть.
И от чýдного птичьего пенья
Так и хочется к солнцу взлететь.

И совсем не имеет значенья —
Век живешь на земле, иль мгновенье,
Сколько было бессонных ночей,

Сколько было и будет видений,
Если вновь колоколец весенний
Зазвенит в нас звончей и звончей.

12

Зазвенит в нас звончей и звончей
Величальная русская песня.
Но заглушит ли звук ее честный
Все потоки фальшивых речей.

Видишь: стаи заморских грачей
Занимают простор повсеместно.
Русской песне становится тесно
В онемевшей Отчизне своей.

Все же, песня, прошу — не молчи,
Не сдавайся, все громче звучи
Над простором России весенней.

Нам ни утром, ни днем, ни в ночи
Не страшны никакие грачи,
Умирает надежда последней.

13

Умирает надежда последней,
Как же быть без нее, не пойму?
По судьбе, как дорогой осенней,
Мне так трудно идти одному.

Лжепророки державы соседней
Мне пророчат тюрьму да суму,
Ну, а я все ж дождусь воскресений
Всех надежд... Я их смерть не приму.

Интерес всех врагов наших ясен,
Он не страшен для нас, но опасен,
Только злу поддаваться не смей.

И не слушай о гибели басен,
Свет последней надежды прекрасен,
Вровень стань перед Вечностью с ней.

14

Вровень стань перед Вечностью с ней,
С той надеждой, что вечностью станет,
С той, что нас никогда не обманет,
Жить с которою будет верней.

Жизнь и смерть —
что быть может ясней?!
Жизнь — врачует, погибель нас ранит.
Но лишь только надежда поманит —
Целиком отдаемся мы ей.

Хоть с крестом на груди, а хоть — без,
Норовит всех попутать нас бес,
Подымая тяжелые вежды.

Только кто бы к нам в душу ни лез,
Мы отринем его интерес —
Умирает последней надежда.

15

Умирает последней надежда —
Перед смертью ее позови.
И сегодня, и завтра, как прежде,
Каждый день, как остатний, живи.

В русском небе светло и безбрежно.
Туча зла, стороной проплыви,
Лишь тогда запоют безмятежно
В онемевшей душе соловьи.

Впереди у нас тьма потрясений,
Но мы все же дождемся тех дней:
Колоколец надежды весенней
Зазвенит в нас звончей и звончей.

Умирает надежда последней —
Вровень стань перед Вечностью с ней.

ВЫШЛА КНИГА

ПОЭТЫ–ДИПЛОМАТЫ РОССИИ

С радостью представляю вниманию любителей поэзии аудиоальбом «Поэты-дипломаты России, в котором впервые собраны вместе авторы, преданные поэзии и дипломатии, от отечественных классиков до современников, с XVI по XXI век.

Четыре столетия не изменили сердце и душу наших поэтов! Их объединяют патриотизм, любовь к родному дому, к природе, принадлежность к великой культуре своего Отечества. В Союзе писателей России хорошо знают и любят автора проекта, мастера художественного слова, актера кино, заслуженного артиста России Григория Дунаева, который великолепно прочитал стихи, вложив частицу своей души в этот необычный альбом. Первое наше с ним знакомство состоялось в столице Египта, Каире, где он блестяще представил творчество А. С. Пушкина на праздновании 200-летия со дня рождения великого русского поэта. Вот это была народная дипломатия, от сердца к сердцу! А спустя два года Григорий Александрович и сам сыграл русского поэта-дипломата А. С. Грибоедова в фильме «Штурм будет стоить дорого». Приветствую его последовательность в этом благом деле и желаю новых творческих взлетов на ниве содружества поэзии и дипломатии! Авторам и участникам проекта желаю ярких поэтических озарений, а слушателям — приятных минут общения с поэзией!

Председатель Союза писателей России, профессор Валерий Ганичев

Владимир МЕДИНСКИЙ

МИФЫ О РОССИИ

Отрывок из книги[*]

Владимир Ростиславович Мединский. Министр культуры РФ. Родился в г. Смела Черкасской области УССР. Окончил с отличием МГИМО МИД России, факультет международной журналистики. В 1997 г., окончив аспирантуру МГИМО, начал преподавательскую деятельность на факультете журналистики МГИМО, которую продолжает до настоящего времени, являясь профессором этого вуза. Доктор политических наук. Депутат нескольких созывов ГД РФ. В 2010 г. Указом Президента РФ включен в состав президентской Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, а также в правление фонда «Русский мир», который является популяризатором русского языка и культуры, поддерживая программу изучения русского языка в различных странах мира. **Живет в Москве.**

[*]Публикуется по согласованию с автором.

Политические мифы о России

Приманка лжи поймала карпа правды.
У. Шекспир

Черные мифы о России просто поразительно стабильны. Как и американские мифы о «Педди», тупых неграх и жестоких индейцах, они вроде бы повествуют о разных сторонах жизни страны и народа, но на самом деле формируют весьма цельную картину. Передать ее можно примерно так:

1. Русские — народ, в психологии которого нет стремления регулярно работать, работать на результат, нет умения организовать труд. Именно поэтому в России нет чистых уборных, хороших дорог, царит нищета и убожество. Царила, царит и будет царить — ведь русским это очень нравится.

2. Русские — непосредственные недоросли, дети, у которых игра легко становится жестокой и грубой, как у всех детей и дикарей. Распорядиться собой они не способны, им нужен строгий, но справедливый начальник — такой коллективный «отец», который бы приказывал, распоряжался, наказывал.

Типично в этом плане использование летописного мифа о Рюрике. Вот, мол, пример того, что только германцы могут принести русским орднунг — порядок.

Если брать историю, то до сих пор неизвестно, существовал ли вообще Рюрик. Неизвестно, был ли он когда-то князем в Ладоге или попросту наемником, захватившим власть. Неизвестно, имело ли место вообще «призвание варягов», и никто толком не может объяснить, откуда

[*] *Мединский В. Р.* О том кто и когда сочинял мифы о России. ОЛМА Медиа Групп. М., 2010.

именно они пришли. В. О. Ключевский полагал, что летописец *«сказочкой о призвании прикрыл факт узурпации и разбоя»*[1]. Зато миф о Рюрике-цивилизаторе живет, делая свое черное дело! Под Стокгольмом поставили даже памятник Рюрику — завоевателю и цивилизатору Руси[2].

3. Русские — рабы в душе, для них нормально почитание жестокой власти. Только авторитарную, деспотическую власть они уважают, только ее принимают всерьез. Демократия для них совершенно невозможна.

4. Российское государство не способно решать задачи внутреннего развития. В нем царит азиатская деспотия, произвол и грубость нравов. Единственная цель российского государства — внешняя экспансия, завоевание как можно большего пространства, покорение и эксплуатация соседских стран и народов. Это — сокровенная цель России, и что бы ни говорили сами русские, ничего другого от них ждать не приходится.

Бытовые и литературные мифы не так живучи, как политические. Причина понятна: рядовой человек изначально может думать что угодно и верить во что угодно. Он и не виноват, что думает глупости и верит в полную чепуху, — его так воспитали. Известно, что Карло Бартоломео Растрелли-старший вместе с сыном, будущим строителем Смольного монастыря и Зимнего дворца, Бартоломео Растрелли-младшим в июне 1716 года приехал в Россию в шубе и в санях. И первое время очень удивлялся их популярности — чего это в каждой деревне за ними бегут мальчишки, а взрослые хохочут и тычут пальцами?![3]

Но в частной жизни люди легко убеждаются в неправильности своих представлений. Те же Растрелли: и папа, и сын шубы быстро поснимали, а позже много раз смеялись над своими представлениями о русском климате.

Есть много других примеров из разных эпох, когда стереотипы постепенно рассыпались в результате открытости стран и активного культурного, образовательного, туристического обмена. Стоит «открыть» страну — и на уровне отдельных личностей она уже воспринимается адекватно.

А вот черные политические мифы поразительно устойчивы. «Новые» мифы о России, родившиеся в середине и даже в конце XX века, вовсе не так уж новы. Здесь и миф о невероятной агрессивности Советского Союза, и о неумении русских застегивать штаны и пользоваться ватерклозетом, и о том, что Россия «слишком холодна и не приспособлена для жизни».

Все они восходят к образцам «старых» мифов, созданных на протяжении XVI—XIX веков и «благополучно» доживших до нашего времени.

Взять хотя бы миф о «Завещании Петра Великого». В середине XVIII века он мелькнул и пропал. В записках французского шпиона и агента влияния кавалера д'Эона (да-да, того самого мужчины, почти всю жизнь вынужденного переодеваться женщиной, героя романа В. Пикуля и телесериала

---

[1] *Ключевский В. О.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 4. М., 1958.

[2] Спор о Рюрике и о характере варяжского завоевания вспыхивает каждый раз, когда собираются ученые. Очень остро шла полемика в Эрмитаже 14—18 мая 2007 г. на конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света». Но давайте уточним: ничего общего нет у исторического Рюрика, кто бы он ни был, и у Рюрика — цивилизатора Руси, которому поставлен памятник. В. Мединский еще очень вежливо называет мифом то, что заслуживает называться бредом. Но, видимо, именно такой бред кем-то востребован. (*Прим. науч. ред.*)

[3] *Пыляев М. И.* Старый Петербург. СПб., 1993.

канала «Россия» «Пером и шпагой») можно найти упоминание о том, что в 1757 году он, благодаря тесной дружбе с царицей Елизаветой Петровной, получил доступ в архивы. Там он скопировал «Завещание Петра Великого» — инструкцию Петра наследникам, как надо стравливать европейские державы, расширять пределы Российской Империи, дабы в конечном счете достичь мирового господства. Якобы д'Эон отдал это «Завещание» королю Людовику XV в Париже.

Кстати, откуда взялось слово «Париж»? Этот старый галльский город был центром племени паризеев. Назывался он тогда Лютеция. Собственно, от паризеев и пошло название Париж. Кстати, слово «Франция» в значении общего места жительства галлов, франков и бог знает кого еще на этой территории появилось от латинского Regnut Francorum — то есть Королевство франков. И обозначалась так первоначально не современная территория Франции и даже не все галльские земли на территории Франции, а лишь небольшая область расселения древних франков ближе к Германии.

В 1778 году отставленный от двора и потерявший былое влияние д'Эон пытался напомнить о себе, для чего был найден отличный предлог — раздел Польши между Россией и Пруссией. Именно его кавалер д'Эон интерпретирует как реализацию «излюбленного плана Петра Великого, страстно желавшего приблизить свои границы к Германии, чтобы играть там серьезную роль». Вот! Вот! Слышите! Ведь он, он! д'Эон, давно предсказывал раздел Польши в своем докладе королю!

Итак, что такое «Завещание Петра Великого»? Это только слух и не более. Слух, запущенный политическим авантюристом для того, чтобы вернуться в политику.

В 1807–1811 годах Наполеон готовил общественное мнение Европы к походу на Россию. Сначала в Париже были запущены в обращение две брошюры, включавшие вариант текста «Завещания», который был взят из сочинения некоего очередного польского эмигранта М. Сокольницкого, написанного в 1797 году.

Потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века». В ней, помимо прочего, было сказано: *«Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя».* Текст «Завещания» не опубликован, и Лезюр использует слухи, чтобы убедить европейскую публику в наличии агрессивных и наступательных устремлений российской внешней политики. Суть слухов такова: якобы Петр подробно спланировал территориальную экспансию в северном, южном и западном направлениях, вплоть до покорения значительной части Европы, Персии и Индии. Как же с такой страной не воевать?!

А затем появилась и сама фальшивка, завершавшаяся «страшными» словами: *«Так можно и должно будет покорить Европу».* Специалисты давно доказали, что так называемое «Завещание Петра Великого » — грубая фальсификация. Но в нее многие поверили! Не одно поколение уже

не европейских, а российских и советских историков искали «Завещание Петра Великого».

Так миф начал самостоятельную жизнь, совершенно независимо от того, что было в реальности.

Повторю, в Европе лучше, чем в любом другом месте, знают: это фальшивка. Ведь д'Эон на самом деле вообще ***никогда не привозил*** во Францию ни авторский документ Петра Великого, ни его копии. Он только составил для короля меморандум об основных внешнеполитических аспектах политики Российской Империи. Записки кавалера д'Эона и сейчас хранятся в архивах французского МИДа, и французам прекрасно известно, что в них написано.

Тем не менее, фальшивка вытаскивалась на свет всякий раз, когда недругам России надо было оправдать свои агрессивные замыслы и действия. Так, интерес к ней усилился в 1854–1855 годах. Англо-французская пресса тогда объясняла агрессию союзников в Крыму необходимостью пресечь «старинные захватнические планы потомков Петра».

О «Завещании» вспомнили еще раз в 1876 году в связи с началом освободительного движения балканских народов: вот, мол, Россия опять наступает, мирового господства хочет.

В 1915 году снова-здорово: немцы инспирировали публикацию «Завещания» аж в иранских газетах. Замысел был прост: вызвать страх и недоверие к России в соседней, очень лояльной к ней стране. Берегитесь! Скоро придут русские казаки! Мало не покажется!

В ноябре 1941 года, когда стал очевиден провал «блицкрига», немецко-фашистские газеты вновь повсеместно публикуют «документ», предваряя его крикливым заголовком: «Большевики выполняют завещание Петра Великого о мировом господстве»[1].

Известно, что обвинения в адрес Советского Союза в стремлении к «мировому господству», в намерении выполнить «завещание Петра Великого» раздавались и в годы холодной войны…

Уже в XXI веке экс-министр обороны США Дональд Рамсфелд заявлял, что «Россия — это новая угроза», и ссылался на «Завещание».

Начиная со второго президентского срока Путина, в США стало просто дурным тоном не кричать на каждом углу об «имперской политике» России. При этом любят подчеркивать одну деталь: сам Путин — из Петербурга, любит все связанное с памятью Петра, даже у себя в кабинете Президент Российской Федерации повесил портрет первого русского Императора.

Или порассуждать о том, как в реконструкции Константиновского дворца в Петербурге явно прослеживается своего рода реинкарнация эпохи и личности Петра I. Константиновский дворец изначально предназначался для принятия иностранных послов и делегаций, затем был заброшен… Что же плохого в восстановлении дворца и в реанимации активной европейской политики? В том, что В. В. Путин откровенно старается показать себя преемником *проевропейской* политики Петра I?

---

[1] En Russie au temps d'Elisabet. Memorire sur ia Russie en 1759 par le chevalier d'Eon / Pre sente et annote par Francine-Dominique Liechtenhan. Paris: L'Inventaire, 2006 (Collection Valise Diplomatique).

Казалось бы, такую позицию можно понять лишь как верность политике европеизации страны, сближения с Западом…

Но раскручивается маховик политической истерии: раз Президент повесил портрет Петра, значит, верен идеям его завоевательной политики. И посему опять всплывает «Завещание». Юристы называют такое настроение «презумпция виновности». Что бы ни делали русские, это наверняка что-то плохое.

На этом небольшом примере хорошо видно, как на уровне политического противостояния постоянно используется заплесневелый миф, которому уже больше двух веков. Меняются государства, грохочут войны и революции, изменяется облик Земли, а миф «благополучно» сохраняется и используется снова и снова.

А другие мифы и стереотипы трансформируются в новые. Они лишь в главном похожи на старые. Возьмите старый миф о «тюрьме народов» или «империи зла» — теперь в современной интерпретации он раскручивается в некоторых наших бывших союзных республиках.

В 2006 году довелось мне с делегацией Госдумы России посетить Латвию. Прямо перед началом официальной (!) встречи между парламентариями двух стран в стенах Латвийского сейма нам вручили по экземпляру бесподобной книжицы «Три оккупации Латвии». Книга выпущена в черно-красно-белом переплете: четкая фашистская колористика. Ее издание — часть государственной политики, книгу непременно вручают всякому официальному лицу, приехавшему из России. Образец дипломатичности и просто вежливости…

Под тремя оккупациями имеются в виду последовательно: советская оккупация 1939 года, оккупация нацистами в 1941–1944 годах и советская оккупация 1944–1991 годов. Первой оккупации посвящено страниц 10, германской — 2–3 странички, а основная часть книги, страниц 100 — исключительно о «третьей оккупации».

Забавно, что о немецко-рыцарской оккупации со времен XIII века в книге не говорится ничего. Видимо, превращение земель древних латгалов в колонию Тевтонского ордена, Ордена меченосцев и потом Ливонского ордена оккупацией не считается. Также ни слова об оккупации шведами в XVII–XVШ веках. Ни слова о теплой и сытой жизни за пазухой Российской Империи с начала XVIII столетия и по 1917 год.

Думаю, читатель догадывается, что испытывает всякий нормальный русский человек, полистав этот местный образчик евро-агитпропа. В душе закипает… В общем, парламентские переговоры не задались.

В той же Латвии на создание «документального» фильма «The Soviet Stori» выделяются средства из бюджета страны и из бюджета Европарламента. Главная задача авторов «Советской истории» — изменить отношение молодых европейцев и прибалтийских народов не только к Советам и коммунистам — ко всей России и всему русскому. Видимо, эта задача оказалась настолько важной, что никаких денег не жалко.

Ни о какой другой стране не сочинено столько политических черных мифов, как о России. В этом отношении мифы о России — явление в мировой истории уникальное. Эти мифы настолько живучи, что невозможно объяснить их появление и сверхдолгую жизнь простой случайностью.

Сами по себе, независимо от породившей их реальности, они — важный фактор международной политики.

Объяснить явление можно следующим: Россия уже двести пятьдесят лет, с середины XVIII века, является главным конкурентом и геополитическим противником Запада. Как только стала «противником», так сразу и возник комплекс черных политических мифов. Поскольку Россия до сих пор конкурент и противник, то и мифы — никуда не исчезли.

Опасность для России

Сила есть акт, а не потенция.
В. О. Ключевский

С иностранными державами обходися с учтивостью и ласкою, но не давайся им в лапы, и да не управляет ни единая держава твоими делами. Все они завистливы и потаенные злодеи твоего благосостояния и твоих подданных.
Из легендарного политического Завещания Екатерины II внуку Александру. Антология мудрости. М., 2007

К созданию, раздуванию, пропаганде черных исторических мифов надо относиться серьезно, как к целенаправленной идеологической работе против России и русского народа.

Если говорить о реальности, то Россия ни в чем не уступает истории западных стран — ни в жестокости, ни в славе. Не будем творить положительных мифов — за тысячу с лишним лет русской истории бывало всякое. Но, во-первых, срама и грязи было ничуть не больше, а то и поменьше, чем в истории любой другой страны — хоть западной, хоть восточной. Во-вторых, были не только грязь и кровь — была и слава! Были и достижения. И в количестве ничуть не меньшем, чем опять же в любой другой стране… Но мы, словно заколдованные черными мифами, не помним своей славы, забываем о своих достижениях и успехах.

Россиянину не нужно объяснять, кто такой Малюта Скуратов или Ванька Каин. А если спросить, кто такие Иван Бокарев и Федор Ландрин? Или: многие ли знают, что Россия — родина подсолнечного масла? В XVII веке подсолнечник завезли в Европу, тогда же он появляется и в России. Сначала как декоративное растение — красивый цветок и как лакомство — и в России, и в Европе охотно «лузгали» семечки.

В 1830-е годы крепостной крестьянин Бирючинского уезда Воронежской губернии начал вырабатывать подсолнечное масло. Приспособил для семечек жом, которым пользовались для выдавливания рыжикового масла (делали его и, кстати, до сих пор делают не из грибов, конечно, а из семян таких растений — рыжиков), и начал выжимать подсолнечное. Затем стал сбывать его на базаре.

Сперва культура подсолнечника развернулась в Саратовской и Воронежской губерниях, потом пошла по всей Южной России. А уж затем попала и в Европу[1].

Сюда же можно добавить и историю знаменитого вологодского масла (это русское изобретение — масло из кипяченых сливок), а также крупнейшее производство уникальных русских сыров. Тем и другим мы обязаны

[1] *Леонтьевский К. Е.* Производство подсолнечного масла на прессовых заводах. М., 1945.

выдающемуся предпринимателю, ученому и организатору производства Николаю Верещагину — родному брату живописца Верещагина. Он не только создал технологию производства этого масла, по сути, свою школу, которая позволила распространить производство по всей стране. Он фактически завалил европейские рынки нашим продуктом. Малоизвестный факт, но в царской России экспорт масла приносил больше выручки, чем экспорт золота — при том, что золота мы добывали немерено, занимая второе место по добыче после США.

История, связанная с Федором Ландриным, тоже любопытна. Придумал он изготавливать мелкие конфетки-леденцы. Стал продавать в круглых жестяных коробочках с прочно притертой крышкой. Конфетки назвали по имени изобретателя — «ландрин». Но ясное дело, не может же что-то хорошее прийти из России! И начали называть конфеты с французским акцентом — с ударением на второй слог: ландрин. А там и слово «ландрин» постепенно забылось, сменилось чисто французским — «монпансье».

«Как известно», Россия испокон веку — экономически и технически отсталая страна. Но как быть с таблицей Менделеева?

С тем, что именно в России возникли такие направления в науке, как почвоведение, экология, системные исследования на стыке физической и экономической географии?

Технический прогресс? Многие ли знают, что русский самолет «Илья Муромец» был лучшей боевой машиной во время Первой мировой войны? За все годы войны врагом был сбит всего один «Илья Муромец» и то потому, что экипаж выполнил задание и «расслабился» — по дороге на родной аэродром сел играть в преферанс[1]. А британские «Дехавиленды» горели и падали постоянно.

Что русские железные дороги до 1960–1970-х годов были лучшими в мире говорить считается неприличным, а ведь это факт. После этого времени железные дороги в Европе были модернизированы, но всякий, кто бывал в Южной Америке, с ужасом видел извивающиеся, как змеи, полосы рельсов. И удивлялся, что вообще остался жив.

Интересное и важное наблюдение: если приоритет в какой-то области спорный, мы охотно отдаем пальму первенства иностранцу. А вот иностранцы никогда не соглашаются отдать нам свое «право первородства». Скажем, за право считаться создателями радио «борются» итальянец Маркони и русский Попов. Но в России добрая половина опрошенных назовет вам изобретателем радио Маркони. Тогда как за рубежом о Попове вообще не слыхали. Знает о нем разве что кучка специалистов.

Так же и с парой Эдисон–Яблочков. Кто изобрел электрическую лампочку? Спор уместен. Но кто слышал о Яблочкове в западном мире? А у нас об Эдисоне кто не слышал?

Или — крекинг нефти… Еще Менделеев сделал ряд наблюдений о «воздействии жара на тяжелые масла нефти»[2]. В 1891 году термический крекинг запатентован русским инженером В. Г. Шуховым[3]. Американцы, называя

---

[1] *Никольской С. Н.* На воздушном корабле. Из дневника войны 1914–1917 гг. М., 2001.

[2] *Менделеев Д. И.* Нефтяная промышленность в североамериканском штате Пенсильвания и на Кавказе. М., 1877.

[3] Большая Советская Энциклопедия. Изд. 2. Т. 23. М., 1953.

вещи своими именами, просто присвоили (а еще проще — украли) изобретение. С 1915 года они наладили промышленные производства «по русскому методу». Но в России по сей день все уверены — крекинг нефти изобретен американцами.

К слову о нефти. Напомню: первая нефтяная промышленная скважина в мире пробурена на территории Российской Империи в середине XIX века. На 15 лет раньше, чем в США.

До революции 1905 года Россия занимала 1-е место в мире по добыче нефти[1]. Первенство восстановлено в 2006–2007 гг.

Изобретение российскими гражданами первой безопасной керосиновой лампы дало такой же толчок к развитию мировой нефтяной промышленности, как позже — изобретение автомобильного двигателя внутреннего сгорания[2].

Россия во второй половине XIX века занимала первые места в мире не только по добыче нефти, но и по производству и экспорту продуктов нефтепереработки: мазута, керосина (бензина тогда не было). Сейчас для нас это несбыточная мечта.

Винтовка, которую мы называем берданкой, разработана членом российского артиллерийского комитета А. П. Горловым и сотрудником того же комитета капитаном К. И. Гунниусом. «Малокалиберная стрелковая винтовка № 1» пошла на вооружение русской армии в 1868 году. В США ее называли «русской винтовкой». Полковник американской армии Бердан усовершенствовал некоторые второстепенные детали винтовки. И на вооружение русской армии принята была «малокалиберная стрелковая винтовка № 2 системы Бердана». Так детище Горлова стало называться берданкой.

О технических достижениях советского периода даже говорить трудно — слишком много всего. Тут и возведение целых промышленных районов в ледяной беспредельности Сибири, и громадный поток рационализаторства и изобретательства 1930–1940-х годов, истинное творчество масс, космическая политика. Что тут поделать, если первым из людей Земли полетел в космос все же не Юджин Гэг, а Юрий Гагарин?

Так же плохо мы помним и о том, что Россия в социальном отношении не была такой уж отсталой страной. Многие ли знают, что освобождение крепостных в 1861 году касалось только 34 % населения страны?[3] Остальные крестьяне уже получили личную свободу в годы правления Николая I и ранее.

А 60 % населения Юга США до 1865 года составляли рабы[4]. Самые натуральные рабы, которых продавали почем зря — и с семьями, и без[5].

---

[1] *Лосиков Б. В., Лукашевич И. П.* Нефтяное товароведение. М.–Л., 1950.

[2] *Пархоменко В. Е.* Переработка нефти. М.–Л., 1948.

[3] *Горянин А. Б.* Мифы о России и дух нации. М., 2001.

[4] *Зинн Г.* Создание межрасовых барьеров (история рабства Америки) // Г. Зинн. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2006.

[5] О демократии в России можно говорить с гораздо более раннего времени. Даже если не упоминать о вечевом строе времен Древнего Новгорода, достаточно вспомнить век этак XVII, когда не менее 5–6 % россиян были субъектами права — участвовали в управлении государством. Сами или через выбранных ими представителей. А в Британии в том же XVII веке только 2 % населения имели прав избирать, только 0,5 % — право быть избранными в любые органы управления. Такая вот «демократия». (*Прим. науч. ред.*)

Да и в советское время человек был гораздо свободнее, намного увереннее осознавал себя субъектом права, чем во многих «демократических» странах.

	Рабы в США (XVII век — 1865)	**Крепостные в России (1714–1861)**
Право на жизнь	Отсутствует	Жизнь крепостного охраняется законом так же, как и свободного
Право на здоровье	Отсутствует	Владельцам запрещено пытать крепостных, бить их палаческим кнутом и батогами
Право на брак	Не признается	Брак крепостного священен
Право на семейную жизнь	Не существует	Продавать членов семьи врозь запрещено
Право на владение имуществом	Отсутствует	Признается право на пользование нажитым имуществом. Ограничено право распоряжаться имуществом
Возможность освобождения	Отсутствует. Даже полученная вольная действовала только в течение полугода. Если за полгода раб не уезжал в «вольный штат», его опять продавали в рабство с аукциона	Признается законом, поддерживается обычаями и считается скорее желательным
Личное достоинство	Не признается	Власть обычая ограничивала помещика. Есть много случаев, когда крепостные убивали помещика, создававшего крепостные гаремы или пристававшего к женам крепостных
Перспектива после освобождения	Отсутствует	Много случаев, когда бывшие крепостные занимали очень высокое положение в обществе. Среди них: Воронихин — создатель Казанского собора, семьи Гучковых, Милюковых… Примеры можно множить

Более того, многие реформы, продвигавшие нашу страну в сторону расширения и укрепления народовластия, были свернуты под политическим и военным давлением мировых империй, построивших свое процветание на ограблении и уничтожении целых народов.

Получается — мы «знаем» о себе много плохого. Причем многое из этого плохого вообще никогда не существовало. Оно есть только в мифах, созданных нашими врагами. И в нашем собственном воображении, к сожалению.

А хорошего мы о себе не помним или просто не знаем, что оно вообще когда-то было. Это ослабляет наш дух, не позволяет критически отнестись к цифрам, которые нам усиленно навязывают.

Стоит россиянину принять всерьез черные мифы о России, и они буквально сбивают его с ног. И уже не дают сделать ни одну осмысленную работу.

Об этом, кстати, говорил и В. В. Путин в одном из своих посланий Федеральному Собранию. Приведу обширную цитату не из излишней верноподданности, а потому, что мысль — исключительно верная: *«Духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории. Именно это национальное богатство является базой для укрепления единства и суверенитета страны. Служит основой нашей повседневной жизни, фундаментом экономических и политических отношений»*[1].

Действительно, попробуйте строить дорогу, если вы точно знаете — в России хороших дорог быть не может! Даже если вы классный инженер и у вас под рукой самые современные технологии и отряд квалифицированных рабочих. Установка сама собой обезоруживает, невероятно мешает. И даже если успех достигнут, то эта установка обесценивает результат, не дает считать его чем-то естественным и закономерным, мол, здесь наверняка случайность… Не могли же русские построить хорошую дорогу?!

С тем же успехом попробуйте воевать с любым внешним врагом, если вы точно знаете — Россию всегда все били.

Попробуйте создать семью, если все русские женщины — проститутки, а заводить здесь детей не имеет никакого смысла, потому что у России нет и не может быть будущего.

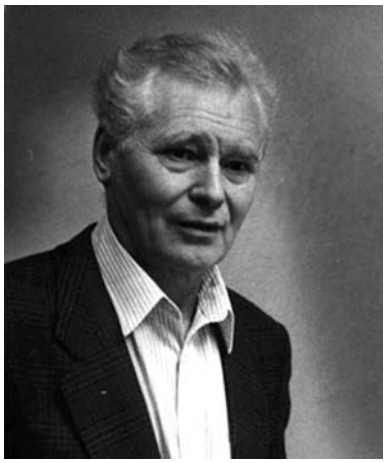
Попробуйте с удовольствием пообедать, точно зная, что в России все продукты радиоактивные и химически загрязненные.

Попробуйте добиться уважения других, если вы не уважаете самого себя.

Мифы, о которых идет речь, невероятно опасны. Страшнее пистолета. Это настоящее ОМП — оружие массового поражения, разрушающее наш мозг, нашу веру в будущее, нашу волю к действию.

---

[1] Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации // Парламентская газета. 2007. 27 апреля.

Сергей КАРА-МУРЗА

АНОМИЯ: ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ БОЛЕЗНИ

Сергей Георгиевич Кара-Мурза — родился в 1939 в Москве. Доктор химических наук. Профессор, автор работ по истории СССР, теоретик науки, социолог, политолог и публицист. Как автор политических работ выступает сторонником советского проекта. Член Союза писателей России. Главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН. Заведующий отделом комплексных проблем развития науки Российского исследовательского института экономики, политики и права в сфере науки и техники. Область научных интересов: исследование кризисов, науковедение. Автор многих книг и статей. **Живет в Москве**.

В российском обществоведении наибольшее внимание аномии уделяют социологи и криминалисты. Для социологов аномия — важнейший фактор, определяющий динамику структуры общества, поскольку человеческие общности, являющиеся структурными единицами общества, скрепляются, прежде всего, общими ценностями и нормами. От аномии человек защищен в устойчивом и сплоченном обществе. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения — вот условия возникновения аномии. Целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Аномия — важная категория общей теории девиантного поведения.

Причины, порождающие аномию, являются социальными (а не личностными и психологическими) и носят системный характер. Воздействие на сознание и поведение людей оказывают одновременно комплексы факторов, обладающие кооперативным эффектом. Поэтому можно принять, что проявления аномии как результат взаимодействия сложных систем будут мало зависеть от структуры конкретного потрясения, перенесенного общностью. Результат перестройки и реформы в социально-психологическом плане заключается в нанесении народу тяжелой культурной травмы. Это понятие определяют как «насильственное, неожиданное, репрессив-

ное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам», как разрушение культурного времени—пространства. М. М. Бахтин обозначал эту систему словом хронотоп; сам он называл такие культурные травмы «временем гибели богов».

Теория культурной травмы возникла именно в ходе анализа нарушений национальной идентичности. Культурная травма — это агрессия, средство войны, а не реформы.

По словам П. А. Сорокина, реформа «не может попирать человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам». Человеческая природа каждого народа — это укорененные в подсознании фундаментальные представления о добре и зле, которые уже не требуется осознавать, поскольку они стали казаться «естественными». Изменения в жизнеустройстве народа в России в 1990-е годы именно попирали эту «природу» и противоречили «базовым инстинктам» подавляющего большинства населения. П. Сорокин, говоря об интеграции людей в общности или ее дезинтеграции, исходил именно из наличия общих ценностей, считая, что «движущей силой социального единства людей и социальных конфликтов являются факторы духовной жизни общества — моральное единство людей или разложение общей системы ценностей». Перемена устоявшихся порядков всегда болезненный процесс, но когда господствующие политические силы начинают ломать всю систему жизнеустройства, это наносит народу столь тяжелую травму, что его сохранение ставится под вопрос. Целые социальные группы в таком состоянии перестают чувствовать свою причастность к обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Это и есть аномия. Мы исходим из того, что пусковым механизмом этого цепного процесса и стала «культурная травма», нанесенная населению радикальными изменениями. Петр Штомпка пишет: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире. Влияние травмы на коллектив зависит от относительного уровня раскола с предшествующим порядком или с ожиданиями его сохранения…

Что конкретно поражает травма? Где можно обнаружить симптомы травмы? Травма действует на три области; следовательно, возможны три типа коллективных (социальных) травматических симптомов. Во-первых, травма может возникнуть на биологическом, демографическом уровне коллективности, проявляясь в виде биологической деградации населения, эпидемий, умственных отклонений, снижения уровня рождаемости и роста смертности, голода и т. д. Во-вторых, травма действует на социальную структуру. Она может разрушить сложившиеся каналы социальных отношений, социальные системы, иерархию. Примеры травмы структуры — политическая анархия, нарушение экономического обмена, паника и дезертирство воюющей армии, нарушение и распад семьи, крах корпорации и т. п. Конечно, любая травма, по определению, культурный феномен. Но она может быть воздействующей на культурную ткань общества. Только это и может считаться культурной травмой в полном смысле слова. Такая травма наиболее важна, потому что она, как все феномены культуры, обладает сильнейшей инерцией, продолжает существовать дольше, чем другие виды травм, иногда

поколениями сохраняясь в коллективной памяти или в коллективном подсознании, время от времени при благоприятных условиях проявляя себя… Вследствие стремительного, радикального социального изменения "двойственность культуры" проявляется своеобразно: травматические события, сами по себе несущие определенный смысл, наделяются смыслом членами коллектива, нарушая мир смыслов, неся культурную травму.

Если происходит нарушение порядка, символы обретают значения, отличные от обычно означаемых. Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся».

Другими словами, радикальные социальные изменения, несущие «свой смысл», наделяются дополнительным смыслом как ответ культуры той общности, которая испытала травму. Люди переживают травму, и им открываются все новые и новые смыслы. Культурная травма, нанесенная народу, привела к культурному шоку. Он вызвал тяжелый душевный разлад у большинства граждан.

В начале 1990-х годов 70 % опрошенных относили себя к категории «людей без будущего». В 1994 году «все возрастные группы пессимистически оценивали свое будущее: в среднем только 11 % высказывали уверенность, тогда как от 77 до 92 % по разным группам были не уверены в нем». Летом 1998 года (до августовского кризиса) на вопрос «Кто Я?» 38 % при общероссийском опросе ответили: «Я — жертва реформ» (в 2004 году таких ответов — 27 %). В 2011 году Институт социологии РАН опубликовал большой доклад, подводящий итоги исследований восприятия реформы в массовом сознании — с начала реформ до настоящего момента. Большой раздел посвящен «социальному самочувствию» граждан, т. е. состоянию их духовной сферы. В докладе сказано: «Рассмотрим ситуацию с негативно окрашенными чувствами и начнем с самого распространенного по частоте его переживания чувства несправедливости всего происходящего вокруг. Это чувство, свидетельствующее о нелегитимности в глазах россиян самого миропорядка, сложившегося в России, испытывало в апреле 2011 года хотя бы иногда подавляющее большинство всех россиян (свыше 90 %), при этом 46 % испытывали его часто. (…) На фоне остальных негативно окрашенных эмоций чувство несправедливости происходящего выделяется достаточно заметно, и не только своей относительно большей распространенностью, но и очень маленькой и весьма устойчивой долей тех, кто не испытывал соответствующего чувства никогда: весь период наблюдений этот показатель находится в диапазоне 7—10 %. Это свидетельствует не просто о сохраняющейся нелегитимности сложившейся в России системы общественных отношений в глазах ее граждан, но даже делегитимизации власти в глазах значительной части наших сограждан, идущей в последние годы».

Вот глубина культурной травмы: в духовной сфере практически всего населения России господствует чувство несправедливости.

И это чувство порождается не какими-то эксцессами или частными противоречиями, речь идет о несправедливости всего жизнеустройства. Иными словами, травма не залечивается, а воспроизводится из года в год. В этом докладе сделано такое смягчающее замечание: «Можно предположить, что если бы реформаторы 1990-х годов в свое время сумели предложить и ре-

ализовать специальные адаптационные программы для людей предпенсионного возраста, возможно, развитие страны пошло каким-то иным путем и социальное самочувствие старшего поколения россиян было бы не столь пессимистичным». Это предположение нелогично. Причем здесь предпенсионный возраст — реформа повергла в пессимизм 30-летних! И не в адаптации дело, масса трудящихся именно адаптировалась к антисоциальным условиям жизни, иначе бы она уже не дышала и не отвечала на вопросы социологов. Она (да и большинство разбогатевших) оскорблена несправедливостью всего жизнеустройства. Это проблема нравственная, и ее никакими выборочными «адаптационными программами» не разрешить. Другое дело, что эта несправедливость толкнула большинство не к мятежу, а к аномии, но это нормальная реакция, пока не дошло до крайности. А реформаторы в принципе и не могли ничего «предложить и реализовать»: сама доктрина реформ исключала такие отступления.

Наиболее жестко подходят к формулировке проблемы аномии криминалисты. В. В. Кривошеев пишет, хорошо вводя нас в тему: «Дезорганизация, дисфункциональность основных социальных институтов, патология социальных связей, взаимодействий в современном российском обществе, которые выражаются, в частности, в несокращающемся числе случаев девиантного и делинквентного поведения значительного количества индивидов, т. е. все то, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия, фиксируется, постоянно анализируется представителями разных отраслей обществознания. Одни социологи, политологи, криминологи полагают, что современное аномичное состояние общества не более чем издержки переходного периода… Другие — рассматривают происходящее с позиций катастрофизма, выделяют определенные социальные параметры, свидетельствующие, по их мнению, о необратимости негативных процессов в обществе, его неотвратимой деградации. Своеобразием отличается точка зрения А. А. Зиновьева, который полагает возможным констатировать едва ли не полное самоуничтожение российского социума.

На наш взгляд, даже обращение к этим позициям свидетельствует об определенной теоретической растерянности перед лицом крайне непростых и, безусловно, не встречавшихся прежде проблем, стоящих перед нынешним российским социумом, своего рода неготовности социального познания к сколь-нибудь полному, если уж не адекватному, их отражению». Эту «неготовность социального познания» к пониманию конкретного явления современной российской аномии надо срочно преодолевать. Эта работа — обзор отечественной социологической литературы по теме с привлечением конкретных данных в качестве примеров. В. В. Кривошеев исходит из классических представлений о причинах аномии — распада устойчивых связей между людьми под воздействием радикального изменения жизнеустройства и ценностной матрицы общества. Он пишет: «Аномия российского социума реально проявляется в условиях перехода общества от некоего целостного состояния к фрагментарному, атомизированному… Общие духовные черты, характеристики правовой, политической, экономической, технической культуры, по сути, можно было отметить у представителей всех слоев и групп, в том числе и национальных, составлявших наше общество… Надо, к тому же, иметь в виду, что несколько поколений людей формировались в духе коллективизма, едва ли не с первых лет жизни воспитывались с сознанием

некоего долга перед другими, всем обществом… Ныне общество все больше воспринимается индивидами как поле битвы за сугубо личные интересы, при этом в значительной мере оказались деформированными пусть порой и непрочные механизмы сопряжения интересов разного уровня. Переход к такому атомизированному обществу и определил своеобразие его аномии».

От аномии человек защищен в устойчивом и сплоченном обществе. Атомизация общества, индивидуализм его членов, одиночество личности, противоречие между «навязанными» обществом потребностями и возможностями их удовлетворения — вот условия возникновения аномии. Атомизированное общество не озабочено жизненными целями людей, нравственными нормами поведения, даже социальным самочувствием. Целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, происходит их отчуждение, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Аномия — важная категория общей теории девиантного поведения. В социологической литературе большее внимание уделяется изменениям в образе жизни, даже, скорее, в экономической, материальной стороне жизнеустройства. Здесь мы будем в какой-то мере компенсировать этот перекос соображениями о травмах и в духовной сфере. Вообще, обе эти сферы связаны неразрывно — изменения в образе жизни (социальных правах, доступе к жизненным благам и пр.) и изменения в духовной сфере (оскорбление памяти, разрушение символов и пр.) переплетаются очень тесно, их разделяют в целях анализа, прибегая к абстракции. Например, приватизация завода для многих не просто экономическое изменение, но и духовная травма, подобно тому, как не сводится к экономическим потерям ограбление в темном переулке. Поэтому мы будем описывать травмирующие социальные изменения в России и результирующие проявления аномии, не пытаясь установить корреляции между изменениями в образе жизни и духовной сфере.

Не углубляясь в проблему количественного анализа, отметим методологическую трудность, присущую нашей теме: трудность измерения аномии. Само это понятие нежесткое, все параметры явления подвержены влиянию большого числа плохо определенных факторов. Следовательно, трудно найти индикаторы, пригодные для выражения количественной меры. Легче оценить масштаб аномии в динамике через нарастание или ослабление болезненных явлений. А главное, надо грубо взвешивать смысл качественных оценок. Социологи, в общем, соглашаются в том, что аномия охватила большие массы людей во всех слоях российского общества, болезнь эта глубока и обладает большой инерцией. Видимо, обострения и спады превратились в колебательный процесс — после обострения люди как будто подают друг другу сигнал, что надо притормозить (это видно, например, по частоте и грубости нарушений правил дорожного движения — они происходят волнами). Если так, это говорит об устойчивости и системном характере явления. Но надо в то же время отдавать себе отчет в том, что наряду с углублением аномии непрерывно происходит восстановление общественной ткани, связей между людьми и этических норм в их отношениях.

Таким образом, несмотря на глубокую аномию, состояние российского общества следует считать «стабильно тяжелым», но стабильным.

Общество пребывает в условиях динамического равновесия между процессами повреждения и восстановления, которое сдвигается то в одну, то в другую сторону, но не приближается к уровню катастрофы (хотя это верно лишь при взгляде с птичьего полета статистики, а горе конкретных жертв аномии преступника или пьяного водителя — именно катастрофа). Спектр проявлений аномии очень широк — от мягких форм социальной мимикрии до разгула насильственной преступности и очень высокого уровня самоубийств. Заведующий кафедрой социологии Российской академии государственной службы при Президенте РФ В. Э. Бойков пишет в 2004 году: «Одной из форм социально-психологической адаптации людей к действительности стала их мимикрия, т. е. коррекция взглядов, ценностных ориентаций, норм поведения и т. д. в соответствии со стандартами новых взаимоотношений. Нередко это приспособление выражается в амбивалентности моральных воззрений — в несогласованности между исповедуемыми идеями и принципами нравственности, с одной стороны, и реальным уровнем моральных требований к себе и окружающим, с другой. Такие явления, как ловкачество, беспринципность, продажность и другие антиподы морали, все чаще воспринимаются в обыденном сознании не как аномалия, а как вполне оправданный вариант взаимоотношений в быту, в политической деятельности, бизнесе и т. д. Например, две трети опрошенных респондентов, по данным исследования 2003 года, не видят ничего зазорного в уклонении от уплаты налогов, более того, 36,7 % убеждены, что такого рода обман государства морально оправдан». Об инерционности аномии свидетельствуют сообщения недавнего времени, в которых дается обзор за ряд лет. Авторы обращают внимание на то, что даже в годы заметного улучшения экономического положения страны и роста доходов зажиточных групп населения степень проявления аномии снижалась незначительно.

Вот вывод психиатра, заместителя директора Государственного научного центра клинической и судебной психиатрии им. В. П. Сербского (2010): «Затянувшийся характер негативных социальных процессов привел к распаду привычных социальных связей, множеству мелких конфликтов внутри человека и при общении с другими членами общества. Переживания личного опыта каждого человека сформировали общую картину общественного неблагополучия. Переосмысление жизненных целей и крушение устоявшихся идеалов и авторитетов способствовало утрате привычного образа жизни, потере многими людьми чувства собственного достоинства. Отсюда — тревожная напряженность и развитие “кризиса идентичности личности”… Развиваются чувство неудовлетворенности, опустошенности, постоянной усталости, тягостное ощущение того, что происходит что-то неладное. Люди видят и с трудом переносят усиливающиеся жестокость и хамство сильных».

В этом суждении важное место занимает травма, нанесенная именно духовной сфере людей: крушение устоявшихся идеалов, потеря чувства собственного достоинства, оскорбительные жестокость и хамство сильных… Если сохранять чувство меры и делать скидку на то волнение, с которым социологи формулируют свои выводы из исследований социального самочувствия разных социальных и гендерных групп, то массив статей главного профессионального журнала «Социологические исследования» («СОЦИС») за 1989–2011 годы можно принять за выражение экспертного мнения большого научного сообщества. Важным качеством этого коллективного мнения

служит и длинный временной ряд — динамика оценок за все время реформы. В этих оценках сообщество социологов России практически единодушно. Статьи различаются лишь в степени политкорректности формулировок. Как было сказано, подавляющее большинство авторов в качестве основной причины аномии называют социально-экономические потрясения и обеднение большой части населения. Часто указываются также чувство несправедливости происходящего и невозможность повлиять на ход событий.

На материале американского общества середины XX века понятие аномии хорошо разобрал социолог Р. Мертон в очень актуальном для нынешней России аспекте. Он, в частности, пришел к подобному выводу: «Именно вследствие всеобщей ориентации поведения на основные культурные ценности мы можем говорить о массе людей как об обществе… Вряд ли возможно, чтобы когда-то усвоенные культурные нормы игнорировались полностью. Что бы от них ни оставалось, они непременно будут вызывать внутреннюю напряженность и конфликтность, а также известную двойственность. Явному отвержению некогда усвоенных институциональных норм будет сопутствовать скрытое сохранение их эмоциональных составляющих. Чувство вины, ощущение греха и угрызения совести свойственны состоянию неисчезающего напряжения».

Вышла книга

Издание подготовлено Культурным центром им. А. И. Фатьянова
Автор проекта: *Н. Д. Чистякова (Мазалецкая)*
Составители: *М. Ф. Буланова, П. К. Рожнова*

Бесконечный свет. Антология современной лирики. — М.: ИПО «У Никитских ворот», 2011. — 252 с.

Это уникальное, издание, в котором удалось собрать стихи поэтов из разных регионов России: от крупных народов до небольших, отдаленных поселков. Более восьмидесяти авторов встретились на страницах этой книги, получив возможность донести свое слово до широком круга читателей. И голос каждого не потерялся, не слился с другими, а добавил яркую краску к картине сегодняшней жизни нашей страны. Здесь звучат и актуальные темы возрождения духовности, поиска исторических путей Государства Российского, и вечные темы любви и верности. Это первый сборник в поэтической серии. В следующие сборники войдут как стихи российских поэтов, так и русскоязычных авторов из других стран.

Точка зрения

Александр ДУГИН

РУССКИЕ ДОЛЖНЫ СПАСТИ МИР

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 году в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

13-й год не существует сам по себе. Он вписан между 12-м и 14-м. Сами 12-й и 14-й годы — не просто цифры, это смыслы, которые помещены в контекст русской истории. Владимир Путин совершенно правильно сказал, что наша история началась не в 91-м году и не закончится в 13-м. А это значит, что русский народ и русская история представляют собой некоторое последовательное развертывание определенных тенденций, высказываний, смыслов. И для того чтобы определять планы на ближайшее будущее, для того, чтобы говорить о повестке дня на 13-й год, чтобы заглянуть на 100 лет вперед, необходимо удерживать в сознании всю полноту русской истории. Для начала — обобщить период с 13-го года прошлого века до 13-го года нынешнего.

Немецкий философ Эдмунд Гуссерль говорил, что время подобно музыке. Мы понимаем настоящее только как музыкальную фразу — отдельная нота, взятая без предварительного и последующего музыкального фрагмента, не несет никакого смысла. Она приобретает смысл, когда мелодия начала звучать. Так и год жизни страны, период жизни народа — это некая музыкальная фраза, которая значима только в контексте всей истории целиком, как в музыкальном произведении.

В противном случае мы будем слушать какофонию.

Нынешний 2013-й — отдельная нота. Частью какой мелодии она является? Для того чтобы говорить об этом, необходимо мыслить историю. Мыслить историю как историю народа, государства, политики, общества, внешней политики, внутренней политики.

Тогда и год приобретет свое значение, тогда можно прогнозировать, оттолкнувшись от заданной мелодии, начать импровизировать. Ведь нота, которую мы берем в данный конкретный момент, — она рождается раньше в сознании музыканта, а не в результате того, нажимает он на ту или иную клавишу. Он нажимает на клавишу, потому что играет мелодию, потому что для него существует целое, существует музыка. Поэтому и для нас 2013 год должен стать частью целого.

В какой точке своей истории пребывает современное человечество в целом?

Мы живем в эпоху фундаментального кризиса, который вот-вот перерастет в планетарную катастрофу. Инерциальное развитие тех процессов, которые развертываются сейчас, неминуемо и гарантированно приведет людей к гибели. В чем смысл этой катастрофы, подошедшей к нам вплотную?

Человечество достигло предела общественного движения по траектории, намеченной в Новое время: технический и материальный прогресс, индивидуализм, демонтаж традиционного общества и мировых религий, либерализм, буржуазное сознание, индустриализация, модернизация. Европа и Америка довели эту линию до логического предела, за которым следует уже не модерн, а постмодерн. Мы живем в условиях постмодерна. Что это значит? Для разных зон Земли смысл также разнится.

Для Запада постмодерн означает, что все основные задачи, поставленные Новым временем, выполнены. Рассмотрим, во что это вылилось.

Техника стала автономной и раскрепощенной, и через некоторое время будут созданы более совершенные механизмы и автоматы (киборги, мутанты, клоны), которые перестанут нуждаться в людях.

Индивидуум полностью оторвался от общества и стал в центре постсоциальной системы: теперь каждый может думать что хочет, делать что хочет, верить во что хочет, жить где хочет, вести себя как хочет, выбирать пол, страну обитания, занятие и идентичность по своему произволу. На место общества вступило постобщество, которое состоит из индивидуумов. Идеология прав человека заменила собой все прежние формы коллективной идентичности.

Все политико-экономические альтернативы капитализму сняты с повестки дня, буржуазное рыночное общество, где все ценности имеют финансовый монетаристский эквивалент, окончательно утвердилось в качестве единственно возможного. В этом обществе все имеет цену, выраженную в цифрах, все продается и все покупается. Этот порядок денег стал тотальным.

Промышленность развита почти до полной автоматизации основных производственных процессов, и центр экономики сместился в финансовый сектор и сектор услуг. Разработки и проекты значат и стоят намного больше, чем само производство реальных товаров. Экономика высоких технологий — информационных, коммуникационных и т. д. — сделала промышленную область второстепенной (поэтому основные промышленные мощности сместились из высокоразвитых стран на периферию — феномен делокализации).

Традиционное общество и все его институты — религия, сословия, семья и даже половая строго фиксированная принадлежность — упразд-

нены и демонтированы. Модернизированное человечество окончательно порвало с Традицией во всех областях человеческой жизни, создав нового человека, абсолютно свободного от каких бы то ни было внеиндивидуальных (социальных) ограничений. Модернизация завершила свою программу, и Запад вступил в постмодерн.

Во «втором мире» (страны БРИКС и другие активно модернизирующиеся общества, тянущиеся за Западом) ситуация качественно иная. Здесь еще протекает бурная, стремительная модернизация и переход к постмодерну пока не совершился. Это означает следующее.

Идет бурное развитие техники и высоких технологий с целью догнать Запад в этой области. Не в силах разработать собственные образцы, разведки этих стран сосредоточили основное внимание на добывании высоких технологий и технологических секретов для их имитации на собственных промышленных площадках. Однако во всех ключевых сферах отмечается качественное отставание от Запада.

Структуры традиционного общества остаются очень сильными и стабильными в массе населения. Сохраняются патриархальные, патерналистские модели, сильны публичные религиозные институты, семья и половая идентичность не ставится под вопрос. Лишь отдельный незначительный процент прозападных космополитически ориентированных жителей крупных городов (чаще всего молодежь) стремится подражать культурным клише индивидуализма.

Буржуазные отношения только внедряются в социальные структуры и остаются подчиненными национальным или социально ориентированным моделям экономики, а также сочетаются с широким экономическим патернализмом. Далеко не все ценности пока имеют финансовое выражение. Капитализм только проникает вглубь этих обществ, вызывая устойчивое ответное сопротивление.

Промышленность бурно развивается (за исключением России), и эти страны становятся областями стремительного индустриального роста. Основной сегмент мировой индустрии перемещается именно в них, тогда как модельный ряд, экономические технологии и финансовые рычаги остаются в руках Запада. Эта зона становится приоритетным пространством вторичного сектора производства в мировом масштабе. Модернизация находится в ранней стадии, а не в поздней, как в странах Запада. Здесь идет переход от традиционного общества к обществу современному, а на Западе — от современного к обществу постмодерна.

Есть и третья категория стран, где модернизация находится в зачаточной стадии и где структуры традиционного общества остаются преобладающими. К ним относятся большинство стран Африки, многие страны Латинской Америки, Дальнего Востока, Средней Азии и Тихоокеанского региона. Здесь социальные изменения носят внешний (колониальный) характер и затрагивают лишь незначительную часть населения, интегрированную (прямо или косвенно) в систему «колониального» управления.

Вся эта многоуровневая система пребывает в кризисе. Западный сектор — в кризисе постмодерна, исчерпания процесса модернизации. Дальнейшие перспективы социальных, культурных, экономических, технических и политических трансформаций стали неочевидными, и Запад все больше задается вопросом: не был ли ложным весь путь западной цивилизации в

Новое время, не был ли он ошибкой и началом «заката Европы», о котором писал Шпенглер? Техника вытеснила культуру, а вместе с ней — сам человеческий дух.

Это очень важно: если еще вчера Запад не сомневался в том, что именно его исторический путь является образцом для всех остальных народов Земли, сегодня, в условиях постмодерна, он далек от такой уверенности, и перед ним стоит вопрос об оправданности своего курса, сомнение в его истинности, универсальности и неизбежности. На этом построена вся философия и культура постмодернизма, ставшая на Западе преобладающей. Это культура разочарования, сомнения, неуверенности, колебания и даже отчаяния.

Общество «второго мира» переживает кризис совсем другого рода. Модернизация приводит в движение массы традиционного общества, что ломает привычные структуры, но вместе с тем порождает волну протеста и осознанного фундаментализма, консерватизма и интегризма. Появление в этих обществах большого числа избыточных граждан вследствие высокой демографии, стремительный слом привычного уклада и распространение информационных интерактивных технологий открывает возможности для масштабного выражения не только модернизационных, но и контрмодернизационных стратегий. Огромный вал мигрантов из этих стран обрушивается на страны Запада, на глазах меняя этнокультурный баланс. При этом мигранты лишь частично усваивают культурный код Запада, в котором он и сам более не уверен, порождая новые травматичные социальные типы — часто сопряженные с радикальными тенденциями (включая фундаментализм и терроризм).

В этот же процесс втягиваются и страны самой дальней периферии, также подпитывающие волны мигрантов как в странах Запада, так и в странах «второго мира».

Общий демографический подъем на глазах меняет структуры планеты, а никакой внятной матрицы для упорядочивания этих процессов на фоне сокращения природных ресурсов в глобальном масштабе, резкого ухудшения экологической обстановки и повышения запросов широких масс модернизирующегося человечества — нет, что создает критическую ситуацию во всех зонах.

В ближайшем будущем наложение друг на друга этих катастрофических процессов неминуемо приведет к резонансу катастроф. Поэтому все чаще люди обращаются к апокалиптическим сценариям, предвидя «конец света», «мировую войну» или какую-то еще невиданную историческую катастрофу. Человеческая история зашла в тупик, и никто не знает, как из него выйти. В такой ситуации делать вид, что «все хорошо» и «все идет по плану», недальновидно и даже преступно. Мы живем, балансируя на грани…

Исторический момент русской истории

На фоне общего мирового кризиса и катастрофических предчувствий следует кратко окинуть взглядом логику русской истории.

Россия от древности до современности всегда старалась утвердить и сохранить свою уникальность, найти свой путь развития. Россия была вначале частью Православного мира, затем — интегрирована в монгольскую

державу Чингис-хана и после XV века окончательно обрела независимость, став самостоятельным государственным, социально-политическим и культурным образованием, отдельной особой цивилизацией, сочетающей как западные, так и восточные черты. С древних времен в русском народе жила вера в собственную вселенскую миссию, а с конца XV века она приобрела статус официальной политической теории «Москва — Третий Рим». Позднее, после реформ Петра I, эта миссия была переосмыслена в светском, европейском ключе — как укрепление великой континентальной христианской Державы, способной конкурировать с европейскими государствами и империями Востока за влияние на мировую политику.

В XX веке эта русская миссия после революции 1917 года оформилась в идею мировой революции, где Советский Союз снова мыслился штабом вселенских преобразований человечества через построение справедливого и свободного общества, «рая на земле».

При этом на всех этапах Россия всегда подчеркивала свое принципиальное отличие от Запада, Европы. Вначале это имело религиозный характер (Православие — в противовес католицизму), позднее — соперничество с европейскими державами за политическое влияние, и наконец, осмыслялось как конкуренция двух идеологических лагерей — социалистического и капиталистического.

Наличие особой миссии и оппозиция Западу были неотъемлемыми константами всей русской истории, ее осевым вектором.

Кризис современной цивилизации, в центре которого стоит, безусловно, кризис самого Запада и навязываемой им в планетарном масштабе общечеловеческой модели, по логике русской истории является вполне ожидаемым и предсказуемым событием, а также состоянием исторического процесса, ведь именно этому всегда противостояла Русь, по-разному выражая свое несогласие на тех или иных этапах. Это значит, что русская история всегда строилась на интуитивном ощущении того, что русские несут в себе альтернативный план цивилизации, спасение и избавление от тех катастроф, которыми чревата Европа.

Поэтому на нынешнем этапе история России снова обращается к принципиальной теме: отвержению Запада с его претензией на универсальность (а в наших условиях это означает уклонение от той катастрофы, к которой Запад подошел вплотную) и формулированию альтернативного курса мировой истории, построенного на осмыслении исторического русского опыта с учетом интуитивной русской миссии, оживлявшей эту историю.

Русские предчувствовали, что созданы для того, чтобы в критический момент спасти мир от неминуемой гибели и показать народам путь к идее и духу, избавляющим от краха.

С этой точки зрения вся русская история подводит именно к нашему времени, когда кризис становится глобальным и требует радикального разрешения. Таким образом, нынешнее время и есть русское время. Время сказать свое веское, самое главное слово в мировой истории.

Наступает тот момент, когда русские должны спасти мир. Как только мы осознаем это, перед нами логически начнет развертываться план действий по возрождению России, который отражает основные стороны русской миссии и дает ответ на катастрофические вызовы времени и условия глобального кризиса.

Русская история подсказывает нам, что сегодня пришло время провозглашения русской идеологии, окончательной формулировки Русской Идеи.

Политический блок

Каковы принципы русской идеологии?

Россия — всё, остальное — ничто. Нет ничего выше России. Это абсолютная ценность. За нее можно пойти на все.

Все силы, которые ставят под вопрос этот главный тезис, должны быть либо маргинализированы, либо уничтожены. Во всяком случае радикально отстранены от власти во всех областях — политической, идейной, экономической, культурной. Все должны пройти тест на лояльность России.

Какова должна быть власть в России?

Власть в России должна быть русской, сильной, умной и эффективной.

Русской — значит основываться на логике русской истории, корениться в любви к русскому обществу, русской идентичности, религии, культуре, психологии. Без любви к России власть будет нерусской.

Сильной — значит, она должна быть суверенной и не допускать никаких компромиссов и полумер в отношении с оппозиционными силами и нарушениями установленного русского порядка.

Умной — значит, она должна основываться на русской философии, постоянно повышать свой интеллектуальный уровень, быть компетентной в той степени, в какой этого требуют ответы на вызовы современности.

Эффективной — значит, она должна ставить перед собой задачи, обозначать их внятно, а затем добиваться их реализации.

Какой должна быть политическая система России?

В критических условиях необходима национальная диктатура с подчинением всех ветвей власти единому центру управления. Можно сохранить формат президентской республики, существующий сегодня. Для осуществления авторитарного правления эта модель подходит.

В далекой перспективе целесообразно рассмотреть вопрос о восстановлении монархии.

Авторитаризм в стратегических вопросах должен компенсироваться расширением полномочий в вопросах местного самоуправления, земский принцип. Власть должна нещадно уничтожать коррупционные сегменты элиты, начиная с самого верха. Она должна быть идейной.

При этом власть должна исходить из приоритета русского народа как главного субъекта истории. Поэтому она должна быть народной и в определенном смысле демократической.

Русская революция

Прийти к русской власти можно как эволюционным (охранительным), так и революционным путем. Мы не должны исключать ни того, ни другого. Важнее всего результат.

Каким должно быть русское государство?

Это должно быть государство имперского типа — централизованное в стратегической сфере и допускающее широкое разнообразие форм самоуправления на низшем, региональном, муниципальном уровне. Разные ре-

гионы могут иметь различия в нормативах местной жизни, учитывая региональные, исторические, культурные, этнические и конфессиональные особенности. Лучшие представители всех региональных обществ должны свободно интегрироваться в общую государственную элиту, если они докажут свою лояльность Державе, высокий культурный уровень, преданность России и эффективность.

Социальный блок

Какие основные черты будущего русского общества?

Общество должно быть коллективистским, общее благо должно быть поставлено радикально выше индивидуального благополучия.

Общество должно быть духовным и идеально ориентированным, а не материалистическим и не потребительским.

Общество должно быть солидарным, а не отчужденным. Общество должно быть честным, а не лживым и не коррумпированным.

Общество должно быть возвышающим, а не унижающим друг друга.

Общество должно развиваться в соответствии с традицией, а не вопреки ей.

Общество должно быть русским, а не западным и не глобалистским.

Общество должно быть здоровым и естественным, а не больным и извращенным.

Как должна быть организована информационная сфера?

Должна быть организована русская информационная среда, ограничивающая доступ западных и глобалистских влияний. По рубежам России должны стоять сетевые фильтры, препятствующие проникновению в информационное поле западных и глобалистских информационных потоков.

В отношении к теме пола русские должны быть натуралами и противостоять всем формам гендерных извращений. Здоровая семья, деторождение и любовь мужчин и женщин должны быть неприкосновенной основой половой морали. Аборты должны быть запрещены.

Экономический блок

Русская экономика

Экономика должна быть не только эффективной, но и справедливой. Лучше всего подходят рецепты социалистической организации, основанной как минимум на прогрессивном налоге и на справедливом разделении между всеми членами общества продуктов трудовой деятельности.

Олигархат подлежит уничтожению. Государственный сектор должен контролировать стратегические области экономики, остальное следует отдать в частные руки с требованием неукоснительного соблюдения социальной ориентации предпринимательской деятельности.

Против капитализма

Капитализм есть западноевропейское явление, совершенно чуждое русской истории и русскому обществу. Капиталистические модели были заимствованы русскими и вызывали массовое отторжение. Либерализм и капитализм должны быть отброшены как полностью не соответствующие русским ценностям.

Культурно-философский блок

Отношение русского человека к Богу

Русский человек должен быть вначале русским и только потом человеком. Он должен соотносить себя с Богом, Творцом неба и земли, и строить свою жизнь на основании Божьих заповедей. Попытка освободиться от Бога привела Запад к смерти самого человека. Мы не должны идти по этому пути. Мы должны оживить Бога, вернуться к нему, жить перед лицом Бога Живого.

Гуманизм и дегуманизация

И гуманизм, и пришедшая ему на смену дегуманизация — суть явления западной культуры, основанной на богоборчестве и стремлении освободить человека от духовного измерения и лишить Вселенную ее Творца. Нам неприемлемо ни то, ни другое. Русского человека делает человеком принадлежность к народу и вера в Творца.

Техника

Техника сегодня заменяет человека на Западе и в глобальных проектах. Развитие техники не отвечает ни на один по-настоящему важный вопрос человеческого бытия; бытие, любовь, жизнь, смерть, вера, нравственность, красота — все это не технические, а метафизические явления. Техника должна быть низведена с ее пьедестала на второстепенное место. Это не идол и не цель, это лишь средство. Некритическая вера в технический прогресс — это форма помешательства. Кроме того, техника уничтожает окружающий мир и даже самого человека. Ее необходимо взнуздать.

Постчеловек

В западном обществе на место человека постепенно приходит постчеловек, мутант, клон, киборг. Мы должны объявить священную войну этому вырождению.

Религия и ее симулякр

Сегодня часто возврат к религии приводит к пародийным китчевым формам. Вместо подлинного обретения Традиции берут только отдельные ее фрагменты и стремятся сочетать с элементами современности и даже постмодерна. Эта пародия опасна. Необходимо прорваться к подлинной и чистой Традиции без примесей духа современности.

Как построить русскую философию?

Русскую философию надо строить, отталкиваясь от русского Логоса. Русский Логос спит в глубине русской души. Он пока не проявлен, а на месте русского Логоса стоит неуклюжая и нелепая пародия, некритично скопированная с западноевропейских образцов.

Нам нужна своя русская философия. Первая попытка такой философии была предпринята в конце XIX века, но прервалась в 20-е годы XX века после установления большевистской диктатуры. Мы должны приступить ко второму этапу становления самобытной русской философии.

Как следует понимать русским смерть?

Русская смерть должна быть центром внимания русской культуры. Смерть не есть ни упадок, ни полное небытие. Смерть есть иное измерение жизни, то, что делает жизнь терпкой. Русский переживает смерть в своем народе, государстве, культуре и истории. Но он смертен, и это его цена за то, чтобы быть русским.

Основы русской культуры будущего

Русская культура должна быть мессианской. Русские должны открыть народам мира истину, которая им самим не очевидна. Это мессианство вопрошания, а не универсального навязываемого ответа. Русская культура — это культура загадки.

Внешнеполитический блок и отношение к Западу

Запад надо отвергнуть как катастрофу. Это упадническая цивилизация, разрушившая основы нормального и здорового общества. Запад, начиная с Нового времени, сошел с ума. Он распространяет свое безумие, свои припадки хищного захвата и духовного вырождения, сопровождающиеся адом раскрепощенной техники и декадансом индивидуализма на весь мир. Это называется «глобализацией». Радикальный отказ от Запада — это и есть русский ответ.

Кризис Запада

Запад пребывает сегодня в глубочайшем кризисе. Его ценностная система растворяется, его пожирает техника и сотрясает экономический кризис. Мы живем в эпоху конца Запада, и этот конец — закономерный результат его в корне неверного пути развития, избранного им в Новое время. Наша задача в том, чтобы остаться по возможности незатронутыми последствиями его неизбежного крушения.

Европа и США

Самым ужасным явлением западной культуры являются США, мировая империя зла. Европа отчаянно пытается сохранить хотя бы крупицы ее древнего культурного наследия. В США нечего спасать, и эта дьявольская страна обречена. Если стоит вопрос о выборе между США и Европой, то России ближе Европа. Она нуждается в спасении, но спасти ее мы сможем только после того, как спасем самих себя от Запада, а значит, в том числе и от самой Европы.

Как строить Евразийский союз?

Народы и общества постсоветского пространства принадлежат к одной культурной матрице, к одному коду. Сходство во всем: в экономике, демографии, истории, обычаях. В основу Евразийского союза надо положить принципы геополитического культурного, стратегического и экономического единства.

Геополитика предполагает единство цивилизационного и военно-политического управления Евразийским союзом.

Культура — выявление общего культурного кода всех обществ, входящих в Евразийский союз. Экономика должна быть основана на общем Таможенном союзе и единой валютной зоне (евразийский рубль). Сам Евразийский союз возможен только в общей структуре многополярного мира.

Многополярный мир

Для создания многополярного мира надо объединиться со всеми странами, отвергающими однополярность, гегемонию США и глобализацию.

Многополярный мир должен состоять из нескольких цивилизаций: североамериканской, европейской, южно-американской, евразийской, арабо-мусульманской, континентально-мусульманской, африканской, индийской, китайской. Цивилизации образуют полюса, или «Большие пространства».

Каким должно быть отношение к Востоку?

Проблемы стран Востока во многом похожи на те, с которыми сталкивается Россия. Но есть и различия. Ответы на эти вызовы у России и стран Востока могут быть схожие, но могут и различаться, как различаются наши культуры и религии. С Востоком необходим содержательный и доброжелательный диалог.

Восток сегодня идет отчасти по пути Запада и модернизации, все яснее осознает свои культурные особенности. Этот двоякий процесс в каждой стране Востока проходит в разных пропорциях. Для России ближе те общества Востока, где Традиция играет главенствующую роль и подчиняет себе модернизацию.

Власть

Власть и история

Власть есть фокус реализации истории. Через точку власти проходит нить истории как бытия общества, народа, государства. Власть поэтому священна.

Власть и геополитика

Россия есть Хартленд, сердцевина земли, и должна основывать свою геополитику на принципах Суши. Задача Суши (Евразии) в геополитике — освободиться от контроля враждебной цивилизации Моря (сегодня это США и страны блока НАТО) над береговой зоной и выйти на просторы Мирового океана, двигаясь к берегам конкурирующего геополитического блока — то есть к США.

Россия своим географическим положением и масштабом своих территорий обречена на то, чтобы независимо ни от чего вести «великую войну континентов».

Власть и общество

Власть должна быть порядкообразующей и участвовать в оздоровлении общества, задавая критерии социальных норм. Власть, будучи народной и исторически обоснованной, должна диктовать обществу то, каким ему следует быть. А ему следует быть русским, моральным, здоровым и справедливым.

Идеология

Либерализм

Либерализм есть квинтэссенция Запада. Эта идеология полностью противоречит русскому обществу и русской истории. Эта идеология должна быть решительно отброшена.

Социализм

Социализм намного более точно соответствует русскому обществу, нежели либерализм. Однако в западных версиях он часто расходится с русскими ценностями (атеизм, материализм, слепая вера в прогресс). Должен быть построен русский социализм.

Национализм

Классический буржуазный национализм и тем более национализм расистского типа совершенно чужды русской истории и русскому обществу.

Он приведет к разрушению этнической идентичности как русского народа, так и иных этнических групп. Национализм опасен для России.

4ПТ

Необходимо разработать Четвертую Политическую Теорию по ту сторону либерализма, классического социализма (коммунизма) и национализма (расизма). Это вызов интеллектуальному авангарду новой России.

Государство

Растворение государства

Есть в России силы, которые призывают к растворению государства в глобальном мире и к сдаче позиций перед лицом наступающей американской империи. Эти силы должны быть уничтожены.

Нация

Россия никогда не была нацией. Построить нацию невозможно без уничтожения русского культурного ядра и откола этнических зон от России. Национализм следует отвергнуть.

Империя, монархия, демократия

Россия должна быть Империей, то есть сочетать стратегический централизм и региональный плюрализм.

В будущем мы должны ориентироваться на восстановление русской монархии.

Демократия должна быть органической и земской. Народ должен соучаствовать в определении своей судьбы.

Общество

Стратификация

Стратификация общества по вертикали неизбежна при всех политических системах. Важно, чтобы сверху были действительно лучшие, самые чистые, духовные, мужественные, искренние и честные, а не самые богатые, подлые, лживые и развращенные.

Этносы и геосоциальность

Все этносы должны сохранить и получить право свободно развиваться. В первую очередь — русский народ. В разных географических сегментах России живут разные типы населения. Это надо отразить в многообразии моделей организации системы общежития на муниципальном уровне.

Культура

Постмодерн

Постмодерн есть та культурная форма, которая сменяет собой модерн в западных обществах. Его смысл в распаде индивидуальности на части и появлении постчеловеческих типов (ризом, клонов, киборгов). Это направление должно быть вырвано с корнем из русской культуры.

Модерн

Культура модерна в русской истории была имитацией западного опыта и не вытекала из внутренних условий русской жизни. Модернизация есть вестернизация, озападнивание, и в России она проходила непоследователь-

но и не доведена до конца. Никакой модернизации жизни не следует проводить (за исключением чисто технологических и оборонных сфер). Модерн — форма западной болезни. Его следует отвергнуть.

Традиция

В Традиции — народной, религиозной, культурной, языковой, этнической — содержатся ответы на все фундаментальные вопросы, с которыми сталкивается человек. Традиция не есть нечто застывшее, она развивается, как развивается органическое целое — как растет дерево. Традиция была оболгана модерном и осмеяна постмодерном. Отбросив их, мы обнаружим настоящее духовное и социальное, культурное философское сокровище. Традиция — наше всё.

Архаические пласты культуры суть ее корни. Их надо бережно культивировать и сохранять.

Падение

Сегодня происходит полное падение российской культуры, которому способствуют ее социальные враги-провокаторы. Падение культурного уровня населения должно быть остановлено, а враги русской культуры уничтожены.

Информация

Функция СМИ и демократия

СМИ есть инструмент вырождения западного общества, рассеивание его порядка и создания системы ловко организованной лжи. В буржуазных системах журналисты под видом независимой точки зрения выражают установки теневых социальных элит, которые диктуют свою повестку дня власти и кодируют доверяющие им массы. Русские СМИ должны опираться на волю русского народа и транслировать обществу нормативные, позитивные, утвердительные установки русской власти. Информационное поле должно стать полем консенсуса власти и общества, а не зоной манипуляций теневых провокаторов и олигархов.

Медиакратия

Власть СМИ должна быть ограничена через усиление их зависимости от политической власти и от выражения подлинно народных нужд. Независимых СМИ не существует. Они должны быть либо государственными, либо обобществленными, но в любом случае их принадлежность должна быть прозрачной. СМИ необходимо вывести на чистую воду.

Национальные, глобальные и цивилизационные СМИ

СМИ могут быть муниципальными (народная собственность), региональными (смешанная форма владения) и общегосударственными (государственная собственность). В России не должны распространяться в широком масштабе глобальные СМИ.

Интерактив и сеть

Сетевые формы коммуникации представляют собой наибольшую опасность для суверенитета России, так как полностью контролируются Западом и его технологиями, имеют транснациональную природу. Необходимо строить свою сетевую зону, полностью технологически независимую от Запада.

Пути познания

Вардан БАГДАСАРЯН

АНАТОМИЯ РОДИНЫ. СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА КАК ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ

Степан СУЛАКШИН

По сей день в науке существует устойчивая традиция дисциплинарной дифференциации на естественные и гуманитарные науки. Гуманитарии в большинстве своем категорически сопротивляются применению в их сфере методологий естественнонаучных дисциплин. В свою очередь естественники склонны вообще отказывать гуманитаристике в праве считаться наукой. Между тем научная методология для процесса человеческого познания едина. Различие методов и приемов применяемого исследовательского инструментария не опровергает универсальности принципов организации науки. Ставший знаменитым довод Г. Риккерта о том, что в отличие от характерной для естественных наук методики «генерализации» (познания явлений на основе их повторяемости) гуманитаристика (в частности история) оперирует идеографическим методом

Вардан Эрнестович Багдасарян — родился в г. Кольчугино Владимирской обл., окончил МГОУ, российский историк, политолог, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, эксперт Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, заведующий кафедрой истории и политологии РГУТиС. Автор нескольких книг и монографий. **Живет в Москве.**

Степан Степанович Сулакшин — родился в 1954 г. в Томске. Окончил радиофизический факультет Томского государственного университета. Доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор. 1991 г. — член Верховного Совета СССР. 1993–1999 гг. — депутат Государственной Думы РФ I и II созывов. С 2006 г. — генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. С 2006 г. — советник президента ОАО «РЖД», советник председателя Совета Федерации РФ. Автор более 250 опубликованных работ (20 книг), 24 изобретений. **Живет в Москве.**

(феноменологической индивидуализации), легко опровергается на многочисленных примерах. Та же историческая наука может представить широкий перечень исследований, построенных на выявлении циклических закономерностей и трендов. Каждое событие, бесспорно, неповторимо в своей исключительности. Однако, выявляя сущность каждого из них, отделяя частности в событийном ряду, как правило, можно обнаружить некие закономерности. В то же время и в естественных науках имеют место факты феноменологической специфичности, измерительных погрешностей, неполноты описания, разовых явлений. Начиная редчайшими космогоническими явлениями и заканчивая разовыми экспериментами типа взрыва 50-мегатонной бомбы.

Как правило, первое явление, фиксируемое как откровение нового знания, в естественной науке имеет разовый характер. В этом смысле естествознание столь же генерализировано, как и предметно индивидуализировано. Задача, стоящая и перед гуманитариями, и перед естественниками, является общей и заключается в отделении случайного от сущностного, в переходе от эксцесса к системе. Ввиду единства научной методологии следует переосмыслить подходы к основному объекту гуманитарно-социальных исследований — обществу. Последовательное дистанцирование от привлеченных в гуманитаристику публицистических, художественных интенций, экзистенциальных озарений и религиозных откровений выводит науку на понимание социума как особого живого организма. Предлагаемый авторами витальный подход позволяет приблизить гуманитаристику к канонам строгой научности, добиться методологического синтеза (синергии) естественных и гуманитарных дисциплин. «И если, — предрекал в свое время Л. Н. Гумилев, — историк или этнограф встанет на этот путь, он получит столь же блестящие перспективы, какие уже имеют биологи, геологи и географы».

Витальные основания национальной идеи

Традиции применения витального, или как его еще называли в предшествующих работах, организменного, подхода к социальным феноменам исторически формировались в рамках цивилизационного и этнологического дискурсов. Функционирование локально-исторических культур уподобляли жизнедеятельности живых существ О. Шпенглер и А. Д. Тойнби, Н. Я. Данилевский и П. А. Сорокин. Культурно-исторические общности, согласно Н. Я. Данилевскому, развиваются исключительно в плоскости видового биосоциального существования. Особая историческая миссия народов связывалась со степенью их «жизненной силы». Однако положение о биосоциальной организменной природе цивилизаций в дальнейшем цивилизационном дискурсе практического развития не получило. Уподобление цивилизаций живым системам было сродни метафоре, красивой аллегории, что, конечно же, не является атрибутикой научного подхода. Между тем речь идет о новом понимании форм живой природы.

Более жесткая объяснительная связь общественных феноменов с витальными принципами существования получила развитие в ряде направлений анализа природы этноса. Для российской научной общественности в наиболее системном виде данный подход был представлен в трудах Л. Н. Гумилева. Однако этнологический дискурс ограничивался, как

правило, применением организменной теории только к двум компонентам государственности: народонаселению и территории, оставляя вне поля рассмотрения третью составляющую — сферу властного управления. Ввиду этого управленческий потенциал полученных выводов оказывался неочевидным. В предлагаемом авторами подходе витальные принципы распространяются и на государство в его узкофункциональном понимании. Исключение из топологии организма государственности любого из трех проявлений государственного бытия является фатальной деформацией его видовой анатомии.

Выдвигаемый подход основывается на предположении о том, что цивилизации устойчивы в своей идентичности и эта устойчивость определяется их витальной природой.

Цивилизации в авторском понимании это не только фиксация культурных различий народов (это существенно, но вторично, инструментально), но и вырабатываемые тысячелетиями фундаментальные особенности жизни сообщества людей, в том числе такие, как ценностные поведенческие мотиваторы, которые и составляют основу идентичности, различий цивилизаций. В этом смысле можно говорить о своеобразных социальных цивилизационно-ценностных генетических кодах, сходных по существу с биологическими кодами живых организмов, но «программирующих» и управляющих не только биологическим, но и социальным, социализированным поведением человека и его сообществ. И если достоверно известно, что в биологическом случае генетические мутации приводят к уродствам и гибели организма, то ровно так же попытки вторжения в социальный цивилизационно-ценностный генетический код приводят к не менее опасным последствиям. Как и в биологической природе, в цивилизационном поле действуют аналоги принципов наследственности (это культурное закрепление, традиции), нескрещиваемости, ареальных условий обитания, хотя, конечно, и существенно усложненные, частично модифицированные.

В чем состоят особенности цивилизаций по отношению к себе подобным? Социально-генетические различия включают в себя такие причинно-следственные обстоятельства или факторные компоненты, как этничность, конфессиональность, гражданственность, язык, культура, традиции, устои, уклады, территория, общность исторической судьбы, коллективная память, климат и т. д. Сказываются они и проявляют себя в рефлекторной и социально-поведенческой культуре, психологии, ментальности, социально-экономических моделях государства (степень автаркийности, этатизма и т. п.). Каждый орган единого организма жизненно необходим для его функционирования. Цивилизации подобны экосистемам, искусственное вторжение в которые необратимо приводит к их разрушению. Каждый организм может и должен развиваться. В этом смысле консервация цивилизаций имеет для них гибельные последствия. Однако если развитие подменяется мутагенезом, это может быть в прямом смысле смертельно опасно (российский пример ярко говорит об этом).

Национальная идея, как ценностный концентратор, в таком подходе рассматривается не традиционно — в виде некоей умозрительной конструкции, а в качестве жизненно важной функции сложного социального организма. В этом смысле ее определение есть не вопрос субъективного выбора, а жесткое диагностирование видовой специфики исследуемого национально-

го государства. По аналогии с живыми системами вторжение в социальный цивилизационно-ценностный генетический код государства, выражающееся, в частности, в имплементации иносистемных идеологем, приводит, как и при генетических мутациях в биологическом мире, к уродствам и гибели организма.

Онтогенез и социогенез

Мысль о подобии законов развития человеческих сообществ законам жизнеосуществления человека как биологического вида высказывалась многими мыслителями в прошлом. Освальд Шпенглер уподоблял процесс онтогенеза фазам развития идентифицированных им локальных культурно-исторических типов. Каждый из них, согласно немецкому философу, проходит стадии рождения, детско-юношеского взросления, зрелости, старения и смерти. В этом смысле им собственно и провозглашался «закат Европы». Другое дело, что продолжительность жизни (этого не учел О. Шпенглер) может быть увеличена искусственным образом. Качество медицинского обслуживания для отдельно взятого человека тождественно качеству государственного управления для социума в целом. Гениальные шпенглеровские догадки имели эвристический характер. Они формулировались в качестве ассоциаций, не будучи подтверждены реальными феноменологическими рядами, соотнесением известных биологических и социальных ритмик. В настоящем исследовании делается попытка верифицировать имеющиеся сведения именно этого рода.

Триада базовых потенциалов существования

Триадный подход к определению фундаментальных оснований существования страны — через территорию, народонаселение, государственное управление — может быть, с некоторыми оговорками, применен в качестве универсальной характеристики живых систем. Аналогом территории страны в животном мире служит ареал обитания. Он может расширяться при высоком силовом потенциале соответствующей видовой популяции и сужаться при ее болезненном состоянии. Однако при этом масштабы распространения задаются естественными границами ареала, за пределами которого активное биологическое существование вида невозможно. Так же и территория страны. Существуют естественные пределы территориального расширения. В то же время сужение территории может дойти до точки ее полного исчезновения, означающего гибель соответствующего государства. Помещение животного за пределы заданного биологического ареала может обернуться для него гибелью. Первым симптомом ареальной несовместимости становится прекращение размножения. Общеизвестно, например, что животные в неволе не размножаются. А человек, как он реагирует на перемещение в чужеродную среду? Человеческие способности к адаптации, безусловно, гораздо выше.

Однако чувство психологического дискомфорта (осознанного или неосознанного), выражающееся в различных социальных или ментальных девиациях при смене территории проживания, обнаруживается и у человека. Рождаемость за рубежом резко снижается вплоть до нескоро проис-

ходящей переадаптации. Хотя иногда она не достигается. В этом смысле понятие «родина» содержит не только моральное, но и организменно-бытийное значение. Витальные основания имеет и чувство ностальгии. Не случайно поэтому инородцы проявляют особую активность едва ли не во всех революциях. Ощущение средовой дискомфортности деятельно конвертируется у человека в революционный протест, нерефлексивное стремление к перестройке действительности. Для подтверждения указанной психологической реконструкции достаточно привести данные по этническому составу партий. В партийных организациях (особенно в руководстве) консервативно-охранительской направленности удельный вес национальных меньшинств устойчиво ниже, чем в партиях революционно-преобразовательской направленности.

Для примера целесообразно взять статистику национального состава по Партии социалистов-революционеров, как организации не просто оппозиционной, но практикующей радикальные террористические методы борьбы с режимом. Обнаруживается явная диспропорция между участием представителей национального меньшинства в партийной деятельности и их удельным весом в населении Российской Империи. Характерно, что диспропорция резко возрастает при переходе к анализу состава экстремистски ориентированных структур, таких как эсеровская Боевая организация. «Примерно таким же, — отмечает видный исследователь эсеровского движения М. И. Леонов, — было положение в “верхах” РСДРП. Большую роль играли евреи и в руководстве партии кадетов, значительно меньшую — Союзов 17 октября и русского народа». Речь, понятно, здесь идет не о «еврейском заговоре», а об объяснении объективных психологических мотивов участия евреев в революции.

Территория, как жизненно необходимое условие существования социума, согласно витальному подходу объективно тяготеет к сакрализации. Наиболее концентрированным ее ценностным выражением является понятие «родина». Любовь к ней есть не проявление сентиментальности или казенного псевдопатриотизма, а поистине инстинктивного (но уже не в биологическом, а в социально-витальном смысле) охранительства. Размывание же патриотических настроений, напротив, объективно ведет к ослаблению живой системы. Второй составляющей формирования живых систем является сама биологическая популяция, совокупность особей. В случае человеческого сообщества это «народонаселение». Поведение животной популяции задано биологической программой вида. В отличие от него существование человеческого сообщества двухосновно. Наряду с биологическим оно содержит социальный компонент, что позволяет характеризовать народонаселение как социализированный квазибиологический феномен.

Понятие «народ» в большей степени связано с социальным измерением, «население» — с биологическим, тогда как «народонаселение» выражает их синтезированное нерасщепляемое единство.

Примерно об этом же говорит сформулированное В. И. Вернадским учение о биохимической энергии живого вещества. Введение понятия ноосферного уровня жизни связано со стремлением создать методологический подход к интерпретациям и познанию феномена социальности. Данный уровень в структурировании живых систем связывается с самим функционированием популяции (человеческого сообщества). В соответствии с двухос-

новной биосоциальной природой социума ценности на этом уровне функционально применительны к охранительству двух сфер бытия: жизни в ее биологическом видовом проявлении (например, ценности демографического воспроизводства) и жизнеобеспечения посредством различного ряда социальных интеграторов (например, ценности традиции).

Ориентация на жизнь в коллективистском или индивидуумном проявлении есть, таким образом, выбор истинных ценностей. Концепты же, направленные на подрыв жизненных оснований, такие как, например, ограничение рождаемости, являются в витальной парадигме ценностно ложными. Ценность популяции в живой природе выше ценности особи. Соответственно, и в человеческом сообществе, при корректировке данного положения с позиции социального гуманизма, коллективистские ценности должны быть логически (а вовсе не политически, как обычно это понимается) признаны более факторно (т. е. ценностно) значимыми в сравнении с индивидуумными ценностями. Права человека, в их современном абсолютизированном понимании, не могут быть поставлены выше традиции национальной солидаризации, если сохраняется задача максимизации жизнеспособности системы.

Третий уровень организации человеческого сообщества — управленческий — также имеет аналог в живой природе. И в животном мире некоторые прообразы управления обнаруживаются в характере взаимоотношений вожака и стаи, коллективного поведения стаи. Протосоциальность есть в поведении целого ряда «коллективных» животных, например пчел, муравьев и т. п. Способность полномерного управления живой системой дает человеку наличие сознания. Управленчески потенциал живых систем может быть как усилен, так и ослаблен. По мере исторического развития фактор управления приобретает все более весомое значение в иерархии факторов, важных для существования человека. Ввиду имманентной связи управления с наличием сознания единое управление (государственное управление) как общественный феномен закрепляется в качестве ценности. Отсюда непреходящая ценностная значимость объективно укрепляющих управленческий потенциал религиозного сознания, национального сознания, исторического сознания и т. п. Напротив, идеи, направленные на подрыв управляемости живой системы, должны быть в витальном подходе квалифицированы как антиценности. Например, в качестве таковой следует квалифицировать концепт неограниченной дерегуляции экономики, переход от ее управляемости к своеобразному рыночному саморегулированию. Если оценивать данную либералистскую идеологему с точки зрения рассмотрения общества в качестве живой системы, то ее инволюционная направленность представляется очевидной.

Исторические провалы социальной евгеники

Попытки генного инжиниринга в отношении цивилизационно-ценностного генокода могут быть столь же опасны и безнравственны, как и в некоторых опытах биологической генной инженерии. Предпринятые исторически попытки выведения новой «породы» человека окончились, как известно, провалом. Нет оснований полагать, что они будут успешны и в будущем. Возможное объяснение истоков генного инжиниринга лежит в

противопоставлении цивилизационных принципов «гонии» и «ургии». Традиция «гонии» — рождения — подразумевала сакрализацию природы и родовой (в широком понимании — национальной) преемственности. Ургийность секулярного общества соотносилась с архетипом человека-преобразователя. США стали наиболее адекватным историческим воплощением принципа ургийности. Гонические категории: «род», «природа», «народ», «родина» — в ургийной культуре не особенно ценятся.

Одномерная материальная парадигма мира в эзотерике соотносится с выведением новой породы человека — голема. Големическая природа есть материальный субстрат. В отличие от человека божественного создания у голема отсутствует духовная составляющая. Согласно еврейским фольклорным преданиям голем представлял собой оживленного магическими средствами глиняного великана. Он выступал как онтологический антипод Адама. По преданию Альберту Великому удалось изготовить голема. Но тот был разрушен Фомой Аквинским, усмотревшим в его создании вызов Богу. Можно утверждать, что современная западная система миростроительства по своей культурно-антропологической направленности големична. Под лозунгом свободы личности осуществляется ее освобождение от высших духовных нормативов. Дух, как изначально заложенный Богом компонент человеческой природы, у современного западного человека все более атрофируется. Реализуется глобальный проект антропологической инверсии.

Исторически в виде различных идейных модификаций неоднократно предпринимались попытки концептуального обоснования целесообразности цивилизационного «генного инжиниринга». Манифестировалась такая идея, как создание человека «нового типа». Перечень наиболее известных концептов социальной евгеники выглядит следующим образом:

— социальные теократические утопии Древнего мира и Средневековья (легизм, платонический «Прекрасный город», «Город Солнца» и т. п.);
— просветительская доктрина «разумного эгоизма»;
— локковский концепт — «человек, как белый лист бумаги»;
— смитовский «экономический человек»;
— советская идеологема нового человека (работники идеологического фронта — как инженеры человеческих душ);
— ницшеанский сверхчеловек;
— национал-социалистская евгеника;
— теософская «пятая раса»;
— маоистская культурная революция;
— общество «новых кочевников»;
— теория постчеловека.

В случаях, когда дело доходило до практической реализации евгенических концептов, это всякий раз оборачивалось кровавыми потрясениями для человечества. Обнаруживший высокую жизнеспособность старый «цивилизационный человек» подвергался насильственной перековке. Когда же выяснялась ее бесперспективность, идея перевоспитания замещалась тривиальным геноцидом. Все реализуемые с античных времен социально-евгенические эксперименты закончились провалом. Конструируемый «новый человек» быстро сходил со сцены. Существующая современная версия глобализма может быть охарактеризована именно как очередная модификация социально-генной инженерии. Применительно к России речь идет именно об

эксперименте генного инжиниринга. Следуя логике реализуемой с 1990-х гг. политики, страна либо превратится в цивилизационно маложизнеспособного мутанта, либо окажется умерщвлена.

Показательно в этой связи признание одного из главных теоретиков российских реформ американца Д. Сакса о бесперспективности применения в них универсальных для западной цивилизации схем: «Мы положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». Другими словами, неправильная хирургическая метода обернулась тем, что пациент едва не был зарезан. Россия не может вписаться в систему Нового мирового порядка в силу своего цивилизационного своеобразия — «у нее другая анатомия». В том числе иная жизнеобразующая аксиология.

Вышла книга

Архимандрит Тихон (Секретарев)

Будьте совершенны / Архим. Тихон (Секретарев). — Печоры, 2012. — 104 с., ил.

Во славу Святой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троицы: Отца и Сына и Святого Духа и Пресвятой Пречистой Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии. По благословению Высокопреосвященнейшего Евсевия, Митрополита Псковского и Великолукского, Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря Священноархимандрита.

В марте 2008 года исполнилось 40 лет моего первого паломничества в Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь.

Во время вечерней прогулки по монастырю нахлынули светлые воспоминания о тех незабываемых днях… И я подумал о том, что было бы хорошо написать книгу о мудрых старцах, которые являются образцами духовного совершенства (Мф. 5, 48), и рядовой доброй братии нашей обители, с которыми сподобил Господь встретиться в жизни и жить рядом в монастыре за сорокалетний период… Я стал записывать свои воспоминания. Так родилась эта скромная книга.

Надеюсь, что благосклонный к добру читатель получит духовное утешение и радость от чтения этой книги. Прошу простить за простой слог и возможные неточности, а также прошу святых молитв о почивших отцах и братиях Псково-Печерских и добрых людях, которые жили и живут рядом с обителью…

Михаил ЛЕОНТЬЕВ

«ПО СРАВНЕНИЮ С 1913 ГОДОМ»

Михаил Владимирович Леонтьев — родился в 1958 г. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства, затем — ПТУ № 86 по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал сторожем, пожарным. Был гл. редактором журналов: «Профиль» и др. Работал в газете «Коммерсантъ», после зав. отд. экономики в «Независимой газете», позже зам. гл. редактора газеты «Сегодня». С 1997 г. работал на «ТВЦ». С 1999 г. — ведущий программы «Однако». С 2002 г. — руководитель аналитического отдела Дирекции информационных программ ОАО «ОРТ», затем — «Первый канал». С 2009 г. гл. редактор журнала «Однако». Поздравляя в 2005 г. генерала В. Шаманова в газете «Коммерсантъ», пожелал ему «*победы над всеми врагами, поскольку не сомневаюсь, что они у нас общие*». Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

«По сравнению с 1913 годом» — классический рефрен победоносной советской статистики. Если оставить в стороне известную анекдотичность отдельных сравнительных параметров, надо признать, что сравнивать им было легко и приятно. И дело даже не в каких-то конкретных показателях благосостояния, по поводу которых наши авторы высказывают вполне обоснованные сомнения. Дело в качестве Державы, в ее потенциале и совокупной мощи. Сравнивая мировую сверхдержаву с николаевской Россией, можно было позволить себе закрыть глаза на многие натяжки.

Никаких оснований для такого рода оправданий и послаблений к себе сегодня нет. Если оценивать результат в статике, несмотря на все наше оздоровление, нормализацию и стабилизацию последнего десятилетия, можно прийти к выводу, что страна в XX веке провалилась. Не просто провалилась — она позволила отторгнуть от себя все, что было несбыточным предметом вожделений ее врагов в течение трех веков. Что сто лет беспримерного по масштабам и заплаченной цене развития оказались зря.

Все это не так. Или может быть не так. Есть основания полагать, что с Россией уже все случилось, что могло случиться в глобальной трансформации, происходящей на рубеже нынешних веков. В отличие от остальных. Похоже, что XX век России закончился в 1991-м. А остальным — это еще только предстоит.

1913 год это не только отечественная статистическая база сравнения. Это реально последний год XIX века с его позитивизмом и наивной верой во всесилие науки и торжество гуманизма. Если точнее, есть даже дата прощания с XIX веком. Это известная история, когда в но-

вогоднюю ночь 1915-го на Западном фронте немцы и французы вышли из окопов, обнимались, пили шампанское, веселились. А на следующий день участников веселья предали военному суду и расстреляли. И больше такого не повторялось. По поводу реально наступающего XXI века ни у кого таких иллюзий нет. Как и понимания, что он, собственно, еще и не наступил. К счастью.

Президент назвал нынешний этап развития переломным для России и всего мира. Есть основания полагать, что это перелом не в масштабе столетия и даже, может быть, не тысячелетия. Возможно, это вообще самый «открытый» перелом в истории человеческого вида. Отталкиваясь от культовой опорной даты 1913, следует рассматривать нынешнее время не столько с точки зрения сравнения параметров и перспектив тогдашней и нынешней России, сколько для того, чтобы определиться с тем местом и временем, где мы оказались через 100 лет после предыдущего «открытого» перелома.

На этом фоне, в контексте сформулированного Президентом вызова, когда стране, как он выразился, предстоит решить задачу, сопоставимую с той, которую она решала в 30-х годах прошлого века, реальная деятельность государства и общества выглядит шизофренически неадекватной. «Общество», во всяком случае его доминирующая в медийном пространстве часть, занято исключительно протестно-неврастенической рефлексией, вытесняющей последние остатки здравого смысла. Власть в своей публично-законодательной ипостаси занята примерно тем же. Перечень рефлекторно-неврастенических инициатив в области табакофобии, дорожного пьянства, защиты детей от «магнитского закона» и попутного партийно-избирательного реформаторства вызывает один деликатный вопрос: нам что, действительно больше нечем заняться?

Исполнительная власть, то бишь правительство, вообще ничего не делает не то что в отношении обозначенных глобальных вызовов, а вообще ничего, что бы имело отношение к какой-либо экономической стратегии. Если деликатно закрыть глаза на традиционно концептуальное вредительство посткудринского Минфина, продолжающего высасывать деньги из экономики в бездоходные и все более рискованные иностранные бумаги. Отец их идей — сумрачный финансовый гений Кудрин — предрекает действующей (кстати, при его самом значительном участии созданной) модели российской экономики мрачное будущее. При этом называет нынешний российский бюджет «милитаристским» и требует свернуть единственную действующую программу сохранения и развития технологического потенциала — госпрограмму вооружений. По сути, все «давосские», то есть официально рассматриваемые модели российского будущего — кудринская, гуриевская, экспертно-импортная и мажорно-оптимистическая правительственная — полностью исключают саму возможность любых стратегических проектов развития. Например, медведевский исторический оптимизм основан на вере в безграничные возможности, открывающиеся отечественному полеводству и животноводству.

Диапазон ответов на вызовы и угрозы России в официальном дискурсе колеблется от кудринской военно-политической капитуляции (по сути, свертывание российского потенциала сдерживания) до медведевской экономической капитуляции (то есть идеи строительства максимально адаптивной «инвестиционно привлекательной» компрадорской экономики). Сопутству-

ющая публичная общественная мысль и деятельность во всех своих ипостасях стремительно погружаются в маразм.

В этом смысле сравнения с 1913 годом вполне уместны. Но вряд ли выигрышны.

Грядущими «переломами» в политике для мира и России нас пугал уже даже наш Президент в недавнем Послании. То, что ближайшие годы станут для России решающими, совершенно очевидно. Одновременно решающими они должны стать и для слабеющего глобального лидера — Соединенных Штатов. Собственно, это очевидное даже для американской политической элиты слабение и дает надежду на более или менее адекватные перемены. Кадровые назначения в администрации Обамы вполне отчетливо отражают намерение такие перемены осуществить. Суть их в демилитаризации американской политики, отказе от повсеместного прямого военного присутствия (в первую очередь это касается региона Большого Ближнего Востока) и, таким образом, в переходе от повсеместного доминирования к замораживанию конфликтов через соглашения с потенциальными противниками в тех точках, которые не являются для США безусловным приоритетом с точки зрения сохранения своего лидерства. А таким приоритетом для них является в первую очередь сдерживание Китая, усиление которого — единственный на сегодняшний день вызов этому лидерству. Опять же, повторим, материальной предпосылкой такого поворота является ожидаемое самообеспечение Соединенных Штатов углеводородами, что делает всю существующую «геополитику нефти» ничем не мотивированным непосильным обременением.

Этому повороту противостоит и будет противостоять колоссальное давление изнутри. Отголоском которого, кстати, является проблема «фискального обрыва», когда республиканцы специально прижимают Обаму к стенке, чтобы было удобнее выбивать из него различные уступки. Притом что долговое бремя, с одной стороны, является для Обамы мощнейшим стимулом «протягивать ножки» более или менее «по одежке». С другой стороны, эта же техническая зависимость от позиции республиканцев в конгрессе делает эти попытки весьма уязвимыми. На самом деле от того, насколько Обаме удастся избавиться от непосильного бремени тотального доминирования Америки, очень сильно зависит конкретный тип перелома, который предстоит пережить человечеству. «Не умеешь ты врать, Сеня. У тебя там не закрытый, а открытый перелом!..»

То есть, удастся ли Америке действительно избежать «открытого перелома» и коренным образом скорректировать свою политику, покажут уже ближайшие шаги новой обамовской администрации. Но очевидно одно — изменения в американской политике связаны не столько со сменой персонажей. Скорее, смена персонажей отражает нарастающее понимание американскими элитами реального положения Америки в мире. И в этом смысле предположение Михаила Хазина об отказе элит «Западного проекта» от своего глобального доминирования вполне оправданно. А это на самом деле полностью меняет картину мира. В том числе и для России.

Что касается России. Прошедший год, безусловно, стал межеумочным, переходным. Вопрос — от чего к чему. Это, безусловно, год ожидания перелома. Непонятно только — перелома чего и в каком месте. Если взять политическую риторику Путина, триумфально вернувшегося в президентское кресло, то в статьях, в Послании, во всех значимых выступле-

ниях все уже сказано. В первую очередь сформулирована задача, понимание того, что при нынешней структуре экономики Россия себя воспроизводить дальше не сможет (а соответственно — и действующая власть). И необходимость экономического рывка, «сопоставимого с тем, который мы совершили в 30-х годах прошлого века». При этом в реальной экономической стратегии не делается ровным счетом ничего. Говоря о «политэкономических» причинах этого, по сути, двоевластия, констатирую только, что в экономической политике, полностью контролируемой финансовым блоком «крепких кудринцев», осуществляется диктатура компрадорско-олигархического либерального фундаментализма. Следствием чего является практически полное прекращение доступа отечественных производителей к кредитным ресурсам (кроме тех единиц, кто допущен к тем или иным льготным программам). Кредит на 20–25 % годовых таким доступом считать невозможно. При этом осуществляется массированное кредитование потребления, практически полностью импортного. То есть иностранное производство напрямую субсидируется за счет внутреннего. При этом из экономики изымаются огромные средства. 4 трлн рублей за последние три года выведены и размещены в иностранных государственных облигациях — инструментах с отрицательной доходностью и стремительно убывающей надежностью. При этом неиспользуемые остатки средств Правительства на счетах в ЦБ и коммерческих банках составляют 7 трлн рублей. То есть вместе эти обе цифры превышают размер федерального бюджета в текущем году. Осталось только определиться: что это — паранойя или государственная измена? На самом деле, если подходить к оценке действий наших финансовых властей, здесь выбор, в общем-то, незамысловат: между тюрьмой и психиатрической больницей.

При этом номинально рекордные цены на нефть не обеспечивают уже даже простого воспроизводства системы. Реальный сектор реально же продолжает схлопываться. Это даже несмотря на масштабный гособоронзаказ (который, правда, Минфин все равно ухитряется радикально секвестировать). Кстати, эта ситуация отражает то, о чем много раз говорилось: нынешние $110 за баррель — это не прежние $110. Мы очевидным образом ощущаем капитальную инфляцию доллара (и соответственно, всех остальных валют, с ним связанных) при отсутствии номинальной инфляции в США. То есть реально доллар наполняется все меньшим количеством реального богатства. Посему неспособность системы сводить концы с концами при, казалось бы, высоких ценах на сырье и, во всяком случае, не падающей добыче не должна вызывать никакого удивления.

На самом деле и изменение объективного положения США в мире, и субъективное осознание Америкой этих изменений могли бы быть серьезнейшим фундаментальным шансом для России для того самого необходимого рывка. Однако действующая экономическая политика, доктрина, на которой она основана, и люди, которые эту доктрину реализуют, полностью исключают такой шанс. Российская экономическая политика, тотально ориентированная на внешнюю конъюнктуру, делает Россию жертвой чужих макроэкономических диспропорций. По причине отсутствия собственных. По сути, это не что иное, как патологическая солидарность, обязывающая Россию страдать от болезней, которыми болеют старшие по званию. На самом деле ставшую в последнее время модной тему борьбы с пропагандой

гомосексуализма следовало бы гармонично дополнить борьбой с садомазохизмом. Во всяком случае, в экономической политике.

Таким образом, напрашивается закономерный вопрос: стакан наполовину пуст или стакан наполовину полон? Когда речь идет о публичном выступлении политического лидера, абсолютно естественно ожидать, что он будет придерживаться последней трактовки. Притом что таковая никак не противоречит действительности. Вопрос в другом: почему этот стакан наполовину пуст, что это за пустая половина и какой пустотой она наполнена? Речь надо вести о государственной власти и идеологии, о том, что там, где идеология, только там и есть государственная власть. А там, где ее нет, действует пространство утопии — пустая половина стакана. То есть пространство скрытой власти, противостоящей государству. Наша политическая система, как точно определил один из авторов журнала «Однако» Т. Сергейцев, это компромисс между государством — институтом президентской власти — и олигархическим правлением.

Отсюда, из этой полупустоты, — все симптомы. Это — необеспеченность устойчивого воспроизводства власти. И отсюда все эти, до сих пор никак не долеченные игры с «тандемом». Это сохраняющаяся конспиративность всей российской политики и конкретных политических решений, когда вполне логичные в рамках государственной идеологии действия вынужденно прячутся за политкорректными ширмами. Так, например, полный запрет на деятельность политических НКО, действующих на американские гранты, является вполне логичным ответом на преамбулу «акта Магнитского», в которой, по сути, декларируется намерение Соединенных Штатов финансировать свержение действующей власти в России. Однако этот идеологически абсолютно безупречный ответ вынужденно прикрывается нравственно уязвимой возней вокруг запрета американского усыновления.

Наша посткатастрофная элита — «полуолигархия» — тоже, безусловно, имеет свою идеологию. Как и положено, прикрытую утопией — «всеобщей представительной демократией». Эту тоталитарную идеологию можно назвать компрадорским олигархическим либерастизмом (политкорректное название: либеральный фундаментализм). И эта идеология, персонифицированная финансовыми властями и лично «конструктивным оппозиционером Кудриным», полностью определяет экономическую политику и экономический строй современной России.

У Путина есть идеология, безусловно (или протоидеология, поскольку «полуполной» идеологии не бывает). Это идеология суверенитета. И соответственно, желает он того или нет, идеология Империи, имперской идентичности. Поскольку никакого другого реального суверенитета, кроме имперского, в современном мире быть не может. Но идеология суверенитета жестко утыкается в пространство экономической политики, стратегически абсолютно компрадорской и жестко противостоящей любым попыткам самостоятельного развития. «Это не ваша часть стакана! И нечего туда соваться!» Именно поэтому у Путина нет и не может быть, при сохранении действующего властного компромисса, никакой самостоятельной экономической идеологии, а соответственно, и никакой идеологии развития и идеологии лидерства.

Вторая половина пути состоит в том, что такая идеология должна появиться и реализоваться в деятельности. Иначе первая половина будет бес-

смысленна и безрезультатна. В последнем Послании уже есть мягкий наезд на вторую половину стакана, можно сказать — намек. На ответственность финансовых властей и ЦБ, в первую очередь, за экономическое развитие и рабочие места. Это намек на госпрограмму массового строительства арендного жилья… На самом деле «намеками» вымощена дорога в ад. Вторжение идеологии суверенитета на поле экономической политики за границы действующего властного компромисса означает, по сути, революцию. А без нее, без слома этого компромисса, никакое развитие невозможно. Да и воспроизводство власти и самой страны невозможно. И всякие требования и надежды на спасительные перемены в экономической политике тщетны и беспредметны.

Президент выступил с Посланием. Жанр трудно назвать новым и оригинальным. Тем не менее, само Послание весьма небанально. Попробуем отделить смысл от жанра, подразумевающего некоторую политесность и размытость.

Первое. Ближайшие годы — решающие, переломные для нас и для всего мира. Тут Путин, говоря о задачах России, даже воспользовался гумилевским термином «пассионарность».

Второе. Россия должна сохранить и увеличить «востребованность» себя в мире. Характерно, что в связи с «востребованностью», с учетом известного глобального контекста, Путин делает упор на военную мощь, предварительно тонко проложившись дипломатией.

Третье. Необходимость восстановления ориентации социума на общие интересы, мотивации работы на общее благо. Это, собственно, базовая проблема. Проблема мотивации. И в первую очередь мотивации элиты, мотивации государственной службы. На самом деле это, собственно, единственная проблема, которую надо решить, чтобы добиться всего того, о чем говорит Путин. Только и всего.

Четвертое. Стержнем всего Послания является идея суверенитета, понимаемая в самом широком смысле слова. От формально государственного до экономического, политического культурно-идеологического, хотя каких-либо прямых упоминаний идеологии Президент тщательно избегает. Путин констатирует демографическую и ценностную катастрофу, последовавшую после краха советской системы. Опять же характерно, что демографическая и ценностная катастрофы упоминаются в связке. Это более чем логично. Поскольку неспособность нации к самовоспроизводству является и продуктом ценностной катастрофы, и с другой стороны, сама по себе эту катастрофу и завершает. Если нация не способна самовоспроизводиться, ее судьба очевидна, ей, собственно, и враг не нужен. Что касается ценностной катастрофы — по сути, она диагностирована выше. Это и есть, в первую очередь, утрата мотивации работы на общий интерес.

Пятое. Президент говорит о необходимости восстановления единства отечественной истории. По сути, речь идет о том, чтоб прекратить перманентную гражданскую войну между «белыми» и «красными». Собственно, такую войну можно прекратить только между «белыми» и «красными» патриотами, простите за пафосное слово. Что, кстати, в некоторой степени воплощается известным «Изборским клубом». «Белые» и «красные» предатели свою войну давно прекратили, поскольку имеют в основании консенсус в виде предательства. Что в некоторой степени воплощается в «болотном движении».

Шестое. Сепаратизм и национализм признаются как прямая угроза государственному единству. Говоря о таком больном вопросе, как миграционная политика, правда, в свойственной жанру манере, избегая конкретики, Путин встает на сторону противников массового завоза дешевой неквалифицированной рабочей силы. Некоторая необязательность текста частично компенсируется четкой формулой натурализации мигрантов — по сути, это абсолютная лояльность к стране, подразумевающая лояльность как политическую, так и языковую, и культурную.

Седьмое. В части, посвященной экономической и бизнес-политике, наряду с известными уже призывами к деофшоризации экономики, формированию привлекательного инвестклимата содержится абсолютно новое требование к денежно-финансовым ведомствам, и конкретно к Центробанку, взять на себя ответственность не только за денежное равновесие и борьбу с инфляцией, но и за обеспечение занятости и экономического роста. Это не новость, что у нас формированием экономической политики практически полностью ведают Центробанк и Минфин. Все остальные ведомства способны только корректировать профильную деятельность в рамках параметров, заданных монетарными ведомствами. При этом последние исповедуют не просто вульгарный либерализм — они в принципе отказываются отвечать за экономическое развитие. Президент впервые мягко вменяет им эту обязанность, прямо ссылаясь на нормативные документы и опыт ФРС и ЕЦБ.

Восьмое. Президент, не замахиваясь на необходимость существования святой кудринской кубышки, говорит о неких пределах ее набивания и необходимости за рамками этих пределов инвестировать бюджетные доходы хотя бы в глобальные инфраструктурные проекты. О государственных проектах реиндустриализации пока речь не идет. Однако в тексте говорится о разрабатываемых программах развития приоритетных отраслей от электроники, производства новых материалов до сельского хозяйства.

Девятое. Президент говорит о перспективной государственной программе массового строительства доступного арендного жилья. Поскольку очевидно, что никакая самая льготная ипотека в среднесрочной перспективе подавляющему большинству наших сограждан не будет доступна. По сути, это уже перспективный государственный проект развития. При этом проект, способный оказать мощный кумулятивный эффект на экономический рост, чрезвычайно эффектный и с социальной точки зрения, и с точки зрения обеспечения необходимой мобильности и силы. И в отличие от большинства ныне действующих этот проект, очевидно, окупаемый и способный сам себя рефинансировать за счет увеличивающегося потока арендных платежей. В некотором смысле это и есть тот самый траст, как пример реального масштабного государственно-частного партнерства — строительство Транссиба в начале XIX века. Когда государство выступает заказчиком, а частные компании исполнителями, и в значительной степени бенефициарами.

Десятое. Это, казалось бы, дежурное упоминание воли к доведению до конечного результата постсоветской евразийской реинтеграции. В сегодняшнем контексте оно не выглядит дежурным, поскольку является прямым ответом на хамски жесткое поведение недавнего госсекретаря США Клинтон. О том, что постсоветская реинтеграция является «советизацией», то есть прикрытием восстановления СССР, и Америка будет всеми силами этому противодействовать. Таким образом, евразийский акцент Путина яв-

ляется прямым вызовом четко сформулированной американской политике в отношении России. На самом деле это констатация конфронтации со всеми выходящими отсюда последствиями. Можно только упомянуть давнее замечание Путина о том, что постсоветская реинтеграция является для нас безусловным приоритетом, прекрасно понимая, что она абсолютно неприемлема для наших американских «партнеров».

Путинское Послание можно назвать если не идеологическим, то, во всяком случае, предыдеологическим, то есть содержащим в себе явный вектор и ясные рамки, отделяющие его от других известных у нас и в мире идеологических концептов. Также его можно назвать достаточно четко геополитически ориентированным — спасибо товарищу Клинтон за внесение предельной ясности в вопросы, до сих пор маскируемые дипломатической политкорректностью. Что является общепринятой претензией к замечательным текстам нашего Президента, это некоторый дефицит обязывающей конкретики и, самое главное, недостаточная наглядность воплощения всего этого в жизнь (конечно же, речь не идет о многочисленных конкретных пунктах и предложениях, имеющих все-таки, как правило, весьма второстепенный, прикладной характер). Особенность нынешнего Послания в том, что оно императивно: с самого начала практически констатируется необходимость реализации всего нижеизложенного для сохранения страны как исторического субъекта. По сути, это ультиматум Путина, причем ультиматум самому себе. Этим не шутят. Да и шутить с нами, собственно, никто и не собирается.

Вышла книга

Мороз А.

Основы православной психологии: Путь к исцелению. — СПб., 2012. — 448 с.

Книга «Основы православной психологии: Путь к исцелению» является уникальным в своем роде изданием. Впервые читателю предлагается четко сформированная система православной психологии, где христианское мировоззрение гармонично связано с современными научными достижениями. Работа основана на исследованиях докторской диссертации автора «Гармонизация систем знаний христианской, психологической и педагогической антропологии». При этом она изложена простым, доступным языком, легко понятным каждому читателю.

Леонид САВИН

НАШЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ВРАГИ

Леонид Владимирович Савин — родился в 1974 году. Главный редактор журнала «Геополитика» и интернет-портала Геополитика.ру, руководитель администрации Международного «Евразийского движения», автор многочисленных публикаций по международным отношениям, конфликтам, идеологии и политической философии. Политический обозреватель и комментатор радиостанций «Русская служба новостей», «Голос России» (лондонская и вашингтонская студии), «Голос Ирана», «Говорит Москва», а также телеканалов Russia Today и «Мир». Ведет авторскую колонку на сайте Фонда стратегической культуры. **Живет в Москве.**

С момента зарождения общественных наук ученые пытались дать ярлык существующей людской формации, при этом часто противопоставляя типы культур, делая привязку к тем или иным историческим событиям, философским и мировоззренческим моделям.

Карл Маркс предложил пять типов в соответствии с общественно-экономическими формациями. Так появились первобытно-общинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое и коммунистическое (с начальной фазой — социалистическим обществом).

С легкой руки Карла Поппера, точнее его книги «Открытое общество и его враги», а затем при усилиях финансового спекулянта Джорджа Сороса начал бытовать миф об открытом обществе, которое часто стало употребляться как синоним либерального и прогрессивного в смысле сочетания технических достижений и счастья каждого по отдельности гражданина и всех в целом. Закрытым же обществом, по Попперу, являются тоталитарные режимы, к которым он относил как фашизм и национал-социализм, так и советский строй. Это — враги открытого общества. При этом корни таких режимов по Попперу находятся в философии Платона. Как либеральный демократ, конечно же, Карл Поппер считал, что будущее только за открытым обществом, которое будет медленно и рационально эволюционировать, распространяясь по всей планете. Как мы видим, такой прогноз оказался не более чем очередным псевдонаучным мифом, хотя многие до сих пор продолжают в него верить и поддерживать. Тот же Сорос под крышей своего фонда «Открытое общество» продвигает не только образовательные, но явно не миролюбивые проекты, финансируя

цветные революции и подрывая национальный суверенитет различных государств (хотя и ряд образовательных проектов Сороса имел сомнительные цели, например, издание учебной литературы в России, где предлагалась неадекватная интерпретация истории). В общем, необходимо развенчать этот ложный миф, показав его несостоятельность.

Нужно отметить, в первую очередь, самокритику Поппера. Во-первых, он не утверждал, что его метод имеет научный статус. Во-вторых, как указано в главе 9 его труда, «большинство социальных групп современного открытого общества являются не более чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для общественной жизни. И многие из них не обладают никакой реальной функцией в жизни общества в целом… картина абстрактного общества, которую мы нарисовали, сильно преувеличена и в другом отношении. Она не отражает достигнутых успехов, а фиксирует только одни потери»…

Следовательно, открытое общество — это общество потерь, безысходности, если следовать логике Поппера. Да и понимание Платоном, что он находится в противоположном Сократу лагере, как считает Поппер, свидетельствует о том, что ни закрытое, ни открытое общества не являются эталонами.

Во-вторых, в название книги Поппера вынесено слово «враги». Таким образом, он имплицитно подразумевает первоначальный дуализм и необходимость борьбы (прямой или опосредованной) с неугодными в его понимании режимами. На первый взгляд это как-то не демократично, ведь Запад часто говорит о том, что он несет культурные, идейные и материальные блага другим народам. Но если мы вкратце изучим историю либеральных традиций, мы обнаружим, что гуманизмом там и не пахнет. Вся пресловутая свободная торговля поощрялась Британией только после того, как внутри страны при жестких протекционистских мерах было создано свое конкурентоспособное производство, и только тогда экономика стала открытой, так как от любых торговых операций Лондон был в выигрыше. Данный феномен хорошо описан немецким экономистом Фридрихом Листом. В культурном плане Британия также являлась рупором расизма и нетерпимости. Первые концентрационные лагеря придумали именно британцы во время войны с бурами в Африке. И США хорошо усвоили эти уроки.

Однако если вернуться к теме общества, тогда возникает вопрос — каким обществом мы являемся, и какое общество может быть адекватным современности, тем не менее, сохраняя историческую преемственность. Есть дефиниции информационного, постиндустриального обществ и другие общие определения, но они указывают скорее на предикат, а не суть.

Первое, что приходит на ум при попытке описать такое общество, как наше — это сложное общество. Ведь никто не будет отрицать переплетение многочисленных связей, имеющих религиозную, идеологическую, этническую, философскую и историческую природу, вместе с противоречиями, логическими несоответствиями и прочими «странностями», которые без лишних слов понятны нам, но всегда будут чужды представителю западной культуры. По крайней мере, в нашем обществе все это живо ощущается, осмысляется и проецируется в социально-политическую реальность.

Но в данном случае есть одно «но». Этот термин применяется в области этнологии и смежных дисциплинах для противопоставления некоторых

высокоорганизованных обществ с социальными стратами другим обществам с примитивной организационной структурой, существовавшим в один и тот же исторический период. Например, на островах тихоокеанского региона жили племена с примитивным родоплеменным строем, а по соседству с ними обитали сообщества, где помимо разделения на вождя и подчиненных были шаманы, воины и другие «сословия», исполнявшие свои специфические функции. Говорится, что сложное общество — это общество с сильно разделенными (дифференцированными) структурами и функциями, взаимосвязанными и взаимозависимыми, что обусловливает необходимость их координации. Вместе с тем подразумевается о единстве и цельности такого общества, независимо от того, эволюционировали ли его функции и структуры или его характеристики уходят в незапамятные времена.

Также этот термин применялся и для индустриального общества. В данном случае говорилось об основанном на промышленности способе хозяйствования с гибкими, динамичными и модифицирующимися структурами, способе социокультурной регуляции, основанном на сочетании свободы личности и интересов общества. При этом подчеркивалось, что для такого общества характерно развитое разделение труда, развитие средств массовой коммуникации и урбанизации.

Да и то, что первый связан со спецификой изучения так называемых примитивных обществ со стороны западно-центричной (а по сути расистской) науки, а второй указывает на исторический отрезок, соответствующий XX столетию, является существенным недостатком. Также их устойчивое применение, особенно в области этнографии на протяжении многих лет, может привести к нежелательной путанице. Конечно, есть соблазн поспекулировать с этим термином, особенно с поправкой на теорию сложных систем, которая открывает много интересного для изучения общественных формаций. И здесь мы сталкиваемся с интересным парадоксом. Сложное является синонимом комплексного (а в английском языке сложное общество и будет complex society). Но если сделать привязку к русской науке и попробовать проинтерпретировать наиболее интересные идеи в области этнологии и учения об общественных формациях, мы неизбежно придем к работам Льва Гумилева. А у Льва Николаевича есть интересное понятие комплементарности, которой он называет неосознанную симпатию одних народов к другим. В целом по Гумилеву суперэтносы и формируются путем слияния и синтезов таких этносов, которые испытывают комплементарность друг к другу. Иначе говоря, русское общество, в основе своей состоящее из славян, угрофиннов и тюрков, является комплементарным.

Помимо Льва Гумилева стоит обратиться и к великому русскому писателю Ф. М. Достоевскому, который закрепил за собой не только титул величайшего философа всех времен и народов, но и авторство концепции всечеловека — такого человека, который вмещает в себе и совмещает типы разных культур и различные полярные качества. Эту черту он приписывал именно русскому народу, назначение которого, по его мнению, является всемирным. Многие поклонники творчества Федора Михайловича связывали с всечеловеком и православно-христианские качества в противовес обезличенному и массовому общечеловеку Запада, что вполне вписывается и в творчество других русских интеллектуалов, как его предшественников, так и последователей. И на верхушке такого общества находится Богочеловек,

к которому должен устремлять свой взор любой православный христианин и путем умного делания изменять свою природу, стремясь к такому же совершенству (обожение в традиции исихазма).

Хотя Достоевский говорил о русском и как о всеевропейце, похоже, что наши пути окончательно разошлись. К исследуемой нами теме крайне показательным является тот факт, что Европа подменила христианские ценности набором гуманитарных концепций. Если вдуматься, то слово гуманный на английском и ряде других языков означает человеческий. Здесь не только попахивает общечеловеческой обезличенностью, упоминаемой ранее, но и наводит на крайне любопытное размышление. Слово Human в английском является однокоренным с Humilation, что означает оскорбление и унижение. Как ни парадоксально, но прививка подобных «ценностей» с гей-парадами и прочими непотребствами как раз и является оскорбительной как для тех людей в Европе, кто еще считает себя хранителем христианских традиций, так и для других народов, где традиционные ценности остаются стержневыми в общественном бытии. Таким образом, униженность и оскорбленность стала синонимом европейской гуманности, облекшись в форму скотства и распада.

Теперь давайте вдумаемся, что означает слово «человек» на русском языке. Этимологически данное слово расшифровывается как «челом в век», т. е. смотрящий в вечность. Казалось бы, всего лишь перевод на другой язык, но какая глубина и тонкости смысла обнаруживаются в таком подходе, что невольно задумываешься о предначертанности судьбы народов из-за того, какое слово выбрано для обозначения того или иного феномена (в начале было Слово).

В общем, если продолжить разрабатывать адекватную концепцию нашего общества, то есть над чем подумать и какие тенденции проанализировать.

Однако какие бы характеристики мы не присвоили нашему обществу, включая возможность для применения оного термина по отношению к другим народам, апологеты открытого общества — либералы, будут продолжать считать нас врагами.

Леонид ИВАШОВ

ЧТО НУЖНО, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ НАШУ НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ?

Леонид Григорьевич Ивашов — родился в 1943 году в Киргизии. В 1964 году окончил Ташкентское высшее общевойсковое командное училище, в 1974 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе. С должности заместителя командира мотострелкового полка был назначен помощником министра обороны СССР. В первой половине 90-х годов стоял у руля Совета министров обороны государств-участников СНГ. А потом было несколько лет насыщенной работы в качестве главного военного дипломата. Избран вице-президентом Академии геополитических проблем, доктор исторических наук, профессор. Автор нескольких книг по геополитике и международным отношениям. Генерал-полковник. **Живет в Москве.**

Американцы почти полтора века мечтали о мировом господстве. Рузвельт играл со Сталиным против Черчилля, чтобы развалить Британскую империю, мешавшую им доминировать в планетарном масштабе. Полтора века они делали все, чтобы стать «государством номер один», а когда это произошло после развала СССР, то к такой желанной для них роли оказались катастрофически не готовы.

У них даже не была разработана теория однополярного миропорядка. Американцы хотели главенствовать, но не знали, как выстраивать систему управления в отсутствие геополитического «спарринг-партнера». Даже такие наивные разработки, как «конец истории» Френсиса Фукуямы, появились только через год после уничтожения Советского Союза.

Уничтожение Советского Союза — это рубежный момент, разделяющий две исторические и геополитические эпохи. До этого действовала на протяжении почти полувека система международной коллективной безопасности, сформировавшаяся в результате Второй мировой войны. Поскольку ее основы были заложены уже на завершающем этапе той войны, в ходе переговоров «Большой Тройки», то есть Сталина, Рузвельта и Черчилля, ее принято именовать Ялтинско-Потсдамской. Эта система носила универсальный характер — прежде всего потому, что почти все народы мира на себе испытали бедствия Второй мировой войны, и было всеобщее желание сделать мир безопаснее.

Разумеется, большую роль в формировании этой системы также сыграли хорошие личные отношения между Рузвельтом и Сталиным. Что влияло на позицию президента США, сказать трудно, но если судить по воспоминаниям его сына, то

у Рузвельта и некоторой части западной элиты имелось ощущение вины за развязывание двух мировых войн.

Третий момент, который сыграл важнейшую роль в создании универсальной системы международной коллективной безопасности, — это качественное изменение геополитической структуры мира. Впервые с XVI века он утратил свойство «европоцентричности», поскольку ведущие европейские страны — Великобритания, Германия, Франция, Италия — были чрезвычайно ослаблены войной. И геополитическая структура мира сформировалась уже по иному принципу: центры силы перешли на американский и евроазиатский континенты. При этом два полюса (СССР и США) можно считать равновеликими, поскольку при таких оценках нельзя принимать в расчет только соотношение материальных сил. Да, по сравнению с СССР, американцы куда больше заработали на Второй мировой войне, сумев быстро «раскрутить» свою экономику, свою военную мощь. Но культурно-цивилизационный, духовный и пространственный фактор СССР был несравнимо выше американского. Это проявилось и в Победе 1945 года, и в запуске первого искусственного спутника Земли, и в полете Юрия Гагарина.

Помимо «двухполярного мира», двух сверхдержав, с победой коммунистов в Китае начал формироваться и «третий полюс» мировой геополитики.

В 50-е — начале 60-х годов рухнула колониальная система, которая существовала и развивалась несколько столетий, в результате образовался огромный «третий мир», который сочетал в себе и избирал для себя некий средний путь между капитализмом и социализмом. И этот «третий мир», несмотря на всю свою рыхлость и видимую бесструктурность, тем не менее, дополнительно балансировал взаимные угрозы двух вышеупомянутых главных полюсов. Например, вооруженные конфликты шли исключительно на территориях «третьего мира». Для американцев символом военно-политического провала стал Вьетнам, для Советского Союза — Афганистан. К 1979 году практически весь исламский мир был на нашей стороне, поддерживал нас, прежде всего — в связи с позицией СССР в арабо-израильском конфликте. Но когда мы в декабре вошли в Афганистан, то значительная часть исламского мира дистанцировалась от СССР. То есть это был очень большой и важный регулятор.

Такая «трехполюсная» геополитическая модель и позволила создать универсальную систему безопасности под эгидой ООН. Впервые в истории человечества на всю планету был создан наднациональный орган — Совет Безопасности Объединенных Наций с огромными полномочиями. Был создан военно-штабной комитет, а далее — уровнем ниже — стали формироваться региональные структуры безопасности, и еще ниже — национальные системы безопасности.

Такой мир даже структурно имел хорошую перспективу развития. Американцами была запущена блоковая система противостояния. Мы ответили сначала союзом с Китаем в ответ на создание НАТО (подписание в 1949 году большого Союзного договора с Китайской Республикой, а в 1955 году — Варшавского договора с семью социалистическими странами Восточной Европы).

Эта блоковая система в чем-то деформировала систему международной безопасности, и те структуры, которые создавали США, кроме НАТО (блоки СЕАТО, СЕНТО и т. д.), — не получили серьезного развития.

Благодаря во многом надуманной «советской угрозе» США помогли и Западу, и значительной части мира задействовать все ресурсы в условиях глобальной конкуренции, которую мы называли «мирным сосуществованием двух социально-политических систем». Они объединяли мир. И то, что европейцы стали жить лучше, что «план Маршалла» заработал; что негры были признаны полноценными гражданами США, — все это произошло под давлением Советского Союза, улучшения жизни наших рабочих и колхозников, нашей интеллигенции. Соревнование шло во всех отраслях жизни: в образовательной, культурной и духовной и т. д. К примеру, после запуска спутника весь мир, включая страны Запада, поехал учиться к нам, поскольку советская система образования была признана лучшей в мире.

К началу 80-х годов геополитическая система выглядела стабильной и, казалось, ей ничего не угрожало. Но с распадом СССР рухнула вся система международной безопасности. Это было для американцев неожиданностью. Ведь когда за океаном говорят о своей победе в «холодной войне», то кажется, что это была странная и даже глупая победа.

Для того чтоб управлять миром, нужно иметь три взаимосвязанных фактора: экономическую мощь, превосходство военной силы и культурно-цивилизационное превосходство. Если первыми двумя факторами американцы обладают и вполне успешно ими оперируют, то культурно-цивилизационное превосходство они год за годом утрачивают. Да, Голливуд. Да, Интернет. Но это технологии, которые не связаны со смыслами, с ценностями. У Индии — свой Болливуд, у Китая — свой Интернет. Американцы не могут в культурной и духовной сфере стать глобальными лидерами. На одних информационных технологиях здесь не выедешь. Эти пушки могут стрелять в любую сторону, вот в чем проблема. Жизнь, где доминирует власть денег, где смысл жизни — накопительство, не воспринимается ни Востоком, ни Латинской Америкой. В общем, за американцами мир не пошел. А Россия — в общем, идет. И это, на мой взгляд, главная угроза для нашей национальной безопасности. Из которой исходят и с которой, как с центром, связаны все другие угрозы.

С конца 40-х годов мировое пространство стали осваивать не только государственные структуры США, но прежде всего экономические и финансовые структуры. Ведь что это такое: сделать доллар в 1944 году мировой валютой и отдать ее в частные руки? Частные банки и инвестиционные корпорации сразу оккупировали все финансовое пространство, стали господами мира. Не американский президент с вооруженными силами США, а именно они. Появились мощные транснациональные корпорации (ТНК). Они стартовали с территории Америки, имея практически неограниченный доступ к долларовой эмиссии. И благодаря этому сегодня, по сути дела, приватизировали весь мировой рынок. И государства в этой ситуации утратили былое свое значение.

А ведь вся международная правовая система, и международная система безопасности в том числе, формировались на основе суверенных государств. И ООН, и все ее структуры были сформированы именно как объединение суверенных государств. А теперь государства теряют свою привычную роль, утрачивают внешнеполитические позиции, международно-правовую субъектность и начинают вписываться в глобальную финансовую систему,

где господствует частный капитал, и вообще в мировую экономику — на вторых, подчиненных ролях.

Мы, вписавшись в глобальную финансовую систему, используя доллар для расчетов не только вне, но и внутри страны, подписали себе, своей субъектности смертный приговор. Сегодня Россия как государство уже не может играть сильную роль в Организации Объединенных Наций, поскольку сама ООН как межгосударственная структура во многом выполняет волю ТНК, становится их внешнеполитическим инструментом.

Давайте посмотрим, на чем базируется сегодня наша экономика. Понятно — на деньгах. Но рубль «привязан» не к реальному производству, не к реальному объему наших ресурсов, даже не к нашим планам производства-потребления товаров и услуг, а к американскому доллару. Вот мы все время и «прыгаем» за этим американским долларом. У нас нет своей валюты, которая была при Советском Союзе, — у нас рубли выступают как второстепенные заменители американских долларов. И эта утрата нашей самостоятельности в финансово-экономической сфере влечет за собой утрату самостоятельности и инициативы в политике, в обеспечении нашей безопасности.

Арнольд Тойнби, великий британский историк, не особенно уважаемый на Западе, пришел к выводу, говоря о парадигме развития человечества, что человечество развивается благодаря некоей угрозе, некоему вызову. Наш разум ищет и находит некий ответ этому вызову.

Сейчас нам нужно найти ответ на вызов со стороны транснационального крупного капитала, подмявшего под себя государственную мощь США, а через нее — и мощь большинства других стран мира. Повторю: государства как таковые уже не могут противостоять этим транснациональным структурам. И мы видим выход на мировую арену цивилизаций как культурно-исторических сверхобществ людей. В 1869 году наш выдающийся соотечественник Николай Яковлевич Данилевский говорил: «На сцене театра мировой истории главными героями выступают не этносы и государства, а культурные исторические типы, которые в период расцвета становятся цивилизацией». И вот этот тезис Данилевского сегодня начинает работать. Мы видим, что китайцы всех стран мира, поняв это, объединились и стали теми, кем они есть сегодня. Перестав быть капиталистами, социалистами и т. д. По тому же пути идет Индия, Евросоюз, ищет свою антицивилизационную идентичность в боливарианской инициативе Латинская Америка, стремясь отделиться от двухсотлетнего господства США и их ТНК. Мы видим, как исламскому миру через салафитов был подброшен очень выгодный для Америки цивилизационный проект, вокруг которого можно объединяться. Каддафи пытался образовать Африканский Союз и был уничтожен…

Есть угрозы и другого характера. Они тоже уже объективно сформировались. К примеру, мы знаем природу капитала. Что он все время ищет ресурсы для производства и рынки для реализации своих товаров и услуг. Когда субъектами мировой политики были государства, межгосударственные образования, то можно было при помощи войны какие-то ресурсы и рынки захватить. А сегодня мировая финансово-экономическая система покрыла весь мир, и искать новые рынки можно только на других планетах. Поэтому идет борьба за передел рынков уже существующих.

В сегодняшней войне на Ближнем Востоке речь идет не о рынках, а о ресурсах. ТНК пытаются сэкономить на ресурсах и одновременно заставить конкурирующие цивилизации, тот же Китай, например, больше платить за них. При этом они поощряют салафитский проект, чтобы ислам стал врагом России, чтобы Россия конкурировала с исламскими странами за право продавать свои углеводороды на внешних рынках. Если мы пойдем по пути конфронтации, нефть и газ у нас в один прекрасный момент просто отберут. То же самое сделают и с мусульманами, с Саудовской Аравией и монархиями Персидского залива — ничего нового тут нет, типичная имперская политика «Разделяй и властвуй!»

Да, основные текущие и перспективные угрозы для России носят невоенный характер. Ведь как был уничтожен Советский Союз? При помощи угроз военного или невоенного характера? Советская армия могла по приказу уничтожить любого противника. Но не сделала ни единого выстрела, когда уничтожалось создавшее эту армию государство. В США прекрасно понимают, что лучше всего нейтрализовать российские ракеты не путем превентивных ударов высокоточным оружием, а сделав так, чтобы у верховной власти в нашей стране даже не возникло мысли нажать кнопку пуска. Это первое.

Второе. 18 января 2003 года Джордж Буш-младший подписал директиву, на которую здесь как-то не обратили внимания: о концепции быстрого глобального удара. Суть его — развитие высокоточных обычных средств вооружений стратегического назначения. Далее в течение 4–6 часов (они моделировали на командно-штабных играх) наносится мощный удар неядерными высокоточными средствами по любой стране мира, парализуются ответные действия этой страны и предъявляется ультиматум. Они вычисляют: какие объекты надо уничтожать в первую очередь, а какие — во вторую. Бесспорно, что в первую очередь входят наши пункты управления стратегическими ракетами, сами ракетные комплексы. Они должны быть уничтожены или подавлены электронными средствами, такие попытки уже были нами неоднократно зафиксированы в районе Плесецка, в районе базирования Северного флота.

Дальнейшими ударами страну, оставшуюся без защиты и без возможности нанести ответный удар, могут просто методично вдалбливать в каменный век, как Югославию, выводить из строя все системы жизнеобеспечения, а потом заставить капитулировать. А если страна и после этого не сдается, то нанести удары с частичным применением тактического ядерного оружия. Примерно такая военная концепция у них сегодня.

Мы не обратили внимания на то, что Джордж Буш-младший, президент США, в сентябре 2002 года, в первую годовщину терактов против «башен-близнецов», когда ему нужно было окончательно добить прежнюю международную систему безопасности, заявил о переходе Соединенных Штатов к преэмтивным действиям (не путать с превентивными). Мы даже не поняли сначала, что это такое. А за этим заявлением очень многое стоит. И дисциплинированная государственная Америка сразу стала действовать. В 2006 году этот тип войны был утвержден конгрессом США. Что это такое? Это не просто нанесение превентивного, опережающего удара по изготовившемуся к войне противнику. В истории много было примеров, когда такие удары, несмотря на достигнутый эффект, не приводили к намеченным

целям. Здесь другая концепция. Ее суть заключается в определенной последовательности действий. Первое — свержение в той или иной стране действующего правительства. Второе — замена этого правительства представителями проамерикански настроенной элиты. Только такое правительство США будут считать и на весь мир называть демократическим, даже если за него не проголосовал ни один гражданин страны. А третье — перезаселение этой страны. Причем под термином «перезаселение» не подразумевается, что одних надо просто выгнать с их территории, а других туда пустить, хотя это не исключено и приветствуется. Имеется в виду, прежде всего, культурно-цивилизационное перепрограммирование населения. Из него целым комплексом мер должны вытравить все национальное — прежде всего национальную гордость, национальную историю, привязать это новое население к «империи доллара». Чтобы люди думали не о своих предках и потомках, а о том, за что лепешку себе купить, одежду, машину и т. д. Эти меры американские стратеги сначала отработали на практике, а сейчас, обобщая практику, подводят под нее теорию. А практика случилась у них как раз на территории России. Заменили элиту, ввели во власть «пятую колонну», а уже она через все информационные каналы начала внедрять «свои», то есть проамериканские, ценности.

Огромная военная машина США играет тоже подчиненную, вспомогательную роль. Ее задача — обслуживать «империю доллара». Американский военно-морской флот, американские воздушные и космические силы буквально «оседлали» все транспортные, торговые коммуникации современного мира. Их цель — сделать так, чтобы каждая международная сделка, будь то торговая, финансовая или любая иная, — находилась под контролем и в любой момент могла быть прервана любым путем.

Все банки, все крупные и мелкие корпорации мира, каждый из нас платит налоги на содержание этой глобальной машины контроля и подавления.

Конечно, элементы случайности, сбои в системах управления и контроля не исключены, но они не являются определяющими, и если мы говорим о каком-то устойчивом геополитическом феномене, то он тесно взаимодействует с выстроенной современным глобальным капиталом системой контроля и управления.

Чтобы эффективно обеспечить национальную безопасность, России, прежде всего, надо — быть цивилизацией. В научно-технологическом и культурно-цивилизационном плане мы сегодня остаемся, пожалуй, единственной потенциальной цивилизацией, которая ни в чем не уступает цивилизации Западной. Ни Китай, ни Индия, ни Япония, ни исламский мир, ни Латинская Америка таким потенциалом не обладают. И это дает надежду на то, что запас жизненных сил у нашей цивилизации, у нашего суперэтноса рассчитан еще не на один десяток и даже не на одну сотню лет, что Россия, русская цивилизация всегда будут присутствовать в человеческой истории и на карте нашей планеты.

Сегодня необходимо поставить вопрос о переводе международной системы безопасности с государственных и национальных на цивилизационные рельсы. С этой целью, например, реформировать ООН или развивать межцивилизационные структуры сотрудничества, к числу которых, например, относится ШОС (Шанхайская организация сотрудничества).

Пытаясь остаться «всего лишь» государством, а не цивилизацией, мы будем поглощены или уничтожены. Мы субъектом мирового прогресса уже не станем. Нас, при всем нашем гигантском потенциале, просто растащат на куски другие цивилизации и ТНК.

Только восстановив свою геополитическую субъектность, мы сможем реализовывать и различные проекты во всех сферах нашей безопасности: от чисто оборонных до информационных и трансформационных, аналогичных концепции «превентивных ударов» и «мягкой силы» США. При этом следует понимать нашу цивилизационную сущность: она базируется на двух матрицах — православно-славянской и евразийской.

Россия, оставаясь «просто» государством, — пусть даже с ядерным арсеналом, способным уничтожить все живое на Земле, и с правом вето в Совбезе ООН — конкуренцию с транснациональными корпорациями неминуемо проиграет. Шанс выжить имеют сегодня не государства, а цивилизации.

Русская цивилизация или евроазиатская цивилизация — этот вопрос для нас сегодня сложный и болезненный, и его нужно решить в первую очередь. Без восстановления геополитической субъектности проблему нашей безопасности не решить. И поэтому надо говорить не столько о национальной, сколько о цивилизационной безопасности России.

Вышла книга

Титков Е. П. Исторический подвиг России: книга для чтения по истории Второй мировой войны / Е. П. Титков; АГПИ им. А. П. Гайдара. Арзамас: АГПИ, 2011. — 663 с.

Документально-публицистическая книга доктора исторических наук, профессора, ректора Арзамасского государственного педагогического института Е. П. Титкова посвящена различным вопросам истории Второй мировой войны, включая трагические и героические аспекты Великой Отечественной войны. Виновники мирового пожара, покорение фашистской Германией европейских стран, цели войны против Советской России, причины трагических поражений Красной Армии в 1941 г., злодеяния немцев на советской земле, проблема предательства и истоки наших побед, уроки Нюрнберга и другие проблемы рассматриваются автором в полемической форме и с учетом новейших источников и исследований отечественной историографии.

Книга предназначена учащимся, студентам, учителям, преподавателям вузов, всем, кто любит Россию.

ПОЭЗИЯ

Сергей КОРЫТИН

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Сергей Николаевич Корытин — родился в 1954 году в Тамбовской области в семье сельской учительницы. Работал токарем на заводе. Служил в армии. Окончил Гидрометеорологический институт, работал инженером гидрологом. Последние двадцать лет занимается предпринимательством. **Живет в Санкт-Петербурге.**

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Супруге

В начале поста
На ветках куста
Лежали снежинки и лед.

После поста
Целовались в уста.
И пчелы несли в улей мед.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ

Сочла мои новые книги.
Прочла: Святой Иоанн.
Купил бы еще вериги, —
Съязвила, присев на диван.

Однако, когда захворала,
Сама побежала в Храм…
Икону поцеловала
С нимбом: Святой Иоанн.

ПРИБЫТИЕ ПОЯСА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ В РОССИЮ

Этот пояс с Афона святой
Опоясал Россию любовью…
В тот же день помирился с женой,
А жена со своею свекровью.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ, 1960 год

Веселится детвора
Даже в непогоду.
За деревней холм-гора…
Взяли штурмом сходу!

Самый маленький боец
Замахал руками:
Гитлеру капут, конец…
Победа за нами!

* * *

Деды воевали.
Сыны выпивали.
А внуки медали
На рынке продали.

РУССКОЕ ПОЛЕ

Луна над безбрежной равниной сияет.
И в каждой снежинке себя отражает.

И кажется, это не снежные дали,
А павших бойцов боевые медали.

* * *

Ровесницы
Пошли на пенсию.

А кажется,
Еще вчера

Мы бегали
По школе весело…

И целовались до утра.

* * *

Одноклассницам

Подружки
Все разъехались.

Сидят по городам.

Как будто
Все боярыни.

И правят—княжат там.

А барский дом
На родине…
Почти сто лет стоит.

А отчий дом…
Оскоминой
На Божий мир глядит!

* * *

Солнышко играет.
Радость на селе.
Ныне прихожане
Как навеселе.

Ныне колокольня
Купол обрела.
Трудная дорога
К этому вела.

Деньги по копейке
Собирал народ…

Завершилось дело
Лишь на третий год.

Радостные лица.
Синий небосвод.
Ласточки-подружки
Водят хоровод.

Окружили купол
И священный крест.
Может, русской смуте
Близится конец?..

* * *

Колоколенка,
Колоколенка,
Что игрушечка
В Божьей руке.

Зацветает в лесу
Смородинка.
И играет
Рыба в реке.

Колоколенка,
Колоколенка.
Колокольчик
В поле звенит.

Прилетает на службу
Горлинка,
А народ…
В телевизор глядит.

ВЕЧЕР

Кругом всё в вечерней дреме.
Деревья, дороги, луга…
Только река на изломе
Тревожит свои берега.

И только скирды соломы
Виднеются чуть вдалеке.
И, кажется, это кони
На старом стоят большаке.

* * *

Хороша погодка.
Дождь да снег.
Ветер поднимает
Листья вверх.

Где же тот домишко,
Где светло,
Где от русской печки
Так тепло?..

Вкусная картошка
В чугунке.
Огонек лампадки
В уголке.

Милая деревня,
Я весь твой!..
Ветер глухо ухает…
Над Невой!

* * *

Деревни российской глубинки,
Вы все так похожи лицом:
Ометы, колодцы, тропинки
И дом неказистый с крыльцом.

И в доме совсем небогато —
Картошка, капуста, да щи…

И шорохи ветхого сада,
Когда улетают грачи.

И старое здание школы.
И пыльный на школе замок.
И радость у деда Миколы,
Когда приезжает сынок.

* * *

Я не знаю,
Как атом
Устроен,

Как коней
Сторожат
На лугу.

Только знаю,
Что звон
Колоколен

Будет
Слышен
На том берегу.

* * *

Еловый запах.
Новый год.

Церковный ладан.
Хоровод.

И это быстро
Все пройдет,

Как прошлый,
Позапрошлый год…

Не умирает
Только тот,

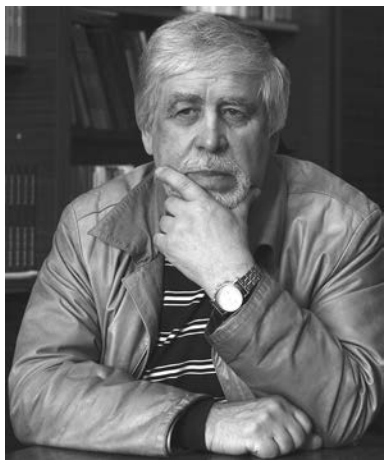
Кто с Богом
На земле живет!

* * *

Вечность. Бог. Что знаем мы об этом?
Только то, что нам открыл Господь.
Библию купили прошлым летом,
А когда читали, хлынул дождь.

Вся семья в окно смотрела стоя…
Радуга на небе расцвела…
А читали мы тогда про Ноя,
И голубку, что листок несла.

ПОЭЗИЯ

Владимир СКИФ

МОЛИТВА ПЕРЕД БОЕМ

Владимир Скиф (Владимир Петрович Смирнов) — родился в 1945 голу на станции Куйтун Иркутской области. Работал в школе учителем. Служил на Тихоокеанском флоте в морской авиации. После армии работал на авиазаводе. Учился на отделении журналистики ИГУ. Член Союза писателей России. **Живет в Иркутске.**

* * *

Кто знает тайну бытия?
Ни вы, ни я, никто не знает.
Дымятся космоса края,
Как рана черная, сквозная.

Куда, разлуками дыша,
Спешит душа в полете кратком?
С бессмертьем встретится душа,
Но не приблизит нас к разгадкам.

* * *

Как странен этот мир железа,
Кастета, камня и ножа.
Ребенок плачет от пореза,
Святая Русь — от мятежа.

Кто нас полюбит, кто разбудит,
Заставит выбраться со дна?
Быть может, Валентин Распутин?
А может, новая война?

Опять на четверть нас убудет,
Другую четверть понесет
По свету,
словно вихрь закрутит…
Мы, видно, про́клятый народ.

Наш мир и вправду неуютен,
Бессилен заново расцвесть.
Но если рядом есть Распутин,
То значит и надежда есть.

Ведь что-то впереди светлеет,
Ведь совесть русская болит.
И может быть, нас пожалеет
Господь — и выстоять велит.

* * *

Под оловянною луной
Видны дороги белые.
Залиты темной тишиной
Поля заледенелые.

Снегами запечатал лес
Чащобы непролазные,
И звезды сеются с небес,
Как семена алмазные.

Душа потянется к звезде
Среди пространства голого.
Чугунный ворон на кресте
Луны проглотит олово.

Земля и небо надо мной
Поделят вечность поровну.
Ничто не вечно под луной,
И только вечны — вороны!

МОЛИТВА ПЕРЕД БОЕМ

Солдат молился перед боем
У русской жизни на краю,
Спасая смертью и любовью
Отчизну горькую свою.

Он обладал сердечным зреньем,
Он видел — русская тропа
Уперлась в край родной, в селенье,
Где тлела отчая изба.

В полях ночные травы меркли,
Спал батальон береговой.
Среди страны, как среди церкви,
Стоял солдат еще живой.

Дышала взорванной утробой
Земля — на ранах клевер, лен.
Солдат встречал врага не злобой,
А верой в русский батальон.

Вставало солнце в черном поле,
Не зная дальше как идти.
Солдат — печальник русской доли —
Свой автомат прижал к груди:

— Земля, у Господа все живы.
Не бойся!
К брустверу припал,
Шагнул под яростные взрывы
И в вечность темную упал.

* * *

Как хорошо идти по свету,
По краю звездного пути,
И славу русского поэта
Державной поступью нести.

Как хорошо служить России
И знамя чести поднимать.
Как горестно свое бессилье
В служенье этом понимать…

* * *

Что стряслось на земле — не постичь!
Мчит по ней заблудившийся поезд.
Вон мелькнул цепенеющий «бич»,
В насыпь будто зарытый по пояс.

Полустанки, гнилые мосты,
Уходящие в прошлое тропы,
И кресты над землею, кресты,
И пустые дома, и сугробы…

Там уже не наступит пора
Сеять хлеб, ждать в печи каравая,

Там — постылые ходят ветра
Вдоль пустынного русского края.

Там — в осколки разбившийся день,
И на фермах — разбитые окна,
И печаль, и среди деревень
Наркоман, теребящий волокна

Ожиревшей в полях конопли,
Да забытая слава солдата…
А ведь мы среди этой земли
Колос счастья лущили когда-то…

* * *

Какое царство осени могучей,
Где золотые россыпи листвы,
Как царь, в награду от нее получишь,
И станешь пировать среди травы,

Среди пространства голого, немого,
Где призрачна, прозрачна пустота,
Неизреченным остается слово,
И равнозначна слову — немота.

Где свет берез сияет удлиненно,
Синеет небо, пламенеет кровь.
Сосна на нас взирает удивленно,
И льется во все стороны любовь.

НА ПОЛКОРПУСА ВПЕРЕД

Живу я все неистовей, острей,
Спешу по жизни скоротечной.
Я в беге на полкорпуса быстрей
От всех спешащих
к доле Млечной.

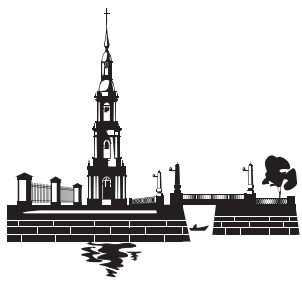
Живу стремглав
и даже сплю стремглав,
Среди печали, страсти, славы.
Мечусь я сразу в четырех углах
От боли и любви-отравы.

Я вижу, как душа России мрет,
Как свет над нею погасили.
Стараюсь на полкорпуса вперед
Идти в заботах о России.

Спасаю песню, русский огород,
Что сшибла русская кривая.
Я даже на полкорпуса вперед
От многих вас —
к любимым успеваю.

А при свечах я — триязык, трехглав.
Слоняюсь, Ангелом разбужен.
Я разрываюсь в рифмах и в делах,
А потому что — русским нужен.

Пишу и плачу. Сердце не соврет,
Оно в ночи немеет снова.
Сумею ль я на полкорпуса вперед
Идти сквозь зло, спасая Слово.

ПРОЗА

Александр СЕГЕНЬ

ДЕДОВ КРЕСТ

Рассказы

Александр Юрьевич Сегень — родился в Москве 12 апреля 1959 г. Окончил Литературный институт, аспирантуру, доцент. Автор романов и повестей на современные и исторические темы. Романы «Державный» удостоен премии Московского правительства, «Похоронный марш» — премий им. Горького и Шукшина, «Русский ураган» — Большой премии Союза писателей России. За статьи о русской истории и Православии удостоен премии имени Булгакова, за статьи о чеченской войне — премии Союза журналистов «Золотой гонг», за роман «Поп» — премии Патриархии «Просвещение через книгу». Написал сценарий фильма на основе собственного романа «Поп», по которому режиссер Владимир Хотиненко снял художественный фильм. **Живет в Москве.**

АРИСТОКРАТ

На старой фотографии двадцатых годов прошлого века два родных брата, но оба такие разные. Один во френче и галифе, на голове большущий картуз, сдвинутый чуть ли не на затылок, и весь вид у него простоватый, в глазах некая лирика, как будто, фотографируясь, он мысленно напевает «Клены мой опавший». Это мой родной дед Тимофей Степанович. Другой в кожанке, узких светлых брюках, застегнут, подпоясан ремнем, на котором примостилась грозная кобура, голову украшает элегантная фуражка, лицо волевое, губы сжаты, над губами тонкие усики, в глазах целеустремленность. Это старший брат моего деда Артемий. И если он напевает мысленно, то только «Вихри враждебные веют над нами».

Дед Артемий считался у нас в семье аристократом и сам таковым себя позиционировал. Я, конечно, знал его уже никак не в кожанке и не с героической кобурой, а степенным, заслуженным советским деятелем. О нем было известно, что в двадцатые, тридцатые и сороковые годы он занимал важные посты в карательных органах Твери, где и проживал вместе со своей женой Галиной и сыном Вадимом, который погиб в мае 1945 года.

— Между прочим, летчик, Герой Советского Союза, — с гордостью говорила мне о Вадиме моя мама. Вся родня очень ценила наличие в своих списках Героя Советского Союза. Имелась фотография, на которой дед Артемий с женой Галиной Сергеевной стоят в Польше у могилы, увенчанной пятиконечной звездой.

Раз в три месяца Артемий Степанович и Галина Сергеевна приезжали к нам в гости. Я всегда изумлялся, как от дедушкиного брата пахнет хорошим одеколоном, а сам он весь подтянут, выглажен, суров и важен.

Он непременно то и дело выуживал из кармашка жилетки часы, откидывал крышку и проверял, который час, словно страна в какое-то урочное время ждала от него необходимого решения. Звонко захлопнув часы, он неторопливо возвращал их на место, поглаживал сверкающую цепочку и говорил:

— Да-с… Так на чем, бишь, мы остановились, судари и сударыни?

Ни дать, ни взять — граф или даже князь, короче, голубая кровь. И это при том, что он, как и все его братья, происходил из самого простого крестьянского рода Кондратьевых и предки его некогда были крепостными у дворян Лыкошиных на Смоленщине.

Садясь за стол, Артемий Степанович старательно повязывал себе шею салфеткой, щи вкушал не так, как все мы, ложками хап-хап, а аккуратно по пол-ложки, чтоб не дай Бог не капнуло. При этом он считал, что в щах или в супе надо съедать только жидкую часть, на тарелке у него всегда оставалась недоеденная гуща, и это злило моих домашних, но они не показывали виду. Пил дед Артемий исключительно коньяк, бутылку которого привозил с собой, и она же вся ему и доставалась, поскольку мой дед предпочитал беленькую.

— Тимофей, — говорил старший брат, — сколько раз я тебе говорил, что водку хлещут только извозчики. Коньяк — вот продукт! Даже Черчилль предпочитал наш армянский коньячок.

— А мне на твоего Черчилля накласть, — потихоньку начинал сердиться мой дед. — Я рабоче-крестьянский человек.

После обеда дед Артемий снимал пиджак, в жилетке ложился на диван и скрупулезно спал ровно сорок минут, как традиционно положено в русском дворянстве. Наступала тишина, все ходили на цыпочках.

Дед Артемий знал, что аристократы любят играть в карты, и потому по завершению послеобеденного сна он, Галина Сергеевна, а также мои дед и бабушка вчетвером садились за это дело. Игра шла на копеечный интерес, но, тем не менее, проигравший всегда расплачивался, причем наш высокий гость неизменно делал это с огромным достоинством. Огорчение выражалось у него лишь в том, что он начинал помногу сморкаться, каждый раз величественно расправлял огромный носовой платок, посылал в него дары своего носа, долго складывал сей предмет обихода, как упаковывают парашют, расправляя каждую складочку, и бережно препровождал платок в карман пиджака. Если же он выигрывал, то не проявлял никаких эмоций, получая выигрыш с барским выражением лица, как оброк.

Перед уходом гости пили чай. Дед Артемий наливал в него остатки своего коньяка и так услаждался. Уходя, он обычно застывал перед бабушкиными иконами в красном углу:

— Так и подмывает машинально перекреститься. Клавдия, сними ты их, сколько раз я тебе говорил! А ты, Тимоха, куда смотришь?

— И вправду, Клава, — тихо и вежливо обращалась к моей бабке Галина Сергеевна.

— Нечего тут командовать! — говорил мой дед, к окончанию визита всегда страшно злой на своего брата-аристократа. — У себя в Твери распоряжайся, понял?

— Ну что же, прият-тно провели время, — говорил Артемий Степанович, протягивая всем руку, как некую драгоценность.

Однажды он не на шутку ополчился на бабушкины иконы:

— Между прочим, партия и правительство в ближайшее время вновь намерены взять курс на уничтожение религии. Леонид Ильич довершит то,

что не доделал Никита Сергеевич. Надеюсь, в этом доме понимают, куда я клоню.

— Чего ж мне прикажешь? Николу Угодника в огороде закопать? — с тоской спрашивала моя бабушка.

— Да выбросить, и дело с концом, — говорила Галина Сергеевна.

— Нет Бога, Клавдия, — спокойно и уверенно говорил Артемий Степанович. — Двадцатый век и Бог — не сочетаемые понятия. Для чего нам дан разум? Чтобы осознавать отсутствие Бога.

Мой дед, считая себя атеистом, поддерживать старшего брата, однако, не спешил, полагая, что у себя в доме он волен сам распоряжаться:

— Ты, Артемий, партийный, тебе видней, есть Бог или нету. Я считаю тоже, что нет, но Клавдя имеет право.

— Тут дело не в Николе Угоднике, — возражал дед Артемий. — Дело в попах, которые по своей сути мешают нам строить будущее. Мне в свое время довелось иметь дело со многими из их среды. Упертая сволочь, должен вам сказать, сударь и сударыни!

— Вот ты, Артемий, человек партии, коммунист, идейный борец, да? — злился мой дед.

— Безусловно.

— А чего ж ты по-старорежимному выражаешься? Тут у нас сударей и сударышень нету.

Однажды после очередного посещения нас Артемием Степановичем и Галиной Сергеевной я подслушал такой разговор между моими дедом и бабкой:

— Может, и вправду, Тимох, твоя мать его не от моего тестя родила?

— А от кого же?

— Известно, от кого, в народе-то поговаривали. Про соседского помещика Зубова.

— Сбесилась ты? Чего мелешь, подумай!

— Да ты и сам иной раз в сердцах про него скажешь: «Зубовский выплясок».

Слушая их, я тут вспомнил, что дед и впрямь так несколько раз выражался. И я, помнится, даже однажды спросил бабушку, что сие означает.

— Выплясок-то? — засмеялась баба Клава. — Чего ж тут непонятного? Помещик такой был у нас, по хвамилии Зубов. На свадьбе напился, плясал-плясал, плясал-плясал, вот у него из кармана Артюха и выпал. Закатился в угол, его потом нашли да и отдали на воспитание Степану и Настасье. Твоего деда Тимохи родителям.

Мне очень смешно было представить, как дед Артемий, маленький, будто солдатик, но уже такой весь из себя аристократический, вывалился из кармана пляшущего Зубова и покатился по полу в угол:

— Прият-тно провели время!..

И как его потом нашли, сдули в него пыль, протерли и стали выращивать.

Спустя много лет, когда ни моего деда, ни его старшего брата уже и в живых не было, я занялся изучением своей родословной, и много выспрашивал у бабушки, у других родственников. И вот что узнал про Артемия Степановича. В двадцатые годы он, тридцатилетний, много и усердно потрудился на ниве истребления буржуев, помещиков, священников и прочих представителей дореволюционной России. И именно тогда в нем появился тот аристократический лоск, коим он впоследствии резко отличался от своих

братьев. Раньше он только внешне не был на них похож, совсем иное лицо, а тут и в поведении появилась перемена. Общаясь с аристократами, перенял их манеры поведения. А учитывая слухи о его происхождении от помещика Зубова, можно только диву даваться, как решительно он мстил тем, кто в бездумной пляске выронил его из своего аристократического кармана.

Не менее поразительными оказались и обстоятельства гибели единственного сына Артемия Степановича и Галины Сергеевны. Прежде всего мне удалось выяснить, что никаким Героем Советского Союза летчик Вадим Артемьевич Кондратьев не являлся. Его представляли к награде, но так и не утвердили. Но не это главное. В мае 1945 года он оказался среди летчиков, которым дозволили братание с американцами, типа «встреча на Эльбе». Выпив за дружбу с каким-то Джеймсом или Томом, Вадим Кондратьев не глядя махнулся с янки самолетами. Такое тоже иной раз случалось. Удаль, летчицкое гусарство. И из Германии он полетел не на своем отечественном истребителе, а на заокеанской модели. Пролетая над освобожденной Польшей, Вадим Артемьевич весело помахивал не своим, а чужим крылом. И наши же зенитчики, не увидев на том крыле красных звезд, ничтоже сумняшеся, сбили парня. Так в нем пресеклась линия деда Артемия, а возможно, и помещика Зубова.

Столь нелепая смерть, конечно же, не может быть предметом усмешки, хоть и горькой, но как ни крути, нельзя не задуматься о том, что деду Артемию аукнулась его работа в карательных органах. «Своя своих непознаша, своя своих побиваша»…

Дед Артемий держался молодцом почти до самой своей кончины, и лишь в последний их приезд к нам в гости обнаружилось, как резко он сдал. Он все еще старался сохранять благородную осанку и барственное выражение лица, но плечи то и дело опадали, а на лице что-то подергивалось, отчего глаза становились растерянными и виноватыми, будто человека разоблачили в какой-то подделке. Пахло от него не только одеколоном, но и старческим недержанием. За обедом он пил только привезенный им же самим греческий апельсиновый сок, салфетку заложил себе под воротник криво и пятую ложку супа пронес мимо рта, отчего по щеке пробежал суповый ручеек, а кусочек моркови влетел ему в нагрудный карман. После этого он от супа отказался, трясущейся рукою вытащил из кармана жилетки часы и уронил их, так что они стали болтаться на цепочке. Он втянул их обратно, забыл посмотреть, который час, и лишь пробормотал:

— Сударь и сударыни…

После обеда он прилег на диван и проспал целых три часа. Проснувшись, объявил:

— Давненько в картишки не резались.

Но карты вываливались у него из трясущихся пальцев, игра не шла, он путал масти, а тут еще моя бабка возьми да и спроси его:

— Артюша, ты про всех знаешь, помещика Зубова опосля революции куда определили? В расход?

Дед Артемий вдруг испугался:

— Какого Зубова? Не было никакого Зубова! Ты чевой-то путаешь… То есть не чевой-то, а что-то. Вот ты, Клавдия, в Москве больше тридцати лет живешь, а так и не научилась правильно говорить. Надо не «опосля», а «после». Пожалуй, сударь и сударыни, кончим игру, не идет она чевой-то.

Покидая наш дом, он кинул взгляд на бабушкины иконы и совершил самое неожиданное — поднес ко лбу сложенное в щепоть троеперстие! Тотчас спохватился, сконфузился, покраснел.

— Время… — пробормотал Артемий Степанович. — Приятно…

Вскоре мой дед ездил прощаться с братом в Тверь, а вернувшись, описывал солидные, почти правительственные похороны с несением орденов и медалей на красных атласных подушечках. Галина Сергеевна, как верная голубка, пережила своего мужа всего на пару месяцев.

Что бы там ни было, мне помнится, как в детстве я восхищался выправкой деда Артемия, запахом его одеколона, неторопливостью движений, правильной речью и хорошо поставленным голосом. Иногда, вспоминая его, я пытался изобразить нечто похожее.

Однажды я выступал на открытии одной сельской библиотеки, дарил свои книги и почему-то припомнил Артемия Степановича. И до моего слуха донеслось, как две старые женщины говорили между собой обо мне:

— Гляди, какой холеный, ну чисто барин!

— А нам бы другого и не прислали. Выразили уважение.

Я потом долго всматривался в зеркало, но так и не увидел в своих чертах сходства с дедом Артемием. Облегченно вздохнул и перекрестился на икону.

ДЕДОВ КРЕСТ

Мой дед по материнской линии, Тимофей Степанович Кондратьев, родился в многодетной крестьянской семье на Смоленщине, в ныне уже не существующем селе Высоцком Вяземского района на границе с Сафоновским районом. Это — рядом с Изъяловым, Никулиным, Старым Селом, Богородицким, Артемовым, Черным в среднем течении речки Вязьмы правого притока Днепра. Крестили его в день апостола Тимофея 22 января по старому стилю. У деда были четверо братьев Артемий, Павел, Степан и Иван и сестра Евгения. Отец Степан Семенович, мать Анастасия Васильевна. Крепкая крестьянская семья, которую затем ветер революции рассыпал по стране.

В 1915 году моего деда призвали на войну, он воевал на германском фронте, в рукопашном бою уложил одного немца, вел себя храбро и потерял мизинец и безымянный палец на правой руке, заслоняясь от вражеского штыка винтовкой. В приказе о награждении его солдатским знаком отличия ордена Святого Георгия было сказано: «За доблесть в бою и умелое спасение жизни солдата Российской Империи». Имелась в виду его собственная жизнь.

Моя бабушка Клавдия Федоровна, в девичестве Карпушова, родилась в тех же местах, что и дед, и тоже в многодетной крестьянской семье. У нее было шесть сестер и один брат. За деда моя бабка вышла в возрасте шестнадцати лет, вскоре после Рождества Христова 1919 года. А Тимофею Степановичу тогда исполнилось двадцать четыре. В первые годы дети у них рождались мертвые. Бабушка сваливала вину на свекровь, заставлявшую ее слишком много работать. Еще она как-то призналась мне, что будучи девушкой, мечтала о старшем брате Кондратьевых — Артемии, а вышла за Тимофея, после того как Артемий женился на ее дальней родственнице Галине. Попав в дом муж,а она первые годы много плакала, вспоминая родной дом своих добрых родителей Федора и Ольгу.

В 1922 году мои дед и бабка стали жить своим домом, и через год у них благополучно родился первенец — Федор Тимофеевич. Затем, в 1928-м,

появился на свет мой будущий крестный — дядя Саша, Александр Тимофеевич. А еще через три года родилась моя мама, Нина Тимофеевна.

В тридцатые годы пришла коллективизация, а мой дед был ее яростным противником, потому что в его работящей семье все ладилось, жили с достатком, даже на окнах были разноцветные стекла — синие и красные уголки. Имели трех лошадей, трех коров, множество другой скотины и птицы. Богач, противник колхозов да еще и герой империалистической войны, кавалер знака Святого Георгия… Над моим дедом нависли тучи. Местная большевизия вот-вот должна была его раскулачить и отправить с семьей в Сибирь. По совету своего старшего брата Артемия, служившего в рязанской ЧК, он даже свой Георгиевский крест закопал в укромном месте на огороде, когда пустили слух, что всех, у кого таковые найдутся, будут на месте расстреливать. Потом, спустя годы, он приедет, будет искать, где подарил земле свою награду, да так и не найдет, а бабушка, получившая в годы Великой Отечественной две медали, будет дразнить его:

— Мои-то вот они, а твой-то крест где, Тимох? А, Тимох!

— У Артемия спроси, — угрюмо отвечал дед.

В 1937 году, под угрозой раскулачивания, Тимофей Степанович с женой и тремя детьми перебрался в Москву. Своего угла у них не было больше года. Брат деда служил в московской милиции и договорился, чтобы их пускали ночевать в одну многокоммунальную квартиру, где было две ванных комнаты. В одной из этих ванных они и ночевали, а днем оставались без жилья, то есть, по нынешним понятиям, бомжевали. Бабушка устроилась уборщицей в отделении милиции, а дед — в Метрострой, от которого получил, наконец, собственное жилье — комнату в бараке.

В 1941 году пропал без вести в Вяземском котле их старший сын Федя, дед голодал в резервных войсках, а бабка рыла окопы на подступах к Москве. После войны семья еще долго ютилась в метростроевском бараке, в котором и я сам появился на свет, ровно за два года до полета Гагарина в космос.

Деда я обожал больше всего на свете, потому что он возился со мной постоянно. Научившись говорить, я звал его «дедушка Темноша», на что бабушка смеялась:

— То-то и есть, что Темноша! У церкву ходить перестал, будто нехристь какая.

— Как раз те-то и темные, кто в церковь ходит, — возражал дед, считая, что разуверившись в Боге, он обрел некое прогрессивное знание.

А когда-то, живя в деревне своим хозяйством, он сохранял традиционное Православие. Однажды он мне рассказывал:

— Бывало, каждое воскресенье мы ходили в церковь, а она в пяти верстах находилась. Так я, бывало, сапоги свяжу веревочкой, перекину через плечо, один сапог на спине, другой на груди, и так до самой церкви. Перед церковью сапоги надену, и в храм Божий в сапогах иду. Обратно снова босиком. Оттого у меня сапоги никогда не снашивались, не то что нынче у городских.

Дед почему-то называл меня не по имени, а мальчишкой. Всегда заступался за меня перед мамой и бабушкой, когда я проказничал и должен был получить заслуженных поцелуев ремня.

— Как хотите, но мальчишку я в обиду не дам!

Во втором классе я нахватал двоек после многодневных увеселений на ледяной горке, и мама решила все-таки всыпать мне по первое число. Так

дед, уже облаченный в голубой кальсоновый костюм, бросился и принял на себя несколько ударов ремня, как некогда бросался на германские штыки. Мама пыталась ударить меня, заходя то слева, то справа, но дед подставлялся, защищая своего мальчишку.

При этом, что греха таить, недостатков у моего деда имелось в достатке. Он и к рюмочке прикладывался, и от бабушки не прочь был гульнуть на сторону, и матерился порой. Из всех народов он любил только русский, раздражаясь на прочие. Хотя национализм у него был смешной, и я всегда хохотал, когда он украинцев называл «чулы-булы», а кавказцев «чхари-ари»:

— Работать невмоготу стало, — жаловался он, к примеру, — понапринимали всяких чулы-булы да чхари-ари, а они делать ни хрена не хотят!

А я:

— Как-как? Кого напринимали?

Это чтобы он еще раз повторил, а я еще раз упал на диван со смеху.

Было время, когда, по его собственному признанию, он «на бутылочке женился». Но потом перешел исключительно на пиво. В одну пору прошла кампания по переводу русского народа с кривых водочных рельсов на пивной автобан, и деду в его депо после смены выдавали три литра бесплатного пива. Он тогда так и ходил на работу с большим алюминиевым чайником. Вечерочком я его всегда поджидал, потому что он являлся с этим вкусным холодным напитком, плещущимся в чайнике, и наливал мне кружечку. Бабушка и мама, конечно же, возмущались:

— Тимох, ты что, ошалел?

— Отец, сопьется мальчишка твой!

А он возражал:

— Неправда. Курс на пиво взят и одобрен партией и правительством.

Курс самого деда чаще всего шел в разрез с курсом домашней партии и правительства в лице мамы и бабушки. Особенно жаркие споры шли у него по поводу хождения бабушки в церковь:

— Вместо того чтобы мне лишние носки купить, ты попам деньги носишь. Все попы в моих носках ходят! Пойду да и заставлю их снять.

— Не пори ерунды, — вздыхала бабушка. — А то у тебя носков не хватаеть. А у церкву бы надо тебе сходить, Тимох. Ведь с до самой до войны не ходил, тридцать лет в нехристях!

— Умру, а не пойду!

— Вот умрешь, так как раз и пойдешь у церкву.

— Это как это?

— А вот так. Не своими ножками, конечно же, а понесуть тебя, ирода, у гробе.

— Вот ты что затеяла! Учти, Клавдя, если только, когда я помру, ты меня отпевать понесешь, я из гроба в церкви встану и за волосы тебя надеру. Так и знай. Стыдно тебе будет.

— Так, прям, и встанешь!

— Встану.

— Мертвый? Иде ж это видано?

— Назло тебе оживу на пять минут. Мне хватит, чтоб из тебя космы выдрать.

— А все потому, — сердилась бабушка, — что ты свой крест закопал.

— Какой?

— Георгиевский, какой же еще! Вот без креста и остался.

— Клавдя, я счас смерти дожидаться не стану, выдеру тебя, как сидорову козу!

Справедливости ради следует признать, что при всем многообразии угроз, которые дед иной раз посылал в сторону своей жены, он ни разу мою бабушку пальцем не тронул. И она это уважала:

— Тут нечего сказать, никогда даже не замахнулся на меня. А и то, пусть бы только попробовал!

Та еще была парочка, мои дед и бабка. По-своему любили друг друга, но увлекались особым видом спорта — дразнением. К примеру, дед терпеть не мог, когда она лезла ему помогать в домашних мужских делах. Вот он пилит дощечку, а бабушка сзади подкрадется и рукой схватится, чтобы эту дощечку придержать.

— Ну, едрит же твою налево! — взовьется дед. — Клавдя! Возьму, да и отпилю тебе руку-то!

— И это вместо спасиба! Да если б не я, ты бы криво отпилил.

— Да уж, без тебя у меня все бы криво было!

— А что, не так разве?

Когда отмечалась их золотая свадьба, собрались гости, дед и бабка сели во главе стола, как два голубка, все чин по чину. Кто-то крикнул:

— Горько!

Дед и бабка встали, собрались было поцеловаться, а мой Тимофей Степанович вдруг схватил со стола бутылку водки и ее чмокнул во все уста. И сказал:

— Вот моя любимая, да после инфаркта разлучили меня с ней врачи-вредители!

Бабушка, конечно же, обиделась, но ненадолго. Минут через пять рассмеялась:

— Теперь все увидели, какой ты у меня, Тимох, дуравило!

Он потом лез к ней исполнить свое «горько», да она уж ни в какую.

Еще один грешок водился за моим дедом — он любил проехать в общественном транспорте «зайцем». Никогда не забуду постыдного предательства, которое я совершил по отношению к нему. Дедушка всегда старался сэкономить на всем. Бабушка часто ругала его, когда он в булочной покупал самый дешевый серый хлеб.

И вот однажды его зацапал контролер. Я показал свой школьный проездной, а у деда — ничего нет. Контролерша стала его стыдить:

— Пожилой человек, а не платит! Мальчик, это твой дедушка?

И тут я, подлец, готовящийся в пионеры, сквозь зубы ответил:

— Впервые вижу.

И отвернулся к покрытому морозным инеем окну.

До сих пор горю от стыда за это отвратительное предательство. Прости меня, дорогой дедушка Темноша! Ты бы за меня в огонь и воду, под мамин ремень бросался, защищая меня, а я…

Через три года после золотой свадьбы мой дедушка Темноша умер. Смерть сразила его внезапно. В последние годы он подрабатывал тем, что мастерил фанерные ящики для посылок и продавал их на колхозном рынке. Его постоянно гоняла милиция, которой было скучно жить ввиду полного отсутствия у нас в стране какой-либо преступности, кроме незаконного моего деда предпринимательства. И вот в тот роковой день Тимофей Степанович сколачивал очередной фанерный ящик, как вдруг прихватило сердце. Насто-

ящие герои умирают со словами: «Да здравствует Родина!», «Все остается людям!», «Дети, берегите мать!» и так далее. Мой дед, кавалер солдатского креста ордена Святого Георгия, помер, успев лишь пробормотать:

— Валидол! Валидол! Валидол!

Добежал до кровати, упал на нее и — каюк.

Вернувшись из школы, я не мог поверить. Сидел на стуле возле мертвого деда, и мне казалось, что грудь его тихонько колышется, что он скрытно дышит, притворяясь мертвым. Да я сам сколько раз, бывало, играя в войну, притворялся мертвым и старался почти не дышать для полного правдоподобия. Вот, думаю, и дед туда же…

Бабушка, вопреки атеистической воле покойного, заказала отпевание. Гроб принесли в храм Рождества Христова в селе Измайлове, где некогда отпевали дедова отца Степана Семеновича и дедову мать Анастасию Васильевну. Начался церковный чин. Я смотрел и смотрел на деда, лежащего в гробу, и хорошо помню, как впервые совершил неожиданное открытие — изменение лица отпеваемого покойника. Поначалу лицо дедушки Темноши сохраняло неприступный мертвецкий вид, серый и несколько обиженный, что ему так и не подали вовремя валидол. Уголки губ устремлялись вниз к подбородку, и поневоле каждый испытывал вину перед ним, что все еще живы, а он вот лежит в своей последней деревянной постели.

Но что такое? Чем дольше шло отпевание, казавшееся мне и без того нескончаемым, тем больше просветлялось лицо моего деда. Будто из Темноши он превращался в Светлошу. Обиженные складки под уголками губ сгладились и исчезли, лицо из серого стало белым и даже как будто слегка порозовело. А главное, что на этом еще недавно огорченном лице появилось некое чувство удовлетворения и даже благодати. И это при том, что ушел он из жизни убежденным атеистом, не причастившись и не исповедавшись.

Сколько раз я потом убеждался в том, что во время отпеваний часто происходит то же самое удивительное явление. Словно человек, доселе недовольный, что пришлось покинуть теплую и обжитую жизнь, вдруг получил какое-то удовлетворение свыше, и не только смирился со смертью, но даже и рад ей.

А тогда я впервые, увидев это, стоял и удивленно взирал на дедушкину метаморфозу.

Бабушка стояла рядом со мной справа, проливала скупую слезу, поскольку вообще всегда была скупа на слезы, утиралась уголком платка и неотрывно смотрела на своего ушедшего мужа.

Потом вдруг легонько толкнула меня в плечо, наклонилась и произнесла лукавым, слегка озорным тоном:

— Глянь-ка! Не встаеть!

Лет через десять на Измайловском вернисаже я купил настоящий солдатский Георгий. Увидев его, бабушка задумалась и сказала:

— Кто знаеть, может, это Тимохов крест. Откопали, привезли да и продали тебе.

Мы вместе с ней поехали на Николо-Архангельское кладбище, я выкопал в дедовой могиле глубокую ямку и положил в нее Георгия. А когда засыпал его землею, бабушка сказала:

— Возьми, Тимоша, крест свой. И не теряй его больше.

Геннадий КРАСНИКОВ

«ОТЕЧЕСТВО ПУШКИНА В ОПАСНОСТИ!..»

Размышления в связи с выходом антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..»

Геннадий Николаевич Красников — родился в 1951 году в г. Новотроицке Оренбургской области. Окончил факультет журналистики Московского университета (1974). Работал корреспондентом районной газеты в г. Озеры Московской области. Около 20 лет был редактором альманаха «Поэзия». Автор многих книг стихов. Редактор поэтических антологий: «Русская поэзия. XX век», «Русская поэзия. XXI век», «Ты припомни, Россия, как все это было!..»... Лауреат многих литературных премий. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. **Живет в Москве.**

Языка нашего небесна красота
Не будет никогда попра́нна от скота.

Михаил Ломоносов

Я полезу на нож за правду,
за отечество, за русское слово, язык!

Владимир Даль

Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.

Ярослав Смеляков

«Бывают странные сближения»...

И в самом деле «бывают странные сближения», как сказал гениальный Пушкин. Но они никогда не бывают случайными. Одна беда — у нас утрачен слух к предупреждающим вестникам. Вот и теперь пропустили, не заметили такого *странного* в своей закономерности *сближения* сразу нескольких знаменательных для отечественной культуры дат в 2012—2013 годах.

Так, 150 лет назад, в 1862 году, появилась удивительная книга Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа», а уже в следующем, 1863 году (еще один юбилей в нынешнем году!) началось издание его же «Толкового словаря живого великорусского языка». Драгоценные книги, по авторскому подвигу и по своему значению сравнимые разве что с «Историей государства Российского» Карамзина, воссоздающие во всей глубине, простоте и красоте историю русской души и русского духа.

В 1882 году, 130 лет назад, Иван Сергеевич Тургенев написал свое великое стихотворение в прозе «Русский язык», с его бессмертными, в каждом русском сердце запечатленными словами: *«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судь-*

бах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! — Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»

Минуло уже 70 лет, как в дни Великой Отечественной войны, в 1942 году, Анна Ахматова пишет эпическое стихотворение «Мужество», слова которого прозвучали как общая клятва, как соборная молитва, как строгий завет на все времена:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, —
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Но есть еще одна, более ранняя дата. В 2013 году исполняется 230 лет со дня создания по воле Императрицы Екатерины II Российской академии (1783), директором которой была назначена княгиня Е. Р. Дашкова. Е. Р. Дашкова вспоминала: «…Однажды мы с Императрицей прогуливались в ее царскосельском саду, беседуя о красоте и богатстве русского языка. Я выразила Ее Величеству удивление тем, что, будучи сама сочинительницей и толико любя наш язык, она до сих пор не учредила Российской академии, необходимой нам, поелику у нас тогда еще не было установленных правил и добротного словаря, кои избавили бы нас от глупого обыкновения употреблять иностранные понятия и слова, и это при том, что мы обладаем собственными и гораздо более выразительными. “Не знаю, как так получилось, — ответила мне Императрица, — ибо вот уже несколько лет как я мечтаю об этом и даже отдала на этот счет некоторые распоряжения”». В том же 1783 году приступили к работе по собиранию материалов для будущего «Словаря Академии Российской», ставшего первым толковым нормативным словарем, положившим начало русской лексикографии. А. С. Пушкин, считавший создание словаря «подвигом», писал: «Полный Словарь, изданный Академией, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев».

И думается мне, что хронологическое совпадение упомянутых знаковых дат с выходом антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..» — только подчеркивает их промыслительную неслучайность!.. Видимо, вновь (может быть, в последний раз!) решается судьба России, судьба «великого народа», на глазах у которого нагло и бесцеремонно пытаются уничтожить его последнюю «поддержку и опору» — его веру и прекрасный русский язык…

Язык есть исповедь народа

Именно язык и вера Православная, несмотря на мученический XX и наступивший разрушительный XXI век, не дают прерваться многовековой преемственности. Язык наша вторая купель после крещения… Его красоту Ломоносов неспроста называл *«небесной»* и предупреждал от будущего вражьего нападения:

Языка нашего небесна красота
не будет никогда попра́нна от скота…

Без сомнения, что —

Метальный, звонкой, самогудный,
Разгульный, меткий наш язык!
Н. Языков —

уже сам по себе есть высшая поэзия и мудрость, на нем лежит безусловная печать гения его творца — русского народа. Оттого в художественном и творческом отношении мы по преимуществу являемся нацией Слова, в котором для нас соединились и музыка, и цвет, и пластика, и философия, и история, и психология, и земля, и Небо… П. Вяземский справедливо замечал:

Язык есть исповедь народа:
В нем слышится его природа,
Его душа и быт родной…

На основании всеми признанных красоты и богатства нашего языка должны мы признать, что душа русского народа по определению — поэтическая, художественная, творческая, «правдивая и свободная» (а отнюдь не рабская, как любят внушать нам клеветники России!). И несметное богатство это собрано в разнообразных словарях, своего рода скатертях-самобранках. Так, «Словарь церковнославянского и русского языка» (1847) хранит без малого 115 тысяч слов. «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля охватывает более 200 тысяч слов. В «Толковый словарь русского языка» Д. Н. Ушакова включено почти 90 тысяч слов. Это обилие, эта роскошь словесная — благоприятствовали созданию особого неповторимого литературного языка и уникальной по мировым меркам отечественной литературы.

Современный исследователь В. Журавлев, ссылаясь на труды русского ученого-языковеда, князя Н. Трубецкого, так объясняет данную особенность: «Сохранение и приумножение традиций церковнославянской книжности, основанной богодухновенным подвигом “ваятелей славянской души” святых Кирилла и Мефодия, создает определенные преимущества русского литературного языка… К внутренним преимуществам Трубецкой относит богатство словарного состава, особенно в оттенках значения слов, наличия параллельных пар слов, построенных на противопоставлении бытового, обыденного чему-то возвышенному (палец — перст, глаз — око, рот — уста, голова — глава, город — град и т. п.)».

Сын Льва Толстого, Сергей, вспоминал, как отец, работая над составлением «Азбуки» и «Книги для чтения», «не переставал изучать русский язык и собирать слова, поговорки и пословицы. В то же время он читал словарь Даля... Он говорил, что народная мудрость, выраженная в пословицах, поговорках, легендах, сказках и т. п., рассеяна по всей России; частицы ее можно услышать то от одного русского человека, то от другого; а в целом они, дополняя друг друга, выясняют мировоззрение русского народа». И невозможно не изумиться тому глубокому уважению, которое, в отличие от сегодняшних не помнящих родства «реформаторов» образования, проявлял великий писатель к родному языку. А ведь не от барской блажи «чудил» Толстой, с 1849 года приступив к обучению крестьянских детей и открыв затем несколько начальных школ для крестьян Тульской губернии, — к педагогике он относился не менее серьезно, чем к литературному труду.

Соглашаясь с глубокой мыслью филолога В. Базылева о том, что «коренные русские слова помнят всю мировую историю, свидетельствуют об этой истории, раскрывают ее загадки...», поневоле задумаешься — а не по этой ли самой причине как раз и гнобят сегодня русский язык, национальное школьное образование, чтобы лишить нас памяти, родства со своей культурой, историей? Но язык — это еще и духовная, нравственная энергия, передаваемая от поколения к поколению, и утрата такой энергии, через которую эти поколения как бы присутствуют и действуют вместе с нами в длящейся истории, — есть разрыв не только связи с этими поколениями, но и разрыв самой истории, утрата духа истории, исторического пути. Подобную ситуацию можно сравнить разве что с насильственной эвтаназией.

Время варваров

Если по Достоевскому сердце человека есть арена борьбы между Богом и дьяволом («Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей»), то можно не сомневаться, что сегодня в войне за Россию поле битвы — русский язык... Недаром Пушкин, вопрошая: «Какие же новые понятия, требовавшие новых слов, могло принести нам кочующее племя варваров?», на первое место ставил главное, что сохраняло народ как нацию, поскольку «предки наши, в течение двух веков стоная под татарским игом, на языке родном молились русскому Богу, проклинали грозных властителей и передавали друг другу свои сетования».

Профессор Архангельского университета Елена Галимова дает такую оценку: «Процессы, которые происходят сейчас в русском языке, лингвисты называют “третьей варваризацией” (первая была в Петровскую эпоху, вторая — после революции 1917 года)». Подтверждением тому научная работа В. Живова «Язык и революция. Размышления над старой книгой А. М. Селищева», опубликованная в журнале «Отечественные записки». Рассматривая книгу лингвиста А. М. Селищева «Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет. 1917—1926», описывающую языковые инновации, связанные с революцией 1917 года (издана в 1928 году), автор приходит к потрясающим по остроте и злободневности открытиям. Во-первых, говорит В. Живов, заимствования того времени «являются коммуникативно избыточными, без них можно было бы спокойно обойтись», и далее, самое важное открытие: «Это означает, что заимство-

вания выполняют не прагматическую, а символическую функцию». То есть речь идет о насильственном внедрении заимствований, вносящих сущностное изменение в природу общества через изменение иерархии ценностей человека, а это и есть война на поле битвы языка, война на уничтожение прежнего человека в человеке, ибо принудительная смена символов через изменение, «денационализацию» (И. Ильин) его языка есть сознательное зомбирование и расчеловечивание его. В. Живов объясняет смысл употребления подобных заимствований тем, что оно «символически осуществляет отказ от национальной традиции, разрыв с национальным прошлым, которое рассматривается при этом как воплощение и символическая основа ниспровергнутого социального порядка. Изобилие заимствований в революционном языке оказывается, таким образом, манифестацией антирусской политики большевиков в 1910–1920-е годы».

Еще одно интересное сравнение: «Стоит обратить внимание на то, что французская революция ни к какому разгулу заимствований не привела и в этом — при всех отмеченных Селищевым сходствах — заметно отличается от российского катаклизма. Об этом отличии Селищев не говорит и этого феномена не объясняет… Учитывая символическую роль заимствований, его, однако же, нетрудно понять: во французской революции доминировала концепция национального суверенитета, абсолютно чуждая революции российской, носившей интернационально-русофобский характер и замышлявшейся как часть революции мировой».

Поразительно, как все повторяется вплоть до пресловутых «новых стандартов», до захвата вместе с вокзалами, банками и телеграфом — процесса «обучения» как «существеннейший механизм власти». Вот откуда упорство наших доморощенных глобализаторов в противостоянии с педагогической, научной, писательской, родительской общественностью, вставшими на защиту российского образования.

Характерно, что в эти времена последней (дальше уже только — край, бездна!) «варваризации», «лингвистической революции» — признаком власти стала повальная жаргонизация всех областей жизни и деятельности, когда словарями «новой политической терминологии» становятся издания словарей уголовного мира и мата, словарей, в которых образцом и нормой для русского человека, выросшего на Пушкине, Толстом, Бунине, Есенине, — объявляется язык безграмотных гастарбайтеров. Времена, когда у детей в школе фактически отнимают родную речь, а вместо сокращаемых уроков русского — навязывают язык очередного интернационала, загоняющего Россию в концентрационный «скотный двор» глобализации.

«Но есть и Божий суд, наперсники разврата»…

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы.

Н. Некрасов

«Язык революционной эпохи, — пишет В. Живов, — это, прежде всего, специфический социальный инструмент, входящий в набор орудий культурной революции». Чему подтверждение российское телевидение, которое не только внедряет этот язык через оболванивающие развлекательные передачи, чернушные новости и криминальные сериалы, но прямо год за годом,

десять лет без роздыха выпускает специфическую программу «Культурная революция». Самопровозглашенный интеллектуал, самоназначенный ведущий этой передачи, некогда министр, а затем экс-министр культуры, бессменный и незаменимый советник по культуре наших президентов, Михаил Ефимович Швыдкой, как все его революционные прародители — от Троцкого, вопившего: «Будь проклят патриотизм!», и Луначарского, предлагавшего отдать храм Христа Спасителя под танцевальный зал для Айседоры Дункан, до главы Агитпропа ЦК КПСС Александра Яковлева, который в своей статье «Против антиисторизма» заявлял: «И то, что его (русского человека) жизнь, его уклад порушили вместе с милыми его сердцу святынями в революционные годы, так это не от злого умысла и невежества, а вполне сознательно» — также «вполне сознательно» продолжает дело «культурной революции», то есть ведает, что творит, знает, «на что он руку поднимал»!.. (Характерная, кстати сказать, историческая разница в калибре фигур: всеми ругаемая царская власть для бесед и советов выбирала равных по своему статусу Ломоносова, Дашкову, Державина, Карамзина, Жуковского, Пушкина, а теперь по властным коридорам шныряют шоумен Швыдкой, Гельман, артисты, спортсмены).

Особый цинизм швыдковщины в том, что свои провокационные передачи по опошлению русской культуры — «Возможен ли русский язык без мата», «Русский фашизм хуже немецкого», «Пушкин устарел?», «Музеи — кладбища культуры» — светоч либеральных знаний осуществляет на государственном (!) канале «Культура» (!) на деньги налогоплательщика (то есть того самого народа), чьи национальные святыни он попирает.

Александр Солженицын, будучи в изгнании, с горечью писал о зарождавшейся еще в среде «третьей волны» эмиграции смене национальных символов, культурных знаков: «Эти освобожденные литераторы… — бросились в непристойности, и даже буквально в мат, и обильный мат… (Как сказал эмигрант Авторханов: «там это писалось на стенах уборных, а здесь — в книгах».) Уже по этому можно судить об их художественной беспомощности. Другие, еще обильнее, — в распахнутый секс. Третьи — в самовыражение, модное словечко, высшее оправдание литературной деятельности. Какой ничтожный принцип. “Самовыражение” не предполагает никакого самоограничения ни в обществе, ни перед Богом».

Но непотопляемым телевизионным топтунам и плясунам на русской истории и культуре недостаточно просто смены «символов», «разрыва с национальным прошлым», или, как говорит госпожа И. Прохорова, — «демифологизации». По сути речь идет об изменении национального и культурного кода русского народа. Идейный патрон и благотворитель Прохоровой Сорос вместе с нашими «демифологизаторами» в один голос поет: «Русский национализм может стать большей угрозой миру, чем был коммунизм». А господин Б. Парамонов на радио «Свобода» без обиняков заявляет, что нужна «“мутация русского духа” от православия к “новому типу морали”, нужно выбить русский народ из традиции», впрочем, мало чем отличаясь от здешних Парамоновых…

Однако странные эти люди, наши непрошенные «просветители» и «цивилизаторы», так напоминающие энтузиастов начала прошлого века, которые то подобно герою Олеши «поют по утрам в клозете» от распирающих

их рефлекторно чувств, то, как в повести Платонова, режут колбасу на крышке гроба еще не застывшего покойника, то с большевистской прямотой (как в платоновской же «Москве») ищут душу в прямой кишке… Тысячи раз повторив нам заезженную песенку про «патриотизм — последнее прибежище для негодяев», они тем самым по признакам формальной логики открыто объявляют себя «антипатриотами», то есть не любящими Россию. И немудрено, что вся эта антипатриотическая рать с гиканьем и улюлюканьем морально санкционировала омерзительное поругание храма Христа Спасителя — храма русской воинской славы зоологическими кощунницами. Какою свободой «самовыражения» не прикрывались бы эти всемирные адвокаты дьявола, но цель их открытой войны железным военным языком выразил Бжезинский: «После устранения коммунизма у нас остался единственный враг — Православие». А по Сэмюэлю Ха́нтингтону — «Цивилизация заканчивается там, где начинаются православные храмы», иными словами, цивилизация начинается там, где гадят в храмах, где уничтожают национальные святыни, где, говоря языком «цивилизованного» Ренана (объяснявшего наше несходство), — «смерть француза — факт нравственный, тогда как смерть казака (т. е. русского. — *Прим. авт.*) факт всего лишь физиологический».

Оставалось только дождаться уже совсем невообразимого, когда же услышим мы, что и русский язык — это последнее прибежище для негодяев и неудачников (или «лузеров», как предпочитают презрительно называть нас на «Эхо Москвы»). С каким воодушевлением на «Эхо» несколько лет назад г. Бунтман обсуждал подстрекательскую антигосударственную идею перевода алфавита на территории России с кириллицы на латиницу.

Правда, оказалось, что еще в 1772 году в журнале «Живописец» Н. Новиков сообщал о некоем *Выдумщике*, который предлагал «способ для приохочивания молодых российских господчиков к чтению русских книг. Оной в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими литерами… Он утверждал, что ежели эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха, потому что, по его мнению, французские буквы мягкостию своей очистят всю грубость российского языка». Как говорится, ничто не ново под Луной, ни Смердяковы, ни подлость, ни предательство. Но то, что Новиков описывал как анекдот и курьез, в реальности оказывается хорошо продуманной антигосударственной операцией.

Самый беспрецедентный по своей наглости и безнаказанности факт — это интервью «Независимой газете» (7 августа 2001 года) члена-корреспондента РАН Сергея Арутюнова, заявившего: «Идея какой-то особости России… это вредная идея, реакционная. Россия должна интегрироваться в Европу. И одним из необходимых условий этого, по моему глубокому убеждению, является перевод письменности всех народов России на латинский шрифт… Я полагаю, что глобализация и компьютеризация нашей жизни в конечном счете приведут к тому, что в нынешнем столетии на латинский алфавит перейдет и русская письменность».

Ничем новым Арутюнов не удивил: Гитлер ведь тоже хотел нас «интегрировать в Европу», и если бы Россия ценою миллионов жертв не избавила мир от этого «цивилизатора», у нас, на радость Арутюнову, сейчас была бы не просто латиница, а ее готический, колючий как ограда концентрационных лагерей, вариант.

Профессор Е. М. Верещагин, вспоминая о последней встрече с лингвистом О. Н. Трубачевым уже в больнице, рассказывает, что их разговор касался и высказываний Арутюнова. «Сердцем духовной культуры является язык, — говорил Олег Николаевич, — а если язык имеет алфавит тысячелетней традиции, на котором написаны и напечатаны миллионы и миллионы книг, то призыв изменить алфавит на поверку оказывается призывом отказаться от всей предшествующей духовной культуры. Что же до России, то даже если ей грозит опасность якобы оказаться за бортом цивилизации, народ (может быть, в отличие от "прогрессивной интеллигенции") легко свое культурное достояние… не отдаст».

Но что для них выдающийся русский ученый Трубачев, которого с его «кириллицей» Арутюнов с Бунтманом могут обвинить в шовинизме и национализме и в непонимании величайших благ глобализации! Выслушаем в таком случае бельгийского ученого Ф. Винке, который, исследуя азбуку церковнославянского языка, сделал вывод, что в ней «каждая новая буква хранит первичный замысел своего Создателя, содержит глубокий священный смысл и отражает религиозное мироощущение, мистическую интерпретацию каждого символа».

А Иосиф Бродский, поэтическим чутьем за версту чуя «прорицания» Арутюновых, так отвечает им:

кириллица грешным делом,
разбредясь по прописи, вкривь ли, вкось ли,
знает больше: чем та сивилла…

По ком звонит рельса

В процессе работы над антологией «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..» меня удивило одно неожиданное открытие. В это трудно поверить, но среди всех обеспокоенных состоянием русского языка самыми спокойными, если не сказать благодушными, — оказались (не все, разумеется!..) лингвисты, филологи, те, кто вроде бы по долгу службы обязаны были первыми бить тревогу. На эмоциональные выступления писателей, учителей, ученых, общественности, возмущенных негативными процессами, связанными с порчей языка, с культурой речи, с оправданием вариантов безграмотного произношения, с попытками навязывания очередной реформы орфографии, от чего предупреждал еще Пушкин: «Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого», — из стана лингвистической корпорации наиболее мягким можно считать пожелание: «должна быть языковая толерантность», «страсти по этому поводу не нужны», «по поводу интенсификации процесса заимствования: не надо паниковать», «язык умеет самоочищаться, избавляться от функционально излишнего, ненужного». При этом все, конечно же, говорят, что они против «языковой вседозволенности»…

Иногда ученые мужи не могут скрыть неудовольствия, отбиваясь (от кого?! подумать только!) от жаждущих быть грамотными и научить этой грамоте других: «В особенности учителя (я просто знаю эту среду) требуют, чтобы им предоставили один вариант: "Нет, вы скажите, так или не так, не надо нам вариантов!". Но это насилие над языком, потому что реально существует и то, и другое» (Л. Крысин).

Вместо того чтобы сказать «спасибо» учителям, последним энтузиастам, за то, что они из последних сил пытаются хоть как-то сохранять на достойной высоте культуру речи, автор как будто бы раздражен их старомодным служением своему великому призванию (с них бы пример брать нашим политикам, министрам, профессорам!..). Учителя хотят учить, они хотят понимать в беспредельном культурном бедламе, в сумятице мнений, во всё разрушающем хаосе иерархии ценностей, — что есть культура, что есть язык литературный и нелитературный!.. Ведь и сам Л. Крысин согласен, что «Норма, в частности, тем и хороша, что она стабильна, консервативна и строга. Это необходимо, чтобы поколения понимали друг друга».

Но если бы только в том была проблема… «Есть какая-то тайная связь между ослабевшей грамматикой и нашей распавшейся жизнью. Путаница в падежах и чудовищный разброд ударений сигнализируют о некоторой ущербности бытия. За изъянами синтаксиса вдруг обнаруживаются дефекты души», — с горечью констатирует И. Волгин. Когда слышишь от авторитетных специалистов: «Сегодня мы видим, что вариативность в языке стала выше. И, вообще говоря, с ней тоже можно жить» (М. Кронгауз), то смущает, во-первых, некоторое пораженчество перед невежеством, и тем самым как бы некая официальная легализация этого невежества.

Мы, свидетели «третьей варваризации» русского языка, наблюдаем в криминально-кошмарном варианте повторение все той же картины начала XX века, которую с болью и страстью описал Вяч. Иванов: «Язык наш свят: его кощунственно оскверняют богомерзким бесивом — неимоверными, бессмысленными, безликими словообразованиями, почти лишь звучаниями, стоящими на границе членораздельной речи, понятными только как перекличка сообщников, как разинское “сарынь на кичку”. Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить… Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземною муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь!»

В антиутопии Дж. Оруэлла «1984» говорится, что «Цель новояза не только в том, чтобы [говорящие на нем] имели необходимое средство для выражения своих мировоззренческих и духовных пристрастий, но и в том, чтобы сделать невозможным все иные способы мышления».

Вспоминаются «новоязовские» тошнотворные словечки либералов «ровно наоборот», «отнюдь» (звучавшее как «отнять»), «ваучер», «тренд», «нерукопожатный», «заточенный», «лузеры» и проч. — от которых на Россию веяло ядовитым трупным запахом, что позднее символически выразилось (по Фрейду) в признании г. Чубайса в «почти физической ненависти» к великому русскому писателю Федору Достоевскому и желании «разорвать его на куски». С этой «почти физической ненавистью» к русскому языку и литературе, с желанием «разорвать на куски» российское образование — неуемные клоны чубайсов и гайдаров заполонили Министерство образования, откуда планомерно вершат свои реформы, о которых в пору на площади в рельсу бить: «Отечество Пушкина в опасности!..»

«Мы знаем, что ныне лежит на весах…»

В начале статьи не случайно вспоминались символически совпавшие даты, связанные с отношением государства и величайших сынов Отечества к русскому языку. Вспомним также с благодарностью, что, имея столь

благородный пример в лице своих предшественников, Николай I благословил Александра Шишкова на составление «Корнеслова». На титульном листе первого тома оригинального словаря Шишкова стояли царские слова: «Александр Семенович! Дозволяю Вам книгу сию посвятить Моему имени, и изъявляя Вам за труды Ваши Мою признательность, пребываю к Вам всегда благосклонен. Государь Николай I».

Поневоле напрашивается вопрос, а какую же книгу сегодняшняя власть на память благодарным потомкам «дозволяет» посвятить своему имени, уж не утвержденный ли ведомством Фурсенко словарь, в котором узакониваются безобразные неграмотные формы произношения русского языка? Кому «признательна» и кому с таким упорством и упрямством являет она, вопреки протестам профессиональной и культурной общественности, свою «благосклонность» — не тем ли «преобразователям», объявившим открытую войну российскому образованию, которые с остервенением выдирают из школьной программы произведения русской классики и сводят количество жалких учебных часов, отведенных на русский язык и литературу, до уровня обучения колониальных народов?.. Об опасности подобных реформаторов предупреждал еще академик Л. Щерба: «Как это ни звучит парадоксально, однако нужно сказать, что одной из причин понижения грамотности, одной из серьезных причин, являются “новые методы”», имея в виду «“усердие не по разуму”, которое проявляют некоторые администраторы. Многие из них решительно помешались на разных новых методах и расценивают школы и отдельных педагогов не по достигаемым ими результатам, а по тому, насколько они применяют новые методы». Л. Щерба с полным основанием заявляет о небезобидности даже по тем суровым временам подобных экспериментов: «Может показаться странным, что после проведения реформы орфографии, которая и была задумана в значительной мере в целях облегчения достижения полной грамотности, результаты получились как раз обратные ожидаемым».

Все действительно очень серьезно. «Мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне» в этой войне за русский язык и русскую культуру. «Письмо русское — одна из прочнейших нитей, связывающих нас со своей страной, со своим народом и его славным достоянием — родным русским языком», — был убежден прозаик О. Волков. «Для меня русская грамота, как я ее узнал, икона. Какой же верующий будет изменять свою икону или подрисовывать ее?» — писал К. Бальмонт. Еще жестче в оценке О. Мандельштам: «“Онемение” двух, трех поколений могло бы привести Россию к исторической смерти. Отлучение от языка равносильно для нас отлучению от истории».

Академик А. Панченко справедливо вопрошал: «Может быть, развал государства произошел и от неправильного словоупотребления. Вспомнить хотя бы горбачевскую речевую “кашу”... Развал государства начался с “гэканья”... Товарищ Лигачев, который из Сибири откуда-то, и он тоже “загэкал”. Приспосабливались они. Начальство “гэкает” и они “гэкают”. А Гоголь ведь не “гэкал”».

Писатель Иван Лукаш в зарубежном изгнании верил: «Россия — равновесие мира»: «...без *живой России,* основы мирового равновесия, без *благоденственной и мирной России* не будет ни благоденствия, ни мирного жития *никому на свете.* Потому что без России все равно не найдут ни-

какого выхода, *ничего...*» Именно с этим и не могут согласиться внешние и внутренние враги России. Прав был первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митрополит Виталий, еще в конце 80-х годов XX века провидевший сегодняшнюю судьбу нашей страны: «Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона и Гитлера»...

На память невольно приходит аналогия с ситуацией, предшествующей нападению Германии на Советский Союз, когда советскому разведчику Зорге из Токио удалось раскрыть планы начала агрессии с точностью до указанной им даты, но его донесения в Москве как будто не слышали.

Сегодняшние возмущенные голоса общественности о войне, открыто объявленной русской культуре и русскому образованию, для страдающей глухотой власти может стать такой же трагической ошибкой, как игнорирование информации Зорге о нападении Германии на Советский Союз, если это, конечно, ошибка, а не идиотская глупость или, прости Господи, не сознательное участие в преступлении. А «предупреждения» в нынешнюю Ставку идут отчаянные: «Сегодня мы живем в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения... — пишет В. Г. Распутин. — Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Еще как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков — все почти чужое!..»

Когда-то русские писатели В. Распутин, В. Белов, С. Залыгин совместно с группой патриотически настроенных ученых смогли остановить так называемый «поворот северных рек» (речь шла о преступном плане переброски северных рек в южные республики!). Ныне осуществляется еще более преступный план поворота исторической и культурной памяти народа в сторону беспамятства, деградации, национального равнодушия и предательства. «Когда Россия до неприличия широко распахнулась Западу, — пишет профессор И. Ильинский, — Сорос не пожалел денег на реформирование программ российской школы и высшего образования и особенно — на подготовку учебников по гуманитарным наукам, прежде всего по российской истории, с помощью продажных отечественных и зарубежных фальсификаторов. Только сейчас школы постепенно избавляются от соросовских учебников, в которых российское и особенно советское прошлое так изгажено, так искажено, что не может узнать себя. Искалечено историческое сознание целого поколения молодых россиян».

В связи с недавним юбилеем 200-летия Отечественной войны 1812 года, не лишним будет напомнить слова участника той войны, офицера и поэта Федора Глинки: «Наполеон не прежде решился идти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших ее молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушивавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных».

Адмирал А. С. Шишков писал в 1812 году при виде сгоревшей Москвы: «Где чужой язык употребляется предпочтительнее своего, где чужие книги

читаются более, нежели свои, там при безмолвии словесности все вянет и не процветает… Я почти стал в 1804 году о сем говорить смело, и Вы помните, как господа “Вестники” и “Меркурии” против меня восстали. По сочинениям их я был такой преступник, которого надлежало запереть и взять с меня ответ, каким образом дерзнулся я говорить, что русскому надобно русское воспитание. Они упрекали меня, что я хочу ниспровергнуть просвещение и всех обратить в невежество, что я иду против Петра, Екатерины, Александра; тогда они могли так влиять, надеясь на великое число зараженных сим духом, и тогда должен был я поневоле воздерживаться; но теперь я бы ткнул их носом в пепел Москвы и громко им сказал: “Вот чего вы хотели”».

Все то же повторяется ныне в более грозном (с учетом изменившейся ситуации в глобализованном мире) масштабе. «Из языка уходят воля и сила. — Словно врач у постели больного диагностирует В. Курбатов. — Он живет полем и небом, землей и трудом. А вслушайтесь в наши ежедневные новости и найдите там про землю и труд. Там будут жертвы и аварии, теракты и пожары, саммиты и соглашения, кризис, кризис, кризис и президентские уверения в том, что человек должен видеть без уверений. Но ни полей, ни заводов, ни хлеба, ни света вы там не увидите». «Отовсюду — с телеэкранов, “от микрофонов”, с газетных полос — на нас хлынул поток мутной, безграмотной речи», — продолжает И. Волгин.

«Над Россией сегодня висит смог сквернословия, — пишет ученый В. Троицкий. — В таких условиях нелепо ожидать того, что называют культурной жизнью… В таких условиях каждое непечатное слово, произнесенное человеком, имеющим сознание, — плевок в лицо русского языка…»

Политика Министерства образования по отношению к словесности в школе — это очевидное государственное преступление, и плоды этого преступления мы пожинаем сегодня и в школе, и в семье, и в быту, и в литературе».

Но что Министерству образования до мнения педагогов, крупных ученых, писателей!.. Господин Фурсенко всех убеждал, что «гуманитарные специальности… — это дорога в никуда». А кто, спрашивается, мостил своими «благими» реформами эту «дорогу в никуда», не сам ли вчерашний министр? Не благодаря ли этой государственной политике сегодня, по данным социологов, уже 40 % российских семей не имеют в доме ни одной художественной книги?..

Специалисты в один голос заявляют строителям «дороги в никуда»: ЕГЭ — для России это национальная трагедия. А в ответ издевательское: от реформы ни на шаг!

Доктор филологических наук, профессор Л. Полякова: «Мишенью для министерских новаций на протяжении целого ряда лет остаются базовые не только для образования, но главное — для формирования личности, учебные дисциплины — русский язык и русская литература, единственные, кстати, школьные дисциплины, непосредственно выполняющие воспитательную функцию и более всего, помимо прочего, воздействующие на представление школьника о фундаментальных основах национального самосознания, нравственного статуса человека».

Выдающийся пушкинист, филолог В. Непомнящий говорит: «План Даллеса — детская игрушка по сравнению с реформой образования… Мы стремительно движемся к национальной катастрофе… Надо спасать Россию

от реформы образования». Какой там Зорге, кому нужны его предупреждения! Министерство плюет с кремлевских башен на «дикарей», цепляющихся за какой-то там «великий и могучий» русский язык!..

Доцент кафедры стилистики русского языка журфака МГУ Анастасия Николаева сталкивается с этим ежегодно во время установочных диктантов для выявления уровня знаний первокурсников. Вот один из «чудовищных результатов» 2009 года (за минувшие годы, можно не сомневаться, «реформа» добилась еще больших успехов!): «Из 229 первокурсников на страницу текста сделали 8 и меньше ошибок лишь 18 %. Остальные 82 %, включая 15 стобалльников ЕГЭ, сделали в среднем по 24–25 ошибок.

Практически в каждом слове по 3–4 ошибки, искажающие его смысл до неузнаваемости. Понять многие слова просто невозможно. Фактически это и не слова, а их условное воспроизведение…

Я двадцать лет даю диктанты, но такого никогда не видела. Храню все диктанты как вещдок. По сути дела, в этом году мы набрали инопланетян… Это национальная катастрофа!». «В чем причина? — спрашивает она, и отвечает: — В какой-то степени в “олбанском” интернет-языке. Однако главная беда — ЕГЭ. По словам первокурсников последние три года в школе они не читали книг и не писали диктантов с сочинениями — все время лишь тренировались вставлять пропущенные буквы и ставить галочки.

ЕГЭ уничтожил наше образование на корню. Это бессовестный обман в национальном масштабе. Суровый, бесчеловечный эксперимент, который провели над нормальными здоровыми детьми, и мы расплатимся за него полной мерой… Дети не понимают смысла написанного друг другом. А это значит, что мы идем к потере адекватной коммуникации, без которой не может существовать общество. Мы столкнулись с чем-то страшным. И это не край бездны: мы уже на дне» («МК» — 16.11.2009).

Если не остановить эту неприятельскую колонну «преобразователей», то, пожалуй, пора прислушаться к братьям кн. Сергею и кн. Александру Волконским, авторам книги «В защиту русского языка» (Берлин, 1928): «Здесь нужна Добровольческая армия. Самое существование русского языка в опасности. Надо осознать, что язык народа, как и имя народа, неотъемлемое условие его бытия и что, если мы хотим, чтобы народ русский продолжал существовать, то должны держаться за эти два начала, как держатся за него другие народы, — с остервенением, руками, ногами и зубами».

Здесь уместно вспомнить два весьма неглупых высказывания канцлера Бисмарка. «Россию нельзя победить силой, ее можно разрушить только изнутри!», — говорил он, и слова его сбываются на наших глазах.

А после победы в Франко-прусской войне в 1871 году Бисмарк сказал, что войну выиграл не прусский солдат, войну выиграл прусский школьный учитель… Какую же войну может выиграть поверженный русский учитель в разгромленной школе, в которой реформы проводят под диктовку Запада, а учебники пишут на гранты людей, ненавидящих Россию!..

И, кажется, уже с небес пытается докричаться до нас бедная Марина Цветаева:

Мракобесие. — Смерч. — Содом.
Берегите Гнездо и Дом.
Долг и Верность спустив с цепи,

Человек молодой — не спи!
В воротах, как Благая Весть,
Белым стражем да встанет — Честь.

Обведите свой дом — межой,
Да не внидет в него — Чужой.
Берегите от злобы волн
Садик сына и дедов холм.
Под ударами злой судьбы —
Выше — прадедовы дубы!

Задумайтесь, господа власти предержащие! Ведь ни хлеба с барского стола, ни барской милости просит русский человек, но оставить ему воздух, которым дышит его душа — воздух русского слова, русской речи, защиты этого источника. С очищения его начнется и очищение всего остального. Стоит хотя бы из чувства самосохранения вспомнить, что «когда в 1945 году японцы потерпели сокрушительное поражение, то возрождение своей страны они начали с создания теории и программы повышения культуры языка как решающего фактора национального и культурного прогресса» (Ф. Березин).

Характерный знак времени — когда в октябре 2009 года не стало русского поэта Виктора Бокова, автора поистине народных песен, таких, как «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет», — именно в те дни все средства массовой информации — от государственного телевидения и радио до последней либеральной газеты — денно и нощно шумели о смерти криминального авторитета Япончика, о том, как на его похороны съезжались «воры в законе»… И не было никакой информации о том, что Россия потеряла одного из выдающихся своих сыновей — словотворца Виктора Бокова! Грустно это и символично. Потому что напоминает, в какое время и в каком государстве мы живем, где почетом и славой окружают бандитов, а люди культуры, люди труда, по сути, выброшены на обочину жизни.

Грозный старик Салтыков-Щедрин наивно верил, что «литература не умрет!.. Одна литература изъята из законов тления, она одна не признает смерти». Однако ее можно силой изъять, уничтожить, достаточно для начала изъять из жизни народа его родной язык. И тут уже не отсидишься, прячась от врага, как за каменной стеной, за могучими предками. Пока не поздно, стоит прислушаться к трезвому предупреждению Д. Мережковского: «Напрасно, гордясь великим прошлым, мы стали бы утешать себя мыслью, что не может постигнуть полное литературное варварство ту страну, у которой есть Пушкин, Тургенев и Толстой. Благодатные гении прошлого отступаются от своего народа, если он недостоин их».

ПРОЗА

Николай ДОРОШЕНКО

РАССКАЗ О НЕНАПИСАННОМ РАССКАЗЕ

Николай Иванович Дорошенко — секретарь правления Союза писателей России, главный редактор газеты «Российский писатель». Родился 16 сентября 1951 года в селе Сухиновка Глушковского района Курской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького (отделение прозы, семинар Ф. Ф. Кузнецова). Был ответственным секретарем Комиссии по работе с молодыми литераторами в Московской писательской организации, главным редактором газеты «Московский литератор» (1988—2000 гг.), главным редактором ТВ «Парламентский час», преподавателем в Международном независимом эколого-политологическом университете (читал спецкурс «Культура как среда обитания»). Лауреат Большой Литературной премии России. **Живет в Москве.**

Сочинителем я оказался с самых ранних лет. Хотя об этом и не догадывался. То есть едва научился я говорить с должной бойкостью, сразу стал всех атаковать подробными пересказами якобы увиденных мною фильмов и якобы услышанных мной историй про лошадей и собак или, например, про кошку, которая на самом деле была не кошкой, а, допустим, ведьмой. Старший брат пытался уличить меня во вранье. «Да сроду не показывали у нас в клубе такого фильма!» — заявлял он. Мать принималась защищать меня: «Мало ли какие фильмы бывают! Пусть рассказывает…», отца же мой бесконечно фонтанирующий талант сочинителя погружал в бессловесную и жалостливую ко мне печаль.

А вот наш сосед Максимыч, хромой и одинокий, предоставлял моему раннему вдохновению абсолютно полную свободу. И мы с ним сошлись. Едва он появлялся у себя во дворе или на огороде, я мчался к нему. И начинал рассказывать. А он слушал. И даже задумчиво поддакивал мне: «Да… Ох, Боже ж мой… Ох, как же оно повернулось…»

В таких слишком уж благостных условиях остановить меня было невозможно. Он шел по воду, а я иду рядом с ним. Он шел в дом, я — за ним. Он ложился на лавку передохнуть, а я присаживался рядышком на табурет.

Лишь в редких случаях он прерывал меня, давал трешку и просил: «А доскачи-ка до магазина, а потом доскажешь…» Я, как марафонец, устремлялся к магазину. Там толстая и глазастая продавщица спрашивала у меня: «Это Максимыч тебя опять прислал?» «Максимыч», — сознавался я. «Тогда я на сдачу дам конфет!» — важно принимала она решение в мою пользу. Максимыч же, когда я, вручив ему водку, до-

кладывал и о конфетах, начинал на меня ворчать: «Хватило бы сдачи и на подушечки тебе, и мне на пачку “Прибоя”. А я, дабы нашей дружбе ничего не помешало, в следующий раз умолял продавщицу дать на сдачу еще и папирос, но она оставалась неумолимой: «Хлопчик ему в магазин бегает, а он подушечками хочет отделаться?» «У него нога болит!» — защищал я Максимыча до последнего, потому как дешевые подушечки были такими же сладкими, как и более дорогие «мишки». Но и эта вечная интрига продавщицы против нашей дружбы не могла помешать Максимычу быть наиболее верным почитателем моего сочинительского таланта. «А-а, — утешал меня Максимыч, — твои такие годы, что без конфет ты не проживешь, а у меня и самосад есть!» От водки у него глаза сначала округлялись, затем слушал он меня уже зажмурившись, затем, объявивши, что сквозь сон слушать меня ему особенно приятно, он засыпал. И закрытые его глаза давали мне сначала возможность испытать чувство уже абсолютно свободного творческого полета, а потом я, конечно же, мчался домой.

Однажды к моим родителям пришла учительница, чтобы записать меня в школу. «Сколько будет один прибавить два?» — спросила она у меня очень строго. «Трли!» — ответил я и добавил: — А еще я читать умею!» «Ну-ка прочти вот здесь!» — приказала учительница. «Букварль!» — выпалил я. «О-о, — сокрушенно сказала моей матери учительница, — придется везти его в поликлинику. И там пусть ему уздечку под языком удалят. Иначе парень будет всю жизнь картавить!»

Школьные учителя тогда пользовались столь непререкаемым авторитетом, что отец, до этого на мою картавость не обращавший особого внимания («Все они сначала то картавят, то шепелявят, а потом же и перестают!»), принял решение отвезти меня в поликлинику уже на следующий день. А я воспринял эту новость как самое главное в своей жизни событие.

Дело в том, что мой старший брат, который в райцентре побывал уже не один раз, рассказывал мне, что там можно купить и съесть «мороженное», похожее на сладкий снег. «А почему же ты мне не привез ни разу?» — не поверил я. «Да потому, что его надо съедать очень быстро! Иначе оно растает и будет похоже на обыкновенное молоко, только сладкое!» «А ты поклянись, что про снег не придумал!» — продолжал я не верить. «Клянусь же тебе чем угодно!»

И я мечтал побывать в райцентре. А если бы выяснилось, что про «мороженное» брат соврал, то я бы не только огорчился, но и, может быть, обрадовался. Потому что я бы брата, вечно старшего, смог уличить не только в чудовищной лжи, но даже и в клятвопреступлении.

Утром, пока отец готовил велосипед к очень уж дальней нашей поездке, я, тщательно умытый, одетый в новую рубаху и в непорванные штаны, отлучился со своего двора к Максимычу. «Ты что ли жениться собрался?» — удивился он моему нарядному виду. «В поликлинику меня везут!» — похвастался я. «И что у тебя заболело?» «Уздечку под языком будут удалять!» «О-о-о! — похвалил он меня. — Как же все тебе завидовать теперь будут!» Пытаясь понять, почему мне будут завидовать, я потрогал пальцем у себя под языком и только теперь впервые встревожился: «А не больно будет?»

И тут на Максимыча что-то нашло. Оглядев меня с ног до головы, он вдруг сказал: «Боюсь я только, что это не уздечку, а язык тебе будут отрезать!» Я изучил его хитро сощуренные глаза и не поверил: «Ты обма-

нываешь!» «А посуди сам: как ты в школу пойдешь, если не умолкаешь ни на минуту? В школе положено не самому болтать, а учительницу слушать!»

И в этот миг меня позвала мать. Максимыч только и успел шепнуть мне на ухо: «А на самом деле ты ничего не бойся, это я так шуткую…»

Но садился я на специальную дощечку, которую отец надежно прикрепил к велосипедной раме, в напряженном размышлении о том, что из сказанного Максимычем является правдой.

«Ты потихоньку езжай, а то я буду переживать!» — строго-настрого приказывала отцу мать. «Не бойся!» — привычно успокаивал он ее.

Я слушал эти их обыкновенные переговоры и убеждался, что относительно моего языка Максимыч вроде бы как действительно пошутил.

А скоро наше село осталось далеко позади, и мы поехали по простору. Вдоволь наглядевшись по сторонам, я вздохнул, принялся рассказывать отцу чистую правду о том, как брат чуть не поймал хорька на петлю из волоса, специально выдернутого из лошадиного хвоста.

«Сроду никто не поймал хоря ни на петлю, ни на что другое», — успокоил меня отец.

Часа через два пути въехали мы и в райцентр, оказавшийся таким же, как наше село, только большим.

Потом, изрядно уставшие, мы отдыхали в приятной прохладе поликлиничного коридора.

Наконец нас позвали к врачу. Я весьма смело вошел в кабинет. Пока врач делала какие-то записи, оглядел ее приманчиво сверкающие инструменты, среди которых особое впечатление на меня произвели шприцы.

«Ты не бойся, — сказала мне врач и ласково улыбнулась. — Я только чикну, а ты ничего не заметишь… А пока поиграйся, вот коробочку я тебе дам какую красивую…»

Коробочка у меня превратилась в машину. И проехав по краю стола, я съехал на пол. Далее машина моя догудела до двери. А опомнился я только тогда, когда пролетал меж густющих кустов сирени большого поликлиничного парка. «Коля! Где ты?» — доносился до меня жалобный, полный испуга голос отца. Но в кустах просидел я до тех пор, пока его голос, то приближаясь, то удаляясь, не перестал быть слышным.

Мне стало отца так жалко, что даже слезы через нос у меня потекли. Размазывая их по всему лицу, я шептал: «Ага… Не ему-то больно будет…» А вспомнив все-таки очень уж ласковое лицо врачихи, я еще сильнее засомневался в вероятности отрезания моего языка. Но, опять же, представить, как чиркнет она по уздечке и как я не закричу от боли, мне было невозможно.

Пока слезы в моем носу не высохли, мне казалось вполне естественным, что домой я уже не вернусь. Но потом я вдруг догадался о самом нестерпимом — о том как уже все будут плакать и меня искать. И, полный отчаянья и неразрешимых противоречий, я сначала стал глядеть в сумеречное, без травы и к жизни совершенно непригодное пространство под густыми зарослями сирени, а затем бежочком устремился в просвет, сквозь который виднелась ближайшая улица. А по этой улице я шел, куда глаза глядят.

И через какое-то время навстречу мне попался грузовик, который, впрочем, не проехал мимо, а резко затормозил. «Иваныч! — услышал я голос водителя. — Ты ли это?» «Я это… Я!» — отозвался я с надеждой.

«А если это ты, то что тут делаешь?» «Гуляю я тут! Что, нельзя мне уже и погулять тута?» — я чуть было опять не расплакался от обиды на слишком уж веселого шофера. «А почему один гуляешь в такой далечине?» — опять не поверил он.

Лишь после того, как рассказал я обо всем, что со мною приключилось, водитель протянул свою ручищу и подхватил меня в кабину. «Но теперь будем искать твоего отца, а то разрыв сердца у него сотворится!» — объявил он решительно. И тут уж я слезам дал полную волю.

Отца мы увидели прежде, чем шофер принял решение о том, в какой стороне его искать.

С лицом, с которого и глаза, и нос, и рот с перепугу словно бы расползлись в разные стороны, отец мчался на велосипеде очень быстро. А увидев меня, уже вылезшего ему навстречу из кабины, вмиг поскучнел и поехал помедленней.

«Я согласен резать уздечку…» — пролепетал я, когда отец остановился чуть в стороне от нас. Но он, даже не взглянув на меня, достал из кармана платок и принялся протирать свою взмокшую шею. А покончив с этим, он скуповато приказал: «Все! Садись на раму и поехали домой!» Шофер предложил: «Иван Григорьевич! Я тоже домой еду! Кидай велосипед в кузов, и садись в кабину!» «Пожалуй, что и сяду, — согласился отец. — А то аж колени трясутся, так накатался тут».

По дороге домой шофер рассказал моему отцу все то, что услышал от меня. А отец, внявши его присказкам («Григорич, это ж хлопцы, они ж за себя должны постоять!»), лишь молча прижал меня к своему горячему животу.

А дома он сам рассказал о нашем приключении моей матери и всем остальным. Мать потерянно гладила меня по голове.

Чтобы хоть как-то оправдаться, я сознался: «Я думал, что врачиха язык отрежет…» Мать стала ругать Максимыча: «Небось, это он тебе наплел!» Но я Максимыча не стал выдавать.

Вечером, когда мы отужинали, мать спохватилась: «А почему наш Коля молчит? Ты бы рассказал, что видел там в райцентре?» Я вспомнил мертвые сумерки под кустами сирени, и мне даже показалось, что под кустами этими невидимо пряталось вместе со мною нечто совсем уж жуткое (даже запоздалые мурашки при мысли об этом чудище пробежали у меня по спине), но не знал, с чего начать этот свой, может быть, уже самый страшный рассказ. Потом даже и старший брат ко мне пристал: «Ну-у-у, хотя бы кино свое расскажи!» Но и кино у меня уже не придумывалось.

А на следующий день меня позвал к себе Максимыч. И завел к себе в дом. Там рядом с нераспечатанной бутылкой на столе располагался огромный газетный куль с конфетами и пряниками. «Угощайся!» — виновато взмахнув рукой, предложил Максимыч. Я, не мешкая, налег на конфеты. Потом стал их поедать вприкуску с пряниками.

— Ты бы передохнул и рассказал что-нибудь, — попросил Максимыч. — А конфеты не пропадут!

Отдышавшись от конфет, я принялся с превеликим старанием настраиваться на рассказ. Но в голове у меня было пусто.

— Ладно, я потом расскажу, — пообещал я.

Однако так само получилось, что с той поры рассказов от меня уже никто не услышал.

Сначала это всех не на шутку встревожило. Потом даже Максимыч стал привыкать к случившейся во мне перемене.

— Ты заходи, — просил он меня. — Посидим мы хотя бы и молча.

Помню, как однажды на пасхальное разговение, весьма отяжелев у нас за праздничным обедом, позвал он меня, уже школьника, «немножко погомонить».

— Без тебя я радио попробовал включить, а в нем, наверно, проводок отошел… Тоже ведь умолкло!» — пожаловался он и улегся на свою лавку.

В тишине я впервые по-настоящему разглядел на простенке широкую да черную тарелку радио, увидел давно поржавевшие, но пока еще бойкие ходики, увидел фотографии за мутными стеклами рам, затем увидел сиротливый цветок «семейной радости» на подоконнике, ножную швейную машинку «Зингер», лежанку, накрытую для красоты цветастым лоскутом ткани…

Пучок света сочился сквозь щель между занавесками, укромно рассекал комнату пополам и упирался в цветастое покрывало на лежанке…

И также укромно сопел уснувший Максимыч…

И три красных пасхальных яичка лежали на столе точно так же, как и Максимыч на своей лавке…

Лишь меленькие цветочки «семейной радости» сами собою, ни к чему непричастно, розовели на подоконнике…

Я впервые в своей жизни сидел смирно и тихо, даже не пытаясь понять, зачем сижу, долго ли вот так буду сидеть и смогу ли прожить всю свою жизнь, вот так сидючи…

…Через сколько-то лет, когда Максимыча уже не стало, я вспомнил и ходики, и покрывало на лежанке, мерцающее под тонким и прямым лучом…

И показалось мне, что если я сумею написать о том, как когда-то тихонечко сидел я рядом со спящим Максимычем и глядел на лучик света, то это будет самый драгоценный в мире рассказ.

Почему самый драгоценный — не знаю.

Но до сих пор рассказ этот у меня не получился, хотя его написать пытался я много раз.

Но зато всегда, как только я присаживаюсь к столу вспоминать об укромном лучике, то сразу же словно бы погружаюсь в сладкую и счастливую дрему. И все житейское, что душу маяло, тут же забывается.

А иногда мне кажется, что если б однажды рассказ этот у меня получился, то ничего другого я бы уже не написал. Потому что ушла бы та самая тихая и светлая тайна из жизни, бесконечно разгадывая которую, мы вдруг начинаем понимать многое прочее, — то, о чем, может быть, никогда и не задумываемся.

Точка зрения

Николай МИЛОЧЕНКО

«БЕСКУЛЬТУРЬЕ ОККУПИРОВАЛО НАШУ ЖИЗНЬ»

Николай Павлович Милоченко — президент Петербургского общества защиты русской культуры и Международного Фонда поощрения социальных инициатив. Академик РАЕН. **Живет в Санкт-Петербурге.**

НЕВОСТРЕБОВАННЫЙ РЕСУРС

Чтобы в муках возделать тонкий плодородный слой культуры, на котором возрос в итоге человек, отличный от человека-животного, человечеству потребовались долгие тысячелетия. Устрашающие симптомы последних лет свидетельствуют о том, что обратный путь значительная часть человечества может пройти уже на наших глазах. Страна, еще недавно гордившаяся культурой своих граждан, сегодня рискует превратиться в гигантский зверинец.

Мы с сожалением можем видеть, как вытесняются из обихода и обесцениваются наработанные поколениями культурные навыки, а их место занимают сомнительные ценности, как в человеческом сообществе культивируются примитивные повадки животных.

На фоне разговоров о демократии, о вреде идеологического, особенно патриотического воспитания обществу навязывается идеология стяжательства, в общественное сознание настойчиво внедряются агрессивные и безнравственные установки.

Деградация культуры не может не отражаться на самых важных сторонах жизни общества. Уровень культуры определяет отношение индивида с другим человеком, с обществом и государством, со средой. Уродливое развитие культуры чревато опасностью разрушения образования, воспитания, права.

Культура регулирует и все сферы нашей повседневной жизни от труда и отношения к женщинам, старикам и детям до правил еды, одежды и развлечений.

Утрата этих правил губительна для общества. Особенно опасна утрата культуры речи. Увы, сегодня

нельзя не видеть, как из инструмента созидания и воспитания язык превращается в орудие вандализма и осквернения культуры. Разрушение культуры речи неизбежно ведет к деформации мышления, падению общего уровня культуры соотечественников. Язык не только средство коммуникации, но и инструмент мышления. Нетрудно представить, как страна, ставшая мыслить на «фене», быстро превратится в гигантскую организованную преступную группировку (ОПГ).

Катализаторами процесса разрушения культуры уже много лет выступают сквернословие и недопустимые языковые ошибки, проникающие в кинопродукцию, в песни, в выступления политиков, на телевидение, особенно в рекламу. Многократно тиражируемые, эти намеренные ошибки уродуют общественное сознание. Безвкусица, пошлость, нецензурщина стремительно превращаются в привычную обыденность — общественный иммунитет к этим духовным «инфекциям» постепенно снижается.

Бескультурье оккупировало нашу жизнь. Мы сталкиваемся с ним на улице, в транспорте, на работе и на отдыхе. Многие наши соотечественники уже разучились не только ясно мыслить и складно говорить, но и адекватно одеваться, прилично есть и даже пристойно сидеть в транспорте.

Но это лишь внешняя сторона процесса. В бескультурье и невежестве растворяются общественно-нравственные идеалы, упрощаются законы морали, искажаются жизнеобеспечивающие смыслы.

Страшнее отвратительных повадок раскультуренных граждан — отсутствие реакции общества, потерявшего ориентиры, переставшего различать добро и зло. Ощущение обреченности парализует волю.

Человеческий потенциал — важнейший ресурс страны, претендующей стать самой привлекательной для жизни, не востребован. Равнодушие государства к очевидному постоянному повреждению этого ресурса, без которого модернизация экономики и прорывные технологии — пустой разговор, поразительно. Ведь именно высокие духовно-нравственные качества каждого человека не только условие и средство развития страны, но и цель социального государства.

Пока государство будет попустительствовать разрушению своего основного ресурса, мы будем бесконечно удивляться росту коррупции и числа «оборотней» всех мастей. Будем свидетелями катастроф на всех видах транспорта и жутких преступлений против детей. Мы с удивлением продолжим наблюдать, как стремительно из всех сфер деятельности исчезают профессионализм и ответственность. Дефицит культуры и нравственности окончательно разрушит экономику, здравоохранение, образование, судебную систему.

Раскультуренные и деморализованные соотечественники будут бесконечно пополнять ряды преступников, что усилит напряжение в обществе, отвлечет его и так слабеющие духовные силы от созидания. Мысленно проложив вектор движения от идеалов созидания через отметки «обогащения любой ценой» и «бери от жизни все», мы неизбежно окажемся в мире всевозможных форм асоциального поведения и откровенной преступности. Мы будем продвигаться по заплеванным и закиданным мусором тротуарам наших улиц, наполненных проститутками и беспризорными детьми. Погрузимся в отравленную сквернословием атмосферу наших будней. Станем свидетелями неискоренимого торжества пошлости. И не надо удивляться, именно на этом пути нам встретятся все самые грозные вызовы века вплоть

до работорговли и терроризма. Это дорога из животного мира в люди и, увы, из людей в звери. Двигаясь в одну сторону, человек становится творцом, в другую — тварью. Сегодня мы явно заблудились.

Небрежение к образованию, воспитанию нравственности, к закону и честному труду способно свести на нет усилия многих поколений наших предков. Как показывает жизнь, «оскотиниться» гораздо легче, чем восходить к вершинам знаний и морали, гуманизма и идеалов, выстраданных человечеством за века своего совершенствования.

В стране с поврежденным человеческим потенциалом девальвируются семейные ценности и труд, женщина превращается в товар, преступления против детей становятся повседневностью.

Выход только один. Государство обязано осознать, что его главный и, по счастью, возобновляемый ресурс — человек. Человек образованный и нравственный. Человек культурный.

Первейшая забота государства — насаждать культуру. Использовать весь свой инструментарий для оздоровления общего культурного фона, включающего в себя хотя бы минимально необходимый современному обществу уровень воспитания, культуры общественного поведения, культуры речи, культуры отношения к среде, правовой культуры и трудовой этики. Одновременно необходимо поставить правовой заслон безнравственности, нецензурщине и пошлости во всех сферах культуры и искусства, разработать механизм ответственности за преступления против культуры, реабилитировать осужденные нравственные категории — совесть, порядочность, интеллигентность, справедливость. Вспомнить, что единство и согласованность взаимодействия людей обеспечивает мораль.

Если мы действительно хотим создать новое качество жизни, благоприятные условия для развития экономики, укоренить в обществе социальные и моральные ценности, то должны искать решения в сфере образования и культуры. Никакие политические и экономические планы не возымеют успеха, если будут опираться на невежественного, аморального, полудикого человека.

Некоторые ошибочные решения власти способны осложнить нашу жизнь, отдалить лучшее будущее. Равнодушие к человеку, к распаду культуры нас этого будущего могут лишить вовсе.

С ОСВОБОЖДЕНЬИЦЕМ!

«Свободу симулировать нельзя».
С. Е. Лец

Свобода… Кто из нас не желал ее? Отчего и зачем, понимали не все. Но желал каждый. И вот случилось. Страна освободилась от своего величия и соседей. Власть от ответственности. Чиновники и бизнесмены — от совести.

Освободили граждан. Молодых — от обязанности трудиться, пожилых — от права. Труд освободили от уважения. Народ — от культуры. Молодежь освободилась от хороших манер. Молодые дамы — от стыда. Журналисты и телевизионщики — от морали.

Русский язык освободился от цензуры, а заодно и от корректоров, а затем и от большого числа достойных носителей.

Свобода слова почему-то коснулась только слов непристойных.

Когда образование освободили от воспитания, дети тут же освободились от воспитанности.

Нам открылись безграничные возможности для свободного проявления наших недостатков.

Почувствовал себя свободнее криминал. Обрели свободу нецензурщина, цинизм, алчность, пошлость и развязность.

Вышли на свободу пороки.

На улицы культурной столицы вышли люди в трусах и шлепанцах. Свобода от норм приличий и правил человеческого общежития становится привычной.

Свободные от профсоюзной опеки работодатели освободили трудящихся от свободного времени.

Строители освободились от СНиПов, производители нашей еды — от ГОСТов.

Каждый из нас сегодня может свободно оказаться жертвой катастрофы на любом виде транспорта. Потому что — свобода.

Освобождаются родители. Одни — от родительских прав, другие — от родительских обязанностей. Поэтому обретают свободу дети. С мыслями о детях условно досрочно освобождаются педофилы.

Освободившееся общество успешно борется со старостью. Мужчин уже освободили от старости. Женщин, пока, — от достойной старости.

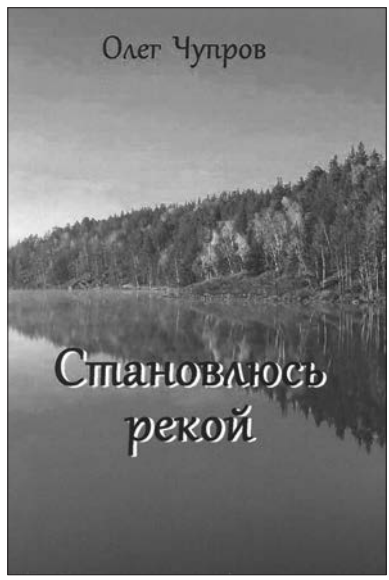
Политика, освобожденная от идеологии, повела нас в свободное от идеалов будущее, в новую, свободную от смысла, жизнь.

Наступает полная свобода. Чувствуешь? Тогда свободен!

Вышла книга

Чупров О. А.

Становлюсь рекой: избранная лирика. — СПб., Союз писателей России, Санкт-Петербургское отделение, 2012. — 124 с.

Олег Чупров — один из наиболее значительных современных поэтов России. Выпустил двенадцать книг стихов, известен многими песнями, которые исполняют ведущие артисты кино и эстрады. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А. И. Фатьянова, А. А. Прокофьева и других. В 2011 году удостоен премии «Легенда» за вклад в воспитание молодого литературного поколения.

В книге избранной лирики «Становлюсь рекой» поэтическая автобиография автора — знак высокой зрелости и духовной просветленности.

Олег Чупров, автор текста Гимна Санкт-Петербурга, Законодательным Собранием города награжден Почетным дипломом «За выдающийся вклад в культурное развитие Санкт-Петербурга».

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodnaya.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344	
		+49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Карелия	Пиетиляйнен Елена	+7 911 409 24 30	sever@karelia.ru
Кемерово	Бурмистров Борис	+7 903 916 71 85	cdlk@mail.ru
Коми Республика	Попов Андрей	+7 912 123 44 00	popov-ag-vorkuta@rambler.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Украина	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprsal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (*В. В. Ефимовская)*

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. *В. В. Ефимовской*

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
e-mail: info@rodnayaladoga.ru
http://rodnayaladoga.ru
http://роднаяладога.рф

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 05.04.2013 г. Формат 70×100 $^{1}/_{16}$.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 30,0.
Тираж 1500 экз. Заказ 1303092.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.